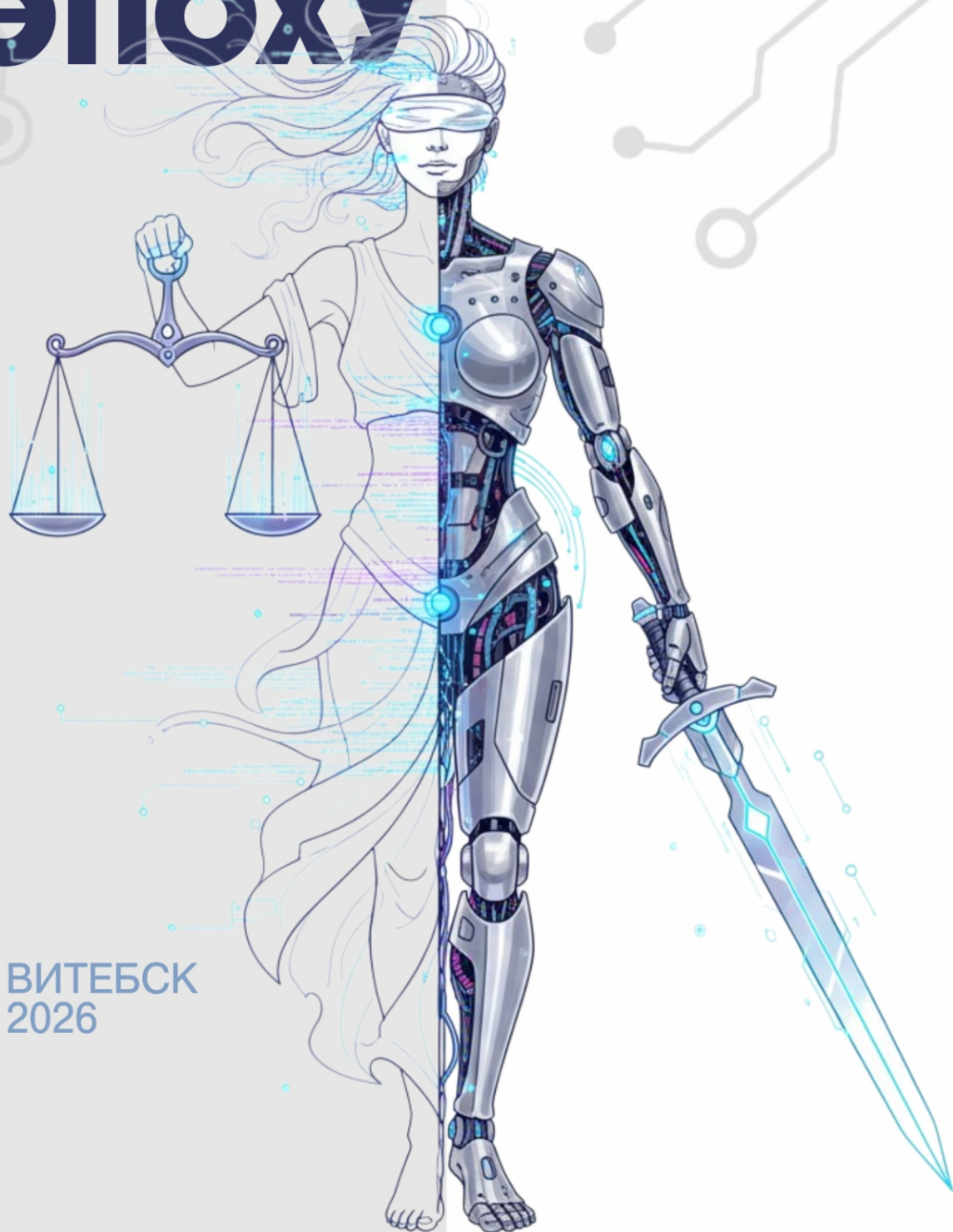

ПРАВО В ЦИФРОВУЮ ЭПОХУ

ВИТЕБСК
2026

Министерство образования Республики Беларусь
Учреждение образования «Витебский государственный
университет имени П.М. Машерова»

ПРАВО В ЦИФРОВУЮ ЭПОХУ

*Материалы Международной
научно-практической конференции*

Витебск, 21–22 мая 2026 года

*Витебск
ВГУ имени П.М. Машерова
2026*

УДК 004:34(062)
ББК 67с51я431
П68

Печатается по решению научно-методического совета учреждения образования «Витебский государственный университет имени П.М. Машерова». Протокол № 4 от 26.02.2026.

Редакционная коллегия:
В.В. Козловская (главный редактор),
Е.Ф. Ивашкевич, В.Г. Стаценко, И.И. Шматков

Рецензенты:
доцент кафедры организации судебной и прокурорской деятельности
ФГБОУ ВО «Смоленский государственный университет»,
кандидат юридических наук *Я.Д. Ревенко*;
первый проректор, заведующий кафедрой гражданского права
и гражданского процесса ФГБОУ ВО «Псковский государственный
университет», доктор юридических наук, профессор *О.А. Серова*

П68 **Право в цифровую эпоху** : материалы Международной научно-практической конференции, Витебск, 21–22 мая 2026 г. / Витеб. гос. ун-т ; редкол.: В.В. Козловская (гл. ред.) [и др.]. — Витебск : ВГУ имени П.М. Машерова, 2026. — 255 с.
ISBN 978-985-30-0331-4.

В данное научное издание включены материалы Международной научно-практической конференции «Право в цифровую эпоху», состоявшейся 21–22 мая 2026 года в учреждении образования «Витебский государственный университет имени П.М. Машерова». Конференция проводилась в очном и дистанционном формате юридическим факультетом ВГУ имени П.М. Машерова.

Материалы конференции могут быть использованы специалистами государственных учреждений, научными работниками, преподавателями, аспирантами и студентами учреждений высшего образования и иными заинтересованными лицами. Электронная версия издания расположена в репозитории ВГУ имени П.М. Машерова. Мнения авторов могут не совпадать с мнением редколлегии.

УДК 004:34(062)
ББК 67с51я431

ISBN 978-985-30-0331-4

© ВГУ имени П.М. Машерова, 2026

СОДЕРЖАНИЕ

ПЛЕНАРНОЕ ЗАСЕДАНИЕ

<i>Аршанский Е.Я.</i> Приветственное слово участникам Международной научно-практической конференции «Право в цифровую эпоху»	8
<i>Агиевец С.В.</i> Правовое обеспечение развития инклюзивного образования в современном информационном обществе	10
<i>Василевич Г.А.</i> О некоторых аспектах гармонизации естественного и искусственного интеллекта	13
<i>Козловская В.В.</i> Самозащита прав на объекты промышленной собственности как способ противодействия правонарушениям в сети Интернет	16
<i>Разуваев Н.В.</i> Повороты правовой коммуникации в цифровую эпоху	21
<i>Серова О.А.</i> Правовой статус физического лица (гражданина) в частном праве в цифровую эпоху	24
<i>Ситдикова Р.И.</i> Устойчивое развитие и искусственный интеллект	27
<i>Шахновская И.В.</i> Направления воздействия технологий искусственного интеллекта на развитие конституционно-правовых институтов ...	30

РАЗДЕЛ 1. ИСТОРИКО-ПРАВОВЫЕ, ОБЩЕТЕОРЕТИЧЕСКИЕ, КОНСТИТУЦИОННЫЕ И МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ В УСЛОВИЯХ СОВРЕМЕННОЙ ЦИФРОВОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ ОБЩЕСТВА И ГОСУДАРСТВА

<i>Барышев В.А.</i> Охрана авторских и смежных прав в сети Интернет	34
<i>Борботько П.В., Махиня Д.С.</i> Взаимоотношения между центральными и местными органами власти в условиях цифровизации	38
<i>Бочков А.А., Гуриценок П.В.</i> Концептуально-методологические основы цифровизации права	42
<i>Бурачевская О.Л.</i> Правовые аспекты эволюции цифровой трансформации общества в Республике Беларусь	45
<i>Бутримова Ю.С.</i> К вопросу о промышленной собственности и патентном праве	50
<i>Василевич Д.Г.</i> Умные технические устройства как средство компенсации утраченных физических свойств человека	54
<i>Иванова Т.П.</i> Тенденции развития законодательства в современных условиях	58
<i>Ивашкевич Е.Ф.</i> Правовое регулирование предвыборной агитации в онлайн-пространстве в странах СНГ	61
<i>Каримов А.В., Пчельникова Т.И.</i> Роль духовно-нравственного воспитания в противодействии экстремизму в современных условиях	66

<i>Мокосеева М.А., Матвеева У.В., Сергеев Е.Р.</i> Некоторые вопросы правового регулирования искусственного интеллекта в Российской Федерации	68
<i>Низаева С.Р.</i> Институт президентства в России: анализ функций и полномочий	73
<i>Ребицкая Е.В.</i> Правовой статус результатов интеллектуальной деятельности, созданных нейросетями: международные подходы и перспективы регулирования в Республике Беларусь	76
<i>Редикульцева Е.Н., Чеглакова В.А.</i> Правовые пределы цифрового контроля за дистанционным работником: баланс между эффективностью и приватностью	79
<i>Сафонова Т.В., Котлярова Н.Р.</i> Понятие и направления использования искусственного интеллекта в юридической деятельности	83
<i>Тимофеев Р.В., Тимофеев В.Р., Тимофеева А.Р.</i> Цифровое сотрудничество правовых систем Беларуси и России в решении международно-правовых вопросов	85
<i>Шантырева Е.А., Фидоренко Н.А.</i> Основные тенденции развития права в эпоху цифровизации и их перспективы	89
<i>Ярмоц Е.Н.</i> Поведение судей в социальных сетях	91

РАЗДЕЛ 2. ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВЫЕ И ЭКОНОМИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ СОВРЕМЕННОЙ МОДЕЛИ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ ОБЩЕСТВА В УСЛОВИЯХ СОВРЕМЕННОЙ ЦИФРОВОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ

<i>Беззатеева В.С.</i> Пределы ответственности интернет-платформ за алгоритмическое распространение вредного контента среди несовершеннолетних	94
<i>Борботько П.В., Карпенко Д.Н.</i> О необходимости введения ограничений на возможность онлайн-кредитования физических лиц в Республике Беларусь	97
<i>Егорова А.Г., Тарасов И.С.</i> Актуальные вопросы налогообложения операций с криптовалютой в Республике Беларусь	101
<i>Егорова А.Г., Ушал Б.Н.</i> Гражданско-правовые аспекты рассмотрения исков к цифровой платформе STEAM	104
<i>Золотухин А.Д., Волчихина Л.А.</i> Приказное производство в современном гражданском судопроизводстве России: права субъектов и их защита	109
<i>Кирсанова О.Г.</i> Правовое регулирование шинкфляции как конкурентной стратегии организации	113
<i>Маркина Н.А.</i> Выявление накопленного вреда окружающей среде: проблемы правового регулирования	116

<i>Михайлова О.П., Шишкин А.М.</i> Цифровизация в трудовом праве: защита персональных данных и прав работников при использовании видеонаблюдения в организациях Республики Беларусь	119
<i>Михайлова О.П., Тарасевич Г.И.</i> Электронный документооборот в трудовых отношениях: правовые риски и перспективы внедрения в Республике Беларусь	123
<i>Мороз О.Л., Лисовская М.Д.</i> Медиация как альтернативный способ разрешения гражданско-правовых споров: сравнительный анализ законодательства Республики Беларусь и Грузии	125
<i>Мороз О.Л., Ловинская У.И.</i> Сравнительный анализ допустимости электронных доказательств в гражданском процессе Республики Беларусь и Германии	129
<i>Наумик А.М.</i> Роль региональной модели партнёрства юридического факультета ВГУ имени П.М. Машерова и Витебской областной коллегии адвокатов в условиях цифровой трансформации	133
<i>Прудникова Т.А.</i> Защита авторских прав в Республике Беларусь	136
<i>Родионов А.Б.</i> Понятие «автор» в эпоху искусственного интеллекта: два возможных варианта толкования	140
<i>Сухарев А.А., Янч В.В.</i> Проблемные вопросы определения ответственности за дорожно-транспортные происшествия с участием беспилотных автомобилей	143
<i>Сучкова Т.Е., Ломоносова Е.С.</i> К вопросу о защите нематериальных благ в эпоху цифровизации	147
<i>Тушкин А.А.</i> Некоторые вопросы процессуального представительства в условиях цифровизации	150
<i>Филимонова В.И., Гордеева В.В.</i> Правовые аспекты взаимодействия потребителей и маркетплейсов	155
<i>Филимонова А.Г., Черниченко Ю.С.</i> Нарушение авторских прав в цифровой среде	159
<i>Швецова И.В.</i> Влияние цифровизации на уровень достижения устойчивого развития публично-правовых образований	162
<i>Шматков И.И., Бельченко Е.А.</i> Современные проблемы правового регулирования интеллектуальной собственности (авторского права), связанные с искусственным интеллектом	164

**РАЗДЕЛ 3. АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ
И ПРАКТИКИ КОНСТИТУЦИОННОГО,
АДМИНИСТРАТИВНОГО, УГОЛОВНОГО ПРАВА И ПРОЦЕССА,
КРИМИНАЛИСТИКИ И КРИМИНОЛОГИИ
В СОВРЕМЕННОМ ИНФОРМАЦИОННОМ ОБЩЕСТВЕ**

<i>Агиевец С.В.</i> Влияние цифрового развития административно-территориальных единиц на удовлетворенность населения условиями проживания в регионе	168
---	-----

<i>Аниськина Э.Г.</i> К вопросу о криминализации создания и распространения деструктивного контента криминального характера	172
<i>Ачинович Д.М.</i> К вопросу об оптимизации дополнительной педагогической деятельности в учреждениях высшего образования	176
<i>Бошукова Е.В., Козлова К.А.</i> Несовершеннолетние жертвы киберпреступности	180
<i>Бухмин С.В.</i> Цифровизация государственного финансового контроля: правовые пределы использования результатов автоматизированной обработки данных	184
<i>Волков А.В., Обух Е.В.</i> Шпионаж: международные правовые аспекты нормативного правового регулирования уголовной ответственности и деятельности по противодействию шпионажу	188
<i>Гаджиев А.А.</i> Применение искусственного интеллекта в судах Республики Казахстан: теоретические и практические аспекты цифровизации	190
<i>Гурина М.В.</i> Право на доступ в интернет: место в системе прав человека	192
<i>Лавицкий А.А.</i> Криминалистическая идентификация признаков вербального правонарушения: проблемы и пути их нивелирования	195
<i>Мельник С.Л.</i> Процессуальные аспекты предъявления для опознания в режиме видеоконференцсвязи. Критический анализ ст. 189.1 УПК РФ	199
<i>Ментюкова М.А., Чернышов А.Ф.</i> Понуждение к действиям сексуального характера в условиях цифровизации: особенности состава преступления	203
<i>Михайлова Я.А., Захилько Д.Д.</i> О некоторых вопросах недопустимости расовой дискриминации в сфере оказания юридической помощи	206
<i>Морозов А.В.</i> Виртуальное имущество как предмет хищения: проблемы квалификации	209
<i>Мороз Н.В., Голенков Д.В.</i> Методологические и правовые аспекты разработки ведомственной инструкции по применению искусственного интеллекта в органах прокуратуры Республики Беларусь	213
<i>Муллахметова Н.Е.</i> Виктимологическая профилактика преступлений, совершаемых в информационно-телекоммуникационной среде ..	217
<i>Пожарная О.В.</i> Объективные и субъективные виктимогенные факторы кибермошенничеств	221
<i>Путова Н.В., Ловинская У.И.</i> Тактические особенности проведения осмотра места происшествия при расследовании преступлений в Республике Беларусь и Российской Федерации	223
<i>Раемская Е.Д., Унукович Ж.Ю.</i> Использование современных информационных технологий для обеспечения защиты прав несовершеннолетних в Республике Беларусь	228

<i>Реут О.В., Терешкова В.Д.</i> Женская киберпреступность в Республике Беларусь: проблемы квалификации и исполнения наказания	231
<i>Сафонов А.И., Ястреб Д.С., Ястреб А.Д.</i> Использование технологий искусственного интеллекта в адвокатской практике	235
<i>Селезнёв А.В., Стрельникова А.А.</i> Факторы роста женской преступности в России на фоне цифровизации общества	237
<i>Стаценко В.Г.</i> Территориальный мониторинг преступности и цифровые технологии	241
<i>Суховеева И.И.</i> Участие в деятельности «нежелательной организации» с использованием сети Интернет: проблемы объективной стороны	245
<i>Яковчик Д.В.</i> Криминологические риски применения технологий искусственного интеллекта: теоретический анализ и пути минимизации	250

ПЛЕНАРНОЕ ЗАСЕДАНИЕ

ПРИВЕТСТВЕННОЕ СЛОВО УЧАСТНИКАМ МЕЖДУНАРОДНОЙ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ «ПРАВО В ЦИФРОВУЮ ЭПОХУ»

Аршанский Е.Я.,

*проректор по научной работе учреждения образования
«Витебский государственный университет имени П.М. Машерова»,
доктор педагогических наук, профессор*

Уважаемые коллеги, дорогие друзья, участники и гости конференции! От имени ректората и всего многотысячного коллектива Витебского государственного университета имени П.М. Машерова рад приветствовать участников Международной научно-практической конференции «Право в цифровую эпоху».

Сегодня мы являемся свидетелями и непосредственными участниками масштабной технологической трансформации, которая охватила все без исключения сферы общественной жизни. Цифровизация перестала быть просто техническим трендом, она превратилась в глобальную социальную реальность, формирующую новые вызовы для архитектуры современного права. Темы нашей конференции сегодня актуальны как никогда: искусственный интеллект, большие данные, блокчейн-технологии и цифровые платформы стремительно входят в правовое поле, требуя от научного сообщества не только глубокого анализа, но и оперативной выработки новых регуляторных механизмов.

Интеграция права и цифровых инструментов — это не просто дань моде, а объективная необходимость. Мы видим, как меняется сама природа правовых отношений: на смену традиционным институтам приходят смарт-контракты, цифровые активы и автоматизированные системы правоприменения. Однако за технологическим прогрессом всегда должен стоять человек и незыблемые принципы справедливости. Одной из ключевых задач юридической науки сегодня является поиск баланса между стимулированием инноваций и обеспечением надежной защиты прав граждан в цифровой среде, включая такие острые вопросы, как охрана интеллектуальной собственности и защита персональных данных.

Особую значимость наше мероприятие приобретает в контексте укрепления единого научно-образовательного пространства Союзного государства. Тесное сотрудничество между ведущими правовыми школами Республики Беларусь и Российской Федерации позволяет нам синхронизировать законодательные подходы, обмениваться передовым опытом

и совместно отвечать на вызовы времени. Убежден, что консолидация усилий ученых наших стран станет фундаментом для формирования устойчивой и эффективной правовой системы, способной обеспечить технологический суверенитет и экономическое процветание наших народов.

Витебский государственный университет имени П.М. Машерова всегда уделял серьезное внимание развитию инновационных научных исследований. Мы гордимся тем, что наш университет становится площадкой для конструктивного диалога между академическим сообществом, практикующими юристами и представителями органов государственной власти. Уверен, что междисциплинарный характер нашей конференции позволит взглянуть на проблемы права в цифровую эпоху под разными углами и выработать решения, которые найдут свое воплощение в законотворческой деятельности и образовательном процессе.

В работе конференции принимают участие представители ведущих научных школ права Беларуси и России, практикующие юристы. Уверен, что сегодня будет представлена самая широкая палитра мнений наших уважаемых ученых, но убежден также и в том, что поход у всех одинаковый — оптимизация правового регулирования в условиях всеобщей трансформации государства и общества.

Желаю всем участникам конференции плодотворных дискуссий, продуктивных идей, новых научных свершений и укрепления профессиональных связей! Пусть результаты вашей работы послужат прогрессу юридической науки и укреплению правопорядка в нашем цифровом будущем!

С уважением,

проректор по научной работе
учреждения образования «Витебский государственный
университет имени П.М. Машерова»,
доктор педагогических наук, профессор

Е.Я. Аршанский

ПРАВОВОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ РАЗВИТИЯ ИНКЛЮЗИВНОГО ОБРАЗОВАНИЯ В СОВРЕМЕННОМ ИНФОРМАЦИОННОМ ОБЩЕСТВЕ

Агиевец С.В.,

*заведующий отделом социологии социальной сферы
Института социологии НАН Беларуси,
кандидат юридических наук, доцент*

В образовательном пространстве все более широкое распространение получает инклюзивное образование, что актуализирует разработку нормативной правовой базы, основанной на принципах всеобщности и справедливости, использовании более совершенных и гибких подходов в организации образовательного процесса и во взаимодействии с каждым обучающимся.

Цель исследования – выявить на основе анализа законодательства актуальные направления развития инклюзивного образования в современном информационном обществе.

Исследование основано на нормах Кодекса Республики Беларусь об образовании и иных нормативных правовых актах Республики Беларусь, регламентирующих инклюзивное образование и доктринальных источниках по исследуемой проблематике. Методы: системного анализа, сравнительного анализа, логический, аналитический, формально-юридический.

Актуальными направлениями развития инклюзивного образования являются дальнейшее формирование инклюзивной образовательной среды, инклюзивной культуры и внедрение инклюзивной практики.

Инклюзивная образовательная среда отражает специфику образовательной среды в целом и является производным понятием. По мнению А.В. Герасимова «инклюзивная образовательная среда характеризуется системой ценностного отношения к обучению, воспитанию и личностному развитию обучающихся, совокупностью ресурсов (средств, внутренних и внешних условий) для обеспечения их жизнедеятельности в массовых общеобразовательных учреждениях и направленностью на индивидуальные образовательные стратегии обучающихся. ИОС служит реализации права каждого ребенка на образование, соответствующее его потребностям и возможностям, вне зависимости от региона проживания, тяжести нарушения психофизического развития, способности к усвоению цензового уровня образования и вида учебного заведения» [1].

Инклюзивная культура связана с пониманием индивидуальности, необходимости развития каждого человека независимо от первоначальных его возможностей и отражает принятие обществом ценностей инклюзии [2].

Инклюзивная образовательная практика включает в себя методический аспект, выбор содержания образования, форм, методов и технологий его реализации с опорой на активную позицию всех участников образова-

тельного процесса – педагогов, специалистов, детей, родителей. Кроме того, с инклюзивной практикой напрямую связан поиск необходимых для успешной адаптации в учреждении образования и развития детей разнообразных ресурсов (человеческих, материальных, информационных и др.) [2]. Учреждения образования, где внедряются различные инклюзивные практики, должны уметь анализировать разнообразие образовательных потребностей своих обучающихся.

В Беларуси продолжается системная работа по дальнейшему формированию инклюзивной образовательной среды, инклюзивной культуры и внедрению инклюзивной практики.

Республика Беларусь подписала Конвенцию о правах ребенка от 20 ноября 1989 г. (ратифицирована в 1990 году) [3] и Конвенцию о правах инвалидов от 13 декабря 2006 года (ратифицирована в 2016 году) [4]. Положения названных конвенций имплементированы в Кодекс об образовании Республики Беларусь [5], Закон Республики Беларусь от 30 июня 2022 г. № 183-З «О правах инвалидов и их социальной интеграции» [6], Закон от 19 ноября 1993 г., № 2570-XII «О правах ребенка» [7]. и соответствующие отраслевые нормативные правовые акты, национальные стратегии и программы, направленные на защиту прав детей.

В Концепции развития инклюзивного образования лиц с особенностями психофизического развития в Республике Беларусь (2015 г.) среди приоритетных преобразований осуществления инклюзивного образования обозначен ряд мер по созданию соответствующего нормативного правового обеспечения: разработка плана реализации Концепции; внесение изменений в нормативные правовые документы, регулирующие организацию образования лиц с особенностями психофизического развития; разработка порядка организации и осуществления инклюзивного образования в учреждениях образования; разработка учебно-программной документации; внесение изменений в типовые штаты учреждений образования и др. [8]. Надо отметить, что большинство из обозначенных мер по созданию нормативного правового обеспечения были выполнены.

Особенно существенные изменения произошли в белорусском законодательстве в 2020–2025 годах, направленные на развитие инклюзивной образовательной среды, формирование инклюзивной культуры и практики, обеспечения условий для активного перехода от интеграции к инклюзии национальной системы специального образования.

Так, в 2022 году в Кодексе Республики Беларусь об образовании [5] нашел отражение принцип инклюзии образования и в Законе Республики Беларусь «О правах инвалидов и их социальной интеграции» дано понятие принципа инклюзии в образовании [6]. В Стратегии развития системы образования Республики Беларусь до 2035 года (утверждена Решением коллегии Министерства образования Республики Беларусь 12.12.2024 № 19.33)

определены приоритетные направления совершенствования системы специального образования [9].

Кроме того, в 2024 г. был разработан и апробирован индекс инклюзии – инструмент для оценки уровня инклюзии в образовательных учреждениях. Национальный мониторинг показал средний индекс по стране 8,6 из 10.

В целом можно отметить, что меняется отношение в обществе к людям с инвалидностью. Так, сегодня более 96% граждан готовы поддерживать дружеские отношения с людьми с инвалидностью, помочь в той или иной ситуации [10].

Таким образом, принцип инклюзии образования, как один из основных принципов государственной политики в сфере образования, закреплён законодательно и обеспечен правовыми механизмами реализации на уровне Кодекса об образовании Республики Беларусь, Закона Республики Беларусь «О правах инвалидов и их социальной интеграции», Стратегии развития системы образования Республики Беларусь до 2035 года, иных нормативных правовых актов.

Для развития инклюзивного образования в современном информационном обществе важными направлениями являются дальнейшее формирование инклюзивной образовательной среды, инклюзивной культуры и внедрение инклюзивной практики при помощи правовых, организационных, кадровых и материально-технических мер.

Список использованных источников:

1. Герасимов, А.В. Инклюзивная образовательная среда как условие успешной социализации студентов с инвалидностью / А.В. Герасимов // Человек. Общество. Инклюзия. – 2019. – № 4 (40). – С. 12–21.
2. Создание инклюзивной образовательной среды в образовательных организациях: методические рекомендации для руководящих и педагогических работников общеобразовательных организаций / под ред. С.В. Алехиной, Е.В. Самсоновой. – М. МГППУ, 2022. – 151 с.
3. Конвенция Организации Объединенных Наций о правах ребенка: принята резолюцией 44/25 Генер. Ассамблей от 20 нояб. 1989 г. (ред. от 21 дек. 1995) // ООН. – URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/childcon.shtml (дата обращения: 14.04.2026).
4. Конвенция Организации Объединенных Наций о правах инвалидов: принята резолюцией 61/106 Генер. Ассамблей от 13 дек. 2006 г. // Организация Объединенных Наций. – URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/disability.shtml (дата обращения: 14.04.2026).
5. Кодекс Респ. Беларусь об образовании 13 января 2011 г. № 243-З: принят Палатой представителей 2 дек. 2010 г.: одобр. Советом Респ. 22 дек. 2010 г.: в ред. Закона Респ. Беларусь от 09 дек. 2025 № 110-З // iLex: информ. правовая система (дата обращения: 14.04.2026).
6. О правах инвалидов и их социальной интеграции: Закон Респ. Беларусь от 30 июня 2022 № 183-З: в ред. от 16 март. 2026 № 134-З // iLex : информ. правовая система (дата обращения: 01.04.2026).

7. О правах ребенка: Закон Респ. Беларусь от 19 ноября 1993 г. № 2570-XII: в ред. от 12 июля 2025 № 86-3 // іlex: информ.-правовая система (дата обращения: 01.04.2026).

8. Об утверждении Концепции развития инклюзивного образования лиц с особенностями психофизического развития в Республике Беларусь: приказ М-ва образования Респ. Беларусь от 22 июля 2015 г. № 608 // іlex: информ.-правовая система (дата обращения: 14.04.2026).

9. Стратегии развития системы образования Республики Беларусь до 2035 года: утв. решением коллегии Министерства образования Республики Беларусь 12 дек. 2024 № 19.33 // іlex: информ.-правовая система (дата обращения: 14.04.2026).

10. Представитель БСЖ: мы должны рассматривать каждого гражданина Беларуси как самый ценный ресурс // Беларусь сегодня (Минск). – 12 июля 2025. – URL: <https://www.sb.by/articles/im-mnogoe-po-plechu.html> (дата обращения: 14.04.2026).

О НЕКОТОРЫХ АСПЕКТАХ ГАРМОНИЗАЦИИ ЕСТЕСТВЕННОГО И ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА

Василевич Г.А.,

*заведующий кафедрой конституционного права
Белорусского государственного университета,
доктор юридических наук, профессор*

Одной из современных актуальных задач является гармонизация естественного и искусственного интеллектов. Цифровые продукты создаются людьми, поэтому ценности человека выше ценностей цифровых технологий, в отношении которых всегда должна быть критичная оценка, а при необходимости – и пересмотр. При этом также общественный этический контроль в отношении функционирования технологических и цифровых платформ, осуществление экспертизы принимаемых искусственным интеллектом [1, с. 586–587].

Гармонизация технологических систем при внедрении новых технологических решений является важным условием устойчивого развития общества и государства, исключения угроз для исторически сложившихся в стране национальных, территориальных, культурных, семейно-родственных общностей при [1, с. 586–587].

Специалисты в области информационных технологий акцентируют внимание на угрозах их применения [2, с. 145–146]. Высказываются опасения, что человек может оказаться приложением к собственному гаджету или «умному дому», которые будут решать, что лучше для человека помимо его воли. Появится своего рода информационная цензура человеческих действий, принимаемых им решений [3, с. 66–71]. Поддерживаем позицию, что внедрение цифровых технологий должно способствовать реализации права человека на достоверность распространяемой в них информации; исключить передачу искусственному интеллекту властных полномочий,

наделение его правосубъектностью [1, с. 586–587]. В этой сфере должно быть социально ответственное поведение [4; 5; 6].

Государству необходимо выстроить комплекс понятных требований к гражданину. Важно исключить проблемы социального неравенства, безоглядную технологизацию и бюрократизацию цифровых преобразований, формализм при внедрении цифровых технологий [1, с. 577]. Однако есть и более серьезные угрозы, такие как кибертерроризм, киберпреступность, кибервойна. Правильно подчеркивается трудность в противостоянии этим явлениям из-за трудности увидеть или «вычислить» преступника [7, с. 172].

Цифровой эпохе присущ процесс коэволюционного взаимодействия между техникой и обществом. Уже сложившимся стандартом является «всеобщая цифровизация и сетевизация систем образования, медицинского и социального обеспечения, государственных услуг; базы данных социальной поддержки, миграционных, правоохранительных и налоговых служб; системы видеонаблюдения и удаленной идентификации граждан» [8; 9]. Процесс такого взаимодействия порождает ряд проблем, среди которых выделяют: а) опасность системных сбоев, обусловленных как недостатками непосредственно самих технологических систем, так и внешним вмешательством; б) системно-психологические перегрузки, обусловленные ростом критически-важной информации, интенсивная динамика смены поколений цифровых технологий; непрозрачность алгоритмов принимаемых решений, неуверенность в плане доверия к ИИ; всеохватывающий контроль поведения человека, его активности в сети, контроль за перемещением; опасность манипулирования информацией, ее цензурирование, управление сознанием, создание новых ценностных смыслов, нового социального поведения; отложенность эмоций и их распределённость во времени, когда на первый план выдвигается оценка «друзей», лайки; в) социально-экономические – замена человека сотрудником-роботом в ряде экономических процессов, отход от традиционного социального государства и т.п. г) системно-правовые: отставание в юридикации новых отношений; недостатки в сфере прогнозирования правовых последствий; угроза совершения противоправных действий; киберпреступность д) системно-стратегические: информационные войны, посягательство на информационный суверенитет, угрозы дистанционного разрушения критической инфраструктуры; развертывание гонки вооружений в цифровой сфере; е) системно-образовательные: постоянное обновления образовательных стандартов на обновления технологий, подготовка педагогических кадров, социализация студентов; проблемы в оказании образовательных услуг посредством дистанционного обучения, списывание, плагиат, что ведет к уменьшению интеллектуальных трудозатрат, снижению мотивации к обучению; ж) системно-философские, мировоззренческие: осмысление процесса цифровой трансформации общества [8, с. 618-624].

В таких условиях появляются сторонники, как указывается в литературе, технофилии (цифрофилии) и технофобии (цифрофобии), то есть

выступающие соответственно за полный и превентивный запрет на использование цифровых технологий и их полное превентивное разрешение. На этом фоне надо искать «золотую середину».

Поэтому согласимся с мнением о необходимости баланса между техникой и обществом в цифровую эпоху на основе продуманной государственной политики в данной области.

На фоне стремительного развития нейросетей эксперты и власти ряда стран обратили внимание на то, что искусственный интеллект начали использовать злоумышленники. Потенциальных риски для киберпространства проявляются в опасении возможностей нейросетей обходить защитные программы и оказывать помощь в организации кибератак; они могут помогать в обучении киберпреступников новым направлениям реализации преступных замыслов, создавать уникальные вредоносные коды, расширит возможности для хакерских атак.

Еще один блок угроз, связанных с развитием искусственного интеллекта, заключается в том, что внедрение ChatGPT снимает все препятствия в сохранении конфиденциальности, персональные данные, ставшие известными нейросети, изучаются ею и получают дальнейшее развитие. Кроме того, отсутствуют препятствия для ограничения на использование ChatGPT подростками.

Новые процессы в сфере развития информационных технологий актуализируют проблему социальной ответственности государства, граждан, бизнеса.

Заключение. Внедрение информационно-коммуникационных технологий должно быть разумным, полезным для общества, учитывать существующие и предполагаемые угрозы. Их использование должно исключать цифровую дискриминацию, неравенство и манипуляции человеком.

Особую опасность уже в настоящее время нейросети имеют для развития интеллекта человека, способности его к творческой деятельности, они могут привести к деградации умственной (научной и иной творческой) деятельности в силу того, что способны писать тексты, создавать музыкальные произведения и др.

Все это побуждает заново осмыслить направления развития цифровизации.

Список использованных источников:

1. Измайлова, М.А. Цифровая трансформация и социальная ответственность: прагматизм или поиск баланса / М.А. Измайлова // MIR (Modernization. Innovation. Research). – 2022. – № 13(4). – С. 575-591.
2. Бухт, Р. Определение, концепция и измерение цифровой экономики / Р. Бухт, Р. Хикс // Вестник международных организаций. – 2018. – Т. 13. – № 2. – С.143-172.
3. Сливицкий, А. Б. Информационное управление. PR в изменяющемся мире: региональный аспект: сборник статей / Под ред. М.В. Гундарина. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2006. – Вып. 4. – С. 66-71.

4. Виттенберг, Е.Я. Социальная ответственность: власть и бизнес / Е.Я. Виттенберг // Социологическая наука и социальная практика. – 2016. – Т. 4. – № 3(15). – С. 54-77.
5. Коданева, С.И. Институционализация социальной ответственности государства в России и за рубежом / С.И. Коданева // Россия и современный мир. – 2019. – № 3(104). – С. 222-236.
6. Козбаненко, В.А. Социальная ответственность государства и бизнеса / В.А. Козбаненко // Право и управление. XXI век. – 2008. – № 1(6). – С. 6-11.
7. Михайленко, Н.В. Цифровое государственное управление / Н.В. Михайленко // Государственная служба и кадры. – 2020. – № 2. – С. 171-175.
8. Сливицкий, А.Б. Концепция оценки уровня готовности технологий, производств как механизм формирования единого инновационно-технологического пространства / А.Б. Сливицкий // Россия: тенденции и перспективы развития. Ежегодник / РАН. ИНИОН. Отд. науч. сотрудничества; отв. ред. В.И. Герасимов. – Москва, 2017. – Вып. 12, ч 1. – С. 618-624.
9. Сливицкий А.Б. Система уровней готовности технологий как оптимальная модель организации и финансирования процесса создания научно-технического задела в российской промышленности / А.Б. Сливицкий // Россия: тенденции и перспективы развития. Ежегодник / РАН. ИНИОН. Отд. науч. сотрудничества; отв. ред. В.И. Герасимов. – Москва, 2016. – Вып. 11, ч. 3. – С. 461-469.

САМОЗАЩИТА ПРАВ НА ОБЪЕКТЫ ПРОМЫШЛЕННОЙ СОБСТВЕННОСТИ КАК СПОСОБ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ПРАВОНАРУШЕНИЯМ В СЕТИ ИНТЕРНЕТ

Козловская В.В.,

*декан юридического факультета учреждения образования
«Витебский государственный университет имени П.М. Машерова»*

Среди способов защиты гражданских прав, предусмотренных ст. 11 Гражданского кодекса Республики Беларусь (далее – ГК), правообладатель, чье исключительное право нарушено в результате незаконного использования объекта промышленной собственности в сети Интернет (далее – Интернет, Сеть), может выбрать один или несколько общих способов защиты, а также применить специальные способы защиты исключительных прав, предусмотренные законодательством. Вызывает интерес, насколько в современных условиях всеобщей цифровизации может быть эффективен такой способ как самозащита права применительно к случаям нарушения исключительных прав на объекты промышленной собственности, используемые в Сети. Цель исследования – изучение возможностей применения самозащиты права при нарушении прав на объекты промышленной собственности в Интернете. Исследование основано на изучении норм права Республики Беларусь, регламентирующих отношения в сфере использования объектов промышленной собственности, доктринальных положений.

Самозащита права – защита гражданских прав непосредственными действиями лица, права которого нарушаются, если такие действия не сопряжены с нарушением законодательства (ч. 1 ст.13 ГК Республики Беларусь). На доктринальном уровне преобладает мнение о том, что самозащиту следует рассматривать не как способ, а как одну из форм защиты права наряду с судебной и административной формами [1, с. 120; 2, 2, с. 134; 3, с. 61].

В научных публикациях, в рамках которых самозащита рассматривается в качестве способа защиты права, возможность применения действий фактического характера для защиты прав на объекты промышленной собственности ставилась под сомнение [4, с. 459; 5, с. 420]. Фактические действия по самозащите права, предпринимаемые правообладателем, могут быть направлены либо на принадлежащее ему имущество в целях защиты своих имущественных прав, либо на личность правонарушителя и его имущество для защиты как личных, так и имущественных прав [6, с. 245]. По мнению В.О. Калятина, «меры самозащиты, которые являются действиями фактического характера (например, необходимая оборона и крайняя необходимость), оказывают воздействие на материальный носитель и потому не эффективны в отношении объектов исключительных прав в силу нематериальной природы этих объектов» [5, с. 420–421]. Сложно представить себе действия правообладателя объекта промышленной собственности в условиях крайней необходимости или необходимой обороны и по отношению к лицу, неправомерно использующему объект в Сети.

Однако существует и противоположная точка зрения, заслуживающая внимания. Так, по словам российского правоведа А.Н. Кузбагарова, «бесспорным является возможность применения самозащиты. Самозащита интеллектуальных прав, допускаемая ст. 14 ГК РФ, обусловлена разнообразием и свободой выбора способов защиты, с единственным условием – границам защиты. Главным условием является то, что способы должны быть соразмерны нарушению прав и не выходить за пределы действий, объективно необходимых для пресечения таких действий» [7, с. 73].

Помимо необходимой обороны и крайней необходимости в числе фактических действий по самозащите выделяют меры охраны. Применительно к материальным объектам они выражаются в использовании охранных средств различного рода: замков, запорных механизмов, сигнализаций и т.д. [8, с. 78]. Технические средства защиты могут быть использованы и для защиты информации, которую обладатель желает сохранить в тайне. Например, для сохранения в режиме коммерческой тайны секретов производства (ноу-хау) применяются средства, препятствующие несанкционированному доступу к этим сведениям через Интернет.

Следует учитывать, что указанные меры применяются до момента нарушения права на защиту информации от незаконного использования. Когда правонарушение совершено, в использовании данных мер уже нет необходимости. Поэтому эти меры действительно имеют отношение

не столько к защите, сколько к охране прав в их ненарушенном состоянии. По аналогии с тем, как это осуществляется применительно к объектам авторского права и смежных прав, с помощью технических средств можно воспрепятствовать копированию изображений товарного знака или промышленного образца, размещенных на интернет-сайте правообладателя.

Специфика самозащиты как формы защиты права заключается в том, что правообладатель вправе осуществлять ее самостоятельно, как фактическими, так и юридическими действиями, без обращения к помощи соответствующих органов и уполномоченных государством должностных лиц, но в рамках соблюдения закона [7, с. 239].

Что же касается применения юридических действий по самозащите, то они предполагают использование предусмотренных законодательством способов защиты. Например, требования о прекращении нарушения исключительного права на объект промышленной собственности, используемый в Интернете, и взыскании убытков, возникших в результате такого использования, могут быть предъявлены правообладателем в досудебном порядке путем направления претензии нарушителю. При добровольном прекращении правонарушителем незаконного использования объекта в Сети и возмещения причиненных убытков, самозащиту исключительного права можно считать состоявшейся. В противном случае правообладатель сможет восстановить нарушенное право путем обращения в суд либо урегулирования спора в досудебном порядке, в том числе, обратившись за помощью к медиатору.

Нужно сделать оговорку о том, что специфика цифровой среды, предполагающая трансграничность, анонимность и высокую скорость распространения информации, требует от правообладателей применения превентивных и ситуативных мер, которые не всегда могут быть обеспечены традиционными судебными механизмами ввиду их длительности. Эффективность самозащиты сегодня напрямую связана с использованием инновационных технологических решений, таких как автоматизированные системы мониторинга нарушений, блокчейн-платформы для фиксации приоритета, а также программно-технические средства ограничения доступа к контрафактной продукции. При этом важным фактором успеха становится активное взаимодействие правообладателей с цифровыми посредниками – маркетплейсами, агрегаторами и социальными сетями, – которые через внутренние регламенты и процедуры (например, системы notice-and-takedown) создают условия для реализации внесудебной защиты интересов.

Развитие общественных отношений и правоприменительной практики в области урегулирования споров о нарушении прав на объекты промышленной собственности, используемые в Интернете, вызывает необходимость искать новые формы взаимодействия сторон подобных юридических конфликтов. По нашему мнению, в сфере разрешения таких споров эффективным является институт медиации.

В Республике Беларусь все споры о незаконном использовании объектов промышленной собственности в Сети подсудны исключительно судебной коллегии по делам интеллектуальной собственности. Соблюдение претензионного порядка урегулирования таких споров или проведение медиации не являются обязательными условиями для реализации права на обращение в данную коллегию.

С одной стороны, отсутствие такого требования должно сказываться положительно на интересах правообладателя объекта промышленной собственности, поскольку в таком случае ему не нужно откладывать обращение в суд и тратить время на досудебное урегулирование спора. Однако, с другой стороны, среди практикующих юристов общепринятым считается мнение, согласно которому именно на стадии досудебного урегулирования можно достичь наиболее выгодного для обоих участников конфликта соглашения, исключая судебные и прочие расходы.

Полагаем, решением проблемы может стать более активное использование сторонами спора возможностей, предусмотренных законодательством: например, путем предъявления претензии (письменного предложения о добровольном урегулировании спора) либо проведения медиации по выбору сторон до обращения в Коллегию с иском. Так, ч. 2 ст. 10 ГК Республики Беларусь гласит: до обращения в суд с иском по спорам между юридическими лицами и (или) физическими лицами, осуществляющими индивидуальную предпринимательскую деятельность, обязательными являются предъявление претензии (письменного предложения о добровольном урегулировании спора) либо применение медиации, если иное не установлено настоящим Кодексом, иными законодательными актами или договором. Порядок предъявления претензии, а также порядок применения и проведения медиации устанавливаются законодательством и (или) договором.

Иными словами, соблюдать обязательный досудебный порядок урегулирования споров, возникающих из гражданских правоотношений на данный момент необходимо только в том случае, если спор возник между юридическими лицами и (или) физическими лицами, осуществляющими индивидуальную предпринимательскую деятельность. Для всех иных субъектов существует не обязанность, а возможность заключить договор (соглашение) об урегулировании спора до обращения в суд. В ГК Республики Беларусь нет запрета в том числе и на применение в таких случаях медиации.

По спорам, возникающим в связи с нарушением прав на объекты промышленной собственности, используемые в Интернете, имущественные требования зачастую бывают настолько велики, насколько и неосуществимы ожидания истцов. Полагаем, что наличие упомянутой юридической возможности создает условия для расширения использования института медиации для урегулирования данной категории споров.

Кроме того, такая возможность предусмотрена ст. 176 Кодекс гражданского судопроизводства Республики Беларусь: подведомственный суду спор,

возникающий из гражданских, семейных, трудовых и других правоотношений, может быть урегулирован сторонами с участием медиатора (медиаторов), если иное не предусмотрено законодательными актами или не вытекает из существа соответствующих правоотношений.

Основная роль досудебного урегулирования спора заключается в предоставлении сторонам возможности самостоятельно разрешить спорную ситуацию, не доводя ее до судебного разбирательства, что позволяет оперативно урегулировать разногласия и свести к минимуму судебные расходы. Расширение применения института медиации при урегулировании споров, возникающих в связи с нарушением прав на объекты промышленной собственности, используемые в Интернете, позволит более быстро и взаимовыгодно разрешать конфликты подобного рода, причем по более широкому кругу вопросов, чем это может быть предусмотрено исковыми требованиями. Преимущество медиации в данном случае видится также и в том, что стороны в последующем не обязаны возвращаться в суд для проведения процессуальных действий по прекращению производства по делу.

Подводя итог, можно констатировать, что в условиях стремительной цифровизации самозащита прав на объекты промышленной собственности трансформируется из вспомогательного инструмента в один из наиболее оперативных и эффективных способов противодействия правонарушениям в глобальной сети. Однако расширение практики применения мер самозащиты в Интернете требует строгого соблюдения принципа соразмерности и недопустимости злоупотребления правом. Юридическая легитимация цифровых инструментов самозащиты должна сопровождаться четким разграничением между правомерным пресечением нарушений и необоснованным ограничением конкуренции или прав пользователей. В перспективе дальнейшее развитие данного института видится в гармонизации национального законодательства и технических стандартов, что позволит создать сбалансированную экосистему защиты промышленной собственности, где частная инициатива правообладателя и государственное регулирование будут дополнять друг друга, обеспечивая стабильность гражданского оборота в цифровой экономике.

Список использованных источников:

1. Козловская, В.В. Гражданско-правовая защита прав на объекты промышленной собственности, используемые в сети Интернет (по законодательству Республики Беларусь) (Часть 1) / В.В. Козловская // Право и государство: теория и практика. – 2020. – № 2. – С. 120-123.
2. Иванова, Д.В. Защита права промышленной собственности по законодательству Республики Беларусь / Д.В. Иванова // Право.by. – 2008. – № 2. – С. 134-142.
3. Трегубов, М.В., Шукшин, С.И. Выбор способа защиты интеллектуальных прав / М.В. Трегубов, С.И. Шукшин // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2022. – № 4. – С. 60-66.
4. Городов, О.А. Патентное право: учеб. пособие для студентов вузов, обучающихся по специальности 021100 «Юриспруденция» / О.А. Городов. – М.: Проспект, 2005. – 541 с.

5. Калятин, В.О. Интеллектуальная собственность (исключительные права): Учеб. для вузов / В.О. Калятин; со вступ. ст. В.А. Дозорцева. – М.: НОРМА-ИНФРА-М, 2000. – 480 с.

6. Андреев, Ю.Н. Механизм гражданско-правовой защиты / Ю.Н. Андреев. – М.: Норма. Инфра-М, 2010. – 462 с.

7. Кузбагаров, А.Н. Защита интеллектуальных прав с применением альтернативных способов защиты / А.Н. Кузбагаров // Вестник Московского университета МВД России. – 2018. – № 5. – С. 72-77.

8. Зыков, Е.В. Гражданско-правовая защита права интеллектуальной собственности: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.03 / Е.В. Зыков; Рос. гос. гуманитар. ун-т (РГГУ). – М., 2008. – 235 с.

ПОВОРОТЫ ПРАВОВОЙ КОММУНИКАЦИИ В ЦИФРОВУЮ ЭПОХУ

Разуваев Н.В.,

*заведующий кафедрой гражданского и трудового права Северо-Западного
института управления Российской академии народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской Федерации,
доктор юридических наук, доцент*

Важной тенденцией, характеризующей современное состояние права и государства, является цифровая трансформация, которая в той или иной мере затронула все феномены правовой реальности. Как известно, наступление цифровой эпохи в социальной коммуникации было предсказано еще в конце минувшего столетия М. Кастельсом и другими теоретиками, полагавшими, что в информационном обществе, благодаря широкому внедрению новых технологий, происходит не только тотальная деконструкция вертикально-иерархических социальных структур, интегрировавших в себя все виды человеческой деятельности, но и перестройка этих структур на принципиально иной основе.

Результатом отмеченных изменений становится появление горизонтально-сетевых форм организации производства, обмена, движения капитала, а также появление сетевых сообществ, самым глобальным из которых является сообщество «Мировой паутины», включающее в себя миллионы пользователей сети Интернет, находящихся в различных странах мира и на разных континентах [1, с. 275]. Трансформациям в цифровую эпоху подвергается и само географическое пространство, исторически образывавшее своего рода «естественный фундамент», на котором надстраивались все социокультурные пространства, включая пространство правовое. Как отмечал М. Кастельс, под влиянием цифровых технологий оно превращается из «географии мест» (как представляли себе мировую ойкумену ученые прошлого, начиная с древних греков) в «географию потоков», под которыми понимаются «целенаправленные, повторяющиеся, программируемые последовательности обменов

и взаимодействий между физически разъединенными позициями, которые занимают социальные акторы в экономических, политических и символических структурах общества» [2, с. 326].

Неизбежным следствием подобных изменений, имеющих всемирно-исторический масштаб, стала виртуализация реальности, чреватая размыванием всех представлений, включая самоочевидные данности (своеобразные культурно-исторические априори), на которых традиционно основывалась картина мира в ее онтологическом, эпистемологическом и праксеологическом измерениях [3, с. 187]. Не углубляясь в детали, отметим, что наиболее значительные изменения, которые вполне уместно назвать *культурными поворотами* [4, с. 199], в цифровом обществе претерпели не мышление и даже не деятельность, направленная на достижение объективированных материальных и духовных результатов, но коммуникация, репрезентирующая саму реальность, связывая воедино ее форму и содержание релевантным для той или иной исторической эпохи способом. Сказанное прежде всего касается правовой коммуникации, под которой мы понимаем взаимный обмен информацией и аксиологическими смыслами, осуществляемый членами общества (субъектами правового порядка), а также совокупность знаково-символических средств передачи такой информации [5, с. 182].

Коммуникация является не просто взаимодействием, но способом бытия правовых субъектов, обеспечивающим их самосознание и взаимное признание, без чего, в свою очередь, невозможна их интеграция в коллективы, представляющие собой органические целостности, внутри которых каждое человеческое существо преодолевает собственные телесные, интеллектуальные и эмоциональные пределы, объединяясь с себе подобными в разнообразных актах общения, направленных на достижение общих целей. Далеко выходя за рамки заявленной темы, рискнем предположить, что в глобальной всемирно-исторической перспективе главными из этих целей выступают не только внутреннее единство человечества в его духовном многообразии [6, с. 28], но и единение всех людей с Богом как предельной трансцендентностью бытия, в том числе бытия правового.

При этом специфика коммуникации (а также ее результатов) во многом имеет исторически относительный характер, определяясь спецификой знаково-символических средств, обеспечивающих взаимообмен аксиологическими и иными смыслами, которые образуют сущностное измерение правовой реальности. Цифра, глубоко преобразуя всю систему средств правовой коммуникации не только на инструментальном, но и на субстанциональном уровнях, обнаруживает ранее скрытые свойства правовой реальности, придавая импульс к ее дальнейшей эволюции и способствуя переходу к новому (*постклассическому*) этапу. Важными проявлениями данного процесса и выступают культурные повороты, характеризующие правовые порядки цифровой эпохи.

Представляется, что среди них наиболее известным является *диалогический поворот*, наметившийся еще в середине минувшего столетия и всесторонне рассмотренный в работах Э. Кассирера, М. М. Бахтина, Л. Витгенштейна, М. Бубера, Ю. Хабермаса и др. Применительно к праву, диалогический поворот означает перенос центра тяжести, если можно так выразиться «с действия на взаимодействие». Право перестает рассматриваться исключительно в виде совокупности средств государственно-властного воздействия на поведение членов общества. Вместо этого внимание юристов сосредоточивается на свойствах права как диалога, направленного на достижение взаимопонимания и взаимного признания субъектов на основе разделяемых ими общих ценностей, за пределами которых невозможно правовое общение, как таковое.

Смысл правовой коммуникации состоит не только в регулировании поведения индивидов, но и в конструировании правовой реальности, непрерывно создаваемой субъектами в своей практической деятельности. Тем самым правовая реальность предстает перед нами не в виде объективной данности, оказывающей то или иное внешнее воздействие на поведение, но как результат конструирования в ходе диалога, осуществляемого различными знаково-символическими средствами, среди которых центральное место занимают нормы права, субъективные права и обязанности, имеющие языковую природу и определяемые культурно-историческим контекстом. В признании указанного обстоятельства состоит суть *конструктивистского поворота*, в последние десятилетия вышедшего на передний план в качестве предмета изучения постклассической теории и философии права.

С конструктивистским поворотом тесно связан и *антропологический поворот*, способствовавший осознанию значения социальных практик, лежащих в основе правовой коммуникации и проливший свет на такое важное свойство права, как его *человекоразмерность*. Будучи результатом творческой активности людей, феномены правовой реальности конструируются ими по своему образу и подобию, что выступает необходимым условием правовой коммуникации, как таковой. Субъекты права существуют в мире человеческих вещей, как его необходимый составной момент, и все юридические институты несут на себе отпечаток человеческой природы даже в тех случаях, когда сила традиции скрывает эту природу, заставляя субъектов воспринимать юридические предписания в качестве обременительных ограничений, проявлений чуждой, а подчас и враждебной воли, навязывающей индивидам невыгодные для них способы поведения. Цель антропологического поворота состоит в том, чтобы, деконструировав внешнюю форму этих предписаний, обнаружить их человеческое измерение, на основе которой правовые институты могут быть перевоссозданы заново.

В заключение хотелось бы подчеркнуть, что рассмотренные повороты правовой коммуникации не являются чем-то принципиально новым, впервые возникшим в условиях цифровой трансформации правовой

реальности. Напротив, праву как культурному феномену, имеющему, подобно иным аспектам духовной культуры, знаково-символическое измерение, на всех стадиях эволюции были присущи признаки диалогичности, сконструированности и человекоразмерности. Но лишь в наши дни, благодаря активному влиянию цифровых средств на все виды культурной коммуникации, включая коммуникацию правовую, перечисленные признаки проявились со всей наглядностью.

В силу этого, в свою очередь, обнаружилась глубокая внутренняя уязвимость априорных данностей, ранее принимаемых по умолчанию учеными, правоприменителями и иными участниками правовой коммуникации (в том числе предметности права, его объективного характера, государственно-властной природы и т.п.). Преодоление этой уязвимости, относящееся к числу основных задач постклассической теории и философии права, означает грандиозный шаг на пути не только юридического познания, но и развития самой правовой коммуникации, в чем, по моему мнению, и состоит сугубо практический смысл происходящих на наших глазах изменений.

Список использованных источников:

1. Назарчук, А.В. Теория коммуникации в современной философии / А.В. Назарчук. – Москва: Прогресс-Традиция, 2009. – 320 с.
2. Кастельс, М. Информационное общество: экономика, общество и культура / М. Кастельс. – Москва: Изд-во ГУ ВШЭ, 2000. – 608 с.
3. Фуко, М. Слова и вещи. Археология гуманитарных наук / М. Фуко. – СПб.: Изд-во «А-Сад», 1994. – 407 с.
4. Бахманн-Медик, Д. Культурные повороты. Новые ориентиры в науках о культуре / Д. Бахманн – Медик. – Москва: НЛЮ, 2017. – 506 с.
5. Поляков, А.В. Коммуникативная философия права. Введение в философскую антропологию права и морали / А.В. Поляков. – Москва: Норма, 2026. – 356 с.
6. Разуваев, Н.В. Смысл всемирной истории и эволюция государств Древнего мира / Н.В. Разуваев // Теоретическая и прикладная юриспруденция. – 2025. – № 3 (25). – С. 22-40.

ПРАВОВОЙ СТАТУС ФИЗИЧЕСКОГО ЛИЦА (ГРАЖДАНИНА) В ЧАСТНОМ ПРАВЕ В ЦИФРОВУЮ ЭПОХУ

Серова О.А.,

*первый проректор, заведующий кафедрой гражданского права и процесса
Псковского государственного университета,
доктор юридических наук, профессор*

Цифровая экономика и переход к новому технологическому укладу определяют трансформационные изменения в правовой системе и доктринальных подходах к традиционным правовым институтам. Необходимость создания «новых норм» обсуждалась во все исторические периоды.

Только в относительно стабильный период общественной жизни юридические нормы воспринимаются «как нечто данное... Но когда жизнь призывает нас к созданию новой нормы, – а это именно бывает в более широком масштабе в пору кодификаций, – перед нами прямо встает вопрос о критериях всякой нормы и всякого права» [6, с.202]. Масштабное внедрение цифровых технологий, усиление технического регулирования как способа воздействия на общественные отношения, «перенос» взаимодействия между участниками правоотношений в цифровую среду без дублирования данных действий в аналоговой среде, ставит множество вопросов относительно сохранения устоявшихся в правовой традиции представление о правовой природе физического лица и правовом статусе гражданина как основного участника частно-правовых отношений.

Правовой статус в сфере частного права во многом определяет социально-экономическую базу для гражданина, возможности продуктивного взаимодействия в имущественной сфере и неимущественных отношениях. Развитие общества привело к существенному изменению баланса частного и публичного права. Данные изменения оказывают наиболее существенное влияние именно на правовое положение физического лица (гражданина) как участника гражданских правоотношений. Новые экономические условия оказывают противоположное по своей сути влияние на цели правового регулирования статуса физического лица. С одной стороны, повышение экономической и гражданско-правовой активности. Вне этих процессов невозможно построение экономики на базе наукоемких технологий и развития креативных отраслей. С другой стороны, условия «цифрового неравенства», потенциально «слабая» позиция физических лиц в условиях цифровой экономики в части взаимодействия с иными экономическими агентами возлагают на власть обязанность по обеспечению прав и законных интересов граждан как субъектов частного права. Подобные обстоятельства уже стали предметом научных исследований, где предпринимаются попытки если не создания новой теории субъектов в частном праве, то существенной переработки традиционных концепций. Так, например, в диссертации Останиной Е.А. указывается двойственность правового положения физического лица, когда в различные исторические периоды акценты правового воздействия сменяются от контекста свободы к приоритету социальной защиты. В связи с разрабатывается комплексная теория правосубъектности гражданина в частном праве, в которой заложен алгоритм согласования максимально полной свободы и автономии воли гражданина, с одной стороны, с защитой гражданина в качестве слабейшего субъекта права – с другой, с учетом ценности социального гуманизма как обновленной идеологической базы построения ценностного ряда системы частного права [3, с. 6-7]. Однако следует учитывать, что частное право, как и право в целом, во многом перемещается в цифровую среду. Невозможно рассматривать вопросы правосубъектности гражданина в отрыве от среды, в которой

правосубъектность реализуется (цифровые данные должны стать элементом правового статуса с новыми подходами к определению способов идентификации как участников гражданских правоотношений).

В правовой доктрине активно обсуждаются вопросы перенастройки правовой системы через признание цифровых прав, праве на часть прибыли, долю в цифровом имуществе, цифровой формат взаимоотношений [4, с. 19]. Но далеко не в полной мере удастся синхронизировать цифровые модели взаимодействия с уже существующими нормативными решениями. В качестве примера можно привести Федеральный закон от 31 июля 2025 г. «Об отдельных вопросах правового регулирования платформенной экономики в Российской Федерации» №289-ФЗ, фактически ограничившийся регламентацией маркетплейсов, но не установивший понятийный аппарат, принципы и особенности регулирования платформенной экономики как целостного элемента новой экосистемы взаимоотношений в цифровой среде.

Помимо экономической составляющей и влиянием цифровых технологий на правовой статус физических лиц как участников гражданских правоотношений, меняется и представление о содержании правосубъектности в части неимущественных прав. В частности, изменяется содержание и определение момента возникновения права на жизнь. Но новые технологии фактически формируют представление о «праве быть человеком» [1, с.169], в том числе расширяя представления о правовой категории «состояние» применительно к физическим лицам. В широком смысле «состояние» «означает нахождение чего-то или кого-то в определенном положении (состояние упорядоченности общественных отношений, кризисное состояние, идейно-нравственное состояние общества, состояние правовой системы, психоэмоциональное состояние личности и т. д.) [2, с. 74]. Изменение указанных элементов оказывает влияние и на определение правосубъектности граждан, ее содержания.

Право быть человеком соотносится с попытками разработки новой юридической конструкции «право на физическое существование». Считается, что «в цифровом обществе антропология права должна быть центральным элементом, соответственно, правовое регулирование и развитие права, трансформируемые в цифровую семиотическую и дополнительную реальность, должны сохранить регулятивный и ценностный потенциал физического компонента человека, несмотря на активное использование техники и технологий» [4, с. 66]. В условиях возможного изменения человеческой природы, такие субъективные права, как право на жизнь, право на неприкосновенность, право на здоровье и др. должны определяться «бинарностью человека с его физиологической сущностью, индивидуализацией, а также духовным миром личности [4, с. 67].

Фактически, правовой статус гражданина будет складываться из признания базовых ценностей человеческой природы с закреплением основных субъективных прав гражданина, закрепляющих его человеческую

сущность, с внедрением технологических элементов идентификации субъектов, цифровых способов аутентификации совершаемых фактических и (или) юридических действий в цифровой среде. Данные изменения будут базироваться на признании факта появления новых цифровых форматов взаимодействия в цифровой среде, признания условий действительности совершаемых действий и установлением принципов для определения баланса частного и публичного регулирования и введения критериев для ограничения цифровых прав граждан как субъектов частного права.

Список использованных источников:

1. Дружинина, Ю.А. Право быть человеком / Ю.А. Дружинина // Аграрное и земельное право. – 2024. – № 10(238). – 168-169.
2. Комиссарова, Е.Г. Юридические факты и состояния: проблемы теоретического освоения / Е.Г. Комиссарова, А.В. Пермяков // Общество: политика, экономика, право. – 2018. – № 6 (59). – С. 73-78.
3. Останина, Е.А. Гражданин как субъект частного права: дис. ... д.ю.н. 5.1.3 / Останина Елена Александровна; Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Уральский государственный юридический университет имени В. Ф. Яковлева». – Екатеринбург, 2026. – 598 с.
4. Певцова, Н.С. Право на физическое существование: концепции, регулирование и интерпретация / Н.С. Певцова // Вестник Московского государственного областного университета. – Серия: Юриспруденция. – 2021. – № 2. – С. 18-26.
5. Покровский, И.А. Абстрактный и конкретный человек перед лицом гражданского права / И.А. Покровский // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). – 2015. – № 10. – С.202-213.
6. Правкин, С.А., Смирнова В.В. К вопросу «цифровых прав человека в цифровой экономике // Legal Bulletin. – 2020. – Т. 5. – № 2. – С. 18-26.

УСТОЙЧИВОЕ РАЗВИТИЕ И ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ

Ситдикова Р.И.,

*профессор кафедры предпринимательского и энергетического права
Казанского (Приволжского) федерального университета,
доктор юридических наук, профессор*

В последнее время активно обсуждаются вопросы устойчивого развития экономики и общества. Хотя по поводу самого термина в научной литературе нет единства, в широком смысле под устойчивым развитием экономики подразумевается модель развития, удовлетворяющая потребности нынешнего поколения без ущерба для возможностей будущих поколений. Данная модель базируется на балансе трех составляющих: экономика, социум и экология. Устойчивое развитие предполагает учет различных факторов социально-экономического развития и состояния окружающей природной среды в целях

повышения уровня качества жизни во всем мире благодаря совместным усилиям государств, бизнеса и гражданского сообщества.

Одним из факторов устойчивого развития является технологический прогресс, в том числе искусственный интеллект. Стремительное развитие технологий искусственного интеллекта (далее – ИИ) в последние годы кардинально трансформирует различные сферы общественной жизни. Современные алгоритмы машинного обучения и генеративные модели позволяют автоматизировать многие этапы производственной деятельности, прокладывать маршруты, вырабатывать оптимальные решения, создавать новые формы творческих объектов и т.д. Однако широкое внедрение ИИ порождает и множество сложных правовых вопросов, касающихся безопасности и этики использования алгоритмов и распределения ответственности за итоговый результат. Правовое регулирование в данной сфере зачастую не поспевает за технологиями, что создает неопределенность для специалистов, граждан, потребителей. В этой связи исследование юридических аспектов применения искусственного в аспекте устойчивого развития представляется крайне актуальным, требуя комплексного подхода к анализу существующих правовых норм и выработки предложений по их совершенствованию.

В Российской Федерации уделяется большое внимание развитию технологий ИИ. Так, Указом Президента Российской Федерации от 10 октября 2019 г. № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации» утверждена Национальная стратегия развития искусственного интеллекта на период до 2030 г. [1]. В указанной стратегии искусственный интеллект определен как комплекс технологических решений, позволяющий имитировать когнитивные функции человека и получать при выполнении конкретных задач результаты, сопоставимые с результатами интеллектуальной деятельности человека или превосходящие их. Это определение в определенной степени, как видим, создает предпосылки для серьезных вызовов традиционной системе охраны результатов творческого труда, а именно создавая основу для возможного превосходства продуктов деятельности ИИ над результатами интеллектуальной деятельности человека, ставя под сомнение основной принцип творческого вклада физических лиц в создание произведений науки, литературы и искусства [2]. Поэтому в юридической литературе активно обсуждаются вопросы по поводу правового регулирования отношений в данной сфере. Отмечается, что право должно искать новые институциональные формы, но вопрос о признании ИИ субъектом права преждевременен, человек должен оставаться основным субъектом права.

В этом аспекте интересной является на наш взгляд новая законодательная инициатива в Российской Федерации, а именно Проект федерального закона «Об основах государственного регулирования сфер применения технологий искусственного интеллекта в Российской Федерации (далее Законопроект). Указанный Законопроект был разработан Министерством цифрового

развития Российской Федерации и в настоящее время проходит широкое обсуждение в том числе и на различных научных мероприятиях [3].

Целью Законопроекта, как указывается в п. 2 ст. 1 Законопроекта является обеспечение безопасности личности, общества и государства, государственного технологического суверенитета при использовании технологий искусственного интеллекта в Российской Федерации. Нет сомнения в своевременности и обоснованности постановки такой цели. Прежде всего в законопроекте определяются и круг отношений, им регулируемый, основные принципы в сфере применения ИИ и закрепляются основные понятия, определяются субъекты отношений.

В законопроекте закрепляется не только новое определение искусственного интеллекта и системы искусственного интеллекта, но и вводятся новые, такие как модель ИИ, большие фундаментальные модели, доверенные модели, эксплуатация уязвимостей человека. Под эксплуатацией уязвимостей человека понимается «использование особенностей физического лица или группы лиц (включая возрастные, психологические, когнитивные, социально-экономические, физические особенности, а также временные состояния) для целенаправленного воздействия на поведение, принятие решений или получение несанкционированного доступа к информации, причиняющего или способного причинить вред».

Важным является с точки зрения устойчивого развития закрепление принципа уважения и автономии и свободы воли человека, «когда нормативное правовое регулирование в области искусственного интеллекта не должно умалять право выбора и интеллектуальные способности человека, являющиеся самостоятельной ценностью и системообразующим фактором общества». Это согласуется с человекоцентричными принципами модели устойчивого развития, которые можно образно охарактеризовать как: «все ради человека и для человека».

В законопроекте закрепляется риск-ориентированный подход к регулированию применения искусственного интеллекта, что означает «установление требований к применению искусственного интеллекта с учетом вероятности рисков причинения вреда (ущерба) и масштабам причиняемого ущерба жизни и здоровью физических лиц, деловой репутации и имуществу физических и юридических лиц, безопасности и технологической независимости государства, окружающей среде и иным охраняемым законом ценностям в связи с применением искусственного интеллекта».

Интересно, что в законопроекте вводится понятие суверенной и национальной модели искусственного интеллекта, которые должны разрабатываться и обучаться на территории Российской Федерации с использованием наборов данных, формирование которых осуществляется на территории Российской Федерации, российскими гражданами и юридическими лицами.

В статье 8 Законопроекта закрепляются нормы, направленные на обеспечение доверия и безопасности при применении технологий ИИ.;

в ст. 10 – обязанности разработчика ИИ в аспекте безопасности созданной модели; в ст. 11 – иных обязанности субъектов правоотношений; ст. 13 посвящена особенностям распоряжения правами на объекты интеллектуальной собственности. В законопроекте много и других интересных положений. Несмотря на то, что они еще находятся на стадии обсуждения и корректировки, в целом эта законодательная инициатива заслуживает внимательного рассмотрения и поддержки.

Исходя из вышеизложенного можно сказать, что дальнейшее развитие искусственного интеллекта не должно наносить вред человеческому обществу и отдельному гражданину, не нарушать права и свободы личности, быть безопасным. Развитие нормативно-правового регулирования должно быть направлено на обеспечение этих задач. Только в таком случае технологические решения на основе ИИ будут направлены на устойчивое развитие человеческого общества, а не создавать угрозы для него.

Список использованных источников:

1. О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации: Указ Президента Российской Федерации от 10 октября 2019 г. № 490. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW (дата обращения: 13.04.2026).
2. Ситдикова, Р.И. Правовое регулирование отношений по использованию технологий искусственного интеллекта при создании аудиовизуальных произведений / Р.И. Ситдикова // Журнал Суда по интеллектуальным правам. – 2025. – Сентябрь. № 2 (48). – С. 40-44.
3. Проект Федерального закона «Об основах государственного регулирования сфер применения технологий искусственного интеллекта в Российской Федерации» // <https://www.consultant.ru/legalnews/31108/>(дата обращения: 13.04.2026).

НАПРАВЛЕНИЯ ВОЗДЕЙСТВИЯ ТЕХНОЛОГИЙ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА НА РАЗВИТИЕ КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВЫХ ИНСТИТУТОВ¹

Шахновская И.В.,

*заведующий кафедрой конституционного и уголовного права
учреждения образования «Полоцкий государственный университет
имени Евфросинии Полоцкой», кандидат юридических наук, доцент*

Использование технологий искусственного интеллекта в современный период становится предметом исследования ряда юридических наук. При этом особую важность приобретает определение степени конституционно-правового регулирования («конституционно-правового вмешательства») общественных отношений, подвергающихся воздействию цифровых

¹ Статья подготовлена в рамках реализации гранта БРФФИ Г25ИИ М- 025 «Конституционные права и свободы личности в условиях использования технологий искусственного интеллекта: способы реализации и защиты»

технологий. Важность исследования вопроса обусловлена значимостью конституционного права как ведущей отрасли права, определяющие фундаментальные принципы для регулирования всех отраслей права. Точное разграничение определения степени конституционно-правового регулирования данных аспектов позволит определить пределы конституционно-правового регулирования цифровизации общественных отношений.

На наш взгляд, именно конституционное право, как основополагающая отрасль права, должно задать ту идею и концепцию цифровизации конституционно-правовых институтов с неукоснительным соблюдением конституционных норм и принципов. Такой подход обусловлен такими факторами, как: 1) фундаментальность конституционно-правовых норм, регламентирующих общие положения для формирования иных отраслей права; 2) императивный характер данной отрасли права; 3) вхождением в предмет конституционного права наиболее важных и значимых для общества и государства общественных отношений.

Одним из проблемных аспектов выступает понимание роли искусственного интеллекта в системе реализации принципа разделения властей. Сущность принципа разделения властей исследована в общей теории права давно. В целом, принцип разделения властей заключается в одновременном существовании нескольких органов государственной власти (нескольких систем), полномочия которых конкретно определены. При этом ни одна власть не вправе подменять полномочия другой [1, с. 451]. В условиях внедрения технологий искусственного интеллекта, безусловно, важно переосмыслить содержание принципа разделения властей.

Использование цифровых технологий, в частности, технологий искусственного интеллекта, оказывает влияние на содержание и реализацию суверенитета как неотъемлемого признака государства. Так, в соответствии с ч. 2 ст. 1 Конституции Республики Беларусь «Республика Беларусь обладает верховенством и полнотой власти на своей территории, самостоятельно осуществляет внутреннюю и внешнюю политику» [2]. В современный период государству важно сохранить свою независимость и полноту власти на своей территории. В связи с цифровизацией общественных отношений особую значимость в данном ключе приобретает необходимость сохранения суверенитета в цифровой среде (информационного суверенитета) как права государства самостоятельно проводить информационную политику, свободно распоряжаться своими информационными ресурсами.

Внедрение технологий искусственного интеллекта стало причиной для трансформации идеи цифрового суверенитета в конституционном праве в части расширения круга носителей (суверенов), за счет включения отдельной личности. Концепция формирования цифрового суверенитета личности, на наш взгляд, основывается на положениях Общего регламента по защите данных (Directive EU 95/46/EC (General Data Protection Regulation) (далее – GDPR) [3]. Так, GDPR были регламентированы такие права личности

в отношении распоряжения своими данными в цифровой среде, как право не подвергаться решениям, принимаемым на основе технологий искусственного интеллекта, право на уточнение и удаление данных, право на ограничение обработки, право на переносимость данных и др. Таким образом, первоначальное понимание цифрового суверенитета личности основывалось на совокупности полномочий личности в области осуществления контроля, распоряжения своими данными в цифровом пространстве.

Следующим аспектом влияния технологий искусственного интеллекта является конституционный институт прав и свобод личности.

Посредством появления новых «цифровых» прав и свобод, таких как:

- право на доступ в Интернет;
- право на защиту цифровой идентичности;
- право на обеспечение цифрового суверенитета личности;
- право на защиту от информационных манипуляций;
- право на защиту от цифровой дискриминации;
- право на защиту персональных данных;
- право на отзыв данных, право на забвение в цифровом пространстве;
- право на защиту от противоправных деяний в цифровом пространстве;
- право на оспаривание решений и действий систем искусственного интеллекта в отношении себя;
- право на отказ от использования цифровых технологий и др.

Большая часть вышеобозначенных прав имеет конституционно-правовую природу возникновения и базируется на неприкосновенности личности, на праве на защиту частной жизни, имеющих свое выражение в сети Интернет. Понятие частной жизни в условиях цифровизации подлежит расширительному толкованию и должно включать, на наш взгляд, следующие обязательные «цифровые понятие и категории»: цифровой образ, цифровой след, персональные данные, цифровая идентичность и т.д.

В качестве еще одного направления воздействия технологий искусственного интеллекта в рамках конституционно-правового регулирования является трансформация конституционных принципов. Так, в условиях цифровизации конституционно-правовой действительности важно обеспечить сохранность таких фундаментальных принципов конституционного права, как:

1. Принцип приоритета прав и свобод личности перед интересами общества и государства. Данный постулат четко определяет положение личности в системе отношений, подвергающихся воздействию цифровых технологий, в части трансформации конституционных прав и свобод. Данный принцип гуманизма ставит личность в центр, обязывая государство сохранять и обеспечивать его права и законные интересы. Такой принцип следует называть юридическим антропоцентризмом.

2. Принцип прямого действия Конституции (ч. 2 ст. 7 Конституции Республики Беларусь). Особую значимость в процессе цифровизации приобретает необходимость обеспечить точную сохранность конституционных ценностей нашего государства, что достижимо, в первую очередь, благодаря прямому действию норм Основного Закона государства.

3. Неукоснительное обеспечение принципа верховенства права. Сохранение прежнего места личности в системе правоотношений в цифровой среде возможно, безусловно, благодаря реализации принципа верховенства права. Именно право выступает универсальным регулятором общественных отношений и именно перед правом стоит задача определять правила использования технологий искусственного интеллекта, основанных на рекомендациях международного права (речь идет о разработанных этических принципах регулирования искусственного интеллекта).

Таким образом, основными направлениями воздействия технологий искусственного интеллекта на конституционно-правовые институты являются трансформация институтов прав и свобод личности, развитие содержательного аспекта конституционного принципа суверенитета как неотъемлемого атрибута государства (за счет появления цифрового суверенитета как государства, так и личности), необходимость сохранения содержания классических конституционных принципов в условиях цифровизации. Кроме того, внедрение технологий искусственного интеллекта важное значение с позиции науки конституционного права имеет при рассмотрении вопроса о трансформации сущности разделения властей. Так, в результате данного исследования была выявлена тенденция создания ведомственных центров в сфере цифрового развития, что свидетельствует об усилении роли исполнительной власти в принятии такого рода решений. Именно органам государственного управления предоставляются дополнительные полномочия в сфере управления сферой цифрового развития, причем, различного характера: полномочия по государственному регулированию, по разработке проектов нормативных правовых актов, контрольные (надзорные) полномочия и др.

Список использованных источников:

1. Марченко, М.Н. Теория государства и права. Ч. 1. Теория государства: учебник / М.Н.Марченко. – Москва, 2011. – 516 с.

2. Конституция Республики Беларусь: с изм. и доп., принятыми на респ. референдумах 24 нояб. 1996 г., 17 окт. 2004 г. и 27 февр. 2022 г. – Минск: Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь, 2024. – 109 с.

3. Regulation (EU) 2016/679 of the European Parliament and of the Council of 27 April 2016 on the protection of natural persons with regard to the processing of personal data and on the free movement of such data, and repealing Directive 95/46/EC (General Data Protection Regulation). – URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=CELEX:32016R0679&rid=6> (date of access: 28.04.2026).

РАЗДЕЛ 1

ИСТОРИКО-ПРАВОВЫЕ, ОБЩЕТЕОРЕТИЧЕСКИЕ, КОНСТИТУЦИОННЫЕ И МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ В УСЛОВИЯХ СОВРЕМЕННОЙ ЦИФРОВОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ ОБЩЕСТВА И ГОСУДАРСТВА

ОХРАНА АВТОРСКИХ И СМЕЖНЫХ ПРАВ В СЕТИ ИНТЕРНЕТ

Барышев В.А.,

*старший преподаватель кафедры истории и теории права
учреждения образования «Витебский государственный
университет имени П.М. Машерова»*

Телекоммуникационные сети, всемирная паутина или Интернет стали неотъемлемой частью жизни современного общества. Интернет расширяет пространственные рамки общения, открывает доступ в мировое информационное пространство, состоящее из всего накопленного научного и культурного знания. Вместе с тем Интернет вызвал определенные проблемы в деле охраны авторских и смежных прав, среди которых легкость копирования любого произведения, исполнения, фонограммы, сложность установления самого факта нарушения авторских или смежных прав, отсутствие в Интернете национальных границ, что вызывает сложности определения компетентного суда, а также признания и приведения в исполнение иностранных арбитражных и судебных решений, восстанавливающих нарушенные авторские и смежные права.

Цель статьи – рассмотреть проблему охраны авторских и смежных прав в сети Интернет, который превратился в главный источник потребления культурной информации для молодого поколения.

В качестве материала исследования использована Бернская конвенция по охране литературных и художественных произведений от 9 сентября 1886 года (в последующих редакциях), Международная конвенция об охране прав исполнителей, производителей фонограмм и вещательных организаций от 26 октября 1961 года, Договор ВОИС по авторскому праву от 20 декабря 1996 года, Договор ВОИС по исполнениям и фонограммам от 20 декабря 1996 года.

Всемирная организация интеллектуальной собственности (далее – ВОИС) оперативно отреагировала на появление новой реальности потреб-

ления культурной продукции, каким стал Интернет. Для охраны прав авторов художественных произведений, исполнителей, производителей фонограмм на дипломатической конференции в Женеве 20 декабря 1996 года были приняты два международных договора, предложенных Всемирной организацией интеллектуальной собственности: Договор ВОИС по авторскому праву [1] и Договор ВОИС по исполнениям и фонограммам [2], которые также называют «Договоры ВОИС по Интернету». Договоры имеют тождественные преамбулы, где следующим образом сформулированы цели их принятия: желание более эффективно и единообразно совершенствовать и поддерживать охрану прав авторов, исполнителей и производителей фонограмм; необходимость введения новых международных правил и более четкого толкования некоторых уже существующих; признание влияния развития информационных и коммуникационных технологий на создание и использование литературных и художественных произведений, на производство и использование исполнений и фонограмм.

Договор ВОИС по авторскому праву адаптирует Бернскую конвенцию к возникшей всемирной телекоммуникационной системе. Эту же задачу решает Договор ВОИС по исполнениям и фонограммам по отношению к Международной конвенции об охране интересов исполнителей, производителей фонограмм и вещательных организаций, заключенной в Риме 26 октября 1961 года (Римской конвенции).

В связи с тем, что уже к середине 1990-х годов выявилась широкая тенденция размещения на страницах сайтов произведений, исполнений, фонограмм без согласия их правообладателей, в ст. 8 Договора ВОИС по авторскому праву, а также в ст. 10, 14 и 15 Договора ВОИС по исполнениям и фонограммам было сформулировано правило, что авторы, исполнители, производители фонограмм пользуются исключительным правом разрешать любое сообщение своих исполнений и фонограмм «по проводам или средствам беспроводной связи, включая доведение своих произведений до всеобщего сведения таким образом, что представители публики могут осуществлять доступ к таким произведениям из любого места и в любое время по их собственному выбору».

В соответствии с Согласованным заявлением к ст. 1(4) Договора ВОИС по авторскому праву было установлено, что «хранение произведения в цифровой форме в электронном средстве связи представляет собой воспроизведение в смысле ст. 9 Бернской конвенции». Такое же положение было включено в Согласованное заявление по ст. 7, 11 и 16 Договора ВОИС по исполнениям и фонограммам. Это означает, что без согласия автора, исполнителя или производителя фонограмм помещение в телекоммуникационную сеть объектов их прав недопустимо, поскольку оно рассматривается как воспроизведение.

Пункт 4 ст. 15 Договора ВОИС по исполнениям и фонограммам установил, что в случае, если фонограммы стали доступными для всеобщего сведения по проводам или средствам беспроводной связи таким

образом, что представители публики могут осуществлять к ним доступ из любого места и в любое время по выбору, то такое опубликование должно считаться произведенным в коммерческих целях.

Помимо правовой защиты авторских прав, Интернет создает возможность установления технической защиты авторских прав, к которым относятся установка паролей доступа, либо паролей, которые позволяют осуществлять воспроизведение или изменение информации. Однако парадокс состоит в том, что технические средства защиты сами нуждаются в защите от их обхода или устранения. Статья 18 Договора ВОИС по исполнениям и фонограммам возлагает на Договаривающиеся Стороны «соответствующую правовую охрану и эффективные средства правовой защиты от обхода *существующих технических средств* (выделено нами. – В.Б.), используемых исполнителями или производителями фонограмм в связи с осуществлением своих прав...». Такое же положение содержится и в ст. 11 Договора ВОИС по авторскому праву.

В целях обеспечения охраны авторских прав, прав исполнителей и производителей фонограмм охраняемые объекты могут содержать информацию об управлении правами, под которой в Договорах ВОИС понимают информацию, которая идентифицирует произведение автора произведения, обладателя какого-либо права на произведение, исполнителя, производителя фонограммы, фонограмму и т.д. Информация об управлении правами может содержать цифры или коды, в которых представлена такая информация.

Статьи 12 и 19 договоров ВОИС по исполнениям и фонограммам обязывают Договаривающиеся Стороны предусмотреть соответствующие и эффективные меры в отношении любого лица, которое намеренно устраняет или изменяет любую электронную информацию об управлении правами, а также осуществляет распространение, импорт с целью распространения, передачу в эфир или сообщение для всеобщего сведения без соответствующего разрешения производителей, исполнений, экземпляров записанных исполнений или фонограмм, зная, что в них без разрешения была устранена или изменена электронная информация об управлении правами. В то же время информацию об управлении правами нельзя рассматривать как какую-либо формальность при осуществлении охраны авторских прав и обладателей смежных прав, поскольку они не допускаются Бернской и Римской конвенциями, а также Договорами ВОИС, которые адаптируют указанные конвенции к техническим возможностям Интернета. Размещение информации об управлении правами производится только по желанию самого автора, исполнителя или производителя фонограмм. Такая информация может содержаться и в скрытой форме, что позволяет предотвратить ее обнаружение и удаление лицом, нарушающим авторские и смежные права.

Участником Договоров ВОИС по Интернету может быть любое государство-член ВОИС. Административные функции по Договорам выполняет Международное бюро ВОИС.

Договор ВОИС по авторскому праву от 20 декабря 1996 г. вступил в силу 6 марта 2002 года. Как и Бернская конвенция 1886 года, Договор имеет обратную силу действия. Его участниками являются около 120 государств. Республика Беларусь оформила свое участие в Договоре принятием Закона от 10 июня 1998 года № 165-З «О ратификации Договора Всемирной организации интеллектуальной собственности по авторскому праву».

Договор ВОИС по исполнениям и фонограммам от 20 декабря 1996 года вступил в силу 20 августа 2002 года. В настоящее время в нем более 110 участников. Договор имеет обратную силу. Присоединение к Договору Республики Беларусь произошло в результате принятия Закона от 10 июня 1998 года № 164-З «О ратификации Договора Всемирной организации интеллектуальной собственности по исполнениям и фонограммам».

Интернет создал новую реальность для авторов художественных произведений, исполнителей и производителей фонограмм, заключающейся в электронных способах получения доступа к объектам принадлежащей им интеллектуальной собственности. С целью охраны прав авторов художественных произведений ВОИС разработала и предложила два договора, адаптирующие новую реальность к устоявшимся способам охраны интересов правообладателей, содержащимся в Бернской конвенции по охране литературных и художественных произведений 1886 г. и Международной конвенции об охране прав исполнителей, производителей фонограмм и вещательных организаций 1961 г. Однако предлагаемая охрана не является совершенной и, в целом, предполагает ограничительные и запретительные меры по несанкционированному доступу к объектам интеллектуальной собственности. В то же время Интернет открывает новые возможности для творческих личностей по доведению результатов своей интеллектуальной деятельности до широкого круга потребителей, находящихся на просторах Интернета. Речь идет о каналах на платформах Интернета, которые могут открывать писатели, художники, скульпторы, исполнители, на которых они могли бы размещать результаты своего творчества, знакомиться с мнениями, подписчиков, оставляемых ими в комментариях по поводу помещенных на каналах контентов. Персональные каналы приносят в настоящее время и материальный доход, поскольку администраторы платформ платят лицам, ведущим каналы в зависимости от количества подписчиков. Примером в этом плане может служить такой известный писатель, как М.И. Веллер, живущий в Эстонии; по просьбам и советам многочисленных своих читателей открывший персональный канал, который менее чем за год собрал более 370 тысяч подписчиков со всего мира.

Список использованных источников:

1. Договор ВОИС по авторскому праву от 20 декабря 1996 года. – URL: <https://docs.cntd.ru/document/901817956/> (дата обращения: 10.04. 2026).
2. Договор ВОИС по исполнениям и фонограммам от 20 декабря 1996. – URL: <https://etalonline.by/document/?regnum=i09600048/> (дата обращения: 10.04. 2026).

ВЗАИМООТНОШЕНИЯ МЕЖДУ ЦЕНТРАЛЬНЫМИ И МЕСТНЫМИ ОРГАНАМИ ВЛАСТИ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ

Борботько П.В.,

*доцент кафедры истории и теории права учреждения образования
«Витебский государственный университет имени П.М. Машерова»,
кандидат исторических наук, доцент*

Махиня Д.С.,

*студентка юридического факультета учреждения образования
«Витебский государственный университет имени П.М. Машерова»*

Ключевым инструментом укрепления единства общества в условиях экономических и общественно-политических трансформаций является обеспечение эффективного функционирования вертикального и горизонтального уровней управления. Применительно к проблеме государственного строительства в унитарных государствах речь может идти о перераспределении полномочий между центром и регионами, а в плане укрепления связей между элементами организации управления – о возрастании роли органов регионального и местного самоуправления. Поиск направлений эволюции региональной власти и трансформации национальной модели отношений между центральным и региональным уровнем управления политическим пространством сегодня приобретает исключительную актуальность для унитарных государств, в том числе и Республики Беларусь.

В Беларуси региональная власть устроена по континентальной модели: на местах есть и госорганы, и самоуправление. Но на практике местные советы работают слабо, их реальное влияние невелико.

Главная проблема – разрыв между Минском и регионами. Особый статус столицы не решает системного дисбаланса. Нужны реальные механизмы: децентрализация, деконцентрация, деволуция.

Проблема перераспределения полномочий неразрывно связана с идеологическим дискурсом, где цифровизация выступает новым инструментом стратификации. Либеральные модели тяготеют к правовой децентрализации и квазифедеральному устройству, используя «федерализацию» для сглаживания контрастов между центром и регионами в условиях транснационального пространства. Однако, как отмечает С. Тирни, в долгосрочной перспективе это чревато рисками формализации и утраты гибкости, особенно если не использовать адаптивные цифровые алгоритмы управления. Выбор эффективной модели требует цифровой оценки рисков, обусловленных территориальными различиями. В Беларуси классическая политическая децентрализация вряд ли обеспечит управляемость без цифровой трансформации территориально-политической организации.

Ключевая предпосылка реформ – создание условий для исполнения решений центра через цифровую обратную связь и баланс центростреми-

тельных/центробежных тенденций. Факторы, осложняющие трансформации (неравномерность АТД, миграция, недостаток финансирования), могут быть частично нивелированы за счёт внедрения геоинформационных систем и автоматизации бюджетных процессов.

С 2003 года (поручение А. Лукашенко Академии наук) и до «Большого разговора» 2018 года тема совершенствования управления оставалась открытой. В 2020 году создана рабочая группа, и сегодня просматриваются пути, напрямую связанные с цифровизацией:

1. Переход к двухступенчатой системе (район-округ) вместо трёхступенчатой. Это функционально сопряжено с программой развития малых городов и изменением структуры бюджетов. Цифровизация казначейского исполнения бюджетов (в 2018 году местные бюджеты составляли 46% консолидированного бюджета) позволит большей части средств расходоваться на местах через прозрачные цифровые контракты.

2. Укрупнение районов и отказ от выборов местных депутатов в пользу назначаемой администрации, что на фоне цифровизации госуслуг (электронное правительство) должно снизить число чиновников и повысить самостоятельность органов управления за счёт автоматизации рутинных функций.

На сегодняшний день цифровизация общественных отношений является ключевым направлением в проведении внутренней политики государства. Вместе с тем цифровизация местного самоуправления не получила самостоятельного системного подхода и осуществляется в рамках принятых государственных программ по цифровому развитию органов государственной власти, построения электронного правительства. Белорусское законодательство требует внесения изменений и дополнений в части развития институтов местного самоуправления в цифровую эпоху

Местное самоуправление в Беларуси можно анализировать через две ключевые организационные формы.

Первая – это система официальных структур: местные Советы депутатов и органы территориального общественного самоуправления.

Вторая – способы активности населения в рамках конкретной административно-территориальной единицы (АТЕ). Сюда относятся местные собрания, референдумы, гражданские инициативы по принятию решений Советами и т.д. Именно вторая форма вводит в конституционно-правовое поле особого участника – жителей соответствующей территории, которые вправе влиять на вопросы локального значения. Такое участие может быть индивидуальным (например, электронные обращения с предложениями) или коллективным (сходы граждан, инициативы). В современной науке даже появился термин «право на цифровое самоуправление» [1, с. 183].

Исходя из организационно-правовых форм, можно выделить два направления для оценки цифровизации местного самоуправления:

1. фактическое использование цифровых технологий в работе местных Советов и органов ТОС;

2. наличие реальных механизмов вовлечения жителей в управление на местах и степень их активности.

Таким образом, например, принцип гласности в нормотворчестве местных Советов Беларуси, на практике он сводится к публикации проектов решений на «Правовом форуме Беларуси».

Под цифровизацией местного самоуправления понимается постоянное внедрение IT-технологий в работу местных органов и постепенный перевод механизмов локальной демократии (прямой и представительной) в цифровой формат.

Ключевые задачи в этой сфере для Беларуси:

1. Создание новых цифровых форматов общения жителей АТЕ с местной властью;
2. Повышение активности граждан в управлении своей территорией;
3. Преодоление цифрового неравенства в регионах (обеспечение реального доступа к технологиям для всех);
4. Рост доверия населения к электронным способам взаимодействия.

В целом цифровые процессы в Беларуси развиваются позитивно. По индексу человеческого капитала в рейтинге ООН по электронному правительству за 2022 г. страна вошла в топ-30 из 193, обогнав Израиль, Францию, Японию, Турцию и другие. Согласно Глобальному инновационному индексу 2022 (ВОИС), Беларусь заняла 48-е место по доступу к ИКТ, 27-е – по использованию ИКТ, а по экспорту ИКТ-услуг – 10-е место в мире [3].

Однако системного подхода к цифровизации именно местного самоуправления до сих пор нет. Хотя цифровизация общественных отношений объявлена приоритетом внутренней политики. В госпрограмме «Цифровое развитие Беларуси» на 2021–2025 гг. есть подпрограмма по цифровой трансформации регионов. Её основными направлениями могут быть: создание типовой региональной госплатформы для информобмена и диалога с людьми, внедрение платформ «Умный город (регион)», развитие сервисов на базе этих платформ.

При этом ответственность за цифровизацию регионов возложена на облисполкомы и Мингорисполком. Роль же местных Советов в госпрограмме сведена лишь к утверждению финансирования – в рамках их конституционного полномочия по одобрению местных бюджетов (ст. 121 Конституции). Фактически местные Советы остаются за рамками реального участия в развитии цифровой среды регионов.

Парадоксально, но «отстранению» местных Советов от цифровой трансформации способствует их конституционная самостоятельность (институт выделен в отдельную главу Конституции, а принцип самостоятельности закреплён в Законе «О местном управлении и самоуправлении», ст. 3). Однако в условиях общей цифровизации государства этот признак оборачивается негативным фактором. Приоритет отдаётся внедрению цифр в госуправление, экономику и диалог граждан с властью, а само-

управление оказывается на обочине. Получается, что реальной самостоятельности в процессе цифровой трансформации у местных Советов нет.

Тенденция к сближению самоуправления с исполнительной властью видна и в проектах «Умный город». З.К. Кондратенко определяет умный город как комплекс IT-решений, платформ и интеллектуальных систем управления инфраструктурой [4, с. 46]. Типовая концепция «умных городов» Беларуси среди прочего предусматривает цифровую платформу для вовлечения граждан в решение местных вопросов. Главные принципы – ориентация на человека и его потребности, а также вовлечение жителей в управление городом.

При этом анализ Типовой концепции выявляет противоречия. В 2023 году принято Постановление Минсвязи «Об уровне цифрового развития отраслей экономики и АТЕ», которым утверждены критерии для оценки цифровизации регионов: доля городов с платформой «Умный город», охват интеллектуальными транспортными системами, уровень цифровизации ЖКХ, мониторинг окружающей среды и т.д. Разработка таких критериев – безусловный плюс, так как позволит составлять рейтинги и на их основе стимулировать регионы льготами и финансированием.

Еще один пример – мобильное приложение «Мой город», к которому подключены Витебск, Полоцк, Глубокое, Пинск, Орша, Сморгонь, Несвиж, Могилёв и другие города. Через приложение можно получить административные услуги, записаться на приём, узнать о событиях.

Эволюция отношений «центр–регионы» – это вопрос идеологии и готовности элит, но в цифровую эпоху она реализуется через формы децентрализации на базе данных. Как заявил А. Лукашенко на VI ВНС: «Мы должны максимально приблизить центры принятия решений к людям, обеспечить постоянную, эффективную обратную связь». Цифровизация и есть инструмент такой связи – без надуманности, иначе получим обратный эффект. Сегодня выбор между централизацией и децентрализацией в Беларуси стимулируется экономикой и необходимостью сохранить стабилизирующую роль национальной власти. Эта стратегия укладывается в политику деконцентрации и перераспределения полномочий через цифровое стимулирование инициативы местной власти.

Список использованных источников:

1. Чертков, А. Н. Местное самоуправление: субъект права на «цифровое самоуправление» / А. Н. Чертков // Право и права человека в современном мире: тенденции, риски, перспективы развития : материалы Междунар. науч. конф., посвящ. памяти проф. Ф. М. Рудинского (г. Москва, 15 апр. 2021 г.) / Моск. гор. пед. ун-т ; редкол.: В. В. Строев [и др.]. – Москва, 2021. – С. 182-185.
2. Тажитдинов, И. А. Транспарентность органов местного самоуправления в условиях цифровой экономики / И. А. Тажитдинов, А. Г. Атаева, А. И. Шатунова // Муниципалитет: экономика и упр. – 2020. – № 3. – С. 48-58.
3. Рейтинги ИКТ // Министерство связи и информатизации Республики Беларусь. – URL: <https://www.mpt.gov.by/ru/rejtingiikt0> (дата обращения: 12.04.2026).
4. Кондратенко, З. К. Правовое регулирование технологии Smart City в условиях цифровизации / З. К. Кондратенко // Аграр. и земел. право. – 2020. – № 12 (192). – С. 45-48.

КОНЦЕПТУАЛЬНО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ЦИФРОВИЗАЦИИ ПРАВА

Бочков А.А.,

кандидат философских наук, доцент

Гурщенков П.В.,

*доцент кафедры гражданского права и гражданского процесса
учреждения образования «Витебский государственный университет
имени П.М. Машерова», кандидат юридических наук, доцент*

Важное место в совершенствовании современного общества риска, нестабильности и неопределенности занимает цифровизация, как закономерный этап научно-технического прогресса, основное средство оптимизации и совершенствования. Она выступает в виде новой реальности: виртуальной, искусственной, дополненной, расширенной, инновационной, технологической, квантовой, нейронной, когнитивной, роботизированной. Цифровизация многократно увеличивает естественные человекомерные возможности и риски с помощью интернета, AI, Big Data, электронного государства и права, электронной демократии, умного (smart) города, дома, квартиры.

Это целостный, комплексный государственно-правовой институт, алгоритмированная конструкция, под воздействием которой модифицируются все формы социального бытия от инновационно-технологической до политико-социальной и экономико-правовой. Цифровизация знаменует собой стремительный методологический разворот общества в сторону безопасности, роста материального и духовного благосостояния, единства, целостности, комфорта, балансирования между киберопасностью и киберустойчивостью. Особую роль для человека приобретают здесь факторы времени, социальной активности, знаний, убеждений и умений.

Право, как объект воздействия цифровизации меняет свои формы, содержание, механизм формирования и реализации [1, с. 5]. Однако, в науке нет четкого понимания правовых трансформаций, связанных с использованием цифровых технологий, вектора движения, закономерностей, автоматизированного воплощения. Некоторые авторы полагают, что «тезис о цифровизации права в определенной мере провокационный», оно не подвержено существенным трансформациям под воздействием «оцифровки» общественной жизни [2, с. 173].

Чем больший технологический, правовой, духовно-нравственный задел имеет социум, тем быстрее, эффективнее он включит цифровизацию в решение стоящих задач и получит предсказуемый результат. До сих пор отсутствует целостная концепция цифровизации права на мета-, мезо-, микроуровнях, конкретные способы и формы реализации. Не просчитаны последствия, не квалифицированы риски в условиях санкций и глобальной нестабильности. Не решена проблема «цифрового разрыва» между

правовым регулированием и реальностью, не оцифрованы виртуальные вызовы в области безопасности и имущественных отношений, не разработаны адекватные правовые модели для сквозных технологий (AI, IoT, блокчейн). Недостаточно изучаются и применяются механизмы доказывания по «цифровым делам», не адаптированы процессуальные кодексы по сбору и исследованию электронных доказательств (данные из облаков, криптокошельков). В правоохранительной системе не хватает квалифицированных кадров по кибербезопасности, AI, Big Data, превентивному изучению будущих результатов. Недостаточно защищены права субъектов персональных данных при взломе, тотальном сборе информации.

Практически отсутствуют контакты с недружественными странами в вопросах экстерриториальности цифровых платформ, международного сотрудничества в борьбе с киберпреступностью. Наблюдается дефицит эмпирических исследований в виртуальной среде, влияния автоматизированного правоприменения, смарт-контрактов. В условиях борьбы с правовой инфляцией существует потребность в разработке юридической техники, применении цифровых стандартов для правотворчества, правореализации, мониторинга. Требуется более активное цифровое внедрение в правосудие, механизмы исполнения судебных решений. Нуждается в актуализации риск-ориентированное правовое регулирование в рамках управляемой концепции неопределенности (Т.Я. Хабриева).

Цифровое право находится в состоянии пограничности, на передних рубежах решения своего функционального назначения. Именно оно превращается в основной правовой регулятор, заменяющий бумажные кодексы и традиционные механизмы. Его пограничность проявляется также в промежуточности между социально-экономическими, цифровыми проблемами и их законодательно-правоприменительным решением с помощью правовых механизмов. Промежуточность проявляется на уровне гигантских возможностей интернета, Big Data, AI и роста телефонного мошенничества, киберпреступности, увеличения национальных и экономических рисков и их последствий. Здесь следует согласиться с основателем доктрины интернет-права Л. Лессигом: «Интернет – это лучшая и худшая из технологий» [3, с. 4].

Многие вопросы требуют доктринально-практического решения. Это дисбаланс, асинхронность теории, нормативного регулирования и правореализации. Требуется новые методологические подходы изучения и оценки: системно-сетевой (Big Data, аттракторы объективно-виртуальной среды), рискологический (где общество, государство, личность – непрерывный риск, нестабильность, полу-хаос), цифровой реализм (постижение через цифру, логотип, правовую формулу, социально-экономический эффект), интердисциплинарный (интеграция естественных, технических, гуманитарных наук, управления, стандартов, теории систем). В зачаточном состоянии находится правовая квалиметрия, экономическая эффективность автоматизированных правовых процессов.

Происходит качественная перестройка правовой системы, которая нуждается в цифровых «прививках», имеющих сквозное проникновение и действие [4, с. 89]. Происходит переход от традиционного деления системы права (норма, институт, подотрасль, отрасль) к сквозному выделению циклических кросс-отраслевых правовых массивов, «перепрошивающих» все право и направленных на решение важных социальных задач: укрепление национальной, экономической, военной, научно-технологической, продовольственной, демографической безопасности, борьбы с коррупцией и др. [4, с. 90]. По мнению Т.Я. Хабриевой, циклические правовые массивы «не обнаруживают тенденции к обособлению подобно отраслям или институтам права, а, напротив, демонстрируют способность к сквозному пронизыванию всех или большинства элементов системы права. Они встраиваются в уже существующие правовые образования, выступая основным драйвером и магистральным направлением интеграции и дифференциации в эпоху цифровизации. Данная концепция формирует новый подход к правоприменению, механизму действия, преодолению коллизионности норм, установлению своего рода «основной» нормы. В результате расширяются и сужаются сферы правового регулирования, укрепляется самоуправляющееся начало [2, с. 176, 178-179, 184-186].

На нормативном уровне набирают силу тенденции превентивного правового регулирования, создания гибких норм, саморегулирования, экспериментальных режимов. На институциональном – сетевого взаимодействия, платформенной модели управления. Инструментальном – автоматизированного контроля через: Legal Tech, Reg Tech, Sup Tech, блокчейн. Процедурном – работы с большими данными, прозрачности, алгоритмических решений. Гарантийном – автоматической компенсации при нарушении, открытости, общественной прозрачности. Ценностно-целевом – защита цифрового суверенитета и данных. Риск-ориентированном – отказ от тотальных запретов, использование тестирования, моделирования, «регуляторных песочниц».

Национальная и экономическая безопасность государств в условиях цифровой трансформации общества утрачивает исключительно регулятивно-правовой характер и приобретает превентивно-безопасную управленческую направленность сбалансированного риска. Это требует автоматизированного мониторинга репрезентативного определения уровня коррупции в стране и введение разработанного перечня мероприятий антикоррупционной направленности, с включением электронных государственных платформ [5, с. 11].

Необходимо алгоритмизировать наиболее значимые государственно-правовые действия, связанные с избирательными, государственно-властными решениями, правом собственности национальных экономических богатств, ресурсов, прав и свобод граждан, юридической ответственности. Нужен Цифровой Кодекс, Стратегия борьбы с киберпреступностью, закон о механизме правового обеспечения национальной и экономической безопасности.

«Проблемы юриспруденции лежат за ее пределами в социальной, политической, экономической, психологической сферах» [6, с. 7].

Наиболее эффективно цифровизация права может осуществляться в рамках правового государства, соединения легальности с легитимностью, способствующих единству и процветанию общества, социальной стабильности и справедливости. Этому должна быть подчинена не только долгосрочная перспектива развития страны, но и краткосрочная и среднесрочная.

Список использованных источников:

1. Хабриева, Т.Я. Технологические императивы современного мира и право / Т.Я. Хабриева // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. – 2023. – Т.19. – № 1. – С. 5-12.

2. Хабриева, Т.Я. Право в условиях цифровой реальности / Т.Я. Хабриева // Избранные труды: в 10 т. – Т. 10. Содержание: Право и экономика. Право и антикоррупционная политика. – Москва. 2018. – 464 с.

3. Цит. по: Бочков, А.А. Современное государство и право в условиях цифровой реальности / А.А. Бочков // Право. Экономика. Психология. Научно-практический журнал. Учредитель: учреждение образования «Витебский государственный университет имени П.М. Машерова». – 2019. – № 1(13). – С. 3-8.

4. Хабриева, Т.Я. Право в условиях цифровой реальности / Т.Я. Хабриева, Н.Н. Черногор // Журнал российского права. – 2018. – № 1. – С. 85-102.

5. Бочков, А.А. Терминологически-концептуальное определение коррупции, ее причин и последствий / А.А. Бочков // Вестник Санкт-Петербургской юридической академии. – 2024. – № 2(63). – С. 5-12.

6. Бочков, А.А. Общая теория права и государства. В понятиях и таблицах: учеб. пособие для студентов вузов, обучающихся по направлению подготовки «Юриспруденция» / А.А. Бочков, А.В. Рыжик. – 3-е изд., перераб. и доп. – Москва: ЮНИТИ-ДАНА, 2025. – 231 с.

ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ ЭВОЛЮЦИИ ЦИФРОВОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ ОБЩЕСТВА В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

Бурачевская О.Л.,

*заместитель директора по учебной работе государственного
учреждения образования «Новосельская средняя школа», магистр*

Цифровая трансформация современного общественного устройства повсеместно претерпевает технологические и цивилизационные изменения, затрагивающие все аспекты правового регулирования государства. Историко-правовой анализ этого процесса позволяет выявить основные закономерности в развитии правовых институтов. Повсеместное развитие цифровизации белорусского общества является национальным приоритетом. В этой связи, исследование историко-правовых проблем приобретает особое значение: оно помогает осмыслить путь от принятия первых законодательных документов, принятых в 1990-е годы до

современной системы управления цифровым развитием, а также позволяет выявить основные системные противоречия и определить направления совершенствования правового регулирования.

Формирование нормативной правовой базы информационной сферы в Республике Беларусь началось в 1990-е годы, когда происходило осмысление новых для постсоветского пространства отношений, связанных с информацией и информатизацией. Первым системообразующим актом стал Закон Республики Беларусь от 10 ноября 1994 года «Об информации», который закрепил базовые принципы правового регулирования информационных отношений, определил правовой режим документированной информации и основы информационной безопасности. Однако, как отмечают исследователи, законодательство этого периода носило фрагментарный характер и не учитывало стремительного развития интернет-технологий. Отсутствовало комплексное регулирование электронного документооборота, электронной цифровой подписи, ответственности за правонарушения в информационной сфере. Правовая система, сформированная в индустриальную эпоху, оказалась не готова к вызовам цифровой реальности. В 1995 году был принят Закон «О государственных секретах», а в 1997 году – Закон «О технической защите информации», что свидетельствовало о первоочередном внимании государства к вопросам безопасности, а не к развитию информационного общества. Такой подход, обусловленный историческими условиями 1990-х годов, предопределил доминирование охранительной парадигмы в правовом регулировании информационной сферы на длительный период.

Второй этап характеризуется осознанием необходимости системного правового обеспечения электронного государства. В 2002 году принят Закон «Об электронном документе», который установил правовые основы использования электронных документов в гражданском обороте [1]. В 2006 году введен в действие Закон «О национальном архиве», а в 2008 году – Закон «О защите персональных данных», что стало важным шагом в регулировании отношений, связанных с обработкой информации о гражданах [2].

Однако, принятые акты не образовывали целостной системы. Нормы о персональных данных были разрозненными, отсутствовал единый орган по защите прав субъектов персональных данных, механизмы контроля были неэффективными. Электронный документ долгое время не мог получить полноценного признания в гражданском обороте из-за сохранявшихся требований о письменной форме сделок.

Знаковым событием этого этапа стало создание в 2005 году Парка высоких технологий (ПВТ) – специального правового режима для IT-компаний. Декрет Президента Республики Беларусь от 22 сентября 2005 года № 12 «О Парке высоких технологий» создал уникальный для постсоветского пространства правовой режим, предусматривающий льготное

налогообложение, упрощенное регулирование и особые условия для развития экспорта программного обеспечения [3]. Этот акт стал примером «точечной» либерализации, опередившей общее развитие законодательства.

С 2015 года начинается новый этап, связанный с принятием стратегических документов – Стратегии развития информационного общества Республики Беларусь до 2020 года, а затем – Государственной программы «Цифровое развитие Беларуси» на 2021–2025 годы. В 2017 году принята обновленная редакция Закона «О защите персональных данных», приближенная к европейским стандартам, что стало важным шагом в гармонизации законодательства.

Ключевым событием стало принятие Декрета Президента Республики Беларусь от 21 декабря 2017 года № 8 «О развитии цифровой экономики», который расширил правовой режим ПВТ на всю сферу цифровой экономики, легализовал криптовалюты, краудфандинг, смарт-контракты и создал беспрецедентные условия для развития блокчейн-технологии. Декрет № 8 рассматривается исследователями как попытка создать «правовой прорыв», опережающий технологическое развитие, но породивший и ряд проблем, связанных с отсутствием комплексного регулирования и противоречиями с общим гражданским законодательством.

В 2022 году принят Указ Президента № 136, который возложил на Министерство связи и информатизации функции по управлению цифровым развитием, что ознаменовало переход от разрозненных проектов к системной государственной политике [4]. В 2023 году Указом № 381 «О цифровом развитии» утвержден новый механизм планирования и реализации мероприятий в сфере цифрового развития [5].

Одной из ключевых историко-правовых проблем цифровой трансформации является феномен «догоняющего» правотворчества, когда законодательство вынуждено реагировать на уже возникшие технологические реалии, а не опережать их. В Беларуси это проявилось на всех этапах: принятие закона об электронном документе после фактического распространения электронного документооборота, введение регулирования персональных данных после масштабных утечек, легализация криптовалют через Декрет № 8 только после того, как они получили значительное распространение.

Как отмечает П.Н. Солодаев, такая модель правотворчества ведет к «нормативному лагу», когда право не успевает за технологиями, что создает зоны правовой неопределенности и риски для участников оборота [6, с.218]. При этом попытки «опережающего» регулирования, принятые в Декрете № 8, также столкнулись с трудностями: многие нормы оказались невостребованными или нереализуемыми из-за отсутствия технологической и институциональной инфраструктуры.

Цифровая трансформация вступила в противоречие с рядом фундаментальных институтов гражданского права, сформировавшихся

в XIX–XX веках. Наиболее ярко это проявляется в институте письменной формы сделки. Гражданский кодекс Республики Беларусь в статье 159 требует соблюдения простой письменной формы для сделок юридических лиц между собой и с гражданами, а для ряда сделок — нотариального удостоверения. Однако электронный документ, даже при наличии электронной цифровой подписи, долгое время не признавался полным аналогом письменной формы.

Лишь в последние годы судебная практика и отдельные нормативные акты (например, Закон «О государственных закупках») начали признавать электронные документы. Однако, как показывают исследования, в правосознании сохраняется «юридический формализм», требующий бумажного носителя для ключевых юридически значимых действий. Исторически сложившееся предпочтение «вещественного» доказательства перед электронным остается серьезным барьером для полной цифровизации правосудия и гражданского оборота [7, с. 65].

Цифровая экономика порождает новые объекты гражданских прав, которые не вписываются в традиционную классификацию вещей, имущества и имущественных прав. Криптовалюты, токены, цифровые активы, базы данных, программное обеспечение — все эти объекты требуют определения их правового режима. Декрет № 8 ввел понятие «токен» и определил его как запись в блокчейне, однако не отнес его ни к вещам, ни к имущественным правам, что породило доктринальные споры о природе токенов [7, с. 65].

Исторически институт собственности в белорусском праве формировался под влиянием римского права и советской цивилистики, где основным объектом была вещь. Цифровые объекты не имеют материальной формы, не обладают признаками индивидуально-определенной вещи. Как показывает практика, суды вынуждены применять по аналогии нормы о защите имущественных прав, что создает правовую неопределенность.

Цифровая среда по своей природе трансгранична, тогда как правовая система государства традиционно строится на принципе территориальности. Это историко-правовое противоречие обостряется в условиях глобальных цифровых платформ, облачных сервисов и распределенных реестров. Белорусское законодательство, как и законодательство других стран, пытается разрешить эту коллизию через расширение экстерриториального действия норм. Однако эффективность такого подхода ограничена: государство не может принудительно взыскать штраф с иностранной компании, не имеющей активов на его территории. Исторический опыт показывает, что разрешение подобных проблем возможно лишь на основе международных договоров и гармонизации законодательств [8, с. 52]. В настоящее время Беларусь участвует в разработке международных соглашений в рамках СНГ, ЕАЭС, однако полноценного механизма трансграничного правоприменения в цифровой сфере пока не создано. В белорусской правовой системе процесс адаптации

к цифровой эпохе идет по пути постепенного формирования новой правовой идентичности.

Проведенный историко-правовой анализ цифровой трансформации общества и государства в Республике Беларусь позволяет сделать вывод о сложном и противоречивом характере этого процесса. Правовая система, сформированная в индустриальную эпоху, сталкивается с необходимостью фундаментальной адаптации к вызовам цифровой реальности. Основные историко-правовые проблемы связаны с разрывом между темпами технологического развития и темпами правотворчества («догоняющее» регулирование), противоречием между традиционными правовыми институтами (форма сделки, ответственность, собственность) и новыми цифровыми объектами и отношениями, а также с трансграничным характером цифровой среды, вступающим в противоречие с территориальным принципом действия права.

Список использованных источников:

1. Об электронном документе и электронной цифровой подписи: Закон Республики Беларусь, 28 дек. 2009 г. № 113-З: в ред. Закона Респ. Беларусь от 16 марта 2026 г. № 134-З // ЭТАЛОН: информ.-поисковая система (дата обращения: 20.03.2026).
2. О защите персональных данных: Закон Республики Беларусь, 7 мая 2021 г. № 99-З: в ред. Закона Респ. Беларусь от 16 марта 2026 г. № 134-З 3 // ЭТАЛОН: информ.-поисковая система (дата обращения: 12.04.2026).
3. О Парке высоких технологий: Декрет Президента Республики Беларусь, 22 сент. 2005 г. № 12: в ред. Декрета Президента Республики Беларусь от 18 марта 2021 г. № 1 // ЭТАЛОН: информ.-поисковая система (дата обращения: 02.04.2026).
4. Об органе государственного управления в сфере цифрового развития и вопросах информатизации: Указ Президента Республики Беларусь, 7 апр. 2022 г. № 136: в ред. Указа Президента Респ. Беларусь от 19 мая 2025 г. № 200 // ЭТАЛОН: информ.-поисковая система (дата обращения: 12.04.2026).
5. О цифровом развитии: Указ Президента Республики Беларусь, 1 сент. 2023 г. № 381: в ред. Указа Президента Респ. Беларусь от 10 сентября 2025 г. № 329 // ЭТАЛОН: информ.-поисковая система (дата обращения: 12.04.2026).
6. Солодаев, П. Н. Правовое регулирование цифровой экономики в Республике Беларусь / П.Н. Солодаев // Государство и право: актуальные проблемы формирования правового сознания: сб. ст. VIII Междунар. науч.-практ. конф., 6 дек. 2024 г., г. Могилев. – Могилев: МГУ им. А. А. Кулешова, 2025. – С. 217-219.
7. Авакян, Е.А. Цифровая трансформация экономики Республики Беларусь: правовое регулирование и перспективы развития / Е.А. Авакян // Путь в науку. Юридические науки. – 2025. – № 57. – С. 65-66.
8. Турбан, Г. В. Устойчивое развитие на основе инноваций и ESG-трансформации / Г. В. Турбан // Экономический рост Республики Беларусь: глобализация, инновационность, устойчивость: материалы XVII Междунар. науч.-практ. конф., Минск, 16 мая 2024 г. – Минск: Колорград, 2024. – С. 51-52.

К ВОПРОСУ О ПРОМЫШЛЕННОЙ СОБСТВЕННОСТИ И ПАТЕНТНОМ ПРАВЕ

Бутримова Ю.С.,

*старший преподаватель кафедры истории и теории права
учреждения образования «Витебский государственный
университет имени П.М. Машерова»*

Объектами права промышленной собственности являются изобретения, полезные модели, промышленные образцы, фирменные наименования, товарные знаки и знаки обслуживания, секреты производства, географические указания, селекционные достижения (сорта растений и породы животных), топологии интегральных микросхем. Под изобретением понимают техническое решение, являющееся новым, имеющее правовую охрану, изобретательский уровень и промышленное применение [1]. Законодательство Республики Беларусь относит изобретение к техническому решению в любой области, которое относится к продукту или способу, а также к применению продукта или способа по определенному назначению и удовлетворяет следующим условиям патентоспособности: новизне, изобретательскому уровню и промышленной применимости. Охрана изобретения означает, что любое лицо, желающее использовать изобретение, должно получить разрешение у патентообладателя. Срок действия патентов ограничен и в большинстве стран, включая Республику Беларусь, составляет 20 лет с даты подачи заявки. В отдельных случаях возможно продление патента на срок не более чем на 5 лет.

Полезная модель – это техническое решение, относящееся к устройствам. Патентоспособность полезной модели определяется двумя основными признаками: новизной и промышленной применимостью. Полезные модели нередко называют «малыми патентами», поскольку они характеризуются более низким изобретательским уровнем по сравнению с изобретениями, меньшим сроком охраны – в Республике Беларусь он составляет 5 лет с возможностью продления ещё на 3 года – а также сниженным размером пошлин.

Промышленный образец – это художественное или художественно-конструкторское решение изделия, определяющее его внешний вид. Художественно-конструкторский аспект промышленного образца может выражаться в форме изделия, его очертаниях, рисунке или расцветке. Однако охраняемый внешний вид не должен определяться исключительно или преимущественно техническими либо функциональными соображениями. Промышленный образец должен быть пригоден для тиражирования в промышленных масштабах. Если при тиражировании теряются характерные качества такого образца, он не может быть объектом охраны как промышленный образец, но может получить защиту как произведение искусства в рамках авторского права. Срок охраны промышленного образца, как правило,

составляет от 5 до 15 лет. В Республике Беларусь он устанавливается на 10 лет с возможностью продления ещё на срок, не превышающий 5 лет.

Под фирменным наименованием понимается то наименование, под которым предприниматель выступает в гражданском обороте и которое индивидуализирует его среди иных участников гражданского оборота. Действующее законодательство содержит специальные нормы о фирменных наименованиях юридических лиц в зависимости от вида их деятельности (например, страховое акционерное общество, профсоюз работников ЖКХ) или организационно-правовой формы (например, общество с ограниченной ответственностью, государственное унитарное предприятие, благотворительный фонд). Так, в соответствии со статьей 4 Закона Республики Беларусь «О хозяйственных обществах» от 9 декабря 1992 г. № 2020-ХІІ, хозяйственное общество должно иметь наименование на белорусском и русском языках, содержащее указание на его организационно-правовую форму [2]. В свою очередь, статья 5 Закона «О потребительской кооперации (потребительских обществах, их союзах)» от 25 февраля 2002 г. № 93-3 устанавливает, что в наименовании потребительского общества должно содержаться указание на административно-территориальную единицу по месту его нахождения, а также слова «потребительское общество» [3].

Указания происхождения и наименования мест происхождения товаров, часто объединяемые понятием «географические указания», также относятся к объектам, подлежащим правовой охране в рамках промышленной собственности. Указание происхождения – это наименование, выражение или знак, свидетельствующее о том, что товар или услуга происходят из конкретной страны, региона или местности. Наименование места происхождения товара (НМПТ) – это обозначение страны, населённого пункта или иного географического объекта, применяемое к товару, обладающему особыми свойствами, связанными с природными условиями или человеческими факторами, характерными для этого региона. В Беларуси примером географического указания может служить «Беларускі лён» или «Гжельская керамика».

Целям индивидуализации юридических лиц, осуществляющих предпринимательскую деятельность, наряду с фирменными наименованиями служат также товарные знаки и знаки обслуживания. Представляется, что различие между товарным знаком и знаком обслуживания следует проводить только по объекту маркировки. Товарным знаком признается обозначение, способствующее отличию товаров, работ и (или) услуг одного лица от однородных товаров, работ и (или) услуг других лиц. В качестве товарных знаков могут быть зарегистрированы словесные, в том числе имена собственные, цвет, сочетания цветов, буквенные, цифровые, изобразительные, объемные и другие обозначения или их комбинации. Товарный знак может быть зарегистрирован в любом цвете или цветовом сочетании. В отношении товарного знака признается исключительное право, удостоверяемое свидетельством на товарный знак.

Срок действия свидетельства составляет десять лет и исчисляется с даты поступления заявки в патентный орган. При этом этот срок может быть продлен неограниченное количество раз по заявлению владельца. При регистрации товарных знаков и знаков услуг применяется Международная классификация товаров и услуг (МКТУ), установленная Ницким соглашением 1957 г. на международной дипломатической конференции в Ницце (Франция). Международная классификация товаров и услуг основана на группировании сходных товаров и услуг в отдельные классы. МКТУ обновляется каждые пять лет принятием новой редакции. С 1 января 2023 г. действует 12-я редакция, состоящая из 45 классов товаров и услуг: 34 класса относятся к товарам и 11 классов – к услугам. МКТУ пересматривается комитетом экспертов, в состав которого входят представители всех государств участников Ницкого соглашения.

Секрет производства (или же ноу-хау) – это сведения любого характера (производственные, технические, экономические, организационные и другие), в том числе о результатах интеллектуальной деятельности в научной, научно-технической и инновационной сферах, а также о способах осуществления профессиональной деятельности, не являющиеся общеизвестными или легкодоступными третьим лицам в кругах, которые обычно имеют дело с такими сведениями, а также имеющие коммерческую ценность для лица, обладающего этими сведениями, в силу неизвестности третьим лицам и при условии, что данное лицо принимает совокупность мер, необходимых для обеспечения их конфиденциальности [4]. Такое определение дает Положение о выплате вознаграждения и компенсации в отношении объектов права промышленной собственности, утвержденное постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 6 марта 1998 г. № 368 (в редакции от 9 ноября 2023 г. № 769). Исходя из определения, секрет производства отличается следующими характерными чертами. Коммерческая ценность может состоять в сокращении издержек производства, увеличении доходов, сохранении положения на рынке, установлении четкой системы оценки количества и качества деятельности персонала, формализации бизнес-процессов [5, с. 54]. С вступлением в силу Закона Республики Беларусь от 5 января 2013 года № 16-З «О коммерческой тайне», который начал действовать с 1 октября 2014 года. Согласно этому закону, режим коммерческой тайны считается установленным после определения состава сведений, подлежащих охране, и принятия необходимых мер по обеспечению их конфиденциальности.

Разновидностью объектов промышленной собственности является сорт растений. Согласно Закону Республики Беларусь от 13 апреля 1995 г. № 3725-ХІІ «О патентах на сорта растений», сортом растения признается группа растений в рамках низшего из известных ботанических таксонов, которая может быть определена степенью проявления признаков, являющейся результатом реализации данного генотипа или комбинации генотипов,

отличима от любой другой группы растений степенью выраженности по крайней мере одного из этих признаков и может рассматриваться как единое целое с точки зрения ее пригодности для воспроизводства в неизменном виде целых растений этой группы [6]. Сорту предоставляется правовая охрана, если он обладает совокупностью признаков, то есть он является новым, отличимым, однородным и стабильным. Такой сорт вносится в специальный реестр с выдачей патента, а патентообладателю предоставляются исключительные права на его использование, за исключением некоторых прямо указанных в законе случаев. Срок охраны сортов растений составляет 25 лет с даты регистрации в специальном реестре.

Относительно новым явлением в праве интеллектуальной собственности является правовая охрана топологий интегральных микросхем. Топология интегральных микросхем (далее – топология) – это зафиксированное на материальном носителе пространственно-геометрическое расположение совокупности элементов интегральной микросхемы и связей между ними [7]. Законодательство о защите топологий может строиться на началах авторского права, поскольку режим охраны топологии не требует новизны или изобретательского уровня. Белорусское законодательство относит топологии к объектам права промышленной собственности. Правовая охрана топологии в Республике Беларусь предоставляется на основании регистрации этой топологии в Государственном реестре топологий интегральных микросхем. Топология может быть зарегистрирована как на физическое, так и на юридическое лицо. Таким образом, правообладателем может быть автор топологии (разработчик), либо юридическое лицо, к которому перешли права (например, работодатель). Зарегистрировав топологию интегральных микросхем, правообладатель получает исключительное право на воспроизведение топологии, на ее коммерческое использование и запрет другим лицам использовать ее без разрешения.

Специфическим объектом права промышленной собственности является право на защиту от недобросовестной конкуренции. В соответствии со ст. 10bis Парижской конвенции, страны Парижского союза обязаны обеспечить гражданам стран, участвующих в Союзе, эффективную защиту от недобросовестной конкуренции. Актом недобросовестной конкуренции считается всякий акт конкуренции, противоречащий честным обычаям в промышленных и торговых делах. В частности, подлежат запрету: все действия, способные каким бы то ни было способом вызвать смешение в отношении предприятия, продуктов или промышленной или торговой деятельности конкурента; ложные утверждения при осуществлении коммерческой деятельности, способные дискредитировать предприятие, продукты или промышленную или торговую деятельность конкурента; указания или утверждения, использование которых при осуществлении коммерческой деятельности может ввести

общественность в заблуждение относительно характера, способа изготовления, свойств, пригодности к применению или количества товаров [8]. Данные положения являются обязательными для всех государств – участников Конвенции.

Список использованных источников:

1. Юридический словарь: информ.-аналитический ресурс. – URL: <https://multilang.pravo.by/ru/term/index/1579?size=25&type=3&langname=ru> (дата обращения: 15.04.2026).
2. О хозяйственных обществах: Закон Республики Беларусь от 9 декабря 1992 г. № 2020-ХП: в ред. Закона Респ. Беларусь от 08 июля 2024 № 27-3 // ЭТАЛОН: информ.-поисковая система (дата обращения: 01.04.2026).
3. О потребительской кооперации: Закон Республики Беларусь от 25 февраля 2002 г. № 93-3: в ред. Закона Респ. Беларусь от 17 июля 2023 г. № 300-3 // ЭТАЛОН: информ.-поисковая система (дата обращения: 02.04.2026).
4. Об изменении постановления Совета Министров Республики Беларусь от 6 марта 1998 г. № 368: Постановление Совета Министров Республики Беларусь от 9 ноября 2023 г. № 769 // ЭТАЛОН: информ.-поисковая система (дата обращения: 02.04.2026).
5. Защита интеллектуальной собственности: учебное пособие / О. В. Черкасова. – Екатеринбург: УрФУ, 2023. – 128 с.
6. О патентах на сорта растений: Закон Республики Беларусь от 13 апреля 1995 г. № 3725-ХП: в ред. Закона Респ. Беларусь от 9 января 2023 г. № 243-3 // ЭТАЛОН: информ.-поисковая система (дата обращения: 02.04.2026).
7. О правовой охране топологий интегральных микросхем: Закон Республики Беларусь от 7 декабря 1998 г. № 214-3: в ред. Закона Респ. Беларусь от 9 января 2023 г. № 243-3 // ЭТАЛОН: информ.-поисковая система (дата обращения: 02.04.2026).
8. Парижская конвенция по охране промышленной собственности (Заключена в г. Париже 20.03.1883 г.). – URL: https://etalonline.by/document/?regnum=i08300001&q_id=2646191 (дата обращения: 01.04.2026).

**УМНЫЕ ТЕХНИЧЕСКИЕ УСТРОЙСТВА
КАК СРЕДСТВО КОМПЕНСАЦИИ
УТРАЧЕННЫХ ФИЗИЧЕСКИХ СВОЙСТВ ЧЕЛОВЕКА**

Василевич Д.Г.,

*университет Национальной Академии наук Беларуси,
кандидат юридических наук, доцент*

На основе коллаборации права и нейронауки вполне возможна реализация в перспективе идеи о построении «модели права, адаптированной к природе человека и способу функционирования его мозга, влиянии на работу мозга на нейронном уровне» [1, с. 52–58]. Отмечается расширение номенклатуры нейропротезов, интегрируемых с человеком в различной плоскости: физически, функционально, психологически, феноменологически [2, с. 68–71].

Нейроинтерфейсы являются устройствами двунаправленного действия, когда обеспечивают коммуникацию между нервной системой и компьютером. Справедливо утверждение А. Л. Хохлова и Д. Ю. Белоусова, что указанные «умные» устройства также могут быть подвержены хакерским атакам, повышаются риски в связи со слиянием ряда характеристик, в том числе особенностями накапливаемой информации, возникающими угрозами того, как она может быть использована. Они не исключают не только злой умысел, включая кражи информации, манипулирование устройством, введение вредоносных программ, но и неумышленные ошибки, признают существование опасности причинения вреда здоровью человека и даже наступления его смерти из-за таких действий [3, с. 92].

Такой же позиции придерживается А.Н. Городищева в силу того, что интернет-тело является вызовом не только человеческой автономии, но касается содержания этических принципов [4, с. 140]. Существуют нерешенные касающиеся пределов контроля за поведением недееспособных, несовершеннолетних и иных лиц.

Неоднозначно к возможности вживления в мозг человека чипов относятся представители РПЦ. Приемлемой считается имплантация в тело человека для его исцеления или восстановления функций, но отрицательно оценивается использование электронных устройств для превращения человека в кибернетический механизм [5].

Некоторые футурологи прогнозируют, что в обозримом будущем искусственный интеллект (ИИ), достигнув технологической сингулярности, будет самостоятельно развиваться. Это побуждает многие государства усиливать правовую регламентацию использования искусственного интеллекта [6, с. 26–27].

«Накачивание умными устройствами» человека при отсутствии для этого требований объективного характера может привести к неравенству между людьми, созданию для отдельных из них преимуществ, не обусловленных их природными качествами. Существует угроза дискриминации, деления людей на «талантливых» и неконкурентоспособных только по той причине, что они не используют чипы, обеспечивающие им физические и «интеллектуальные» преимущества.

Оценивая значение генетических технологий с социальных позиций, в литературе правильно подчеркивается опасность разделения людей на разные генетические касты; должны быть соционормативные барьеры против биосоциального раскола, при этом важны религиозная аргументация и моральные ценности [7, с. 102–106].

Согласны по указанным причинам с позицией В.В. Лапаевой [7, с. 107–108], что высказанная в литературе идея о легитимизации биоулучшения человека, его физических и когнитивных способностей [8, с. 29–41] чревата негативными последствиями. Таким образом, речь идет не только о позитивном эффекте, но и возможных рисках для человека. Важно сохранять

антропологический вектор развития права и практики, несмотря на переживаемый период психоментальной трансформации, обусловленной проникновением во все сферы человеческого бытия цифровизации. Формируется новая антропотехнореальность, в том числе посредством появления новых ранее неизвестных большинству людей терминов и категорий.

Цифровые технологии предполагают адаптацию и подстройку к новой инфраструктуре, основной составляющей которой является цифровизация, существенно меняющая образ жизни человека и содержание его повседневной деятельности [10].

В научный оборот введены такие понятия, как бионейроконституционализм (И.А. Кравец), «расширенное тело». В частности, М.И. Пантыкина обращает внимание на проблемы юридикации различных форм бытия «расширенного тела», то есть тела человека, которое претерпело модификацию с учетом новых технологических возможностей. Указанные и другие авторы, например, Г.Б. Романовский, исследуют многосторонние грани появляющихся связей под воздействием цифровых технологий. На связь медицинских, биогенетических и цифровых технологий как современной тенденции и фактора трансформации человеческого тела обращают внимание с позиций футурологии Л.Д. Александрова, Е. Л. Трушникова [11, с. 91–92].

Необходимо осмысление социокультурного вектора развития, а также своевременная философская и правовая рефлексия на новый спектр общественных отношений, так как происходит динамичное изменение социальных связей, характер коммуникации. Это обуславливает значимость исследований многообразия сознания, меняющихся форм повседневности [12, с. 46–51].

Происходящие в последние десятилетия техно-социальные и информационные процессы изменяют модели и формы коммуникации, предполагают новые подходы к правовому регулированию отношений в общественной среде, обремененной цифровыми технологиями. Происходит процесс форматирования нового социотехнического дизайна цифровой реальности [13]. Благодаря технологической революции совершенствуются интерфейсы как проводники между человеком и техническим устройством, в том числе посредством развития коммуникаций между человеком и техническим устройством, расширения физиологических показателей человека.

Еще недавно явным прорывом в данной области была разработка технологии экзоскелетов, помогающие человеку, у которого не работают функции (например, рук) или он обездвижен, компенсировать эти физические недостатки. Люди учатся ходить, экзоскелеты делают человека сильнее, помогают ему в выполнении работ (например, переносить тяжести) и др.

Новым и явно актуальным является применение цифровых технологий для расширения когнитивных способностей человека, использование чипирования. Однако технологии развиваются, ученые и специалисты не стоят на месте. Они стремятся создать такие приспособления, которые обеспечивали связь с мозгом человека, коммуницировать с ним и без внедрения чипов,

посредством внешнего влияния, что более безопасно для человека. Такого рода «прорывные» технологии имеют огромную перспективу и могут принести пользу людям, органы которых утратили свои функции.

Считается, что использование функции интерфейса стало возможным благодаря разработкам цифровых технологий, посвященным виртуальной реальности и дополненной реальности.

Полагаем, что законодательство и практика нуждаются в разрешении некоторых проблемных вопросов. В частности, необходимо решить вопрос о квалификации действий лиц, совершивших хакерскую атаку на нейроинтерфейсы, что повлекло смерть или причинение дополнительного вреда здоровью лица, его использующего. Все зависит от состояния человека, который использует «умные» устройства. На наш взгляд, если в результате таких умышленных действий наступила смерть лица, которое находилось в беспомощном состоянии и лишь благодаря нейроинтерфейсу могло осуществлять свои функции, то их следует квалифицировать по пункту 2 ч. 2 ст. 139 «Убийство» УК Республики Беларусь

Таким образом, существует угроза дискриминации, деления людей на «талантливых» и неконкурентоспособных только по той причине, что они не используют чипы, обеспечивающие им физические и «интеллектуальные» преимущества. Необходимо решить вопрос о квалификации действий лиц, совершивших хакерскую атаку на нейроинтерфейсы, что повлекло смерть или причинение дополнительного вреда здоровью лица, его использующего. При оценке такого деяния важно учитывать состояние человека, который использует «умные» устройства, его способность распорядиться ими. Технология нейрокомпьютерного интерфейса (НКИ) имеет значительный потенциал для дальнейшего использования: диагностики, мониторинга функционирования мозга, работы в условиях, грозящих жизни и здоровью человека, в криминалистике, при расследовании преступлений. Явную перспективу имеет развитие нейронаук.

Список использованных источников:

1. Хабриева, Т.Я. Правовые очерки технологической революции / Т.Я. Хабриева. – М. : Норма : ИНФРА-М ; Российская академия наук, 2026. – 144 с.
2. Белова, Д.А. Нейроправо: правовой аспект исследования применения нейротехнологий: монография / Д.А. Белова. – М. : Проспект, 2025. – 117 с.
3. Хохлов, А.Л. Этические аспекты использования медицинских изделий с технологией Интернета тела / А.Л. Хохлов, Д.Ю. Белоусов // Качественная клиническая практика. – 2021. – № 2. – С. 89-98.
4. Городищева, А. Н. Интернет вещей и его место в информационном обществе / А.Н. Городищева, Э.В. Замятина // Социально-экономический и гуманитарный журнал Красноярского ГАУ. – 2015. – № 1. – С. 134-143.
5. В РПЦ заявили, что вживление чипов в мозг не соответствует «божьему замыслу о человеке». – URL: <https://news.mail.ru/society/46823697/> (дата обращения: 15.02.2026).
6. Никитин, Ю. О правовом регулировании искусственного интеллекта / Ю.О. Никитин // Законность и правопорядок. – 2024. – № 2. – С. 24-28.

7. Лапаева, В.В. Социальные риски генетической революции: с позиций правового подхода / В.В. Лапаева // Государство и право. – 2023. – № 4. – С. 100-110.
8. Белялетдинов, Р.Р. Биокультурная теория и проблема редактирования человека / Р.Р. Белялетдинов // Человек. – 2021. – Т. 32. – № 6. – С. 29-41.
9. Асеева, И. А. Готовы ли россияне к новой антропотехнореальности? / И. А. Асеева // Вестник Института социологии. – 2020. – Т. 11, № 2. – С. 141-156.
10. Чернов, И. В. Здоровье человека в условиях цифровой трансформации современного общества: автореф. дис. ... канд. филос. наук: 5.7.8 / Чернов Илья Владимирович; ФГАОУ ВО «Белгородский государственный национальный исследовательский университет». – Белгород, 2022. – 21 с.
11. Александрова, Л. Д. Философское прогнозирование будущего и трансформация телесности в контексте цифровой культуры / Л. Д. Александрова, Е. Л. Трушеникова // Социум и власть. – 2018. – № 6 (74). – С. 91-97.
12. Розенберг, Н. В. Феноменология как методологическая основа исследования повседневности / Н. В. Розенберг // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион Гуманитарные науки. Философия. – 2007. – № 1. – С. 46-51.
13. Социотехнический ландшафт цифровой реальности: философско-методологический концепт, онтологические матрицы, экспертно-эмпирическая верификация / В. И. Аршинов, М. В. Артеменко, И. А. Асеева [и др.]. – Курск: Закрытое акционерное общество «Университетская книга», 2019. – 232 с.

ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ

Иванова Т.П.,

*доцент кафедры правоведения и социально-гуманитарных дисциплин
Витебского филиала Международного университета «МИТСО»,
кандидат исторических наук, доцент, магистр права*

Тенденции развития законодательства в настоящее время многогранны: декриминализация, динамизм развития нормотворчества и его детализация, использование цифровых технологий и искусственного интеллекта и ряд других. Остановимся на некоторых из них.

Среди правоведов ведется дискуссия на тему феномена декриминализации. Подходы к пониманию данного понятия и его оснований различны, в связи с чем, выделяются три парадигмы: 1) плюралистическая (характерна совокупность причин, которые обосновывают необходимость установления запретов), 2) монистическая, в форме трех направлений – оценочного, фактического и радикального (переосмысливаются формы поведения, понимание общественной опасности преступлений), 3) волюнтаристская (связана с субъективной волей законодателя) [1, с. 5–6].

Однозначно, белорусское законодательство следует тенденции декриминализации. Об этом свидетельствуют изменения в Кодекс Республики Беларусь об административных правонарушениях (снижение ответственности за нарушения экономического характера и др.).

В теории права доминирует принцип соразмерности соотношения динамизма и стабильности законодательства в качестве двигателя поступательного развития права. В настоящее время процесс законодательных инициатив демонстрирует некий перекося в сторону динамизма в ущерб стабильности уголовного закона [2, с. 74].

В современных условиях возникает правомерный вопрос – позитивны ли частые изменения в законодательство. Позиции правоведов расходятся. Распространение получило мнение о том, что обновление законодательства является насущной потребностью, необходимой реакцией государства на вызовы современности. Однако ряд юристов обращают внимание на то, что не всякое изменение закона безусловно полезно. Обновление не тождественно изменению. Под обновлением понимается: 1) замена устаревшего, неэффективного законодательства более современным; 2) не просто возникновение абсолютно новых норм, но и появление эффективных механизмов решения задач, актуальных для общества и человека; 3) обновление ассоциируется с системным, масштабным изменением действующего законодательства. Термин «обновление законодательства» приобретает в языке юридической науки положительную коннотацию [3, с. 50].

Российские правоведы Н.А. Власенко и А.А. Головина указывают, что «тиражирование» законов девальвирует их значение и роль; из-за обилия изменений, внесенных за последние годы, законодательные акты в некоторых отраслях уже напоминают «лоскутное одеяло»; в современных условиях предпочтительнее создавать заранее продуманной концепцией новые системообразующие законы. В.П. Малахов называет законы «масштабами общественной жизни наподобие меридианов, а не маршрутов, прокладываемых всякий раз заново, соотносясь с конкретной целью» [3, с. 51–52].

Позитивный эффект от обновления законодательства зависит не только от характера этих изменений, их продуманности и научной обоснованности, но и от того, в какой мере правовая система окажется способна своим эволюционированием противостоять сложным ситуациям. Г.М. Лановая полагает, что ситуация усугубляется следующим: в условиях постиндустриального общества сами законы характеризуются постоянным увеличением степени детализации, тяготеют к регламентации все более частных случаев. Как следствие возникает явление «законодательная инфляция», имеющая своим следствием уменьшение эффективности правового регулирования. В условиях, когда законодательство быстро меняется, другие компоненты правовой системы общества зачастую не успевают среагировать на изменения; это обстоятельство также негативно влияет на авторитет законов [3, с. 52–53].

В 2025 году Межпарламентская ассамблея СНГ приняла Модельный закон о технологиях искусственного интеллекта, разработанный в Национальной академии наук Беларуси. Создана группа из 40 специалистов по формированию концепции и проекта Закона о технологиях искусственного интеллекта.

Белорусской делегацией на саммите БРИКС в 2025 году поднят вопрос о необходимости создания справедливого и равноправного управления технологиями искусственного интеллекта. На 80-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН в сентябре 2025 года Министр иностранных дел Беларуси М. Рыженков поддержал инициативу Китайской Народной Республики о создании всемирной организации сотрудничества в области искусственного интеллекта.

В Беларуси акцент делается на стандартизации и унификации, разработке нормативных правовых актов в отдельных сферах. Разработана автоматическая идентификационная система «Нормотворчество» с использованием элементов искусственного интеллекта, начавшаяся внедряться в 2025 году.

Актуальность приобрел вопрос о закреплении в уголовном законодательстве усиления ответственности за совершение преступления с использованием возможности искусственного интеллекта [4, с. 19].

Попытку применения искусственного интеллекта при создании уголовного закона предпринял исследователь С.И. Тишкевич. На первом этапе предполагается разработать теоретическую правовую модель Особенной части Уголовного кодекса. Второй этап – разработка математического варианта модели уголовно-правового закона (формализованное описание правил, составляющих его институты). Далее – выявление пробелов, противоречий и несоответствий между нормами уголовного закона [5, с. 22–23].

Возможности искусственного интеллекта могут быть использованы в целом ряде направлений в правовой сфере, таких как: разработка правового регулирования сферы искусственного интеллекта, стандартизация и унификация при разработке нормативных правовых актов в отдельных сферах, внедрение в процесс законодательной деятельности – формирование единой цифровой структуры законодательства, проведение систематизации законодательства, выявление пробелов в нем, конструирование правовых норм, использование в процессе трансформации законодательства.

Обратим внимание на следующую точку зрения, в частности российских правоведов. Если глобализационные процессы еще недавно воспринимались в преимущественном контексте диалога и партнерства цивилизаций, в последнее время обозначились вызовы и центры, заставляющие вернуться к таким форматам отношений между государствами, как «силовое воздействие», «межгосударственная конфронтация». В условиях распада международного права и отказа от универсализма утрачиваются смыслы, заложенные в правовых нормах. Выход – обращение права к общественным запросам своей страны.

Директивой Главы государства «О совершенствовании функционирования системы органов власти и управления, усилении исполнительной дисциплины» от 2 апреля 2025 г. № 11 требуется «предельно снизить количество согласований, требуемых для принятия правовых актов и иных решений» (абзц. 4 ч. 2 п. 5), «исключить факты нахождения и рассмотрения

в государственных органах документов, в том числе проектов правовых актов сверх сроков, определяемых законодательством» (абзац 6 ч. 2 п. 5) [6].

Названные тенденции развития законодательства – в русле Концепции правовой политики Республики Беларусь, которая определяет стратегию развития правовой системы страны, способной регулировать общественные отношения и предупреждать возможные вызовы и угрозы.

Список использованных источников:

1. Клим, А. М. Пути совершения уголовно-правовых норм об ответственности за взяточничество / А. М. Клим // Право.ву. – 2012. – № 2. – С. 45-50.
2. Лопатина, Т. М. Вектор развития уголовного законодательства: законотворческие проблемы Уголовного кодекса / Т. М. Лопатина // ИГиП. – 2022. – № 6. – С. 73-76.
3. Лановая, Г. М. Обновление законодательства: понятие и особенности в условиях цифровой революции / Г. М. Лановая // ИГиП. – 2022. – № 1. – С. 50-55.
4. Василевич, С. В. О дальнейшей юридизации общественных отношений / С. В. Василевич // Юстиция Беларуси. – 2025. – № 5. – С. 14-19.
5. Савенок, А. Л. Технологии искусственного интеллекта как средство создания уголовного закона / А. Л. Савенок // Право.ву. – 2023. – № 5. – С. 22-24.
6. О концепции правовой политики Респ. Беларусь: Указ Президента. Респ. Бел. №196 от 28 июня. 2023г.// ЭТАЛОН: информ.-поиск. система (дата обращения: 11.04.2026).

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ПРЕДВЫБОРНОЙ АГИТАЦИИ В ОНЛАЙН-ПРОСТРАНСТВЕ В СТРАНАХ СНГ

Ивашкевич Е.Ф.,

*заведующий кафедрой истории и теории права учреждения образования
«Витебский государственный университет имени П.М. Машерова»,
кандидат педагогических наук, доцент*

Цифровизация неотъемлемо вошла во все сферы общественной жизни. Активно внедряется данный процесс и в избирательные технологии. Использование социальных сетей и интернет-ресурсов как эффективного способа осуществления предвыборной агитации имеет много положительных сторон. Оно позволяет кандидатам на выборные должности общаться вне временных и пространственных ограничений, позволяет ориентироваться как на широкую аудиторию, так и реализовывать дифференцированный подход, ориентируясь на определённые социальные группы, особенно на молодёжь, своевременно и гибко реагируя на их вопросы, делать презентацию своих предвыборных программ более яркой и креативной, используя все возможности сетей, не завися от объёма печатных площадей. Предвыборная агитация в онлайн-пространстве имеет самые разнообразные формы, которые перманентно

развиваются. Это и рассылка, создание блогов, форумов в виде дискуссионных площадок, размещение постов и др.

История правового регулирования сетевой предвыборной агитации в российском законодательстве начинается с принятия Федерального закона от 12.06.2002 № 67-ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации». Однако, уже во второй половине 1990-х годов многие известные политики имели персональные сайты, одновременно создавались ресурсы политических партий и движений. С 1999 г. в избирательном бюджете политиков расходы на размещение агитационных материалов в сети прописывалось уже отдельной графой. Ключевым этапом в рождении новой политической культуры и формировании новых электоральных стандартов стала избирательная кампания по выборам в Государственную Думу 2011 года и в Президенты Российской Федерации 2012 года, когда каждая партия и кандидат уже обладал официальным сайтом, а также множеством неофициальных ресурсов, а интернет активно использовался как электронная площадка для выступлений [1].

Размещение агитационных материалов на сайтах, зарегистрированных в качестве СМИ, являющихся согласно ст. 2 Федерального Закона Российской Федерации «О средствах массовой информации» сетевыми изданиями, регулируется нормами, определяющими порядок проведения предвыборной агитации через средства массовой информации.

В 2021 году в Российской Федерации законодательными новеллами ужесточены требования к агитационным материалам, размещаемым в интернет-ресурсах, усилена ответственность провайдеров за нарушение избирательного законодательства, дано право избирательным комиссиям непосредственно обращаться в Роскомнадзор при нарушении электоральных агитационных требований. Особое внимание было обращено на нераспространение материалов, финансируемых из запрещённых законодательством источников, вплоть до блокирования сайтов на время предвыборной агитации и голосования.

С этой целью в ст. 15.3-1 Федерального Закона «Об информации, информационных технологиях и защите информации» определён порядок ограничения доступа к информации и агитационным материалам, изготовленным и/или распространяемым с нарушением законодательства о выборах и референдумах. Вместе с тем, пользователи получили возможность размещать не за счёт финансирования сторонними лицами личный комментарий или пост, выражающий собственное мнение о кандидате [2].

Постановлением ЦИК Республики Казахстан от 25.06.2007 № 90/178 «Об утверждении Правил осуществления предвыборной агитации через средства массовой информации, онлайн-платформы и информационного обеспечения выборов президента, депутатов Парламента, маслихатов, акима, а также членов иных органов местного самоуправления» было закреплено положение о финансировании размещения информации в рамках

предвыборной агитации только из избирательного фонда кандидата и политических партий (п. 4), запрет контента, порочащего честь и достоинство кандидата, с предоставлением права на бесплатное опровержение в случае нарушения данного требования, возможность обжалования решения об отказе в размещении вследствие нарушения равных возможностей кандидатов, запрет на пропаганду, направленную на разжигание всех видов социальной розни, жестокости и насилия, подрыв конституционного строя, безопасности и территориальной целостности государства и иных деструктивных явлений (п. 8). В документе предусмотрен перечень субъектов, не имеющих права на ведение предвыборной агитации любыми средствами – госорганы и органы местного самоуправления, их должностные лица, члены избирательных комиссий, сотрудники правоохранительных органов, военнослужащие, а также религиозные организации (п. 11) [3].

Надо сказать, что подобные ограничения законодательства об информации являются неизменной составляющей внутригосударственного права любого современного государства. Так, согласно вышеназванному российскому ФЗ «О СМИ» также запрещается распространять аналогичный контент, включая запрет на распространение публичных призывов к осуществлению террористической деятельности или оправдывающих её, содержащий государственную или иную охраняемую законом тайну и др. [4]. Схожие нормы содержатся в Избирательном кодексе Узбекистана, дополненные нормами о недопустимости агитационных материалов, содержащих угрозу «здоровью и духовности народа, ...пропагандирующие войну, ... призывающих к действиям, ограничивающим конституционные права и свободы граждан» [5], ст. 47 Избирательного кодекса Республики Беларусь, запрещающего также «оскорбления и клевету в отношении должностных лиц» государства, кандидатов в президенты и депутаты, материалов, побуждающих к «срыву, или отмене, или переносу сроков выборов, референдума», назначенных в соответствии с законодательством [6], а также в ч. 15 ст. 39 Конституционного закона «О выборах в Маджлиси Оли Республики Таджикистан», в дополнение не допускающего «использование методов психологического, физического, религиозного принуждения», призывающие к «нарушению территориальной целостности» и др. [7].

Ещё одним общим положением является запрет участия в агитации иностранных государств и организаций, юридических лиц, граждан и лиц без гражданства, изготовление агитационных материалов только на территории самого государства (например, ст. 47 ИК Республики Узбекистан, ст. 39 Конституционного закона «О выборах в Маджлиси Оли Республики Таджикистан», ст. 45 ИК Республики Беларусь). Основным принципом является предоставление равных возможностей для беспрепятственного распространения агитационных материалов. Так, в ч.10 ст. 64 ФЗ Российской Федерации от 22.02.2014. № 20-ФЗ «О выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации» закреплено

следующее: «В случае предоставления эфирного времени, печатной площади, услуг по размещению предвыборных агитационных материалов в сетевых изданиях условия их оплаты должны быть едиными для политических партий, для зарегистрированных кандидатов...».

В 2022 гг. при обсуждении конституционной реформы в Республике Казахстан Президент К.-Ж. Токаев подчеркнул необходимость дальнейшего совершенствования правового регулирования распространения информации в социальных сетях, в том числе в период избирательных кампаний. 5 ноября 2022 г. Министерство информации и общественного развития развернули кампанию по правовому просвещению населения, широко представив основные новеллы Конституционного закона «О выборах в Республике Казахстан» по ведению агитационной деятельности в социальных сетях, а именно:

- пользователи онлайн-платформ обязаны наряду со СМИ объявит сведения о размере оплаты и условиях размещения агитационных материалов с предоставлением их и наименований аккаунтов за 5 дней до начала агитации в соответствующую территориальную комиссию;

- размещение предвыборных агитационных материалов только на договорной основе. Вместе с тем за гражданами и общественными объединениями сохраняется возможность осуществления беспрепятственной агитационной деятельности [8].

В соответствии с Положением о проведении предвыборной агитации, утверждённой постановлением ЦИК Узбекистана от 02.07.2024, упорядочен вопрос подготовки и распространения предвыборных агитационных материалов с использованием технологий ИИ. Политическим партиям и кандидатам в депутаты предписано в обязательном порядке предоставить информацию о применении ИИ, строго соблюдать законодательство о неприкосновенности частных данных, при изображении человека или использовании его голоса осуществлять это только с предварительного его согласия [9].

В заключение хотелось бы привести слова члена ЦКВР Республики Таджикистана М. Хидирзода, который подчеркивает, что предвыборную агитацию как «самостоятельную форму информационного обеспечения выборов можно оценить с трех сторон:

- как часть данного правового института, регулирующую агитационную деятельность;

- как отдельный этап избирательного процесса;

- как особую форму информационной деятельности субъектов избирательного процесса. информационного обеспечения выборов [10].

Таким образом, эффективная предвыборная агитация, как важный этап избирательного процесса способствует формированию электоральных позиций. требует знаний в области права, политики и менеджмента. Однако, правовое регулирование её сетевой формы имеет относительно

недавнее появление, отличается значительным разнообразием в странах СНГ, наличием значительного числа неурегулированных вопросов, недостаточным учётом в законодательстве специфики именно данной агитационной электоральной формы, которую, по мнению многих исследователей, следует выделить в самостоятельный метод агитационной деятельности. При этом надлежит законодательно детально регламентировать соответствующий порядок её применения, определить общие условия использования в предвыборной агитации и мобильной связи.

Список использованных источников:

1. Шишкина, О.Е. О некоторых теоретических и практических проблемах реализации свободы слова на выборах / О.Е. Шишкина // Конституционное и муниципальное право. – 2011. – № 12. – С. 44-49.
2. Об информации, информационных технологиях и защите информации: Федеральный Закон Российской Федерации от 27.07.2006 г. № 149-ФЗ: в ред. от 29.12.2025 № 569-ФЗ. – URL: <https://base.garant.ru/12148555/> (дата обращения: 30.03.2026).
3. Об утверждении Правил осуществления предвыборной агитации через средства массовой информации, онлайн-платформы и информационного обеспечения выборов президента, депутатов Парламента, маслихатов, акима, а также членов иных органов местного самоуправления: Постановление ЦИК Республики Казахстан от 25.06.2007 № 90/178. – URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/V070004778> (дата обращения: 26.03.2026).
4. О средствах массовой информации: Федеральный Закон Российской Федерации от 27.12.1991 № 2124-1: в ред. от 31.07.2025 № 304-ФЗ // https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_1511/ (дата обращения: 05.04.2026).
5. Избирательный кодекс Республики Узбекистан от 26.06.2019 № 03/19/544/3337: в ред. от 19.12.2023 № 03/23/883/0949. – URL: <https://lex.uz/docs/4386846> (дата обращения: 30.03.2026).
6. Избирательный кодекс Республики Беларусь от 11.02.2000 № 370-З: в ред. от 16.02.2023 № 252-З // ЭТАЛОН: информ.-поисковая система (дата обращения: 06.04.2026).
7. О выборах в Маджлиси Оли Республики Таджикистан: Конституционный закон Республики Таджикистан от 10.12. 1999 № 856: в ред. от 19.07.2019 № 1639. – URL: <https://ncz.tj/content/конституционный-закон-республики-таджикистан-о-выборах-маджлиси-оли-республики-таджикистан> (дата обращения: 10.04.2026).
8. О выборах в Республике Казахстан: Конституционный закон Республики Казахстан от 25.09.1995 № 2464: в ред. от 05.11.2022 № 156-VII. – URL: https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z950002464_ (дата обращения: 03.04.2026).
9. Об утверждении Положения о порядке проведения предвыборной агитации кандидатов в депутаты Законодательной палаты Олий Мажлиса Республики Узбекистан, депутатов областных, районных и городских Кенгашей народных депутатов и политических партий: постановление ЦИК Узбекистана от 02.07.2024 № 1345. – URL: <https://lex.uz/docs/7020856> (дата обращения: 06.04.2026).
10. Хидирзода, М. Предвыборная агитация и её особенности / М. Хидирзода // Народная газета. – 30 января 2025 года. – URL: <https://narodnaya.tj/2025/01/30/predvybornaja-agitacija-i-ee-osobennosti> (дата обращения: 05.04.2026).

РОЛЬ ДУХОВНО-НРАВСТВЕННОГО ВОСПИТАНИЯ В ПРОТИВОДЕЙСТВИИ ЭКСТРЕМИЗМУ В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ

Каримов А.В.,

доцент кафедры истории и философии Тамбовского государственного университета имени Г.Р. Державина, кандидат философских наук, доцент

Пчельникова Т.И.,

доцент кафедры безопасности жизнедеятельности и основ военной подготовки Тамбовского государственного университета имени Г.Р. Державина, кандидат педагогических наук, доцент

Современному периоду общественного развития свойственны масштабные трансформации, которые связаны в первую очередь с бурной компьютеризацией всех сфер жизни общества. Создается целая масштабная цифровая среда, которая может открыть широкие возможности для личностного развития при правильном ее использовании. Но при этом та же цифровизация общества, которая затрагивает образование и коммуникацию в первую очередь, может создать некоторые условия для распространения различных социально-деструктивных идеологий. При этом часть из последних, возможно, будут иметь экстремистский характер [1].

Особую опасность приобретает распространение таких идеологий среди молодёжи в силу того, что юное и молодое поколение находится в процессе формирования ценностных ориентиров. При рассмотрении духовного мира молодого человека особое значение отводится духовно-нравственному воспитанию личности [2], поскольку в процессе интериоризации норм духовности и нравственности создается базис духовно-нравственной культуры личности [3]. Чтобы помочь выбрать социально-полезные ценности необходимо рассмотреть вопрос о значении духовно-нравственного воспитания как системного инструмента противодействия экстремистским установкам. Ведь именно оно выступает в качестве одного из ключевых инструментов профилактики радикализации мировоззрения молодежи и формирования устойчивой гражданской позиции личности.

Согласно отечественной научно-педагогической традиции, духовно-нравственное воспитание представляет собой целенаправленный процесс формирования у индивида устойчивых моральных ценностей, этических норм и мировоззренческих установок, идеалов, основанных на гуманизме, патриотизме и социальной ответственности. Основными задачами духовно-нравственного воспитания являются: формирование критического мышления, развитие способности к моральному выбору, укрепление гражданской идентичности. Исходя из вышеуказанных базовых целей и задач, становится ясно, что ведущим направлением работы по духовно-нравственному воспитанию в условиях цифровизации является формирование внутренней устойчивости личности к деструктивным идеологическим воздействиям. В отличие от необходимого, но внешне-формального теоретического обучения, духовно-нравственное воспитание должно быть

направлено на внутреннюю трансформацию личности, что делает его особенно значимым в противодействии экстремизму.

Среди основных направлений работы по духовно-нравственному воспитанию в современных условиях надо выделить следующие:

В первую очередь это созидание ценностного ядра личности. В связи с процессом угрозы проявления деструктивных идеологий в информационной среде, необходимо отметить, что формирование устойчивой системы ценностей, наличие четких моральных ориентиров снижает вероятность вовлечения в экстремистскую деятельность. Ученым известно, что личность с четкими моральными ориентирами менее подвержена влиянию радикальных идеологий.

Немаловажным является и развитие критического мышления, так как способность анализировать информацию снижает вероятность манипуляции сознанием. Критическое восприятие цифрового контента позволяет противостоять манипуляциям в информационной среде.

Следует признать и важное значение такого фактора как социальная интеграция. Вовлеченность в общественную деятельность уменьшает риск маргинализации – одного из основных факторов радикализации. Интеграция индивида в общество снижает уровень его социальной изоляции, являющейся фактором риска возможной радикализации.

Не надо забывать и об эмоционально-нравственной устойчивости, которая вместе с развитием эмпатии препятствует формированию агрессивных установок. Формирование личностной толерантности и воспитание уважения к культурному и социальному многообразию препятствует развитию радикальных мировоззренческих взглядов.

В процессе воспитания велика роль образовательных организаций, деятельность которых ныне нуждается в совершенствовании, а также усилении взаимодействия с органами государственной власти. Особая роль с необходимостью отводится в процессе воспитания личности педагога как носителя культурных и нравственных ценностей. Большое значение в системе духовного развития личности обучающегося имеют и профессиональные нормы, а также формы культуры, связанные с конкретными знаниями и ценностями, например, экологическая культура [4].

Среди главных проблем, требующих решения, можно выделить следующие: недостаточный уровень подготовки педагогов; формализация воспитательной работы в учебных заведениях; недостаточная координация деятельности между различными социальными институтами. Требуется усилить работу по межведомственному взаимодействию; и искать пути развития интеграции воспитательного воздействия семьи, образовательной организации и общества. Внедрение инновационных образовательных технологий необходимо сочетать с развитием системы профилактики в цифровой среде. Улучшение работы по духовно-нравственному воспитанию молодежи должно сопровождаться, помимо традиционных методов,

о которых нельзя забывать, также и внедрением междисциплинарных подходов, а также цифровизацией самих воспитательных практик.

Подводя итоги данной статьи, следует сказать, что в современной ситуации духовно-нравственное воспитание является одним из наиболее эффективных инструментов противодействия экстремизму в условиях цифровизации. Его значимость обусловлена способностью формировать внутренние барьеры против деструктивных идеологий. Формирование устойчивых ценностных ориентиров, развитие критического мышления и социальной ответственности позволяют создать эффективные преграды на пути распространения экстремистских мировоззренческих форм. Реализация данных задач требует комплексного подхода, объединяющего усилия образовательных учреждений, семьи и общества.

Список использованных источников:

1. О противодействии экстремистской деятельности: Федеральный закон РФ от 25.07.2002 № 114-ФЗ // КонсультантПлюс.ру. (дата обращения: 23.03.2026).
2. Каримов, А.В. Духовный мир человека и духовная жизнь общества / А.В. Каримов // Духовно-нравственное воспитание: учебно-методическое пособие. – Тамбов, 2018. – С. 6.
3. Духовно-нравственная культура как фактор модернизации российского общества XXI века (Третьи Хайкинские чтения): материалы Международной научно-практической конференции 23 ноября 2012 года. – Тамбов, 2013. – 294 с.
4. Каримов, А.В. Экологическая культура и ее значение в системе духовного развития личности студента / А.В. Каримов, Т.И. Пчельникова // Духовные основы отношений человек - природа. Материалы Всероссийской (Национальной) научно-практической конференции с международным участием. – Чебоксары, 2023. – С. 360-362.

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Мокосеева, М.А.,

доцент кафедры публичного права России и зарубежных стран

ФГБОУ ВО «Марийский государственный университет»,

кандидат юридических наук, доцент

Матвеева У.В.,

студентка юридического факультета

ФГБОУ ВО «Марийский государственный университет»,

Сергеев Е.Р.,

студент юридического факультета

ФГБОУ ВО «Марийский государственный университет»

Развитие технологий искусственного интеллекта (ИИ) и робототехники трансформирует общественные отношения, создавая беспрецедентные вызовы для права. В статье анализируются современные подходы к правовому регулированию ИИ в России и зарубежных юрисдикциях,

исследуются проблемы определения субъекта ответственности за вред, причиненный автономными системами, защиты персональных данных и охраны результатов интеллектуальной деятельности. На основе анализа актуальных законопроектных инициатив (по состоянию на март 2026 года) формулируются предложения по совершенствованию российского законодательства с учетом необходимости баланса между поддержкой инноваций и защитой прав граждан.

Современный этап научно-технического развития характеризуется экспоненциальным ростом возможностей искусственного интеллекта и робототехники. Системы, наделенные способностью к самообучению, обработке естественного языка, распознаванию образов и автономному принятию решений, активно внедряются в здравоохранение, транспорт, промышленность и иные сферы общественной жизни. Уникальные характеристики ИИ – автономность, сложность алгоритмов, непрозрачность процессов принятия решений (так называемый «эффект черного ящика») - создают принципиально новые вызовы для правопорядка. Как отмечается в литературе, «искусственный интеллект создаёт дополнительные вызовы в части нарушения приватности и целостности данных, поэтому контроль над обработкой больших массивов информации приобретает особое значение» [1, с. 26]. Кроме того, алгоритмы рекомендаций и фильтрации контента способны формировать «эхо-камеры», ограничивающие разнообразие мнений и усиливающие поляризацию общественного сознания, что требует выработки этических и правовых ограничителей. Таким образом, объективная потребность в формировании эффективных правовых механизмов обусловлена необходимостью защиты прав граждан, обеспечения безопасности и сохранения технологического суверенитета государств при одновременном стимулировании инновационного развития [2, 3, 5].

Европейский Союз демонстрирует наиболее системный подход к регулированию ИИ. В декабре 2024 года вступил в силу Регламент ЕС об общей безопасности продукции (GPSR), возлагающий на производителей цифровых потребительских товаров обязанности по непрерывному мониторингу безопасности и постпродажному обслуживанию. С сентября 2026 года вступают в силу обязательства по отчетности согласно Регламенту о киберустойчивости (Cyber Resilience Act), а с декабря 2026 года применяется обновленная Директива об ответственности за качество продукции (Product Liability Directive). Последняя существенно расширяет ответственность производителей, включая программное обеспечение в понятие «продукт» и вводя презумпцию дефектности продукции при определенных условиях. С августа 2027 года вступают в силу обязательства для систем высокого риска согласно Регламенту об искусственном интеллекте (AI Act), устанавливающему риск-ориентированный подход к регулированию.

В феврале 2026 года Китай опубликовал первую национальную систему стандартов для человекоподобной робототехники, включающую шесть ключевых компонентов: базовые общие стандарты, мозгоподобные

и интеллектуальные вычисления, компоненты и конечности, готовые изделия и системы, применение, безопасность и этику. Разработка велась более чем 120 исследовательскими институтами и предприятиями.

В настоящее время российское законодательство не содержит единого специального закона об искусственном интеллекте. Регулирование осуществляется на основе ряда нормативных актов. Гражданский кодекс РФ (часть четвертая) признает программы для ЭВМ объектами авторского права (ст. 1225), однако исходит из презумпции, что автором может быть только человек (ст. 1228), что создает неопределенность в отношении объектов, созданных генеративными нейросетями. Федеральный закон «О персональных данных» № 152-ФЗ устанавливает требования к обработке личной информации, значимые для функционирования систем ИИ. Федеральный закон об экспериментальных правовых режимах № 258-ФЗ позволяет тестировать технологии ИИ в условиях ограниченного действия общих норм, снижая административные барьеры [6–8].

По состоянию на март 2026 года российское законодательство в сфере ИИ находится в активной фазе формирования. Правительством РФ завершена концептуальная проработка проекта федерального закона «Об искусственном интеллекте». Ключевые параметры законопроекта включают дифференциацию моделей ИИ с введением категорий «суверенный ИИ» и «национальный ИИ». Суверенная модель должна разрабатываться, обучаться и эксплуатироваться исключительно на территории РФ с использованием датасетов, сформированных в России. Для национальных моделей разрешается использование иностранных open-source-решений. В части регулирования авторских прав предусматривается, что права на контент, сгенерированный с помощью ИИ, будут признаваться за пользователем при наличии его творческого вклада в создание такого контента [4, с. 52]. В гражданском секторе (за исключением обороны, безопасности и государственного управления) регулирование будет носить мягкий характер, чтобы не препятствовать развитию бизнеса. Вводится требование маркировки социально значимого контента, созданного с помощью ИИ [8]. Использование ИИ при совершении преступлений предполагается квалифицировать как отягчающее обстоятельство. Параллельно обсуждается инициатива об обязательном раскрытии разработчиками данных об обучении ИИ (происхождение данных, объем использования, цели применения), что должно повысить прозрачность отрасли, но создает дополнительную нагрузку на бизнес.

Наиболее сложным аспектом правового регулирования остается определение субъекта ответственности за вред, причиненный автономными системами. Традиционные деликтные конструкции (глава 59 ГК РФ) ориентированы на вину человека, тогда как в случае с самообучающимися алгоритмами установление причинно-следственной связи затруднено. В доктрине предлагаются различные подходы к решению данной проблемы. Один из перспективных - концепция субсидиарной ответственности, учитывающая дифференциацию ролей субъектов по степени их реального

влияния на результат, типологизацию систем ИИ на основе риск-ориентированного подхода и систему правовых презумпций распределения ответственности. Альтернативный подход - применение концепции ответственности работодателя (*vicarious liability*) к автономным системам ИИ, выполняющим функции работников. Данная модель позволяет гарантировать потерпевшим реальную возможность получения компенсации, не требуя доказывания сложных причинно-следственных связей.

Отсутствие легальных определений ключевых понятий («искусственный интеллект», «автономность», «степень автономности») создает трудности в правоприменении. Планируемый к принятию рамочный закон должен восполнить этот пробел, закрепив базовые понятия и принципы регулирования. Действующее законодательство не содержит специальных норм об ответственности за вред, причиненный системами ИИ. Представляется необходимым дополнить ГК РФ положениями о безвиновной ответственности владельца источника повышенной опасности за вред, причиненный автономной системой ИИ (с правом регресса к разработчику при наличии дефекта), а также внедрить механизмы обязательного страхования рисков, связанных с эксплуатацией систем ИИ. Неопределенность правового режима объектов, созданных генеративными нейросетями, требует внесения изменений в часть четвертую ГК РФ. Целесообразно легально закрепить, что исключительное право на результаты, созданные с помощью ИИ при наличии творческого вклада пользователя, принадлежит пользователю (как это предусмотрено обсуждаемым законопроектом), а в отсутствие творческого вклада - владельцу нейросети по аналогии с правами на секрет производства. Требуется разработка отраслевых стандартов и регламентов для сфер с повышенным риском (беспилотный транспорт, медицинская диагностика, промышленная автоматизация) по аналогии с китайским подходом к стандартизации человекоподобной робототехники.

Проведенное исследование позволяет сделать следующие выводы. Современное правовое регулирование ИИ в мире развивается по трем основным моделям: интегративное регулирование (ЕС), технологически нейтральное регулирование (Швейцария) и отраслевая стандартизация (Китай). Российская модель формируется как комбинация этих подходов с акцентом на обеспечение технологического суверенитета. Российское законодательство находится на этапе активного формирования: разработан проект рамочного федерального закона «Об искусственном интеллекте», вводящий категории суверенного и национального ИИ, регулирующий авторские права на сгенерированный контент и устанавливающий принципы маркировки. Ключевыми проблемами остаются: неопределенность категориального аппарата, отсутствие специальных норм об ответственности за вред, причиненный системами ИИ, неясность правового режима результатов, созданных ИИ, и отсутствие системы технического регулирования.

На основе проведенного анализа предлагаются следующие меры по совершенствованию российского законодательства. Необходимо принятие рамочного федерального закона «Об искусственном интеллекте» с закреплением базовых понятий, принципов регулирования, прав и обязанностей субъектов, требований к разработке и применению ИИ. Требуется внесение изменений в ГК РФ: дополнение главы 59 нормой о безвиновной ответственности владельца источника повышенной опасности за вред, причиненный автономной системой ИИ, а также внесение изменений в часть четвертую ГК РФ, определяющих правовой режим объектов, созданных с использованием ИИ. Целесообразна разработка отраслевых стандартов для сфер с повышенным риском (здравоохранение, транспорт, промышленность) с учетом лучших международных практик. Необходимо внедрение института обязательного страхования ответственности за вред, причиненный системами ИИ, с дифференциацией страховых тарифов в зависимости от степени автономности системы и потенциальных рисков. Важно развитие механизмов экспериментальных правовых режимов, позволяющих тестировать инновационные технологии в контролируемой среде.

Эффективное правовое регулирование искусственного интеллекта и робототехники должно обеспечить баланс между поддержкой инноваций и защитой фундаментальных прав граждан. Формируемая в настоящее время российская модель регулирования, основанная на принципах технологического суверенитета, гибкости и учета интересов бизнеса, имеет потенциал для достижения указанного баланса при условии системного и последовательного подхода к законотворчеству.

Список использованных источников:

1. Архиреев, Н.В. Искусственный интеллект и автономные устройства: правовые аспекты регулирования / Н.В. Архиреев // Хозяйство и право. – 2026. – № 1. – С. 22-37.
2. Лошкарёв, В.В. Искусственный интеллект о себе: эмпирический анализ его готовности к участию в судебной стадии уголовного судопроизводства в Российской Федерации / В.В. Лошкарёв // Журнал российского права. – 2026. – № 3. – С. 78-88.
3. Малина, М.А. Использование нейросетевых языковых моделей в судебном следствии при производстве по уголовному делу / М.А. Малина // Российский судья. – 2026. – № 2. – С. 33-37.
4. Саркисян, В.В. Творческий вклад человека при использовании искусственного интеллекта / В.В. Саркисян, Н.С. Гишинский // ИС. Авторское право и смежные права. – 2026. – № 1. – С. 49-58.
5. Тью Ван Хунг. О возможности установления уголовной ответственности искусственного интеллекта в законодательстве Вьетнама / Тью Ван Хунг // Международное уголовное право и международная юстиция. – 2026. – № 1. – С. 2-5.
6. О персональных данных: Федеральный закон от 27.07.2006 № 152-ФЗ (ред. от 24.06.2025) // Российская газета. – 29.07.2006. – № 165.
7. Федеральный закон от 31.07.2020 N 258-ФЗ (ред. от 31.07.2025) «Об экспериментальных правовых режимах в сфере цифровых и технологических инноваций в Российской Федерации» // Российская газета – № 173. – 06.08.2020.
8. Обзор: «Минцифры разработало проект закона о госрегулировании применения искусственного интеллекта в РФ» // КонсультантПлюс.ру. (дата обращения: 23.03.2026).

ИНСТИТУТ ПРЕЗИДЕНТСТВА В РОССИИ: АНАЛИЗ ФУНКЦИЙ И ПОЛНОМОЧИЙ

Низаева С.Р.,

*доцент кафедры конституционного и административного права
Башкирской академии государственной службы и управления
при Главе Республики Башкортостан,
кандидат юридических наук, доцент*

Институты государственной власти, даже имея развитую правовую основу, не могут функционировать без независимого арбитра, который, не находясь в отношениях власти-подчинения с этими институтами, все же способствует их согласованной работе и способен быстро разрешать сложные ситуации, которые не всегда выражаются в рамках правовых конфликтов. Таким образом, президент играет ключевую роль в поддержании необходимого единства государственной власти в условиях разделения функций власти. Иными словами, президентский институт предназначен для скрепления государства, обеспечивая стабильность механизма управления.

С уходом от статуса «высшего должностного лица» по новой Конституции Президент РФ перестал быть и главой исполнительной власти. Это привело к изменению его взаимодействия с Правительством Российской Федерации и системой органов исполнительной власти в целом. Тем не менее, эти изменения не являются радикальными, так как в России сохранена конституционная модель «президентской республики», которая предполагает наличие не только представительного, но и реального президентского влияния [1, с. 18].

Российская модель президентства наиболее близка к французской, однако, учитывая уникальные политические и экономические условия современной России, президентская власть здесь обладает еще большей мощностью, чем во Франции. Это объясняется необходимостью проведения обширных реформ, которые фактически меняют общественный строй, а также существующими легитимно действующими политическими силами, которые не разделяют действующие конституционные принципы. Эти обстоятельства определяют значимость Президента для направления и скорости развития страны.

Особенно ярко эта роль проявляется в «треугольнике» взаимодействия: Президент – Правительство – Государственная Дума. На практике складывается ситуация, когда Президент косвенно (через Премьер-министра) формирует непартийное Правительство, т.е. Кабинет, члены которого не связаны с пропорциями депутатских мест в нижней палате парламента. В то же время, хотя Конституция Франции напрямую не обязывает Президента учитывать партийный состав Национального собрания, на практике французский Президент, даже если принадлежит

к какой-то партии, выбирая кандидатуру Премьера, обращает внимание на соотношение сил в нижней палате [1, с. 20].

Указанное отличие от международной политической практики возникло из-за несоответствия стратегической программы президента, зафиксированной в различных официальных документах, с идеологическими позициями ряда партий, способных претендовать на формирование правительства. Этот диссонанс стал особенно заметным при создании правительства после выборов 1996 года. Постепенно такая ситуация начала тормозить развитие страны, а частая ротация кабинетов министров превратилась в фактор дестабилизации. Более того, данные изменения зачастую не имели под собой серьезных обоснований. В части 2 статьи 80 Конституции России закреплены ключевые полномочия Президента как главы государства.

Практика показывает, что обязанность президента защищать Конституцию, а также права и свободы граждан понималась довольно широко. Например, нередко граждане обращаются к президенту с жалобами на, по их мнению, несправедливые решения правоохранительных органов и судебной системы, подчеркивая, что президент, как гарант Конституции и прав человека, обязан им помочь. Стремление людей обратиться за защитой к главе государства вполне объяснимо, особенно в условиях, когда правовые институты в России функционируют довольно слабо, а традиционные проявления чиновничьего произвола все еще сохраняются. Для многих граждан Президент воспринимается как всемогущий монарх или вождь. Однако возникает вопрос: действительно ли Конституция подразумевала такую трактовку президентских полномочий? Очевидно, что нет. В противном случае деятельность Президента была бы парализована, и его функции стали бы перекрывать полномочия судебных и правоохранительных органов.

Названная формула означает следующее.

1) Президент укрепляет всю систему государственного управления и защищает главные основы того, что мы обычно называем государством. В этом контексте второе предложение той же части статьи 80 можно рассматривать как своего рода «разъяснение» основной нормы о гарантиях Конституции, а также прав человека и гражданина. Каждый из государственных органов (институтов власти) в пределах своей компетенции обязан выполнять функции, направленные на реализацию положений Конституции и защиту прав и свобод граждан. Тем не менее, каждый из этих институтов обеспечивает лишь отдельные аспекты действия Конституции. Лишь перед Президентом поставлена задача поддерживать стабильность государства в целом, его суверенитет и целостность. В таких условиях остальные органы власти и должностные лица могут выполнять свои полномочия в нормальной конституционной среде.

2) Президент занимает центральное место в системе государственного управления. Это не означает, что он выполняет функции монарха,

обладая правом решать любые вопросы, игнорируя законодательные, судебные и исполнительные ветви власти. Речь идет о его ответственности за создание таких условий, при которых все эти институты могут эффективно выполнять свои функции. Кроме того, он выступает в роли высшего контролера, обеспечивая, чтобы ни одна из властей не посягала на привилегии другой, не нарушала баланс сил в государстве и не присваивала чужие полномочия.

Важно отметить, что Президент также обязан действовать в рамках Конституции. Указанные в комментируемой статье задачи главы государства строго регламентированы Конституцией. В то же время масштабы задачи по сохранению российской государственности перед лицом различных угроз, а также непредсказуемость характера этих угроз включают необходимость жесткого регулирования и детальной юридической конкретизации методов и средств, которые Президент может использовать для их устранения и обеспечения полного действия Конституции [2, с. 124].

3) Данная конституционная формулировка подразумевает обязанность защитить не только саму Конституцию, но и права и свободы каждого человека и гражданина. Почему среди прочих основополагающих ценностей акцент делается именно на эту? Ответ кроется в статье 2 Конституции, где утверждается, что «человек, его права и свободы являются высшей ценностью». Таким образом, Конституция подчеркивает главную цель существования, как государства, так и самой Конституции. Обязанность Президента обеспечивать соблюдение Конституции имеет косвенную, но важную цель: защиту прав и свобод личности. В конечном счете, как суверенитет, так и территориальная целостность государства нацелены на полное обеспечение прав и свобод граждан. «Государственная целостность является критически важным условием для одинакового правового статуса всех граждан, независимо от их проживания, и представляет собой одну из гарантий их конституционных прав и свобод».

Таким образом, можно сделать вывод о том, что Президент несет ответственность не только за защиту и восстановление нарушенных прав и свобод отдельных граждан (для чего существуют соответствующие государственные органы), но и за создание условий, позволяющих реальное осуществление и защиту этих прав и свобод, что возможно только в рамках полноценного конституционного порядка.

Список использованных источников:

1. Окуньков, Л. А. Президент и Правительство (в механизме государственной власти) / Л.А. Окуньков // «Журнал российского права». – № 2 – 2022 г. – С.18-24.
2. Червонюк, В. И. Конституционное право России / В.И. Червонюк. – Москва: Инфра-М, 2022. – 430 с.

ПРАВОВОЙ СТАТУС РЕЗУЛЬТАТОВ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ, СОЗДАНЫХ НЕЙРОСЕТЯМИ: МЕЖДУНАРОДНЫЕ ПОДХОДЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ РЕГУЛИРОВАНИЯ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

Ребицкая Е.В.,

*старший преподаватель кафедры гражданского права и гражданского
процесса учреждения образования «Витебский государственный
университет имени П.М. Машерова», магистр юридических наук*

Широкое распространение технологий искусственного интеллекта (ИИ) в свободном доступе трансформировало их из узкопрофессионального инструмента в элемент массового потребления, что неизбежно повлекло за собой новые правовые вызовы. Активное применение нейросетей уже влияет на существующую систему авторского права ввиду наличия правовой неопределенности в квалификации субъекта такого произведения искусства или литературы. Вопрос об авторстве тесно связан с правосубъектностью искусственного интеллекта и поэтому выходит за рамки права интеллектуальной собственности и затрагивает также международное право.

Примечательно, что теоретическое осмысление правосубъектности искусственного интеллекта и вопросов ответственности за его действия имеет глубокие корни и восходит к середине XX века. Фундаментальные основы в данной сфере были заложены в трудах таких исследователей, как Г.Н. Андреева, Т.А. Гаврилова, А.А. Жданов, В.А. Лаптев и Джорджио Францешелли. Однако в последнее пятилетие вектор научных изысканий сместился в сторону специфики нарушения авторских прав при генерации контента нейросетями. Аспекты данной проблематики нашли отражение в работах Р.Р. Сафина, К.А. Маскина, В.Н. Сильниковой, О.В. Ревинского, Ю.С. Харитоновой и Я. Ихалайнена. Вместе с тем, анализ белорусской юридической доктрины свидетельствует о фактическом отсутствии комплексных исследований, посвященных правовому статусу нейросетей и их влиянию на институт авторского права, что обуславливает необходимость настоящего исследования.

Стремительное развитие генеративных нейросетей, способных создавать сложные произведения литературы и искусства, имитируя стили человеческого творчества, поставило перед международным сообществом фундаментальный вопрос: какова юридическая природа объектов, созданных искусственным интеллектом, и каковы пределы использования произведений человека для «обучения» этих систем? Как справедливо отмечает А.В. Чайкина, «сбор и обработка таких данных часто включают использование объектов, охраняемых авторским правом, что порождает комплексные юридические вопросы» [1, с. 224].

Любопытно мнение доктора юридических наук, доцента кафедры предпринимательского и корпоративного права МГЮА, В.А. Лаптева, который считает, что в рамках правового регулирования в среднесрочной перспективе искусственный интеллект приобретет правосубъектность и будет выступать полноценным участником правоотношений. А в долгосрочной перспективе правосубъектность будет существовать у искусственного интеллекта уже в виртуальном (цифровом) пространстве, в отрыве от материального мира [2, с. 84]. На наш взгляд, данная концепция является дискуссионной. Ставя нейросеть на один уровень с физическим лицом, закономерно возникает вопрос ее правового статуса как в рамках международного, так и национального права.

В 2025 году в рамках компетенции ВОИС был реализован проект «WIPO Conversation on IP and AI», направленный на выявление глобальных тенденций регулирования искусственного интеллекта. Анализ материалов дискуссии демонстрирует отсутствие единообразия в позициях стран-участниц. Доминирующая доктрина склоняется к достаточности существующих институтов ИС при условии ограничения субъектности авторского права исключительно физическими лицами. Однако констатируется потребность в законодательных модификациях применительно к объектам, созданным при незначительном участии человека, что требует дальнейшего осмысления в контексте критерия оригинальности.

В настоящее время в международной практике сформировались два подхода касательно правового статуса нейросетей, которые условно можно обозначить как «американский» и «европейский». В Соединенных Штатах ключевым инструментом балансировки интересов выступает доктрина «добросовестного использования» (fair use), закрепленная в § 107 Закона об авторском праве США. Данная норма представляет собой гибкий правовой механизм, допускающий использование охраняемых произведений без разрешения правообладателя при определенных обстоятельствах, что балансирует интересы авторов и общественные потребности в доступе к знаниям и культуре.

В Европейском Союзе регулирование взаимосвязи интеллектуальной собственности и искусственного интеллекта институционализировано на уровне вторичного права. Фундаментом данной системы стала Директива (ЕС) 2019/790 об авторском праве на едином цифровом рынке (CDSMD), которая возлагает на провайдеров моделей общего назначения (GPAI) императивную обязанность соблюдать оговорки об отказе от прав (opt-out), выраженные правообладателями.

Среди ученых постсоветского пространства также наблюдается двойственное отношение к рассматриваемой проблеме. Согласно первой концепции, искусственному интеллекту следует придать статус субъекта авторского права, поскольку именно он выступает непосредственным создателем результата интеллектуальной деятельности. Данную позицию отстаивают К.А. Маскин и Р.Р. Сафин [3, с. 158], аргументируя ее тем,

что участие пользователя носит лишь опосредованный характер, тогда как творческий акт реализуется автономно нейросетью в ходе обработки данных обучения.

Альтернативную позицию занимают В.Н. Сильникова и О.В. Ревинский [4, с. 26], которые отрицают возможность наделения нейросетей правосубъектностью ввиду отсутствия у искусственного интеллекта правоспособности. Согласно их концепции, субъектом авторского права следует признавать либо разработчика алгоритма (юридическое лицо), либо пользователя, чьи действия послужили основанием для генерации произведения. Авторы настоящего исследования солидарны с данным подходом, поскольку он сохраняет антропоцентричную природу института авторского права и соответствует сложившейся системе правоотношений в области интеллектуальной собственности.

Следует отметить, что согласно ст. 4 Закона Республики Беларусь «Об авторском праве и смежных правах», автором признается физическое лицо, творческим трудом которого создано произведение [5]. Аналогичный подход закреплен и в ст. 2 Бернской конвенции по охране литературных и художественных произведений (1886 г.) [6], которая, хотя и не содержит прямого определения автора, в совокупности с национальными законами стран-участниц подразумевает человеческое происхождение творчества. Следовательно, в настоящее время Республика Беларусь на законодательном уровне придерживается подхода, отрицающего наделение нейросетей самостоятельной правосубъектностью. Вместе с тем, существующая правовая неопределенность в отношении объектов, созданных при минимальном и опосредованном участии человека, а также вопросов использования охраняемых произведений для обучения нейросетей, требует системного законодательного реагирования.

Учитывая вышесказанное, считаем целесообразным внести в Закон Республики Беларусь «Об авторском праве и смежных правах» термин «генеративный искусственный интеллект (ИИ)», а также дополнить законодательство нормой, согласно которой результат, сгенерированный нейросетью без творческого вклада пользователя (непосредственно повлиявшего на оригинальность произведения), не признается объектом авторского права.

Проведенное исследование позволяет сделать вывод, что активное внедрение генеративных нейросетей в сферу творческой деятельности актуализировало проблему пересмотра устоявшихся институтов авторского права. Как показал анализ международной практики, в настоящее время отсутствует единообразный подход к определению правового статуса объектов, созданных искусственным интеллектом. В научной доктрине сформировались две противоположные концепции: одни исследователи обосновывают необходимость наделения нейросетей правосубъектностью, другие – последовательно отстаивают сохранение антропоцентричной природы авторского права. Анализ белорусского законодательства и сложившейся правоприменительной практики свидетельствует

о приверженности Республики Беларусь традиционному подходу. Учитывая изложенное, ключевым направлением развития белорусского национального правового регулирования должно стать не надделение искусственного интеллекта статусом субъекта авторского права, а формирование четких механизмов, позволяющих разграничивать творческий вклад человека и автономную генерацию нейросети, а также разработка терминологии, позволяющей определять правовой статус продуктов интеллектуальной собственности, созданных с помощью нейросетей.

Список использованных источников:

1. Чайкина, А.В. Некоторые вопросы использования авторского контента в обучении моделей искусственного интеллекта / А.В. Чайкина // Диалог публичного и частного права: проблемы взаимодействия: сборник статей научно-практической конференции с международным участием, 11 декабря 2025 года. – Минск: БГЭУ, 2026. – С. 224-227.
2. Лаптев, В.А. Понятие искусственного интеллекта и юридическая ответственность за его работу / В.А.Лаптев // Право. Журнал Высшей школы экономики. – Москва, 2019. – № 2. – С. 82-87.
3. Сафин, Р.Р. Правовое регулирование объектов авторского права, созданных с использованием «нейросети» / Р.Р. Сафин, К.А. Маскин // Правовое регулирование интеллектуальной собственности и инновационной деятельности: сб. статей научно-методологического семинара / Всероссийский государственный университет юстиции; под ред. О.В. Сушковой. – Москва, 2018. – С.157-160.
4. Синельникова, В.Н. Права на результаты искусственного интеллекта» / В.Н. Синельникова, О.В. Ревинский // Копирайт. Вестник российской академии интеллектуальной собственности и российского авторского общества. – Москва, 2017. – № 4. – С. 24-30.
5. Об авторском праве и смежных правах: Закон Республики Беларусь, 17.05.2011 № 262-З: в ред. Закона Респ. Беларусь от 13.11.2023 № 243-З // ЭТАЛОН: информ.-поисковая система (дата обращения: 07.04.2026).
6. Бернская конвенция по охране литературных и художественных произведений от 9 сентября 1886г.: в ред. от 2 октября 1979 г. – URL: <https://normativ.kontur.ru/document?moduleId=1&documentId=6348> (дата обращения: 07.04.2026).

**ПРАВОВЫЕ ПРЕДЕЛЫ ЦИФРОВОГО КОНТРОЛЯ
ЗА ДИСТАНЦИОННЫМ РАБОТНИКОМ:
БАЛАНС МЕЖДУ ЭФФЕКТИВНОСТЬЮ И ПРИВАТНОСТЬЮ**

Редикульцева Е.Н.,

*заведующий кафедрой трудового и социального права
ФГБОУ ВО «Вятский государственный университет», г. Киров,
кандидат юридических наук, доцент*

Чеглакова В.А.,

*студентка ФГБОУ ВО «Вятский государственный университет», г. Киров,
направление подготовки «40.04.01 Юриспруденция»*

Актуальность рассматриваемой темы обусловлена активным развитием удаленной занятости. Цель статьи – выявление правовых пределов допустимого цифрового контроля за дистанционным сотрудником

и разработка рекомендаций по обеспечению баланса между трудовой деятельностью и правом работника на неприкосновенность частной жизни. Действующее законодательство имеет системные пробелы в регулировании цифрового контроля. Ведущий подход исследования – междисциплинарный подход. Основные методы исследования – диалектический, структурный, логический, анализ судебной практики

Значительная часть российских компаний сохранила гибридный или полностью удаленный формат работы даже после снятия ограничений, связанных с пандемией COVID-19, которая в свою очередь и послужила катализатором масштабного перехода на дистанционные формы занятости. Это позволило выявить системные проблемы российского трудового права, связанные с ограниченными возможностями применения информационно-коммуникационных технологий в трудовых отношениях.

В статье 23 Конституции РФ закреплено право каждого на неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну, тайну переписки, телефонных переговоров и иных сообщений. Но в трудовых отношениях это право сталкивается с законным интересом работодателя в контроле за использованием рабочего времени и имущества. Именно это можно выделить, как основную проблему исследования [1].

Трудовой кодекс РФ не содержит прямого запрета на использование средств мониторинга деятельности работников, его глава 49.1 устанавливает, что порядок взаимодействия работодателя и дистанционного работника определяется трудовым договором или дополнительным соглашением к нему [2].

Как отмечает юрист Анаит Варданян, работодатель может даже не спрашивать у работников согласия на установку контролирующего ПО – можно просто прописать это в договоре и внутренних документах, при этом важно соблюдать права работников на неприкосновенность частной жизни [3].

Федеральный закон № 152-ФЗ «О персональных данных» устанавливает особые требования к обработке персональных данных работников. Если работодатель осуществляет сбор и обработку данных о действиях работника, такие данные признаются персональными и требуют соблюдения установленных законом процедур, включая получение согласия на обработку в случаях, когда это необходимо [4].

Если работник использует корпоративное устройство, работодатель вправе: устанавливать программное обеспечение для мониторинга активности; отслеживать посещаемые сайты и используемые приложения; контролировать время работы и простои, но требовать установки программ мониторинга на личные устройства сотрудников работодатель не вправе. Это прямое следствие принципа неприкосновенности частной жизни и права собственности работника на принадлежащее ему имущество [5].

Работодатель не вправе контролировать пространство личного жилища работника. Даже если работник использует корпоративное оборудование, мониторинг должен ограничиваться активностью на этом оборудовании, не распространяясь на окружающее пространство.

Одно из наиболее значимых нововведений, которое предлагается в законопроекте о дистанционной работе, внесенном в Государственную Думу, – закрепление права дистанционных работников не быть круглосуточно на связи с работодателем. Это право направлено на предотвращение размывания границ между рабочим и личным временем [6].

В результате исследования установлено, что цифровой контроль не может рассматриваться исключительно в рамках трудового права, его правовое регулирование требует межотраслевого подхода.

Система цифрового контроля должна придерживаться четырех принципов: прозрачности (работник должен быть заранее уведомлен о факте, методах, целях и объемах контроля), целесообразности (контроль осуществляется для достижения конкретных, заранее определенных законных целей), пропорциональности (методы контроля не должны быть более вторгающимися в частную жизнь, чем это необходимо для достижения поставленных целей), разграничения (контроль не должен распространяться на личные устройства и личное время работника без явно выраженного согласия).

В результате анализа судебных решений по спорам, которые связаны с цифровым контролем, выявлены следующие позиции по некоторым вопросам: данные, полученные с помощью систем мониторинга, могут быть признаны допустимыми доказательствами; увольнение за прогул или неисполнение обязанностей может быть признано законным; в случаях неправомерного вторжения в частную жизнь суды присуждают компенсацию морального вреда.

В ходе исследования установлены правовые пробелы: отсутствие определения «цифрового контроля» в законодательстве, отсутствие обязательных требований к уведомлению работника о контроле, неурегулированность статуса данных мониторинга, отсутствие норм о «праве на отключение», неопределенность пределов контроля при использовании личного оборудования.

Для ликвидации указанных пробелов далее представлены рекомендации:

1. Дополнить главу 49.1 ТК РФ определениями: «Цифровой контроль за дистанционным работником», «Средства цифрового контроля», «Право на отключение».

2. Ввести в ТК РФ статью 312.4, с указанием, что осуществление контроля должно соответствовать четырем принципам, перечисленным выше.

3. Дополнить Федеральный закон № 152-ФЗ статьей с определением, что данные, полученные работодателем в результате средств цифрового контроля, считаются персональными данными работника.

4. Включить в статью 312.4 ТК РФ положения, в которых определить, что дистанционный работник имеет право не взаимодействовать с работодателем вне рабочего времени.

5. Дополнить статью 312.4 ТК РФ требованием к форме уведомления о применении средств цифрового контроля, оно должно содержать перечень используемых средств контроля, цели сборки и обработки данных, сроках хранения полученных данных, порядка доступа работника к данным о результатах контроля, последствиях отказа работника от применения средств контроля.

6. Включить в статью 312.2 ТК РФ положения о том, что работодатель не вправе требовать установки на личное оборудование работника средств контроля за исключением случаев, когда эти средства нужны для защиты информации, являющейся охраняемой законом тайной.

Из всего выше представленного, можно сделать вывод, что действующее законодательство не обеспечивает правовой определенности в вопросах цифрового контроля за дистанционными работниками. Предложенные меры по совершенствованию законодательства направлены на создание сбалансированной модели, обеспечивающей защиту конституционных прав работников при сохранении необходимого уровня управляемости трудового процесса.

Список использованных источников:

1. Конституция Российской Федерации со всеми последними правками. С учетом образования в составе Российской Федерации новых субъектов. – Москва: Издательство АСТ, 2025. – 96 с.

2. Трудовой кодекс Российской Федерации, 30.12.2001 № 197-ФЗ: принят Государственной Думой 21 декабря 2001 г.: одобрен Советом Федерации 26 декабря 2001 г.: в ред. Закона от 29.12.2025, с изм. от 06.02.2026. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34683/ (дата обращения: 08.04.2026).

3. «Слежка» работодателя за работником по закону / Е. Фурсова – Москва: Адвокатская газета, 2022. – URL: <https://selecty.ru/press/tpost/2b1h0344f1-lentaru-mozhet-li-rabotodatel-sledit-za> (дата обращения 20.03.2026).

4. О персональных данных: Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 152-ФЗ: в ред. Закона от 27.07.2006 N 152-ФЗ. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_61801/ (дата обращения: 08.04.2026).

5. Дистанционная работа в 2026 году: режим, контроль, компенсации: блог: Коллегия юристов Степанов и Ко, 06.03.2026. – URL: <https://smollawyers.ru/> (дата обращения 20.03.2026).

6. Проект Федерального закона «О внесении изменений в Трудовой кодекс Российской Федерации в части регулирования дистанционной и удаленной работы»: вносится депутатами Государственной Думы. – Москва, 2020. – URL: <https://rg.ru/documents/2020/06/16/proekt-udalenka-site-dok.html> (дата обращения 20.03.2026).

ПОНЯТИЕ И НАПРАВЛЕНИЯ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В ЮРИДИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Сафонова Т.В.,

*старший преподаватель кафедры истории и теории права
учреждения образования «Витебский государственный
университет имени П.М. Машерова»*

Котлярова Н.Р.,

*студентка юридического факультета учреждения образования
«Витебский государственный университет имени П.М. Машерова»*

Понятие искусственного интеллекта сегодня прочно вошло в юридический оборот и юридическую практику, а также нашло нормативное закрепление в белорусском законодательстве.

В соответствии с приложением 2 (Перечень терминов и их определений) к постановлению Совета Министров Республики Беларусь 21.04.2023 № 280 «О мерах по реализации Указа Президента Республики Беларусь от 7 апреля 2022 г. № 136» [1], искусственный интеллект представляет собой комплекс технологических решений, позволяющий имитировать когнитивные функции человека (в том числе самообучение и поиск решений без заранее заданного алгоритма) и получать при выполнении конкретных задач результаты, сопоставимые с результатами интеллектуальной деятельности человека, и включающий в себя информационно-коммуникационную инфраструктуру, программное обеспечение, процессы и сервисы по обработке данных и поиску решений.

Техническими нормативными правовыми актами (образовательные стандарты высшего образования) искусственный интеллект понимается как направление информатики, целью которого является разработка аппаратно-программных средств, позволяющих пользователю-непрограммисту ставить и решать задачи, традиционно считающиеся интеллектуальными, общаясь с ЭВМ на ограниченном подмножестве естественного языка, а также как свойство автоматических и автоматизированных систем брать на себя отдельные функции интеллекта человека, как междисциплинарная наука и научная дисциплина.

Искусственный интеллект (ИИ) применяется в различных юридических процессах. Рассмотрим их подробнее.

Драфтинг юридических и процессуальных документов, представляющий собой процесс генерации (создания) проекта юридического документа, включающего его структуру и содержание.

Работа с договорами становится более эффективной с использованием ИИ: генерация проекта договора, генерация договора по шаблону или по заданным условиям, проверка договоров на соответствие

стандартным формам, внутренним политикам, чек-листам, перевод на иностранный язык, сравнение двух редакций договоров, составление реестров договоров.

ИИ способен анализировать материалы дела и судебные акты, выявляет логические ошибки, пробелы или слабые места в документах.

Разработка стратегии и тактики ведения дела, подготовка вопросов для допросов участников процесса (свидетелей, потерпевших, экспертов и др). ИИ может прояснить позицию истца, ответчика по делу, факты, которыми может руководствоваться суд при принятии решения в совещательной комнате.

ИИ позволяет осуществить транскрибацию аудиозаписей судебных заседаний, бесед с клиентом и другое. Транскрибация представляет собой процесс преобразования аудио и видеозаписей в текст с высокой точностью распознавания речи всех говорящих.

Подготовка визуальных материалов (схем, диаграмм, таблиц, презентаций, графических планов (таймлайнов) и другое) при помощи ИИ позволяет ускорить процесс создания юридического контента, повысить его качество, нестандартно решить профессиональные задачи в этой области.

Еще одним направлением эффективного использования ИИ в юридической деятельности является подготовка постов и статей для юридических блогов, социальных сетей, юридических интернет-ресурсов. Однако, следует помнить о возможном галлюционировании ИИ и любой сгенерированный контент должен быть проверен.

ИИ позволяет осуществлять подготовку к судебному заседанию, принимать решения о целесообразности процесса, выделять ключевую информацию и обобщать большие объемы информации.

ИИ может выступать в качестве репетитора по правовому английскому, необходимому сегодня современному юристу, повышая его конкурентоспособность и профессиональные возможности, позволяя участвовать в международных проектах и консультировать зарубежных клиентов, анализировать международные правовые акты и национальное законодательство зарубежных стран на иностранном языке. Английский язык выступает сегодня основным языком деловой правовой коммуникации.

Таким образом, использование искусственного интеллекта в юридической деятельности способствует оптимизации юридических процессов, позволяет автоматизировать рутинные юридические задачи, такие как обработка больших объемов юридических текстов, поиск релевантной информации, анализ судебных материалов, выявление закономерностей и наиболее вероятного исхода дела.

Использование ИИ в работе юриста требует четкой правовой регламентации, включение этических вопросов использования ИИ

в профессиональные этические кодексы, а также наличия уверенных знаний и профессионального опыта в области юриспруденции, позволяющих своевременно обнаружить ошибки ИИ и не допустить негативных юридических последствий при использовании результатов ИИ.

Список использованных источников:

1. О мерах по реализации Указа Президента Республики Беларусь от 7 апреля 2022 г.: постановление Совета Министров Республики Беларусь от 21 апр. 2023 № 280 // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. – URL: <https://pravo.by/document/?guid=12551&p0=W22137239> (дата обращения: 01.04.2026).

ЦИФРОВОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО ПРАВОВЫХ СИСТЕМ БЕЛАРУСИ И РОССИИ В РЕШЕНИИ МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВЫХ ВОПРОСОВ

Тимофеев Р.В.,

*доцент кафедры истории и культурного наследия
учреждения образования «Витебский государственный
университет имени П.М. Машерова»,
кандидат исторических наук, доцент*

Тимофеев В.Р.,

*студент учреждения образования «Витебский государственный
университет имени П.М. Машерова»*

Тимофеева А.Р.,

*студентка учреждения образования «Витебский государственный
университет имени П.М. Машерова»*

Цифровая трансформация правовых систем Республики Беларусь и Российской Федерации представляет собой не просто набор технических модернизаций, а глубоко продуманную и стратегически важную составляющую их союзнических отношений. Анализ этой трансформации невозможен без понимания ее фундаментальной правовой и интеграционной основы, которая задает приоритеты, определяет рамки и формирует саму логику внедрения цифровых технологий в сфере правового взаимодействия.

Ключевыми элементами этой основы являются договорно-правовые акты, регламентирующие деятельность Союзного государства, а также более широкие интеграционные процессы в рамках Евразийского экономического союза (ЕАЭС). Именно эти документы и структуры создают прецеденты, устанавливают обязательства и предоставляют необходимую платформу для развития современных цифровых механизмов сотрудничества.

Центральным элементом правового поля является Договор о создании Союзного государства, подписанный в 1999 году [1, с. 7]. Этот акт, являющийся высшим проявлением воли двух стран к объединению, заложил

концептуальную основу для дальнейшей интеграции во всех сферах, включая правовую. Он предполагает не просто координацию, а создание единого правового пространства, где правовые системы становятся взаимодополняющими и согласованными [4, с. 2]. В рамках этой концепции цифровизация выступает мощным инструментом для достижения целей Союзного государства.

Создание единой цифровой среды для правоприменителей - судей, прокуроров, следователей, юристов - является логичным шагом на пути к унификации процедур, повышению прозрачности и эффективности правосудия. Пример деятельности прокуратуры Республики Беларусь по созданию собственных электронных архивов уголовных дел и использованию цифровых инструментов для анализа данных демонстрирует, что принципы такой модернизации уже успешно апробированы на национальном уровне и могут и должны распространяться на межгосударственный уровень.

Помимо Устава, деятельность Союзного государства регулируется многочисленными протоколами и декретами, которые конкретизируют направления сотрудничества [2, с. 39]. Эти акты формируют правовую базу для внедрения цифровых технологий. Например, необходимость создания единой информационной системы требует предварительного согласования правовых норм, регулирующих порядок сбора, хранения, обработки и обмена данными, что должно быть закреплено в соответствующих протоколах.

Не менее важным фактором является участие обеих стран в Евразийском экономическом союзе (ЕАЭС), который функционирует как полноценный таможенный и экономический союз. Совместное решение международно-правовых вопросов, таких как трансграничное правосудие, защита прав интеллектуальной собственности, таможенные споры и борьба с финансовой преступностью, происходит не только на двустороннем, но и на региональном уровне через институты ЕАЭС. Эта интеграция создает дополнительное давление на страны-члены для стандартизации и цифровизации своих правовых и административных процедур.

Проект цифровой повестки ЕАЭС прямо указывает на необходимость создания единого цифрового пространства для ускорения экономического роста и устранения барьеров в торговле. Реализация этой повестки невозможна без гармонизации и унификации фундаментальных правовых документов государств-членов, ответственных за создание цифровых сервисов. Таким образом, любая цифровая инициатива в правовой сфере между Беларусью и Россией должна рассматриваться в контексте общих усилий ЕАЭС по цифровизации.

Важнейшую роль в этом процессе играют общие институты ЕАЭС. Евразийская экономическая комиссия (ЕЭК) выступает координатором и техническим центром, разрабатывающим общие правила, стандарты и рекомендации для стран-членов. Внедрение цифровых технологий в правовое взаимодействие должно соответствовать этим общим стандартам.

Например, при создании системы обмена таможенными данными необходимо использовать форматы и протоколы, одобренные ЕЕС.

Таким образом, правовая и интеграционная основа цифрового сотрудничества между Беларусью и Россией является прочной и многогранной. Она строится на трех столпах:

1. Высшие договорные обязательства: договор о создании Союзного государства и последующие протоколы, которые определяют долгосрочную цель - создание единого правового пространства.

2. Институциональная интеграция: общие органы управления, такие как ЕЭК, обеспечивают согласованность и стандартизацию на региональном уровне, что является необходимым условием для успешной цифровизации.

3. Стратегические планы: конкретные программы переводят общие идеи интеграции в плоскость практических, измеримых задач по цифровой модернизации.

Эта комплексная основа позволяет сделать вывод, что цифровизация правовых систем не является случайной или автономной инициативой, а представляет собой органичную и неотъемлемую часть общего процесса строительства Союзного государства и Единого экономического пространства [2, с. 40].

Любые механизмы, разрабатываемые для обмена правовой информацией, синхронизации законодательства или координации правоприменения, будут выстраиваться в соответствии с этими фундаментальными документами и в рамках общих интеграционных структур [3, с. 18]. Это гарантирует не только техническую совместимость, но и правовую состоятельность и стратегическую целесообразность каждого шага в этом направлении.

Создаются механизмы обмена правовой информацией через единые информационные платформы. Переход от традиционных, бумажных форматов обмена правовой информацией к цифровым потокам является одним из ключевых направлений в сотрудничестве правовых систем Республики Беларусь и Российской Федерации. Этот переход напрямую способствует решению международно-правовых вопросов, ускоряя процедуры, повышая точность передаваемых данных и снижая бюрократические барьеры.

Основным механизмом реализации этой трансформации будет создание и развитие единых информационных платформ, которые служат централизованными хранилищами и каналами коммуникации для всех участников правового процесса [5, с. 21]. Эти платформы позволяют не только обмениваться готовыми документами, но и обеспечивать постоянный, оперативный доступ к актуальной правовой информации, что является фундаментом для согласованной правоприменительной практики.

Основой для создания таких платформ служат официальные интернет-порталы правовой информации, которыми обладают обе страны. Эти порталы являются не просто архивами законов, а активными информационными системами, содержащими полный массив нормативно-правовых актов,

судебных решений и другой юридически значимой информации. Наличие у обеих стран подобных централизованных ресурсов создает техническую возможность для их интеграции. Заявления о необходимости «обмена правовой информацией в цифровом формате» предполагают именно такую глубокую интеграцию, выходящую за рамки простого копирования текстов.

Технически это может быть реализовано через создание программного интерфейса приложения, который позволил бы автоматически синхронизировать данные между двумя порталами [5, с. 22]. Такой инструмент мог бы обеспечивать мгновенное получение новой редакции закона одной страны специалистами другой страны, предотвращая ситуацию, когда правоприменитель работает с устаревшей информацией из-за задержек в ручной перепроверке. Наличие стандартизированных идентификаторов документов на белорусском портале pravo.by является важным шагом в этом направлении, поскольку позволяет уникально идентифицировать каждый нормативный акт, что является основой для автоматизированной обработки и обмена данными.

Помимо прямой интеграции порталов, единые информационные платформы могут включать в себя специализированные подсистемы для решения конкретных международно-правовых задач [3, с. 44]. Например, для упрощения процедуры оказания правовой помощи друг другу может быть создана защищенная цифровая платформа, где одна сторона может направить запрос о производстве процессуальных действий (допросе свидетеля, обыске, осмотре места происшествия) в электронном виде.

Это значительно сокращает время ожидания ответа и минимизирует риск потери или искажения бумажного оригинала запроса. Подобные платформы могут включать функции для отслеживания статуса выполнения запроса, обмена результатами и хранения всей переписки в едином цифровом досье по делу. Такой подход напрямую соответствует целям, провозглашенным в европейских директивах, направленных на цифровизацию сотрудничества в области правосудия в гражданских, коммерческих и уголовных делах, которые также предусматривают использование цифровых каналов для связи между компетентными властями.

Список использованных источников:

1. Артемова, В. Н. Союз Беларуси и России: Правовая природа и правосубъектность / В. Н. Артемова, О. П. Мариков. – Минск, Беларусь, 2000. – 232 с.
2. Быков, А. Постсоветское пространство. Стратегии интеграции и новые вызовы глобализации: монография / А. Быков. – Санкт-Петербург, Алетейя, 2009. – 192 с.
3. Глазьев, С. Ю. Рынок в будущее. Россия в новых технологическом и мирохозяйственном укладах / С. Ю. Глазьев. – Москва: Книжный мир, 2018. – 345 с.
4. Договор о создании Союзного государства от 8 декабря 1999 г. [подписан в г. Астане 29.05.2014] // Нац. реестр правовых актов Респ. Беларусь. – 2000. – № 4. – С. 2-6.
5. Курылев, К. Страновое измерение процессов евразийской интеграции в СНГ. Мировая экономика и международные отношения / К. Курылев, Д. Малышев, Д. // Станис. – 2022. – Т. 66. – № 1. – С. 21-36.

ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ ПРАВА В ЭПОХУ ЦИФРОВИЗАЦИИ И ИХ ПЕРСПЕКТИВЫ

Шантырева Е.А.,

*старший преподаватель кафедры истории и теории права
учреждения образования «Витебский государственный
университет имени П.М. Машерова»*

Фидоренко Н.А.,

*студент юридического факультета учреждения образования
«Витебский государственный университет имени П.М. Машерова»*

Цифровая трансформация меняет способы осуществления публичной власти, создаёт новые формы взаимодействия государства и граждан и ставит под сомнение традиционные механизмы защиты конституционных прав. Для Республики Беларусь, как для государства, ориентированного на сочетание национальной безопасности и интеграции в международное правовое пространство, задача состоит в том, чтобы обеспечить сохранение конституционных гарантий при одновременном укреплении цифрового суверенитета и участия в многосторонних форматах регулирования цифровых процессов.

Право на приватность и информационная автономия. Массовая автоматизированная обработка персональных данных, профилирование и межсистемный обмен информацией делают традиционные модели «информированного согласия» недостаточными. Автоматизированные решения способны собирать, агрегировать и повторно использовать данные в масштабах, которые не были предусмотрены при принятии классических норм о защите персональных данных. В связи с этим есть следующие предложения:

1. Ввести в национальное законодательство обязанность проведения оценки воздействия на права человека (Human Rights Impact Assessment) при внедрении государственных алгоритмических систем; отчёты публикуются в сокращённом виде с учётом охраны служебной и коммерческой тайны;

2. Закрепить право субъекта данных на ограничение повторного использования и на «право на объяснение» решений, принятых с участием ИИ, в случаях, когда такие решения затрагивают существенные права и интересы граждан;

3. Усилить требования к минимизации данных и к срокам их хранения в государственных информационных системах.

Разделение властей, подотчётность и алгоритмическое управление. Делегирование функций государственным алгоритмам (например, в сфере социальных выплат, администрирования налогов, мониторинга соблюдения нормативов) может привести к размыванию ответственности и снижению институциональной подотчётности. Автоматизированные решения не всегда поддаются традиционным процедурам контроля и обжалования.

На основании вышеизложенного предлагается:

1. Юридически закрепить принцип: окончательная ответственность за решения, принимаемые с использованием алгоритмов, остаётся за уполномоченным государственным органом.

2. Ввести обязательный публичный аудит критических алгоритмов (включая независимую техническую экспертизу и проверку на соответствие конституционным стандартам). Результаты аудита публикуются в обобщённом виде.

3. Обеспечить доступ к судебному пересмотру автоматизированных актов и процедур, включая возможность приостановления действия автоматизированного решения до завершения проверки.

Цифровой суверенитет и международно-правовое взаимодействие. Трансграничный обмен данными, международные платформы и разнородные подходы к регулированию создают правовую неопределённость и риски для национальной безопасности и защиты прав граждан. В то же время односторонняя изоляция подрывает экономические и научно-технические возможности. На наш взгляд, для разрешения данной проблемы необходимо:

1. Сочетать национальную политику цифрового суверенитета с активным участием в многосторонних инициативах по защите данных и противодействию трансграничной киберпреступности.

2. Адаптировать международные стандарты (например, по защите персональных данных и кибербезопасности) под национальные реалии через межведомственные дорожные карты и пилотные проекты.

3. Развивать двустороннее и многостороннее сотрудничество в области аудита алгоритмов, обмена опытом и совместной подготовки кадров.

Таким образом, цифровая трансформация требует от правовой системы не только технических новаций, но и глубокого институционального переосмысления. Для Республики Беларусь приоритетом должно стать сочетание защиты конституционных прав, обеспечения цифрового суверенитета и активного международного взаимодействия. Практические инструменты – оценка воздействия, публичный аудит и классификация рисков – позволят сохранить баланс между эффективностью публичного управления и защитой прав граждан.

Список использованных источников:

1. О защите прав потребителей: Закон Респ. Беларусь от 7 мая 2021 г. № 99-З; в ред. Закона Респ. Беларусь от 16 марта 2026 г. № 134-З // ЭТАЛОН: информ.-поисковая система (дата обращения: 14.04.2026).

2. О Концепции обеспечения суверенитета Республики Беларусь в сфере цифрового развития до 2030 года: постановление Совета Министров Респ. Беларусь от 31 декабря 2024 г. № 1074 // ЭТАЛОН: информ.-поисковая система (дата обращения: 14.04.2026).

ПОВЕДЕНИЕ СУДЕЙ В СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЯХ

Ярмоц Е.Н.,

*доцент кафедры теории и истории государства и права
учреждения образования «Брестский государственный университет
имени А.С. Пушкина», кандидат юридических наук, доцент*

С 2019 года формат классических судебных заседаний претерпел существенные изменения. Судебные системы многих государств были вынуждены перейти на онлайн формат судебных заседаний по рассмотрению всех категорий дел. Естественно, удаленный формат работы внес некоторые коррективы в повседневную судебную деятельность. Однако, формальная сторона онлайн заседаний по сути не сильно отличается от обычного формата судебных заседаний. Различия по большому счету состоят лишь в процессе организации судебного заседания и его технической составляющей. В этой связи можно отметить, что наибольшее количество вопросов, касающихся этического статуса судей в информационном обществе, возникает относительно их этического поведения во внесудебной деятельности, в частности, при пользовании ими социальными сетями.

Согласно статистическим данным ИТУ (International Telecommunication Union) – специализированного учреждения ООН в области цифровых технологий, в 2025 г. 74 % населения земного шара пользуются интернетом по сравнению с 71 % в 2024 г. В абсолютных цифрах это соответствует 6 миллиардам человек – на 5,8 миллиарда в 2024 г. Годовой прирост немного увеличился и составил 3,3 % по сравнению с 2,9 % в 2024 г. [1]. В октябре 2025 г. в Беларуси насчитывалось 8,47 млн интернет-пользователей, то есть 94,3 % от общей численности населения [2].

Профессиональная этика и осознанное поведение в цифровом пространстве для представителей судейского сообщества являются не просто формальными требованиями, а составными частями как имиджа конкретного судьи, так и авторитета судебной власти в целом. Поэтому в условиях отсутствия каких-либо рекомендаций по использованию судьями социальных сетей в национальных правовых системах, а также побуждения национальных органов судейского сообщества приступить к работе над данным вопросом, участниками Глобальной сети честности и неподкупности судебных органов были разработаны и приняты так называемые «Необязательные руководящие принципы использования судьями социальных сетей» (далее – Руководящие принципы) [3].

Руководящие принципы, исходя из своего наименования, имеют рекомендательный характер и состоят из следующих разделов: вводные положения; информированность судей о работе социальных сетей и их использование судьями: риски и возможности; идентификация судей

при использовании социальных сетей; контент и поведение в социальных сетях; дружба и отношения онлайн; частная жизнь и безопасность; обучение. Предпосылками принятия данного документа послужили многочисленные вопросы и запросы от самого судейского сообщества относительно пользования судьями социальными сетями.

В целом судьям не запрещается иметь аккаунты и пользоваться социальными сетями. В п. 7 Руководящих принципов сказано, что судьям следует быть ближе к обществу и людям «с тем, чтобы развеять ореол таинственности вокруг работы судов, обеспечить понимание концепций доступа к правосудию. Судьям следует сознавать, что компетентные органы судов или судебной системы в целом могут рассмотреть возможности, которые в этом смысле предоставляют социальные сети и онлайн-сообщества, и предпринять соответствующие действия» [3].

Судьи, таким образом, в соответствии с Бангалорскими принципами поведения судей, при использовании социальных сетей, должны соблюдать основополагающие принципы судейской деятельности: независимость, беспристрастность, честность, компетентность, конфиденциальность, политическая нейтральность и др.

Этические кодексы ряда зарубежных государств включили в свои тексты нормы, регулирующие правила использования судьями социальных сетей. Так, Кодекс судейской этики Венгрии, несмотря на предельно общую формулировку «Судья должен использовать социальные сети и Интернет с должной осторожностью» (ст. 4), все же «встроился» в современные реалии общественной жизни [4].

В Англии и Шотландии были приняты свои Руководящие принципы, согласно которым судьи не должны публиковать в Twitter или Facebook результаты их судебной деятельности по делам, в которых они принимали участие [5]. Им также следует проявлять крайнюю осторожность при обсуждении как юридических, так и личных вопросов. Судьи должны действовать в соответствии с условиями пункта 5.2 Руководства по Информационным технологиям и информационной безопасности для сотрудников судебных органов в Шотландии, изданного 28 февраля 2012 г. [6].

В Российской Федерации Постановлением Совета судей Российской Федерации от 7 декабря 2023 г. № 29 были утверждены Рекомендации для судей при пользовании информационно-коммуникационными системами, включая Интернет, социальные сети, которые фактически стали частью Кодекса судейской этики. Рекомендации представляют собой ориентир как для действующих судей, так и для претендентов на должность судьи при определении допустимого поведения с целью предупреждения нарушения Кодекса судейской этики.

В ст. 21 Кодекса судейской этики Украины говорится о том, что судья вправе проявлять активность в социальных сетях, высказывать свое мнение на различных площадках, форумах при условии, что «пользование судьей

социальными сетями должно быть сдержанным, умеренным и осторожным», а размещение и комментирование какой-либо информации не будет наносить ущерба авторитету судебной власти [7].

Список использованных источников:

1. Almost three-quarters of the population are online / Internet use // ITU. – URL: <https://www.itu.int/itu-d/reports/statistics/2025/10/15/ff25-internet-use/> (дата обращения 14.04.2026).
2. Интернет и соцсети в Беларуси: Отчет Digital 2026 / Министерство информации Республики Беларусь. - URL: <http://mininform.gov.by/news/all/internet-i-sotsseti-v-belarusi-otchet-digital-2026/#:~:text=В%20Беларуси%20насчитывается%207%2C64,возрасте%2018%20лет%20и%20старше> (дата обращения 14.04.2026).
3. Не имеющие обязательной силы Руководящие принципы использования социальных сетей судьями https://www.unodc.org/res/ji/import/international_standards/social_media_guidelines/Non-binding_Social_Media_Guidelines_RU.pdf (дата обращения: 30.03.2026).
4. Code of Ethics for Judges. Decision 16/2022 (III.2.) of the National Judicial Council on the Code of Conduct for Judges and its adoption / National Judicial Council. – URL: <https://obt-jud.hu/en/birak-etikai-kodexe> (date of access: 20.11.2025).
5. Judith Gibson. Should judges use social media? - URL: <http://www.districtcourt.justice.nsw.gov.au/Documents/Should%20Judges%20use%20social%20media.pdf> (дата обращения: 20.07.2019).
6. Statement of principles of Judicial ethics for the Scottish Judiciary (2016). URL: [http://www.scotland-judiciary.org.uk/Upload/Documents/Statement of Priciples of Judicial Ethicsrevised December 2016. pdf](http://www.scotland-judiciary.org.uk/Upload/Documents/Statement%20of%20Principles%20of%20Judicial%20Ethics%20revised%20December%202016.pdf) (date of access: 20.11.2025).
7. Об утверждении Кодекса судейской этики» (с изменениями от 18.09.2024 г.): Решение XI (очередного) съезда судей Украины от 22 февраля 2013 года // Континент. – URL: https://continent-online.com/Document/?doc_id=32086745#pos=5;-122 (дата обращения: 04.11.2025).

РАЗДЕЛ 2 ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВЫЕ И ЭКОНОМИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ СОВРЕМЕННОЙ МОДЕЛИ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ ОБЩЕСТВА В УСЛОВИЯХ СОВРЕМЕННОЙ ЦИФРОВОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ

ПРЕДЕЛЫ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ИНТЕРНЕТ-ПЛАТФОРМ ЗА АЛГОРИТМИЧЕСКОЕ РАСПРОСТРАНЕНИЕ ВРЕДНОГО КОНТЕНТА СРЕДИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ

Беззатеева В.С.,

старший преподаватель кафедры гражданского права, старший преподаватель кафедры информационной безопасности Санкт-Петербургского государственного университета аэрокосмического приборостроения

Современный этап развития информационного общества характеризуется активной цифровизацией общественных отношений, что влечет за собой существенную трансформацию механизмов распространения информации, в том числе среди несовершеннолетних [1, с. 27]. Особую роль в данном процессе играют интернет-платформы, функционирующие на основе алгоритмических систем рекомендаций, формирующих индивидуализированную информационную среду пользователя. В этих условиях существенно возрастают риски вовлечения несовершеннолетних в потребление информации, способной причинить вред их здоровью и развитию, что актуализирует проблему определения пределов ответственности таких платформ.

В Российской Федерации вопросы защиты несовершеннолетних в информационной среде регулируются, прежде всего, Федеральным законом от 29 декабря 2010 года № 436-ФЗ «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию», а также Федеральным законом от 27 июля 2006 года № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации». Дополнительные механизмы ответственности закреплены в законодательстве об административных правонарушениях, в частности в статье 13.41 КоАП РФ, предусматривающей ответственность за неудаление запрещенной информации. Указанные нормативные акты устанавливают обязанность ограничивать доступ к вредной информации, осуществлять ее маркировку, а также своевременно удалять противоправный контент.

Вместе с тем действующее правовое регулирование ориентировано преимущественно на содержание информации, оставляя вне должного внимания механизмы ее распространения.

Между тем специфика функционирования современных интернет-платформ заключается в активном использовании алгоритмов рекомендаций, основанных на анализе пользовательского поведения и направленных на максимизацию вовлеченности. Такие алгоритмы не только обеспечивают доступ к информации, но и формируют приоритеты ее потребления, создавая так называемый «информационный пузырь» [2, с. 1098]. Для несовершеннолетних это означает повышение вероятности повторного и систематического воздействия вредного контента, включая материалы, пропагандирующие деструктивное поведение, насилие, самоповреждение или иные социально опасные практики. В данном контексте вред может быть обусловлен не только самим фактом существования информации, сколько особенностями ее алгоритмического продвижения.

Действующая модель правового регулирования рассматривает интернет-платформы преимущественно как информационных посредников, ответственность которых наступает при наличии осведомленности о противоправном характере распространяемой информации и бездействии по ее удалению [3]. Однако применение данной модели к алгоритмическим системам вызывает обоснованные сомнения. Алгоритмы рекомендаций не являются нейтральными инструментами, поскольку они целенаправленно усиливают распространения определенных типов контента, исходя из коммерческих и поведенческих параметров. В связи с этим возникает вопрос о допустимости квалификации деятельности платформ исключительно как посреднической. В случаях, когда алгоритмическая система способствует увеличению охвата вредного контента среди несовершеннолетних, роль платформы фактически выходит за пределы пассивного участия.

Дополнительные сложности обусловлены проблемой установления причинно-следственной связи между функционированием алгоритма и причиненным вредом. Закрытый характер алгоритмических моделей, ограниченный доступ к их параметрам и отсутствие единых критериев оценки их воздействия затрудняют правоприменение. Кроме того, трансграничный характер деятельности интернет-платформ существенно осложняет реализацию национальных мер ответственности. В результате складывается ситуация, при которой существующие правовые механизмы не обеспечивают должного уровня защиты несовершеннолетних в цифровой среде.

Особое значение имеет тезис о поведенческом анализе как способе выявления аномалий: анализ поведения пользователя с выявлением нестандартных, не свойственных несовершеннолетнему поведенческих элементов [4]. Перенос данного материала в правовую плоскость требует оговорок с точки зрения Федерального закона № 152-ФЗ «О персональ-

ных данных», так как подобные подходы неизбежно связаны с обработкой данных и должны быть ограничены принципами минимизации и целевого характера обработки, особенно в отношении несовершеннолетних.

В целях преодоления указанных проблем представляется необходимым совершенствование действующего законодательства Российской Федерации с учетом особенностей алгоритмических технологий. Прежде всего, целесообразно нормативное закрепление понятия алгоритмического распространения информации как самостоятельного объекта правового регулирования. Существенное значение имеет введение специального правового режима для интернет-платформ, взаимодействующих с несовершеннолетними, включая установление повышенных требований к безопасности используемых алгоритмов.

Перспективным направлением является закрепление обязанности интернет-платформ осуществлять оценку рисков, связанных с функционированием алгоритмических систем, в том числе в части их воздействия на несовершеннолетних пользователей. Такая оценка может сопровождаться проведением независимого аудита и обеспечением определенного уровня прозрачности алгоритмов. Важным элементом правового регулирования должно стать ограничение или запрет алгоритмической персонализации контента для несовершеннолетних, что позволит снизить эффект усиленного воздействия вредной информации.

Отдельного внимания заслуживает вопрос перераспределения бремени доказывания. В частности, возможно введение презумпции ответственности интернет-платформ в случаях причинения вреда несовершеннолетнему при использовании алгоритмических систем, с предоставлением платформе права доказать соблюдение всех необходимых мер предосторожности. Такой подход будет стимулировать развитие превентивных механизмов защиты и внедрение более безопасных технологических решений.

Наряду с законодательными мерами представляется целесообразным развитие механизмов со-регулирования, предполагающих участие государства, бизнеса и научного сообщества в формировании стандартов безопасной цифровой среды. Разработка отраслевых подзаконных актов добросовестных практик и внедрение единых требований к алгоритмическим системам могут стать эффективным инструментом снижения рисков для несовершеннолетних.

Таким образом, алгоритмическое распространение информации выступает в качестве нового и значимого фактора риска в условиях цифровой трансформации общества. Действующее законодательство Российской Федерации в его текущем виде не в полной мере учитывает специфику функционирования алгоритмических систем, что ограничивает возможности привлечения интернет-платформ к ответственности. Совершенствование правового регулирования должно быть направлено на формирование

комплексного подхода, сочетающего нормативное закрепление новых категорий, усиление обязанностей платформ и развитие превентивных механизмов защиты несовершеннолетних.

Список использованных источников:

1. Кастельс, Мануэль Информационная эпоха: Экономика, общество и культура / Мануэль Кастельс / пер. с англ. под науч. ред. О.И. Шкаратана; Гос. ун-т. Высш. шк. экономики. – Москва, 2000. – 606 с.
2. Новокшонова, П.Н. «Информационный пузырь» и медиапотребление / П.Н. Новокшонова, Т. В. Тарасенко // Актуальные проблемы авиации и космонавтики. – 2021. – № 2. – Т. 3. — С. 1098-1100. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/informatsionnyu-puzyr-i-mediapotreblenie> (дата обращения: 13.04.2026).
3. Об информации, информационных технологиях и о защите информации (с изменениями и дополнениями): Федеральный закон от 27 июля 2006 г. N 149-ФЗ. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_61798/ (дата обращения: 13.04.2026).
4. Беззатеева, В.С. Техническое обеспечение безопасности несовершеннолетних в сети Интернет в Российской Федерации / В.С. Беззатеева // Экономика и качество систем связи. – 2025. – № 4. – С. 136-142. – URL: <https://journal-ekss.ru/wp-content/uploads/2025/12/136-142.pdf> (дата обращения: 13.04.2026).

О НЕОБХОДИМОСТИ ВВЕДЕНИЯ ОГРАНИЧЕНИЙ НА ВОЗМОЖНОСТЬ ОНЛАЙН-КРЕДИТОВАНИЯ ФИЗИЧЕСКИХ ЛИЦ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

Борботько П.В.,

*доцент кафедры истории и теории права учреждения образования
«Витебский государственный университет имени П.М. Машерова»,
кандидат исторических наук, доцент*

Карпенко Д.Н.,

*студент юридического факультета учреждения образования
«Витебский государственный университет имени П.М. Машерова»*

В статье анализируется проблема участившихся случаев мошенничества с использованием похищенных паспортных данных граждан Республики Беларусь для оформления онлайн-кредитов. Рассматриваются текущие меры правового регулирования, включая положения Закона № 100-З. Обосновывается необходимость введения механизма добровольного ограничения онлайн-кредитования. Приводится сравнительный анализ с российской моделью самозапрета и предлагается адаптированная модель для Беларуси с учетом отсутствия единого портала госуслуг.

Цифровизация финансовых услуг привела к значительному упрощению процедуры получения кредитов и займов. Дистанционное оформление, минимизация личного присутствия клиента и автоматизированная проверка данных стали неотъемлемыми атрибутами современного

рынка микрофинансирования. Однако указанные процессы создали и новые уязвимости: участились случаи мошенничества, при котором злоумышленники, используя похищенные паспортные данные граждан, оформляют кредиты на их имя.

В Республике Беларусь данная проблема приобрела системный характер. Граждане нередко узнают о наличии у них кредитных обязательств только при получении требований о взыскании задолженности или после удержаний из заработной платы. Цель настоящей работы – обосновать необходимость внедрения в белорусское законодательство механизма добровольных ограничений на онлайн-кредитование по аналогии с российской моделью самозапрета, а также предложить алгоритм его реализации с учетом отсутствия в Республике Беларусь аналога российских «Госуслуг» (ЕСИА).

Наиболее распространенными схемами мошенничества с использованием персональных данных выступают:

1. Кража или находка паспорта. Злоумышленники обращаются в микрофинансовые организации (МФО) дистанционно, предоставляя отсканированные страницы документа. В ряде случаев проверка личности ограничивается формальным сопоставлением фотографии в паспорте и лица заемщика, что при онлайн-взаимодействии затруднительно.

2. Использование копий паспорта, полученных неправомерным путем. Копии могут быть похищены при взломе электронной почты, получены через фишинговые сайты (например, при попытке оформить «легкий займ») или переданы недобросовестными сотрудниками организаций.

3. Утечки данных из информационных систем. Компрометация баз данных государственных органов, банков или коммерческих организаций позволяет мошенникам получить полный набор персональных данных, достаточный для прохождения скоринговых проверок.

Гражданин, на имя которого оформлен мошеннический кредит, сталкивается с необходимостью доказывать факт неправомерности заключения договора. Процесс оспаривания требует времени, обращения в правоохранительные органы и суды. В период разбирательства к потерпевшему могут применяться меры взыскания, вплоть до обращения взыскания на имущество или удержаний из заработной платы. Кредитная история лица также ухудшается, что препятствует получению законных кредитов в будущем.

В ноябре 2025 года Национальный банк Республики Беларусь прокомментировал положения Закона от 17 октября 2025 г. № 100-З «Об изменении законов по вопросам предоставления займов», вступающего в силу с 23 апреля 2026 года. Указанный Закон вводит ряд важных ограничений:

- запрет на предоставление займов юридическими лицами и индивидуальными предпринимателями, не являющимися микрофинансовыми или специализированными организациями;

- запрет на использование в наименованиях и рекламе слов «заем», «микрoзаем», «кредит» нелегитимными участниками рынка;
- запрет на передачу в залог единственного жилья по договорам займа между физическими лицами;
- особенности регулирования заемных отношений между физическими лицами [1, 2].

Однако данные меры не решают проблему мошеннического оформления кредитов третьими лицами с использованием похищенных паспортных данных. Закон направлен преимущественно на борьбу с недобросовестными участниками рынка и ограничение злоупотреблений в сделках между физическими лицами, но не предоставляет гражданам инструмента для упреждающей защиты собственных данных.

В Российской Федерации с 1 марта 2025 года вступил в силу Федеральный закон от 26 февраля 2024 г. № 31-ФЗ, которым введена возможность для граждан устанавливать в своей кредитной истории запрет на заключение договоров потребительского кредита (займа) дистанционным способом. Механизм реализован через Единый портал государственных и муниципальных услуг (ЕСИА) – «Госуслуги» [3].

Гражданин может подать заявление в любое квалифицированное бюро кредитных историй (БКИ) через портал «Госуслуги», установив один из следующих запретов: полный запрет на все виды кредитов и займов; запрет на дистанционное (онлайн) кредитование; запрет на отдельные виды кредитования. Запрет вносится в кредитную историю гражданина и становится обязательным для всех банков и МФО. При попытке оформить кредит финансовое учреждение обязано проверить наличие действующего запрета и отказать в заключении договора. Снятие запрета осуществляется по аналогичной процедуре, но не мгновенно – с задержкой (как правило, на следующий день) для предотвращения злоупотреблений.

По данным Центрального банка Российской Федерации, за первые три месяца действия механизма количество жалоб на мошенническое оформление кредитов сократилось на 25–30 % в зависимости от региона. Механизм признан эффективным и востребованным: по состоянию на июнь 2025 года запрет установили более 3,5 млн граждан.

Ключевое различие между Россией и Беларусью – наличие в Российской Федерации ЕСИА, обеспечивающей унифицированную удаленную идентификацию граждан.

Банковский сектор Беларуси, в отличие от российского, не имеет единого центра авторизации для взаимодействия с гражданами. Каждый банк и МФО использует собственные каналы идентификации. Это затрудняет создание централизованного реестра запретов. На данный момент в белорусском законодательстве отсутствует норма, обязывающая кредиторов проверять наличие запрета на кредитование перед заключением договора.

С учетом указанных особенностей предлагается модель, не требующая создания единого портала госуслуг, но использующая существующие элементы финансовой инфраструктуры.

Предлагается адаптированная модель с использованием существующей инфраструктуры. Создается Централизованный реестр запретов при Национальном банке, содержащий: ФИО, дату рождения, идентификационный номер, серию и номер паспорта, вид ограничения (полный запрет / запрет на онлайн-кредитование), даты установления и снятия.

Подача заявления возможна через: 1) личное обращение в любой банк; 2) интернет-банкинг (с ЭЦП или одноразовыми кодами); 3) центры ЕРИП или нотариуса.

Законодательно закрепляется обязанность банков и МФО проверять реестр перед выдачей кредита. При наличии запрета – отказать. Для защиты от злоупотреблений вводится период охлаждения – 3 дня между подачей заявления о снятии запрета и его фактическим снятием, с уведомлением гражданина по SMS или email.

Изменения требуются внести в Банковский кодекс, Закон «О кредитных историях» и Гражданский кодекс (ничтожность договора, заключенного в нарушение запрета) [4,5].

Механизм позволит упреждающе защитить граждан, снизить нагрузку на суды, стимулировать финансовую грамотность и повысить доверие к дистанционным услугам.

Закон № 100-З не предоставляет инструмента упреждающей защиты. Внедрение самозапрета по аналогии с РФ, адаптированного к белорусским реалиям (отсутствии ЕСИА), – объективная необходимость. Предлагаемая модель снизит риски без создания дорогостоящей единой платформы.

Список использованных источников:

1. Нацбанк – об изменении законов по вопросам предоставления займов // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. – Мн., 2025. – URL: <https://pravo.by/novosti/analitika/2025/november/90906/> (дата обращения: 16.04.2026).

2. Об изменении законов по вопросам предоставления займов: Закон Респ. Беларусь от 17 окт. 2025 г. № 100-З: принят Палатой представителей 19 сент. 2025 г.: одобр. Советом Респ. 3 окт. 2025 г. // ЭТАЛОН: информ.-поисковая система (дата обращения: 18.04.2026).

3. О внесении изменений в Федеральный закон «О кредитных историях» и отдельные законодательные акты Российской Федерации: Федер. закон Рос. Федерации от 26 февр. 2024 г. № 31-ФЗ: принят Гос. Думой 20 февр. 2024 г.: одобр. Советом Федерации 21 февр. 2024 г. // КонсультантПлюс. Россия: справ. правовая система (дата обращения: 17.04.2026).

4. Гражданский кодекс Республики Беларусь: 7 дек. 1998 г. № 218-З: в ред. от 5 янв. 2024 г. // ЭТАЛОН: информ.-поисковая система (дата обращения: 17.04.2026).

5. Банковский кодекс Республики Беларусь: 25 окт. 2000 г. № 441-З: в ред. от 17 июля 2024 г. // ЭТАЛОН: информ.-поисковая система (дата обращения: 18.04.2026).

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ НАЛОГООБЛОЖЕНИЯ ОПЕРАЦИЙ С КРИПТОВАЛЮТОЙ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

Егорова А.Г.,

*доцент кафедры гражданского права и гражданского процесса
учреждения образования «Витебский государственный университет
имени П.М. Машерова», кандидат юридических наук, доцент*

Тарасов И.С.,

*студент юридического факультета учреждения образования
«Витебский государственный университет имени П.М. Машерова»*

В условиях обновления белорусского законодательства о цифровых активах особую актуальность приобретают вопросы налогообложения доходов, полученных от операций с криптовалютой. Если первоначально регулирование было ориентировано главным образом на стимулирование цифровой экономики, то с 2025 г. в данной сфере усиливается фискальный и контрольный компонент. Это обуславливает необходимость анализа действующего правового режима, выявления его достоинств и проблем правоприменения.

Нормативную основу исследования составили Декрет Президента Республики Беларусь от 21 декабря 2017 г. № 8 «О развитии цифровой экономики», Указ Президента Республики Беларусь от 17 сентября 2024 г. № 367 «Об обращении цифровых знаков (токенов)», статья 202-1 Налогового кодекса Республики Беларусь, Указ Президента Республики Беларусь от 23 апреля 2025 г. № 166, постановление Совета Министров Республики Беларусь от 21 мая 2025 г. № 280 и постановление МНС Республики Беларусь от 18 февраля 2026 г. № 8. Использовались формально-юридический, сравнительно-правовой и системный методы.

Декрет № 8 закрепил легальность владения токенами, их майнинга, хранения, обмена, отчуждения, а также дарения и завещания. Вместе с тем данная модель не предполагала абсолютной свободы криптооборота: физическое лицо должно было действовать самостоятельно, без оказания содействия иным лицам в совершении операций с токенами [1]. Следовательно, налоговые льготы в криптосфере с самого начала были связаны не только с экономическим стимулированием, но и с определенной моделью допустимого поведения участника рынка.

Существенное изменение режима произошло после принятия Указа № 367, установившего, что покупка и продажа криптовалюты за денежные средства для физических лиц допускается только через резидентов Парка высоких технологий [2]. Тем самым законодатель перевел значительную часть денежного оборота токенов в контролируруемую национальную инфраструктуру. При этом операции по обмену токенов на иные токены за пределами белорусских криптоплатформ не исключены полностью из правомерного оборота, однако их допустимость зависит от соблюдения установленных законом условий.

С 1 января 2025 г. специальный порядок налогообложения доходов по операциям с токенами закреплен в статье 202-1 Налогового кодекса Республики Беларусь [3]. Для целей налогообложения под доходами по операциям с токенами признаются любые виды доходов, в том числе полученные от майнинга, обмена токенов на иные токены, а также их отчуждения за белорусские рубли, иностранную валюту и электронные деньги. Вместе с тем законодатель сохранил обширный перечень налоговых изъятий. Не подлежат налогообложению доходы, полученные по операциям, совершенным через резидентов ПВТ, по операциям с токенами, созданными резидентами и (или) через резидентов ПВТ, доходы от майнинга, обмена токенов на иные токены вне рамок незаконной деятельности, а также отдельные случаи наследования и дарения токенов. Это свидетельствует о сохранении стимулирующего характера налогообложения легального криптооборота.

Одновременно белорусская модель исходит из дифференциации налоговых последствий в зависимости от законности операции. По разъяснению МНС, доходы от разрешенных операций с токенами, полученные от зарубежных торговых площадок, иностранных организаций, иностранных индивидуальных предпринимателей и иных физических лиц, подлежат налогообложению по ставке 13 процентов. В то время доходы от незаконных и запрещенных операций с токенами облагаются по ставке 26 процентов [4]. Тем самым налоговое право фактически используется не только как инструмент мобилизации доходов бюджета, но и как способ разграничения правомерного и неправомерного поведения на криптовалютном рынке.

Особое значение имеет то, что правовая квалификация трансграничной операции зависит от совокупности дополнительных обстоятельств. Так, продажа токенов за денежные средства на иностранной криптоплатформе может рассматриваться как разрешенная операция лишь при нахождении физического лица на территории иностранного государства и перечислении денежных средств на счет, открытый в иностранном банке [5]. С практической точки зрения это означает, что при исчислении подоходного налога требуется предварительное установление не только размера дохода, но и факта соблюдения специального порядка обращения токенов.

Дополнительную специфику белорусской модели формирует Указ № 166, которым предусмотрено определение налоговой базы по доходам от незаконных и (или) запрещенных операций с токенами с учетом коэффициента доходности, ежегодно устанавливаемого Министерством по налогам и сборам [4]. На 2026 год такой коэффициент установлен в размере 0,0367 [6]. Сам по себе данный подход направлен на унификацию налоговой практики в ситуациях, когда фактический финансовый результат операций невозможно достоверно определить. Однако применение усредненного коэффициента в сфере, характеризующейся высокой рыночной волатильностью, представляется дискуссионным. Для различных токенов, периодов владения и способов совершения сделок экономический результат может существенно отличаться от нормативно предполагаемого.

Важной гарантией определенности налоговой базы выступает постановление Совета Министров № 280, установившее порядок определения курса токенов для пересчета в белорусские рубли доходов, полученных в натуральной форме. Курс определяется на каждый календарный день налогового периода на основании сведений, предоставляемых резидентами ПВТ, а информация о курсах размещается на официальном сайте МНС [4; 5]. Данное решение следует оценить положительно, поскольку оно снижает неопределенность при исчислении налога. Вместе с тем остается открытым вопрос о том, насколько такие курсы отражают реальные рыночные параметры низколиквидных токенов и трансграничных операций.

Действующее регулирование сочетает стимулирование легального оборота токенов, специальное налогообложение разрешенных операций и повышенную фискальную нагрузку в отношении запрещенной деятельности. Именно в этом проявляется специфика национального подхода: налоговые нормы здесь функционируют во взаимосвязи с общим механизмом государственного контроля за обращением цифровых знаков (токенов).

В заключение, современная система налогообложения операций с криптовалютой в Республике Беларусь характеризуется дифференцированным подходом, при котором правовые последствия напрямую зависят от способа совершения операции, используемой инфраструктуры и соответствия поведения лица специальным требованиям законодательства. К числу ее преимуществ относятся наличие специальной нормы статьи 202-1 Налогового кодекса, сохранение налоговых стимулов для легального оборота и нормативное закрепление порядка определения курса токенов. В то же время актуальными остаются проблемы разграничения разрешенных и запрещенных трансграничных операций, высокой доказательственной нагрузки на плательщика и применения коэффициента доходности к экономически неоднородным операциям. В целях совершенствования законодательства представляется целесообразным конкретизировать перечень доказательств, подтверждающих разрешенный характер операции, а также разработать более детализированные подходы к определению налоговой базы по незаконным операциям с учетом вида токена и способа его обращения.

Список использованных источников:

1. О развитии цифровой экономики: Декрет Президента Респ. Беларусь, 21 дек. 2017 г., № 8 // ЭТАЛОН: информ.-поисковая система (дата обращения: 14.04.2026).
2. Об обращении цифровых знаков (токенов): Указ Президента Респ. Беларусь, 17 сент. 2024 г., № 367 // Офиц. интернет-портал Президента Респ. Беларусь. – URL: <https://president.gov.by/ru/documents/ukaz-no-367-ot-17-sentabra-2024-g> (дата обращения: 14.04.2026).
3. Налоговый кодекс Республики Беларусь (Особенная часть): 29 дек. 2009 г., № 71-3: с изм. и доп. // ЭТАЛОН: информ.-поисковая система (дата обращения: 14.04.2026).
4. О порядке налогообложения доходов физических лиц, полученных от осуществления операций с цифровыми знаками (токенами) // М-во по налогам и сборам Респ. Беларусь. – 26.08.2025. – URL: <https://nalog.gov.by/clarifications/clarifications/32045/> (дата обращения: 14.04.2026).

5. О налогообложении доходов, полученных от осуществления операций с цифровыми знаками (токенами): Об определении курсов цифровых знаков (токенов): Указ Президента Респ. Беларусь от 23 апр. 2025 г. № 166; постановление Совета Министров Респ. Беларусь от 21 мая 2025 г. № 280 // ЭТАЛОН: информ.-поисковая система (дата обращения: 14.04.2026).

6. Комментарий к постановлению МНС от 18 февр. 2026 г. № 8 «О коэффициенте доходности от операций с цифровыми знаками (токенами)» // М-во по налогам и сборам Респ. Беларусь. – 02.03.2026. – URL: <https://nalog.gov.by/clarifications/comments/34410/> (дата обращения: 14.04.2026).

ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ РАССМОТРЕНИЯ ИСКОВ К ЦИФРОВОЙ ПЛАТФОРМЕ STEAM

Егорова А.Г.,

*доцент кафедры гражданского права и гражданского процесса
учреждения образования «Витебский государственный университет
имени П.М. Машерова», кандидат юридических наук, доцент*

Ушал Б.Н.,

*студент юридического факультета учреждения образования
«Витебский государственный университет имени П.М. Машерова»*

Цифровая платформа Steam, принадлежащая американской корпорации Valve Corporation, занимает доминирующее положение на мировом рынке дистрибуции компьютерных игр. По экспертным оценкам, её доля на рынке PC-игр достигает 75%. Такое положение неизбежно порождает многочисленные правовые споры между платформой, разработчиками и пользователями. Для белорусской правовой системы актуальность темы обусловлена необходимостью выработки эффективных механизмов защиты прав потребителей и субъектов хозяйствования в условиях глобальной цифровизации, когда услуги оказываются иностранным юридическим лицом, не имеющим представительства на территории Республики Беларусь [8].

Ключевой вопрос, возникающий при анализе споров с участием Steam, – квалификация отношений между платформой и пользователем. В соответствии с «Соглашением подписчика Steam» (Steam Subscriber Agreement) пользователь приобретает не право собственности на программный продукт, а лицензию на его использование [10]. Соглашение содержит многочисленные ограничения, включая запрет на перепродажу цифровых копий игр и передачу аккаунта третьим лицам.

С правовой точки зрения такие условия представляют собой классический пример договора присоединения, который пользователь не может изменить [6]. Из этого следует, что правовая природа отношений – не купля-продажа, а предоставление доступа к цифровому контенту на условиях ограниченной лицензии. Данный вывод имеет принципиальное значение для определения применимого права и подсудности.

Наибольший резонанс в международной практике вызывают обвинения Valve в злоупотреблении доминирующим положением. Анализ судебных актов и исковых заявлений позволяет выделить три системных элемента претензий:

Первый – условия паритета платформ (platform parity clauses), которые запрещают издателям игр продавать свои продукты на конкурирующих площадках, например в Epic Games Store или GOG.com, по более низким ценам, чем в Steam. С точки зрения антимонопольного законодательства такие условия могут рассматриваться как ограничение конкуренции, поскольку они лишают потребителя возможности приобрести товар по более низкой цене у альтернативного продавца.

Второй элемент – привязка пользователей к платформе через требование приобретать дополнения DLC и внутриигровой контент исключительно в Steam, если базовая игра была куплена там же. Такая практика создаёт технологические барьеры для выхода на рынок альтернативных платформ и ограничивает свободу выбора потребителя.

Третий элемент – взимание стандартной комиссии в размере 30% от стоимости каждой продажи. Истцы утверждают, что данная комиссия экономически не обоснована и ведёт к завышению цен для конечных потребителей. Однако следует признать, что аналогичную комиссию взимают и другие крупные цифровые платформы Apple App Store, Google Play, что указывает на сложившийся рыночный стандарт.

Таким образом, формируется устойчивая международная судебная практика, признающая отдельные практики Steam антиконкурентными [4; 5; 10; 11]. Компания активно использует процессуальные механизмы для защиты своих интересов. До 2024 года ключевым инструментом была арбитражная оговорка, которая направляла споры в третейские суды и исключала возможность коллективных исков. Однако под давлением общественности и регуляторов Valve исключила арбитражную оговорку из лицензионного соглашения. Тем не менее компания продолжает настаивать на применении к спорам права штата Вашингтон и подсудности по месту своего нахождения, а именно: суды округа Кинг. Такая позиция, с одной стороны, формально соответствует принципу автономии воли сторон, но с другой – фактически делает судебную защиту для большинства иностранных пользователей недоступной из-за высоких издержек.

Для белорусских пользователей основным барьером является действие принципа территориальной подсудности. Согласно ст. 508 Кодекса гражданского судопроизводства Республики Беларусь (далее – КГС), подсудность дел с участием иностранных лиц определяется белорусским законодательством, если иное не установлено международным договором или письменным соглашением сторон ст. 508, ч. 1. Общее правило – рассмотрение по месту нахождения ответчика ст. 47 КГС [2].

Однако ст. 48 КГС «Подсудность по выбору истца (заявителя)» предоставляет важные исключения. В частности, часть 16 статьи 48 КГС

устанавливает, что «иск о защите прав потребителя может быть предъявлен также по месту жительства или месту нахождения истца либо по месту исполнения договора или по месту причинения вреда» ст. 48, ч. 16 [2]. Это означает, что белорусский пользователь вправе подать иск к Valve в суд по месту своего жительства в Республике Беларусь, даже несмотря на иную оговорку в пользовательском соглашении Steam.

Более того, часть 3 статьи 48 КГС позволяет предъявить иск по месту нахождения имущества ответчика или по его последнему известному месту жительства нахождения в Беларуси, если место нахождения ответчика неизвестно ст. 48, ч. 3 [2]. Учитывая, что у Valve Corporation нет официального представительства в Беларуси, истец может использовать эту норму.

Возможность изменения подсудности по соглашению сторон ст. 510 КГС также ограничена. Хотя ст. 510 КГС допускает договорную подсудность ст. 510, ч. 1, такое соглашение не может изменить исключительную подсудность ст. 509 КГС и, что важнее, не может отменить императивные нормы о защите прав потребителей ст. 48, ч. 16 КГС [2]. Белорусские суды, руководствуясь ст. 14 Закона «О защите прав потребителей» [3], вправе признать условие о подсудности в лицензионном соглашении Steam недействительным как ущемляющее права потребителя.

Следует отметить, что белорусское антимонопольное законодательство активно развивается. Закон Республики Беларусь «О противодействии монополистической деятельности и развитии конкуренции» от 12 декабря 2013 г. № 94-З в редакции от 23 июля 2024 г. содержит запреты на злоупотребление доминирующим положением ст. 18 и на недобросовестную конкуренцию ст. 25-30 [1]. Важнейшая новелла – экстерриториальное действие закона в отношении действий, совершаемых за пределами Беларуси, если они оказывают или могут оказать влияние на конкуренцию на внутреннем рынке ст. 3 [9]. С 7 июля 2024 года в закон внесены изменения, расширяющие его экстерриториальное применение [3; 9]. Однако ключевой вопрос – сможет ли антимонопольный орган МАРТ доказать, что деятельность Steam оказывает существенное влияние на белорусский рынок, при отсутствии у компании официального представительства в стране.

Анализируя перспективы судебной защиты, следует признать, что индивидуальный иск белорусского пользователя к Valve Corporation в суды Республики Беларусь имеет крайне низкие шансы на успех именно в части принудительного исполнения. Однако это не означает бесперспективности любых юридических действий.

Во-первых, возможно обращение не в суд, а в антимонопольный орган МАРТ с заявлением о нарушении Valve ст. 18 и 20 Закона № 94-З [1]. В случае вынесения положительного решения и предписания МАРТ, пользователь может использовать этот акт в качестве доказательства в суде. Более того, публичный резонанс может побудить Valve пойти на мировое соглашение даже без формального исполнения решения.

Во-вторых, истец может и должен обосновывать подсудность судов Республики Беларусь по месту своего жительства, прямо ссылаясь на ст. 48, ч. 16 КГС защита прав потребителя и ст. 48, ч. 3 КГС последнее известное место нахождения ответчика [2]. Основным аргументом выступает то, что императивные нормы Закона «О защите прав потребителей» являются обязательными и не могут быть отменены условиями договора ст. 14 Закона № 90-3 [3]. Кроме того, условия о подсудности в пользовательском соглашении Steam не считаются индивидуально согласованными с пользователем [10]. Данная позиция имеет хорошие шансы, особенно в судах первой инстанции, учитывая, что статья 511 КГС «Неизменяемость первоначальной подсудности» закрепляет, что дело, принятое судом Беларуси с соблюдением правил подсудности, разрешается им по существу, даже если в дальнейшем обстоятельства изменились ст. 511 [2].

В-третьих, при значительной сумме ущерба белорусский пользователь может присоединиться к коллективному иску за рубежом, например, в Великобритании через представителя. Однако это требует дополнительных финансовых затрат.

Представляется, что для реальной защиты прав белорусских пользователей необходимы системные меры. Министерство антимонопольного регулирования и торговли рассматривает возможность введения требований об обязательной регистрации иностранных интернет-площадок на территории Беларуси и создания ими юридических лиц [6; 12]. Это позволило бы распространить на них полную юрисдикцию белорусских судов, в том числе по правилам ст. 508, ч. 2 КГС подсудность по месту нахождения представительства или филиала ст. 508, ч. 2 [2]. Также обсуждается внесение изменений в Закон «О защите прав потребителей» [3], которые прямо распространят его действие на трансграничные отношения с цифровыми платформами.

Однако, наиболее эффективным путём остаётся заключение международных соглашений о взаимном признании и исполнении судебных решений по потребительским спорам в цифровой среде. Пока такие соглашения отсутствуют, белорусские пользователи остаются в правовом вакууме.

Проведённый анализ позволяет сделать следующие выводы. Во-первых, отношения с платформой Steam по своей правовой природе являются лицензионными, а не договорами купли-продажи, что налагает существенные ограничения на права пользователей [10]. Во-вторых, международная судебная практика признаёт отдельные практики Valve антиконкурентными, такие как геоблокировка и условия паритета. Однако окончательного запрета 30-процентной комиссии пока не сложилось [4; 5; 10; 11]. В-третьих, для белорусских пользователей основными проблемами являются территориальная подсудность и отсутствие механизма принудительного исполнения решений белорусских судов в США. Однако ст. 48, ч. 16 даёт чёткое право потребителю на подачу иска по месту жительства, что является значительным прогрессом [2]. В-четвёртых, перспективной альтернативой судебной

защите является обращение в антимонопольный орган МАРТ с использованием экстерриториальных норм Закона № 94-З [1; 9].

Для белорусской правовой системы первостепенное значение имеет развитие законодательных механизмов, позволяющих национальным судам рассматривать иски к иностранным цифровым платформам уже закреплённых в ст. 48, 508 КГС, а также заключение международных соглашений о взаимном признании судебных актов. Только комплексный подход – на уровне национального законодательства, правоприменительной практики и международного сотрудничества – способен обеспечить реальную защиту прав белорусских потребителей в цифровую эпоху

Список использованных источников:

1. О противодействии монополистической деятельности и развитии конкуренции: Закон Республики Беларусь, 12 декабря 2013 г. № 94-З: в ред. Закона Респ. Беларусь от 23 июля 2024 г. // ЭТАЛОН: информ.-поисковая система (дата обращения: 11.04.2026).
2. Кодекс гражданского судопроизводства Республики Беларусь, 11 марта 2024 г. № 359-З // ЭТАЛОН: информ.-поисковая система (дата обращения: 11.04.2026).
3. О защите прав потребителей: Закон Республики Беларусь, 9 января 2002 г. № 90-З: в ред. Закона Респ. Беларусь от 22 апреля 2024 г. // ЭТАЛОН: информ.-поисковая система (дата обращения: 11.04.2026).
4. Steam не смог уклониться от антимонопольного иска в Великобритании - от Valve требуют почти 900 миллионов долларов / Д. Рудь // 3DNews. – 2026. – 27 янв. – URL: <https://3dnews.ru/1135912/steam-ne-smog-uklonitsya-ot-antimonopolnogo-iska-v-velikobritanii-ot-valve-trebuyut-pochti-900-millionov-dollarov> (дата обращения: 11.04.2026).
5. На Valve снова подали в суд из-за лутбоксов в играх // Sport.ua. – 2026. – 10 марта. – URL: <https://sport.ua/news/848957-na-valve-snova-podali-v-sud-iz-za-lutboksov-v-igrah> (дата обращения: 11.04.2026).
6. Французское общество защиты прав потребителей подало в суд на Valve / М. Шкредов // IXBT.games. – 2015. – 18 дек. – URL: <https://ixbt.games/news/frantsuzskoe-obschestvo-zaschity-prav-potrebiteley-podalo-v-sud-na-valve.html> (дата обращения: 11.04.2026).
7. О совершенствовании регулирования потребительского рынка: проект Указа Президента Республики Беларусь. – URL: <https://forumpravo.by/publichnoe-obsuzhdenie-proektov-nra/forum15/17815> (дата обращения: 11.04.2026).
8. Макарова, М. Ю. Международно-правовая защита прав потребителей в условиях цифровизации / М. Ю. Макарова // Публичные и частные начала правового регулирования в современном социальном государстве: сборник научных статей. – Минск: БГЭУ, 2024. – С. 144-148. – URL: <http://edoc.bseu.by:8080/handle/edoc/102421> (дата обращения: 11.04.2026).
9. Новые антимонопольные нормы вступают в силу 7 июля / SP&P. – 2024. – 24 апр. – URL: <https://spplaw.by/blog/novye-antimonopolnye-normy-vstupayut> (дата обращения: 11.04.2026).
10. Steam Subscriber Agreement // CourtListener.com. – URL: <https://www.courtlistener.com/docket/59859024/362/1/in-re-valve-antitrust-litigation/> (дата обращения: 11.04.2026).
11. Против Valve подали новый иск из-за лутбоксов с требованием вернуть деньги покупателям // Игромания. – 2026. – 10 марта. – URL: <https://www.igromania.ru/news/164627/protiv-valve-podali-novyyj-isk-iz-za-lutboksov-s-trebovaniem-vernut-dengi-pokupatelyam/> (дата обращения: 11.04.2026).
12. На общественное обсуждение вынесен проект указа о совершенствовании регулирования потребительского рынка // Pravo.by. – 2025. – 19 сент. – URL: <https://pravo.by/novosti/novosti-pravo-by/2025/september/90184/> (дата обращения: 11.04.2026).

ПРИКАЗНОЕ ПРОИЗВОДСТВО В СОВРЕМЕННОМ ГРАЖДАНСКОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ РОССИИ: ПРАВА СУБЪЕКТОВ И ИХ ЗАЩИТА

Золотухин А.Д.,

заведующий кафедрой цивилистического процесса, организации судебной и прокурорской деятельности ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина», кандидат юридических наук, доцент

Волчихина Л.А.,

старший преподаватель кафедры цивилистического процесса, организации судебной и прокурорской деятельности ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина»

Обращение к исследованию института приказного производства в гражданском судопроизводстве России, активно востребованного практикой применения, вызвано тем, что законодатель в процессуальную форму приказного производства с момента его появления в системе гражданского процессуального права, до сегодняшнего времени вносил и вносит определенные изменения. Это относится и к правилам, гарантирующим соблюдение прав субъектов приказного производства.

В российском процессуальном законодательстве институт приказного производства появился в 1995 году с внесением изменений в действовавший на тот период ГПК РСФСР 1964 года [1]. Законодатель ввел в систему гражданского процессуального права того времени институт «Судебный приказ», предназначенный для взыскания задолженностей по определенным требованиям. В ГПК РФ 2002 года законодатель сохранил возможность применения этого института, определив его уже как «Приказное производство».

Приказное производство в гражданском судопроизводстве, относится к упрощенному и ускоренному порядку рассмотрения дел. Включение в систему гражданского процессуального права приказного производства в качестве отдельного вида судопроизводства в науке гражданского процессуального права вызвало неоднозначное к нему отношение.

Так, Н. А. Чечина относит приказное производство к самостоятельному виду гражданского судопроизводства [2, с. 311–314]. Е.В. Кудрявцева считает, что приказное производство (с преобладанием письменной процессуальной формы) является альтернативным классическому исковому производству [3, с. 386]. А. Ф. Воронов обосновывает вывод о том, что «..приказное производство с определенными допущениями можно назвать судопроизводством, это скорее делопроизводство, чем судопроизводство, поскольку оно не вписывается в базовые правила, понятие и принципы не только искового производства, но и судопроизводства вообще: судья выносит судебный приказ без судебного разбира-

тельства на основании представленных документов» [4, с. 106]. По мнению В.Н. Аргунова, приказное производство – это упрощенная правовая процедура, документарное производство [5, с. 211].

Возможность применения приказного производства, при наличии требований, по которым выдается судебный приказ, определяет основное правило его применения – отсутствие спора о материальном праве между взыскателем и должником. Возникновение спора о материальном праве является основанием применения искового производства.

Ситуация по возможному разрешению требований, определенных законодателем в порядке приказного производства, заключается в том, что должник признает право взыскателя, которое определяется материальным правом, регулирующим отношения между должником и взыскателем, но он не выполняет обязанности по отношению к взыскателю, возложенные на него этим материальным правом. Признание должником права взыскателя определяет состояние отсутствие спора о праве между взыскателем и должником.

Отсутствие спора о материальном праве между взыскателем и должником, как основного условия применения приказного производства, позволило законодателю упростить процессуальную форму по возможному разрешению требований, определенных законодателем в порядке приказного производства. Законодатель отказался от необходимости соблюдения судом стадии подготовки дела к судебному разбирательству, стадии судебного разбирательства, а присутствие взыскателя и должника отношения между которыми определяет письменная процессуальная форма при разрешении возникшего требования, стало не обязательным вообще.

Однако упрощение процессуальной формы приказного производства вызывает необходимость закрепления в ней правил, гарантирующих защиту прав взыскателя и должника, для того чтобы исключить незаконное его применение по отношению к ним.

Применение приказного производства возможно лишь при полной уверенности суда, который определяет возможность применения приказного производства, контролируя соблюдение всех его условий, в отсутствии спора о праве между взыскателем и должником, так как возникновение спора о праве между взыскателем и должником не исключается и в процессе применения приказного производства.

Правила, гарантирующие защиту прав субъектов приказного производства, законодатель устанавливает как для взыскателя, так и для должника. Интерес взыскателя в применении приказного производства состоит в том, что применение приказного производства для него более оперативный и менее материально затратный способ разрешения требований, определяющих применение приказного производства.

До недавнего времени, применение искового производства или применение приказного производства при возникновении требований, определяющих возможность применения приказного производства в соответствии с принципом диспозитивности, зависело от взыскателя. На взыскателя в этой ситуации законодатель возлагал обязанность и по определению условий применения приказного производства.

При соблюдении всех условий применения приказного производства, взыскатель, для разрешения возникшего требования определяющего возможность применения приказного производства, обращался в суд в порядке приказного производства. Применение искового производства в этом случае становилось нецелесообразным.

В настоящее время законодатель лишил взыскателя права выбора между приказным производством и исковым производством при возникновении требований, определяющих возможность применения приказного производства.

Федеральным законом от 2 марта 2016 года № 45-ФЗ «О внесении изменений в Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации и Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации» законодатель закрепил правило, согласно которого суд, возвращает исковое заявление, если «заявленное требование подлежит рассмотрению в порядке приказного производства» (п.1-1, ч.1 ст. 135 ГПК РФ).

Тем самым законодатель обязал взыскателя при возникновении требований, определяющих возможность применения приказного производства, обращаться в суд для их рассмотрения и разрешения только в порядке приказного производства. В порядке искового производства взыскатель для рассмотрения требований, определяющих возможность применения приказного производства, может обратиться в суд только в случае отказа судом взыскателю в применении приказного производства.

Суд в этом случае, фактически контролирует деятельность взыскателя по определению условий применения приказного производства при возникновении требований, определяющих возможность применения приказного производства, включая и определение наличия или отсутствия спора о материальном праве между взыскателем и должником. При этом суд, не только дисциплинирует взыскателя, контролируя его деятельность, но и защищает права должника, даже при условии того, что на судью в этом случае возлагается дополнительная нагрузка.

Исходя из того, что в приказном производстве полностью исключается наличие спора о материальном праве, а рассмотрение и разрешение заявленного требования происходит в упрощенной форме, законодатель, защищая в первую очередь права должника, устанавливает различные процессуальные формы, которые позволяют суду определить позицию должника в отношении заявленного требования. В том числе

установить возможное наличие или отсутствие спора о материальном праве между взыскателем и должником.

К таким правилам следует отнести правило, определенное законодателем Федеральным законом от 12 июня 2024 года № 135-ФЗ «О внесении изменений в Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации». Законодатель возложил на взыскателя обязанность приложить к заявлению о вынесении судебного приказа, «уведомление о вручении или иные документы, подтверждающие направление взыскателем должнику копий заявления о вынесении судебного приказа и приложений к нему документов» (ч. 4 ст. 124 ГПК РФ). Такая процессуальная конструкция, предназначенная для установления позиций сторон в споре о материальном праве, устойчиво существует в исковом производстве.

Направление должнику копии заявления о вынесении судебного приказа не является новым правилом в приказном производстве. Такая процессуальная конструкция была предусмотрена и применялась ранее в институте судебного приказа в ГПК РСФСР. В соответствии со ст. 125-3 ГПК РСФСР, определяющей правила подачи заявления о выдаче судебного приказа, заявитель при подаче заявления о выдаче судебного приказа с приложениями к нему документами в суд обязан был предоставить копию поданного заявления и копии приложений к нему документов по числу должников. Впоследствии это правило предоставления копий заявления о выдаче судебного приказа и приложений к нему документов по числу должников было исключено из процессуальной формы приказного производства.

Правило направления взыскателем должнику заявления о внесении судебного приказа является дополнительной гарантией, соблюдения прав должника в приказном производстве.

Список использованных источников:

1. О внесении изменений и дополнений в Гражданский процессуальный кодекс РСФСР: Федер. закон от 30 ноябр. 1995 г. № 189-ФЗ: в ред. от 14 ноября 2002г. № 137-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1995. – № 49. – Ст. 4696.
2. Гражданский процесс: Учебник / [А.П. Вершинин, Н.А. Чечина, Л.А. Кривососов и др.]; под ред. В.А. Мусина, Н.А. Чечиной, Д.М. Чечота. – 3-е изд., перераб. и доп. – Москва: Проспект, 2000. – 541 с.
3. Гражданский процесс: учебник / [Борисова Е. А., Иванова С. А., Кудрявцева Е. В. и др.]; под ред. М.К. Треушникова. – Москва: Городец-издат, 2003. – 711 с.
4. Воронов, А.Ф. О некоторых вопросах преподавания гражданского и арбитражного процессов в высших учебных заведениях / А.Ф. Воронов // Гражданский процесс: наука и преподавание / Под ред. М.К. Треушникова, Е.А. Борисовой. – Москва: ОАО «Издательский Дом «Городец», 2005. – С. 99-116.
5. Гражданский процесс: Учебник для юридических вузов / Фонд Международного института развития правовой экономики; под ред. М.К. Треушникова. – Москва: Спарк, 1996. – 480 с.

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ШРИНКФЛЯЦИИ КАК КОНКУРЕНТНОЙ СТРАТЕГИИ ОРГАНИЗАЦИИ

Кирсанова О.Г.,

доцент кафедры менеджмента и естественно-научных дисциплин
ФГБОУ ВО «Смоленский государственный университет спорта»,
кандидат экономических наук, доцент

На маркетинговые стратегии организации, осуществляющей деятельность в условиях конкурентного рынка, значительное влияние оказывает инфляция, приводящая к росту цен, в т.ч. на ресурсы, задействованные при производстве продукта или его продаже. Инфляция вынуждает продавца либо повышать цену для конечного потребителя, либо лишает возможности совершить конкурентный ценовой маневр, угрожая потерей доходов (прибыли) для сохранения клиентской базы.

Неблагоприятные последствия инфляции способны разрушить стратегии маркетинговой деятельности организации, сокращает возможности и резервы для конкурентной борьбы при помощи ценовых факторов формирования спроса. При этом, как показывает практика, законодательное регулирование инфляции в настоящее время практически невозможно. Следовательно, актуальной задачей в условиях мировой инфляции становится поиск эффективных маркетинговых решений, направленных на сглаживание ее негативного влияния, укрепление по возможности рыночной позиции и снижение реальных финансовых потерь.

К числу маркетинговых решений, к которым практически одновременно в условиях продолжительного мирового финансового кризиса (берущего начало еще в 2014 г.) пришли страны, участвующие в системе международной торговли, относится стратегия шринкфляции (от англ. *shrink* – «уменьшать» + *inflation* – «инфляция»).

С экономической точки зрения шринкфляция является скрытой формой инфляции, т.е. по сути не решает сохраняющиеся проблемы, связанные с ростом потребительских цен и снижением покупательной способности национальных денежных единиц. Однако с позиции маркетинговой деятельности применение шринкфляции в стратегиях конкурентной борьбы способно принести хорошие результаты, основанные на учете психологических характеристик спроса.

В условиях шринкфляции при одновременном росте реальных расходов потребителей номинальные цены на продукт остаются неизменными, что создает т.н. эффект «ценовой стабильности», благоприятно влияющий на состояние спроса и формирование рыночной среды. Как инструмент стратегии маркетинга шринкфляция проявляется в уменьшении количества продаваемого товара при одновременном сохранении цены за его единицу (кг, шт., литр, метр и т.п.). Если происходит повышение цены, то оно незначительно и зависит от состояния рыночной маркетинговой среды, однако потребителями воспринимается как оправданное и необходимое.

Примеры шринкфляции сегодня встречаются достаточно часто: сокращение массы упаковки кофе с 250 г до 200 г; использование более дешевых ингредиентов для производства товаров (например, пальмовое масло вместо подсолнечного); сокращение объема бутылки с газированными напитками с 2,0 л до 1,75 л и т.п. [2].

Примером шринкфляции, после которого на данное явление стали обращать внимание не только производители, рассчитывающие параметры выбранной маркетинговой стратегии, но и потребители, органы государственной власти, стал так называемый «девяток яиц», который заменил традиционную упаковку с десятью куриными яйцами, при этом цена осталась на прежнем уровне.

В 2013 г. пивоваренная компания «Балтика» впервые со дня основания снизила емкость упаковки для своей продукции: в ПЭТ-таре – с 1,5 л до 1,42 л и с 2,5 л до 2,37 л, в стекле – с 0,5 л до 0,47 л. В настоящее время пивная продукция в баночной упаковке реализуется в объемах 0,45 л вместо 0,5 л. Подобное решение было принято руководством компании в целях замедления роста розничной цены пива и сохранения потребительского спроса [1]. Подобная стратегия в настоящее время получила распространение среди производителей газированных безалкогольных и слабоалкогольных напитков.

Шринкфляция – явление мирового масштаба. Например, в США широкое распространение маркетинговые стратегии, основанные на шринкфляции, получили в продаже продовольственных и бытовых товаров: в упаковки чипсов при сохранении их размера стали класть меньше продукта; в ресторанах быстрого питания при сохранении цен порции стали меньшего размера; снизилась плотность туалетной бумаги или сократилось количество листов рулона; уменьшился объем гелей для душа, шампуней, зубных паст и т.п. В европейских странах также при сохранении уровня цен сократился объем косметических средств в упаковке; известные кондитерские производители уменьшили вес плиток шоколада со 100 г до 90 (80 г), сократился объем бутылок вина и пива и т.п. [3].

Целью таких действий, объединяющих производителей и продавцов вне зависимости от страновой принадлежности, является стремление сохранить по возможности стабильность рыночной среды в условиях инфляции, снизить риски потери клиентов вследствие роста цен или вынужденного (в целях экономии) снижения качества продукции.

В последнее время шринкфляция вновь находит применение в качестве стратегии маркетинговой деятельности в условиях кризиса и задачи сохранения стабильности рынка, чему способствовали такие факторы, как наращивание взаимных международных экономических санкций, пандемия COVID-19, торгово-сырьевые войны, политическая нестабильность и пр.

Мотивы продавцов при применении шринкфляции как антикризисной маркетинговой стратегии зависят от двух групп факторов: уровня инфляции и уровня конкуренции, что позволяет смоделировать несколько сценариев ценовой политики участников рынка (рис. 1).

Уровень инфляции может быть высоким и низким, уровень конкуренции на рынке также может быть высоким и низким.

Попарное сочетание факторов позволяет выделить несколько стратегий поведения субъектов маркетинговой деятельности, отличающихся уровнем ориентации на сохранение рыночной позиции и социальной ответственности как фактора конкурентного преимущества бизнеса.

Уровень инфляции	Высокий	Компенсация роста затрат / издержек производства и реализации продукции <i>(оборонительная ценовая политика)</i>	Стабилизация цен, позволяющая удержать клиентов и сохранить рыночную ситуацию <i>(стратегия ответственного поведения)</i>
	Низкий	Возможность скрытого повышения цен <i>(стратегия недобросовестного поведения)</i>	Стратегия формирования конкурентных преимуществ за счет качества товара <i>(стратегия строительства)</i>
		Низкий	Высокий
Уровень конкуренции			

Источник: разработано автором

Рис. 1. Конкурентные стратегии организации, основанные на шринкфляции

Представленная классификация стратегий ценовой политики позволяет сделать вывод, что не все модели рыночного поведения, в которых задействована шринкфляция, имеют негативный характер. Некоторые из них направлены на сохранение стабильности рыночной ситуации в условиях кризиса, защиту собственной позиции и дальнейшее строительство рыночной инфраструктуры.

Следует принимать во внимание, что шринкфляция может нарушить права потребителей:

- *право на достоверную информацию*: потребитель имеет право знать точный вес и объем товара. Многие производители (продавцы) достаточно часто сохраняют прежний объем упаковки, уменьшая количество товара внутри и отображая реальный его объем (вес) мелким, невыраженным шрифтом. Законодатель настаивает на том, что неявных указаний изменений подобное поведение продавца (производителя) может быть квалифицировано как ввод в заблуждение;

- *право на справедливую торговлю*, согласно которому скрытое уменьшение товара без изменения цены, использование различных приемов продвижения (например, акций, ярких надписей на упаковке и т.п.) может быть квалифицировано как недобросовестное поведение конкурента.

Возможно ли законодательное регулирование шринкфляции? Да, государство имеет возможность регулировать применение шринкфляции как инструмента ценовых стратегий субъектов маркетинговой деятельности при помощи соответствующего законодательства (о защите прав потребителей, о маркировке товаров), посредством ввода стандартов упаковки, требований указания цены не за фактический вес (объем) товара, а за килограмм или литр и т.п. Например, такие попытки были предприняты

в Российской Федерации в 2023 г.: поправки в ГОСТ требуют от продавцов продовольственных товаров первой необходимости фасовать продукты в упаковки строго установленного объема (500, 1000 и 2000 граммов). Однако, данное требование распространяется только на тех производителей и продавцов, которые заявляют о соответствии своей продукции ГОСТ.

Механизмы законодательного регулирования шринкфляции, как и в отношении инфляции, далеко не всегда эффективны, а потому применяются достаточно редко. Как правило, к числу методов регулирования шринкфляции могут быть отнесены требования к маркировке (указание точного веса и объема товара на упаковке); мониторинг и контроль соблюдения законодательства о защите прав потребителей и привлечение к ответственности субъектов, его нарушивших.

Запретить использовать шринкфляцию как инструмент конкурентной стратегии организации достаточно сложно, однако развитие законодательства может пойти по пути усиления требований к прозрачности информации о товаре, стандартизации размеров и цвета шрифтов на упаковке, обязывания информировать потребителей об изменениях цены или объема продуктов в информационном пространстве, ужесточению мер ответственности и т.п.

Список использованных источников:

1. «Балтика» уменьшает пивную тару, чтобы замедлить рост цен. – URL: https://www.vedomosti.ru/business/articles/2014/03/11/baltika-perelet-pivo-v-bolee-melkuu-taru?from=copy_text (дата обращения: 10.04.2026).
2. Что такое шринкфляция? – URL: <https://ronbel.ru/blog/poleznoe/chto-takoe-shrinkflyaciya/> (дата обращения: 11.04.2026).
3. Шринкфляция: что это такое и как ее используют в продажах. – URL: <https://rb.ru/columns/shrinkflyaciya-chto-eto-takoe/> (дата обращения: 11.04.2026).

ВЫЯВЛЕНИЕ НАКОПЛЕННОГО ВРЕДА ОКРУЖАЮЩЕЙ СРЕДЕ: ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ

Маркина Н.А.,

старший преподаватель кафедры гражданского права и гражданского процесса учреждения образования «Витебский государственный университет имени П.М. Машерова», магистр юридических наук

В условиях постоянного роста антропогенной нагрузки на окружающую среду важной составляющей выступает возмещение вреда, причиненного окружающей среде и восстановление нарушенных природных объектов. В действующем законодательстве определены способы и формы возмещения экологического вреда, в том числе расчет размера вреда, но остается открытым вопрос по правовому регулированию накопленного вреда окружающей среде.

Цель исследования – проанализировать правовое регулирование воздействия на окружающую среду хозяйственной и иной деятельности,

которая уже не осуществляется и в результате которой причинен вред природным объектам.

Исследованием вопросов правового регулирования возмещения экологического вреда занимались ряд ученых, в том числе, Кравцова М.А. [1], Бринчук М.М. [2] и другие. Вместе с тем, стоит отметить, что недостаточно изучена область правового регулирования накопленного вреда, а также порядок его ликвидации.

В действующем законодательстве Республики Беларусь, а, именно, в ст. 1 Закона «Об охране окружающей среды» закреплено понятие «экологический вред», под которым понимается вред, причиненный окружающей среде, а также жизни, здоровью и имуществу физических лиц, в том числе индивидуальных предпринимателей, имуществу юридических лиц и имуществу, находящемуся в собственности государства, в результате вредного воздействия на окружающую среду [3]. Из содержания данной нормы следует, что экологический вред имеет две составляющие:

во-первых: это вред, причиняемый окружающей среде, а, следовательно, подразумевает негативное ее изменение, в том числе загрязнение, деградацию, истощение компонентов природной среды, повреждение, уничтожение и иное ухудшение природных объектов;

во-вторых: вред, причиненный жизни, здоровью и имуществу граждан, юридических лиц, государства из-за отрицательного воздействия на окружающую среду, то есть, такой вред является последствием негативного изменения окружающей среды от антропогенного влияния [4].

Также в вышеуказанном законе отдельно выделяют понятие «вред, причиненный окружающей среде» – это имеющее денежную оценку отрицательное изменение окружающей среды или отдельных компонентов природной среды, природных или природно-антропогенных объектов, выразившееся в их загрязнении, деградации, истощении, повреждении, уничтожении, незаконном изъятии (добыче) и (или) ином ухудшении их состояния, в результате вредного воздействия на окружающую среду, связанного с нарушением законодательства об охране окружающей среды и рациональном использовании природных ресурсов [3]. Следовательно, можно выделить признаки вреда, причиненного окружающей среде: 1) он имеет денежную оценку; 2) причинение вреда влечет негативные изменения окружающей среды; 3) имеет определенную форму.

В ст. 13 Закона Республики Беларусь «Об охране окружающей среды» закреплена обязанность лица возместить вред в случае его причинения окружающей среде. Вместе с тем, не всегда эта обязанность выполняется, что влечет за собой образование загрязненных территорий, деградированных земель, несанкционированных свалок и т.д. Вред, причиненный окружающей среде, в результате деятельности, которая была в прошлом называется накопленным вредом окружающей среде. Данное понятие не закреплено в действующем законодательстве, вместе с тем, в Проекте Экологического кодекса Республики Беларусь предлагается следующее определение: «накопленный

вред окружающей среде – вред окружающей среде, возникший в результате прошлой экономической и иной деятельности физического лица или юридического лица, обязанности по устранению, которого не были выполнены либо были выполнены не в полном объеме» [5]. Особенностью накопленного вреда окружающей среде является отсутствие сведений о лице его причинившем, либо о невозможности привлечения лица к ответственности, так как на момент выявления такого вреда данного лица не существует.

В соответствии со ст. 343 Проекта Экологического кодекса «ликвидация накопленного вреда окружающей среде – комплекс мероприятий по устранению вреда окружающей среде, возникшего в результате прошлой хозяйственной и иной деятельности юридических лиц и физических лиц, обязанности по устранению которого не были выполнены либо были выполнены не в полном объеме, включенных в реестр объектов накопленного вреда окружающей среде.

К объектам накопленного вреда окружающей среде относятся: территории и акватории или их отдельные участки, на которых выявлен накопленный вред окружающей среде; бесхозные объекты капитального строительства и (или) объекты хранения или захоронения отходов, являющиеся источником накопленного вреда окружающей среде; не ликвидированные в соответствии с законодательством об использовании недр горные предприятия, горные выработки и (или) иных сооружения, связанные с использованием недрами; объекты, на которых не проведены либо были выполнены не в полном объеме мероприятия по ликвидации последствий ведения горных работ (работы по ликвидации горных выработок и исключению доступа к ним, по демонтажу оборудования, сносу зданий и сооружений, рекультивации использованных земель, ликвидации экологических и иных последствий ведения горных работ); объекты хранения или захоронения отходов; объекты хранения или захоронения отходов; территории и акватории или их отдельных участков, на которых содержание загрязняющих веществ превышает установленные нормативы качества окружающей среды; иные объекты». [5]

Для выявления объектов накопленного вреда окружающей среде планируется проведение их инвентаризация путем сбора, обработки и анализа сведений о территориях, на которых в прошлом осуществлялась хозяйственная и иная деятельность, обследования и оценки таких объектов на соответствие критериям, указанным в пункте 6 ст. 343 Проекта Экологического кодекса. Но четко не указана методика сбора, обработки и анализа таких сведений.

По результатам проведенного исследования можно сделать следующие выводы:

– в настоящее время отсутствует понятие «накопленный вред окружающей среде», в Проекте Экологического кодекса планируется его закрепление, а, следовательно, появиться возможность отнесения нарушенных территорий к таким объектам;

– считаем целесообразным при проведении мероприятий по сбору, обработке и анализу сведений о территориях, на которых в прошлом

осуществлялась хозяйственная и иная деятельность, в результате которой был причинен вред окружающей среде и не был возмещен в полном объеме или вообще не возмещен, использование цифровых технологий, в том числе, данных дистанционного зондирования, составление электронной карты, где будут отмечены места и объемы накопленного вреда и размер денежных средств для его ликвидации, а также применение нейросетей, с помощью которых можно определить наилучшие доступные методы и способы его ликвидации. Применение новых технологий требует закрепление на законодательном уровне, что будет способствовать наиболее эффективной их реализации при выявлении и ликвидации накопленного вреда окружающей среде.

Список использованных источников:

1. Кравцова, М. А. Экологический вред: содержание, предотвращение и возмещение = Environmental damage: contents, prevention and redress / Кравцова М. А. // Право.by. – 2016. – № 3. – С. 60-64.

2. Экологическое право: учебное пособие / М.М. Бринчук. – Москва: Эксмо, 2010. – 386 с.

3. Об охране окружающей среды: Закон Республики Беларусь, 26 ноября 1992 г. № 1982-ХП: в ред. Закона Респ. Беларусь от 30 декабря 2025 г. № 126-3 // ЭТАЛОН: информ.-поисковая система (дата обращения: 02.04.2026).

4. Маркина, Н. А. Накопленный вред окружающей среде: проблемы правового регулирования / Н. А. Маркина // Наука - образованию, производству, экономике : материалы 78-й Региональной научно-практической конференции преподавателей, научных сотрудников и аспирантов, Витебск, 22-23 января 2026 г. : текстовое электронное издание. – Витебск: ВГУ имени П. М. Машерова, 2026. – С. 298-299. – URL: <https://rep.vsu.by/handle/123456789/49894> (дата обращения: 14.03.2026).

5. Проект Экологического кодекса Республики Беларусь // Правовой форум Беларуси. – URL: <https://forumpravo.by/upload/iblock/55c/0ms1q2hmky5xgng6wmjq5at3x94bsk0v.pdf> (дата обращения: 17.03.2026).

ЦИФРОВИЗАЦИЯ В ТРУДОВОМ ПРАВЕ: ЗАЩИТА ПЕРСОНАЛЬНЫХ ДАННЫХ И ПРАВ РАБОТНИКОВ ПРИ ИСПОЛЬЗОВАНИИ ВИДЕОНАБЛЮДЕНИЯ В ОРГАНИЗАЦИЯХ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

Михайлова О.П.,

*старший преподаватель кафедры гражданского права и гражданского
процесса учреждения образования «Витебский государственный
университет имени П.М. Машерова»*

Шишкин А.М.,

*студент юридического факультета учреждения образования
«Витебский государственный университет имени П.М. Машерова»*

Актуальность данной темы обусловлена необходимостью поиска баланса между правом нанимателя на управление производственным процессом и правом работника на неприкосновенность частной жизни и защиту персональных данных.

Под влиянием цифровизации в сфере трудового права наниматели всё чаще используют технические средства и информационные технологии в качестве инструментов контроля за выполнением трудовых функций работников. Рассмотрим правовые вопросы и этические аспекты применения систем видеонаблюдения нанимателем в процессе трудовой деятельности.

Безусловно, новые технологии предоставляют нанимателям новые возможности: помогают оптимизировать бизнес-процессы, упростить контроль за использованием работниками рабочего времени, оценку производительности их труда, выявлять нарушения, например использование рабочего времени в личных целях. В то же время есть определенные риски. Неправильно организованный, чрезмерный мониторинг может навредить рабочей обстановке в коллективе, создать атмосферу тотального контроля, влияющую на психическое благополучие работников, а также повлечь избыточный сбор и неправомерное использование их персональных данных, вторжение в частную жизнь работников. Существует риск использования видеоматериалов в качестве шантажа или преследования [1].

Для того, чтобы сделать систему мониторинга максимально прозрачной и понятной для работников, необходимо уведомить всех работников, подробно прописать, кто мониторит и с какой целью, сколько видеозаписи будут храниться, кто вправе использовать полученные данные и для каких целей.

Поскольку при видеонаблюдении осуществляется обработка персональных данных работников, наниматель обязан реализовать правовые, организационные и технические меры по обеспечению их защиты в рамках Закона Республики Беларусь «О защите персональных данных» [2]. Работники должны быть проинформированы о видеонаблюдении с помощью специальных информационных знаков (табличек), размещенных на территории, где оно ведется. Необходимо издать документ, определяющий порядок видеонаблюдения (положение) и ознакомить с ним всех заинтересованных лиц. Обработка данных посредством видеокамер должна быть соразмерной (разумной и необходимой), справедливой – учитывать интересы всех сторон, а не только нанимателя. Видеонаблюдение нельзя ставить «на всякий случай». Оно должно быть оправдано и учитывать права работников.

На практике возникает вопрос: может ли наниматель установить камеру видеонаблюдения на рабочем месте работника? Такое видеонаблюдение допускается лишь при наличии специфических обстоятельств, требующих постоянного контроля за деятельностью и поведением работника. Например, видеонаблюдение может иметь место при наличии высокой степени рисков, связанных с опасными условиями труда (на строительных площадках, травмоопасных производствах), работе с материальными ценностями (кассиров на торговых объектах, в банках) или связанной с непрерывным обслуживанием клиентов.

В то же время видеонаблюдение за офисными работниками, работа которых не обременена подобными факторами (рабочие места считаются безопасными) или выборочно на рабочих местах отдельных (конкретных) работников, выполняющих аналогичные функции, не соответствует законодательству о персональных данных.

Работник имеет право на невмешательство в частную жизнь и уважение личного достоинства [3]. Не допускается устанавливать камеры для наблюдения за местами, которые являются частью наиболее личной сферы жизни работников, в том числе предназначенных для их личных нужд (в зонах отдыха, приема пищи, туалетах и пр.).

Нанимателю необходимо также учитывать, что само по себе видеонаблюдение не включает в себя аудиомониторинг (запись голоса). Во время видеонаблюдения отсутствует право прослушивать разговоры работников, кроме исключительных ситуаций (таких как необходимость принятия мер безопасности и т.п.), о которых работники должны быть проинформированы.

Видеонаблюдение правомерно в случаях, когда ведется с согласия работников, при этом согласие работника должно быть добровольным. В силу подчиненного статуса работника нанимателю, работник должен иметь альтернативный способ обработки своих данных без согласия. Например, в организации вводят пропускную систему с видеораспознаванием лиц (обработка биометрических данных). Работник может отказаться давать согласие на вход через пропускную систему с видеораспознаванием лица. Наниматель в таком случае обязан будет предоставить для него альтернативный вариант входа, например с использованием пропуска с табельным номером [4].

По сведениям Национального центра защиты персональных данных (НЦЗПД) на регулярной основе поступают обращения и жалобы, связанные с видеонаблюдением на рабочих местах, в которых отмечаются злоупотребления со стороны нанимателей при видеонаблюдении (осуществление видеонаблюдения без информирования об этом работников или выборочно на рабочих местах отдельных (конкретных) работников, выполняющих схожие функции, распространение соответствующих записей и др.) [5].

НЦЗПД обратил внимание на то, что видеозаписи не могут быть использованы в личных и иных целях, не связанных с профессиональной деятельностью, и не подлежат использованию, распространению и предоставлению, кроме случаев, предусмотренных законодательными актами.

Например, поступила жалоба гражданина на то, что нанимателем установлена камера видеонаблюдения в помещениях, где находятся рабочее место заявителя и место для переодевания работников, что не соответствует требованиям статьи 4 Закона Республики Беларусь

«О защите персональных данных». В адрес организации-нанимателя НЦЗПД направлено требование о прекращении незаконного мониторинга. Камеры видеонаблюдения были демонтированы.

Пример из практики: Индивидуальный предприниматель незаконно распространил в социальной сети видеозапись с участием своего работника, с указанием фамилии, инициалов, а также данных о месте работы и должности последнего. Потерпевший пояснил суду, что разрешения снимать себя не давал, просит суд привлечь руководителя к ответственности за распространение персональных данных. На основании части 3 статьи 23.7 Кодекса Республики Беларусь об административных правонарушениях был подвергнут административному взысканию в виде штрафа в размере 10 базовых величин [6].

Таким образом, практика показывает, что не все наниматели осознают меру своей ответственности. Нарушение правил ведения видеонаблюдения в организации может повлечь гражданско-правовую, административную и даже уголовную ответственность для нанимателя. Подобные действия не только нарушают права работников, но и подрывают доверие к нанимателю. Работник имеет право требовать компенсации морального вреда, если его изображение или запись были использованы незаконно. Таким образом, видеонаблюдение - не просто средство безопасности, оно допустимо только при наличии законных оснований, с соблюдением принципов соразмерности, прозрачности и ответственности.

Список использованных источников:

1. Пырко, И.А. Мониторинг поведения работников и защита персональных данных: баланс интересов / И.А. Пырко // «Социально-трудовые отношения: юридические и бухгалтерские аспекты» материалы практической конференции // iLex : информ. правовая система (дата обращения: 07.04.2026).

2. О защите персональных данных: Закон Республики Беларусь от 07.05.2021 № 99-3 (ред. от 16.03.2026) // iLex : информ. правовая система (дата обращения: 07.04.2026).

3. Трудовой кодекс Республики Беларусь: 26 июля 1999 г. № 296-3: принят Палатой представителей 8 июня 1999 г.: одобр. Советом Респ. 30 июня 1999 г.: в ред. Закона Респ. Беларусь от 9 декабря 2025 г. № 110-3 (дата обращения: 08.04.2026).

4. Рекомендации по обработке персональных данных в связи с трудовой (служебной) деятельностью: Национальный центр по защите персональных данных, 18.01.2022 // iLex : информ. правовая система (дата обращения: 08.04.2026).

5. Национальным центром защиты персональных данных дополнены Рекомендации по обработке персональных данных в связи с трудовой (служебной) деятельностью. – URL: <http://cpd.by/centrom-dopolneny-rekomendacii-po-obrabotke-personalnyh-dannyh-v-svjazi-s-trudovoj-služhebnoj-dejatelnostju/> (дата обращения: 07.04.2026).

6. Кодекс Республики Беларусь об административных правонарушениях: от 6 января 2021 г. №91-3: в ред. Закона Респ. Беларусь от 20.10.2025 // iLex: информ. правовая система (дата обращения: 08.04.2026).

ЭЛЕКТРОННЫЙ ДОКУМЕНТООБОРОТ В ТРУДОВЫХ ОТНОШЕНИЯХ: ПРАВОВЫЕ РИСКИ И ПЕРСПЕКТИВЫ ВНЕДРЕНИЯ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

Михайлова О.П.,

*старший преподаватель кафедры гражданского права и гражданского
процесса учреждения образования «Витебский государственный
университет имени П.М. Машерова»*

Тарасевич Г.И.,

*студентка юридического факультета учреждения образования
«Витебский государственный университет имени П.М. Машерова»*

Цифровая эра XXI века, движимая интернетом и новыми технологиями, кардинально изменила многие сферы, в том числе рынок труда. Современные компании всё чаще переводят свои процессы в цифровой формат, что затрагивает и управление трудовыми отношениями. Электронный документооборот становится важным инструментом для сокращения времени на оформление документов, уменьшения бумажной бюрократии и обеспечения удобного хранения информации. В условиях удаленной работы и глобализации рынка электронный документооборот становится особенно актуальным. Цель данной статьи – рассмотреть правовые аспекты, риски и перспективы применения электронного документооборота в Республике Беларусь.

Электронный документооборот – это единый механизм по работе с документами, представленными в электронном виде, с реализацией концепции «безбумажного делопроизводства». В контексте трудовых отношений это включает в себя все документы, которые оформляются между работником и нанимателем.

Электронный документооборот отличается от бумажного тем, что значительно ускоряет обмен документами. Кроме того, использование электронного документооборота снижает затраты на бумагу и архивирование, что определенно является экологически выгодным для любой организации. Электронный документооборот поддерживает дистанционную работу, позволяя работникам и нанимателям взаимодействовать удаленно.

Однако переходя на электронный документооборот, стоит понимать, что также существуют и риски этого.

Основной правовой риск связан с юридической силой электронных документов. И хотя Закон Республики Беларусь «Об электронном документе и электронной цифровой подписи» в статье 22 устанавливает, что электронный документ по юридической силе приравнивается к бумажному, процесс проверки документа на подлинность будет намного сложнее.

В статье 29-1 Трудового Кодекса Республики Беларусь указаны требования действительности электронного документа. Исходя из этого

сложно говорить о том, что оба варианта документа равны по юридической силе между собой.

Особое внимание требует защита персональных данных сотрудников. Электронные документы содержат конфиденциальную информацию. Поэтому не стоит исключать риск утечки данных работников, ответственность за которого будет нести наниматель.

Несмотря на то, что мы живем в цифровую эпоху, интернет пока ещё не находится на том уровне стабильности, на котором мы могли бы исключить технические риски. Сбои систем, потеря данных и кибератаки требуют надежных платформ и резервного копирования.

Также стоит выделить риск недостаточной осведомленности и неправильного использования системы электронного документооборота. Это связано с тем, что участники трудовых отношений не до конца понимают порядок работы с электронными документами. Недостаточная подготовка работников может привести к ошибкам при оформлении документов, неправильному использованию электронной подписи, нарушению процедур подписания и хранения документов.

Несмотря на все риски, развитие электронного документооборота безусловно несет определенные перспективы для нашего государства. Они связаны с общей тенденцией цифровизации экономики и государственного управления.

Одним из ключевых направлений развития является совершенствование нормативно-правовой базы. В дальнейшем законодательство может быть дополнено более детальными нормами, что позволит обеспечить более четкое регулирование вопросов оформления документов в электронном виде.

Ещё одной перспективой будет интеграция систем электронного документооборота с государственными информационными ресурсами. Создание единого цифрового пространства, где наниматели смогут обмениваться данными с государственными органами, определено упростит административные процедуры и повысит прозрачность трудовых отношений.

Также дальнейшее внедрение электронного документооборота будет способствовать развитию дистанционной занятости, что сделает трудовые отношения более мобильными и адаптированными к современным условиям.

Безусловно, не менее значимой перспективой будет повышение уровня цифровой культуры работника. Распространение электронного документооборота способствует развитию цифровых навыков у работников, что позволяет активнее использовать электронные сервисы и повышает адаптацию к современным условиям цифровой экономики.

С развитием электронного документооборота возрастает необходимость совершенствования механизмов защиты информации. Перспективным направлением является внедрение более современных систем защиты данных, что позволит повысить безопасность хранения и передачи информации.

Внедрение электронного документооборота в трудовых отношениях представляет собой важный этап в цифровой трансформации HR-систем. Использование электронных документов и цифровых подписей открывает возможности для оптимизации кадровых процессов, снижения административных расходов и повышения прозрачности взаимодействия между работниками и нанимателями.

Таким образом, успешная реализация этих систем зависит от ряда факторов: совершенствования нормативно-правовой базы, развития технической инфраструктуры и повышения цифровой грамотности всех участников. Исходя из мировых тенденций и опыта цифровизации, можно с уверенностью сказать, что роль электронного документооборота будет только расти, способствуя формированию более гибкой, современной и эффективной системы регулирования трудовых отношений.

Список использованных источников:

1. Жильников, А.Ю. Электронный документооборот / А.Ю. Жильников, О.С. Михайлова // Территория науки. – 2017. – № 2. – С. 23-27.
2. Об электронном документе и электронной цифровой подписи: Закон Респ. Беларусь от 28 декабря 2009 г. №113-З: в ред. Закона Респ. Беларусь от 16 марта 2026 г. №134-З // ЭТАЛОН: информ.-поисковая система (дата обращения: 06.04.2026).
3. Трудовой кодекс Республики Беларусь: 26 июля 1999 г. № 296-З: принят Палатой представителей 8 июня 1999 г.: одобрен Советом Респ. 30 июня 1999 г.: в ред. Закона Респ. Беларусь от 9 декабря 2025 г. № 110-З // ЭТАЛОН: информ.-поисковая система (дата обращения: 06.04.2026).

**МЕДИАЦИЯ КАК АЛЬТЕРНАТИВНЫЙ СПОСОБ РАЗРЕШЕНИЯ
ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВЫХ СПОРОВ:
СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА
РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ И ГРУЗИИ**

Мороз О.Л.,

старший преподаватель кафедры гражданского права и гражданского процесса учреждения образования «Витебский государственный университет имени П.М. Машерова», магистр юридических наук

Лисовская М.Д.,

студентка юридического факультета учреждения образования «Витебский государственный университет имени П.М. Машерова»

Медиация представляет собой самостоятельный и взаимовыгодный способ разрешения гражданско-правовых споров путем участия третьей стороны. Главной целью, а вместе с тем и главным достоинством, данного способа является выявление компромиссного решения, которое будет устраивать обе стороны, а не заключатся в поиске виновного. Также важным

преимуществом выступает факт того, что медиатор, как беспристрастный участник данного процесса, помогает наладить диалог между участниками, не принимая при этом чью-либо сторону. Актуальность данной темы выражается в том, что всё больше и больше стран вводят процедуру медиации как высокоэффективный способ разрешения гражданско-правовых споров.

Несмотря на единую суть процесса медиации, определение данного понятия в законодательстве различных стран трактуется совершенно по-разному. Так, в статье 1 Закона Республики Беларусь «О медиации», медиация представляет собой переговоры сторон с участием медиатора в целях урегулирования спора (споров) сторон путем выработки ими взаимоприемлемого соглашения [1]. В то время, как в законодательстве Грузии указывается, что под медиацией следует понимать процесс, независимо от его наименования, с помощью которого две или несколько сторон при содействии медиатора стремятся завершить спор взаимным соглашением, независимо от того, начат ли этот процесс по инициативе сторон или на основании и в порядке, установленных законом [2]. Характерной чертой медиации в Грузии является то, что законодатель фокусируется не столько на четкость формулировки понятия, сколько на понимание самого процесса. Также в определении данного понятия делается акцент на основание возникновения процесса медиации, а именно, возник он по инициативе сторон или на основании закона. Понятие, закрепленное в законодательстве Республики Беларусь, хоть и является более кратким, но в достаточной мере раскрывает суть процесса медиации.

Также отдельным основанием для сравнительного анализа выступают принципы, на которых строится процесс медиации в Республике Беларусь и Грузии. основополагающие принципы, такие как добросовестности, равноправия сторон, добровольности, конфиденциальности, у рассматриваемых нами стран крайне схожи. Однако, отдельный интерес вызвал принцип самоопределения в законодательстве Грузии. Принцип самоопределения подразумевает под собой право сторон самостоятельно принимать решения, касающиеся участия в процессе медиации, порядка его проведения, содержания медиативного соглашения. Данный принцип крайне схож с принципом добровольности, однако и имеет концептуальные отличия. Если речь идет о принципе добровольности, то подразумевается свобода присутствия, желает сторона участвовать в медиации или нет. В то время, как под самоопределением понимается способность управления своими решениями, а именно, выработка условий, которые будут устраивать стороны, формирование медиативного соглашения и так далее. Медиатор не вправе принять решения без мнения сторон. Медиатор выступает лишь в роли посредника и направляет в нужное русло, в то время как стороны договариваются самостоятельно.

К лицу, претендующему на роль медиатора, предъявляются специальные требования. В Республике Беларусь не может быть медиатором лицо, имеющее судимость, являющееся государственным служащим,

признанное ограниченно дееспособным или недееспособным, в отношении которого принято решение о прекращении действия свидетельства медиатора и иные ограничения [1]. В Грузии внимание акцентируется на квалификационные критерии, которые следует учитывать при выборе медиатора. К таким критериям относится опыт проведения процесса медиации или иного вида переговоров, опыт участия в процессе судебного производства или разрешения споров альтернативным путем, опыт работы по правовым вопросам, аккредитация признанной организации по медиации, эффективное проведение медиации, отыскание путей альтернативного разрешения спора, деловая репутация, авторитет медиатора и так далее [2]. В данном случае законодатель Грузии использует абстрактные и оценочные критерии. Если профессиональный опыт можно рассчитать путем подсчета удачно урегулированных споров, то такие критерии, как деловая репутация или авторитет сложно принять во внимание, так как не совсем ясно, что конкретно следует понимать под данными понятиями.

Значимые различия наблюдаются и в процедуре назначения медиатора. В Республике Беларусь стороны по взаимному согласию выбирают медиатора, а при необходимости организации, обеспечивающие проведение медиации, предоставляют сведения о кандидатах [1]. В Грузии же законодатель более детально регламентирует данный процесс. При судебной медиации стороны избирают медиатора из списка, составленного судом на основании Единого реестра медиаторов. Если стороны не могут прийти к согласию в течение трех дней, уполномоченный орган Ассоциации медиаторов Грузии назначает медиатора самостоятельно [2]. При частной медиации в аналогичной ситуации исполнительный совет Ассоциации медиаторов Грузии также назначает медиатора из реестра. Таким образом, грузинская модель предусматривает механизм «вынужденного назначения», который позволяет избежать затягивания процедуры из-за разногласий сторон по кандидатуре медиатора.

Особого внимания заслуживают требования к независимости и беспристрастности медиатора, закрепленные в законодательстве Грузии. Статья 6 Закона Грузии «О медиации» устанавливает, что медиатор обязан уведомить стороны о любом обстоятельстве, которое может поставить под сомнение его независимость. При этом даже при наличии письменного согласия сторон медиатор вправе отказаться от проведения медиации. Более того, законодатель Грузии вводит абсолютные запреты: лицо не может быть медиатором, если оно ранее было стороной того же или связанного дела, представителем стороны в суде или арбитраже, либо оказывало стороне юридические или аудиторские услуги [2]. Аналогичные ограничения действуют и в отношении судей, прокуроров, следователей, нотариусов-медиаторов, которые ранее участвовали в деле. Белорусское законодательство также содержит требование беспристрастности, однако подобных детализированных ограничений, связанных с предшествующим участием в деле, не предусматривает.

Процедура проведения медиации в обеих странах имеет как общие черты, так и отличия. В Республике Беларусь медиатор не вправе вносить сторонам свои предложения по урегулированию спора [1]. В Грузии же при наличии согласия сторон медиатор может предложить сторонам условия медиативного соглашения с учетом их интересов и позиций, выраженных в ходе процесса [2]. Данное различие отражает разный подход к роли медиатора: в Республике Беларусь он является исключительно организатором переговоров, тогда как в Грузии допускается его более активное участие в выработке условий соглашения, но без права самостоятельного принятия решения по спору.

Отдельным критерием для сравнительного анализа выступает завершение медиации. Белорусский законодатель предусматривает четыре основания: заключение медиативного соглашения, истечение срока, письменный отказ сторон, иные случаи, предусмотренные законом или правилами [1]. В Грузии законодатель дополняет этот перечень случаем, когда медиатор после консультаций со сторонами заявляет, что продолжение медиации является неразумным и неоправданным [2]. Это позволяет медиатору прекратить затянувшуюся процедуру, которая утратила перспективу достижения соглашения.

Медиативное соглашение в обеих странах заключается в письменной форме и подписывается сторонами и медиатором. В Республике Беларусь оно должно содержать сведения о сторонах, медиаторе, предмете спора, принятых обязательствах и сроках их выполнения [1]. В Грузии перечень обязательных элементов не конкретизирован, однако соглашение должно быть исполнено судом по согласованию сторон либо по требованию одной из сторон [2].

Важным институциональным отличием выступает наличие в Грузии Ассоциации медиаторов Грузии. Оно представляет собой юридическое лицо публичного права, которое осуществляет саморегулирование медиаторов. Ассоциация ведет Единый реестр медиаторов, утверждает программу сертификации медиаторов и единый стандарт этики, избирает председателя и исполнительный совет, устанавливает членские взносы [2]. В Республике Беларусь функции ведения реестров и квалификационной комиссии осуществляет Министерство юстиции [1]. Таким образом, в Грузии реализована модель саморегулирования профессии медиатора, тогда как в Беларуси сохраняется государственное регулирование.

В заключение следует отметить, что, несмотря на общую цель урегулирования споров, законодательные модели медиации в Республике Беларусь и Грузии демонстрируют существенные различия. Грузинская модель характеризуется более детальной регламентацией процедуры, наличием механизмов назначения медиатора при отсутствии согласия сторон, институтом саморегулирования, а именно, Ассоциация медиаторов, возможностью активного участия медиатора в выработке условий соглашения, а также отсутствием жестких сроков проведения медиации. Белорусская модель ориентирована на государственный контроль (через Министерство юстиции), более пассивную роль медиатора, ограниченные сроки

и формализованные требования к медиатору. Опыт Грузии может представлять интерес для дальнейшего совершенствования законодательства Республики Беларусь в части внедрения элементов саморегулирования и расширения сферы применения судебной медиации.

Список использованных источников:

1 О медиации: Закон Республики Беларусь, 12 июля 2013 г., № 58-З: в ред. Закона от 17 июля 2023 г., № 292-З // ЭТАЛОН: информ.-поисковая система (дата обращения: 07.04.2026).

2 О медиации: Закон Грузии, 18.09.2019 г., № 4954-Пв: в ред. Закона от 22.06.2021, № 667 // Медиация Европа-Азия | Законодательство, медиаторы, аналитика. – URL <https://mediation-eurasia.pro/zakonodatelstvo/zakon-gruzii-o-mediaci/> (дата обращения: 07.04.2026).

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ДОПУСТИМОСТИ ЭЛЕКТРОННЫХ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ В ГРАЖДАНСКОМ ПРОЦЕССЕ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ И ГЕРМАНИИ

Мороз О.Л.,

старший преподаватель кафедры гражданского права и гражданского процесса учреждения образования «Витебский государственный университет имени П.М. Машерова», магистр юридических наук

Ловинская У.И.,

студентка юридического факультета учреждения образования «Витебский государственный университет имени П.М. Машерова»

Цифровая трансформация общественных отношений объективно обуславливает необходимость адаптации процессуального законодательства к широкому использованию электронных доказательств. Развитие информационных технологий, цифровизация документооборота и распространение электронных коммуникаций существенно изменяют характер доказательственной базы в гражданском процессе.

В Республике Беларусь с принятием Кодекса гражданского судопроизводства от 11 марта 2024 г. электронные доказательства получили легальное закрепление в качестве самостоятельного средства доказывания, что свидетельствует о модернизации национальной процессуальной системы. В Германии, обладающей устойчивой и развитой судебной практикой, соответствующие положения давно интегрированы в Гражданское процессуальное уложение и активно применяются судами.

Цель исследования заключается в выявлении сходств и различий в подходах к допустимости электронных доказательств в гражданском процессе Германии и Республики Беларусь, а также в определении перспективных направлений совершенствования белорусского законодательства с учётом зарубежного опыта.

Германское процессуальное законодательство не выделяет электронные доказательства в отдельный вид средств доказывания. § 371a ГПУ регулирует доказательственную силу частных электронных документов, имеющих квалифицированную электронную подпись (далее – КЭП), указывая, что к ним соответственно применяются положения о доказательственной силе частных документов [2]. Официальные электронные документы приравниваются по силе к официальным документам на бумажном носителе [2]. Белорусский законодатель, напротив, пошел по пути выделения самостоятельного средства доказывания. Согласно ст. 199 КГС, электронными доказательствами являются сведения о фактах, содержащиеся на электронных носителях информации, в том числе электронные документы, текстовые, мультимедийные и голосовые сообщения, базы данных, а также информация, размещенная в глобальной компьютерной сети Интернет [1]. Это свидетельствует о признании их специфической правовой природы.

Ключевым критерием допустимости в обоих государствах выступает наличие квалифицированной электронной подписи. § 371a(1) ГПУ Германии устанавливает презумпцию подлинности заявления, подписанного КЭП, которая может быть оспорена только фактами, обосновывающими серьезные сомнения [2]. В Республике Беларусь данный вопрос детально урегулирован специальным законом. В соответствии со ст. 20 Закона «Об электронном документе и электронной цифровой подписи» оригинал электронного документа существует только в электронной форме, а все идентичные экземпляры имеют равную юридическую силу при подписании электронной цифровой подписью (далее – ЭЦП) в период действия сертификата ключа проверки подписи [3]. Часть 2 ст. 200 КГС развивает это положение, обязывая лиц, представляющих электронные доказательства, указывать формат записи, а также технические средства и программное обеспечение, необходимые для ее воспроизведения [1]. Документ с недействительной или просроченной подписью не может быть признан допустимым доказательством, что прямо вытекает из системного толкования норм КГС и Закона «Об электронном документе и электронной цифровой подписи».

Новеллой германского законодательства является § 371b ГПУ, посвященный доказательственной силе сканированных официальных документов. Если публичный орган власти или наделенное публичным доверием лицо технически перевело официальный документ в электронную форму и имеется подтверждение, что электронный документ по виду и содержанию совпадает с оригиналом, то к такому электронному документу соответственно применяются правила о доказательственной силе официальных документов [2]. При этом если документ и подтверждение имеют квалифицированную электронную подпись, применяется § 437 ГПУ о подлинности официальных документов. Белорусский КГС в ст. 200 устанавливает, что электронные доказательства представляются в подлиннике или в копии, удостоверенной в порядке, установленном законодательством [1], однако специальной нормы о сканированных копиях официальных документов, подобной германской,

пока не содержит. Восполнение этого пробела видится перспективным направлением развития белорусского процессуального права.

И в Германии, и в Беларуси суд вправе привлекать экспертов и специалистов для исследования электронных доказательств. § 372 ГПУ Германии предусматривает, что суд, рассматривающий дело, может вынести постановление о привлечении к осмотру доказательств одного или нескольких экспертов, а также поручить проведение осмотра одному из своих членов или другому суду [2]. Статья 201 КГС Беларуси более детально регламентирует эту процедуру. При отсутствии у суда необходимых для исследования электронного доказательства оборудования и (или) программного обеспечения суд предлагает лицу, представившему электронное доказательство, предоставить такие оборудование и (или) программное обеспечение [1]. Особого внимания заслуживает ч. 3 ст. 201 КГС, устанавливающая, что при исследовании электронных доказательств, требующих введения паролей, кодов, графических ключей, операции по доступу осуществляются представившим его лицом без оглашения идентификационных данных в судебном заседании [1]. Это правило обеспечивает баланс между необходимостью исследования доказательства и защитой конфиденциальной информации.

Отдельного внимания заслуживает институт медицинского обследования, закрепленный в германском ГПУ. § 372а устанавливает, что любое лицо должно пройти обследование, в том числе сдать кровь, если только указанное обследование не окажется чрезмерно обременительным для него [2]. При повторном необоснованном отказе от обследования может быть применено прямое принуждение, в частности, принудительный привод для проведения обследования [2]. В белорусском КГС аналогичной общей нормы о принудительном медицинском обследовании лиц, участвующих в деле, не содержится, что объясняется различиями в подходе к неприкосновенности личности в гражданском процессе двух государств.

Важным сходством является закрепление обязанности стороны представить находящиеся у нее доказательства. § 422 ГПУ Германии устанавливает, что противная сторона обязана представить документ, если доказывающая сторона в соответствии с положениями гражданского права может потребовать выдачи или предъявления документа [2]. Ходатайство о представлении документа должно содержать наименование документа, указание фактов, подлежащих доказыванию, возможно полное изложение документа, обстоятельства нахождения документа у противной стороны и основание обязанности его представить [2]. Аналогично ст. 180 КС Беларуси предусматривает, что, если доказательств, представленных лицами, участвующими в деле, недостаточно, суд вправе предложить им представить дополнительные доказательства, а при невозможности самостоятельного получения – содействует в истребовании [1]. Последствия непредставления также схожи. Согласно § 427 ГПУ Германии, если противная сторона не выполнит постановление о представлении документа, то копия документа может рассматриваться как достоверная, а при отсутствии копии – утверждения доказывающей стороны

о содержании документа могут считаться доказанными [2]. Часть 4 ст. 200 КГС Беларуси устанавливает, что если подлинник электронного доказательства не представлен, а достоверность копии оспаривается, такое доказательство не может быть принято судом [1].

Кроме того, § 444 ГУ Германии предусматривает специальное правило: если одна из сторон с намерением не допустить использования документа противной стороной изъяла или сделала его непригодным к использованию, то утверждения противной стороны о состоянии и содержании документа могут считаться доказанными [2]. В белорусском КГС подобная норма прямо не закреплена, однако она может выводиться из общих принципов добросовестности и процессуальной ответственности. Представляется, что законодательное закрепление подобного правила в КГС. Республики Беларусь способствовало бы усилению охранительной функции правосудия.

Сравнительный анализ показывает, что германское законодательство отличается более глубокой и детализированной регламентацией технических аспектов работы с электронными доказательствами, включая процедуры сканирования, проверки электронной подписи, а также правила сопоставления почерков, реквизитов и иных идентификационных признаков документов. В то же время белорусское законодательство характеризуется концептуальным подходом, выражающимся в выделении электронных доказательств в самостоятельную категорию, с одновременным более развернутым регулированием процессуального порядка их исследования и оценки в судебном заседании.

При сходстве базовых подходов к допустимости доказательств (презумпция подлинности документа, подписанного КЭП, обязанность представления доказательств сторонами, возможность привлечения специалиста для их исследования) можно констатировать наличие потенциала для дальнейшего совершенствования национального регулирования. В частности, перспективным направлением развития КГС Республики Беларусь представляется заимствование германского опыта в части более детальной правовой регламентации статуса и доказательственного значения сканированных официальных документов, а также уточнение и конкретизация правовых последствий умышленного сокрытия, искажения либо уничтожения электронных доказательств, что будет способствовать повышению эффективности правоприменительной практики и укреплению процессуальных гарантий.

Список использованных источников:

1. Кодекс гражданского судопроизводства Республики Беларусь: 11 марта 2024 г. № 359-З: принят Палатой представителей 31 января 2024 г.: одобр. Советом Респ. 19 февраля 2024 г.: в ред. Закона Респ. Беларусь от 30 декабря 2025 г. № 126-З // ЭТАЛОН: информ.-поисковая система (дата обращения: 07.04.2026).
2. Гражданское процессуальное уложение Германии: вводный закон к Гражданскому процессуальному уложению: пер. с нем. / [сост. В. Бергманн]; науч. ред. Т. Ф. Яковлева. – Москва: Волтерс Клувер, 2006. – 472 с.
3. Об электронном документе и электронной цифровой подписи: Закон Республики Беларусь, 28 декабря 2009 г. № 113-З: в ред. Закона от 14 октября 2022 г. № 213-З // ЭТАЛОН: информ.-поисковая система (дата обращения: 07.04.2026).

РОЛЬ РЕГИОНАЛЬНОЙ МОДЕЛИ ПАРТНЁРСТВА ЮРИДИЧЕСКОГО ФАКУЛЬТЕТА ВГУ ИМЕНИ П.М. МАШЕРОВА И ВИТЕБСКОЙ ОБЛАСТНОЙ КОЛЛЕГИИ АДВОКАТОВ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ

Наумик А.М.,

старший преподаватель кафедры гражданского права и гражданского процесса учреждения образования «Витебский государственный университет имени П.М. Машерова», магистр юридических наук

Цифровая трансформация правовой сферы ставит перед юридическими факультетами новые вызовы. Электронное правосудие, цифровые доказательства, удалённое взаимодействие с клиентами и государственными органами – это реальность, в которой уже сегодня работают практикующие юристы, включая адвокатов. Как отмечается в Концепции цифрового развития (цифровизации) адвокатуры Республики Беларусь, недостаточная цифровизация порядка оказания юридической помощи является одним из вопросов, требующих разрешения на современном этапе [2, с. 1]. При этом в Концепции подчёркивается, что цифровизация адвокатуры – это не только создание автоматизированных информационных систем, но в первую очередь человеческий капитал: готовность специалистов работать по-новому, их цифровые компетенции и правовое понимание новых инструментов [2, с. 5–6].

Юридический факультет ВГУ имени П.М. Машерова предлагает региональную модель партнёрства, закреплённую договором о совместной деятельности с Витебской областной коллегией адвокатов от 24 сентября 2024 года [4], как способ подготовки квалифицированных специалистов, способных работать в эпоху цифровизации.

В условиях цифровой трансформации эта институциональная устойчивость особенно важна. Подготовка кадров для цифровой адвокатуры – это не разовое мероприятие, а системный процесс, требующий постоянного обновления знаний, методик и компетенций.

Концепция цифровизации адвокатуры задаёт конкретные направления развития, которые напрямую влияют на требования к выпускникам юридических факультетов. Среди них – создание Автоматизированной информационной системы «Адвокатура» (АИС «Адвокатура»), призванной обеспечить организацию оказания юридической помощи удалённо, электронный документооборот между адвокатами, коллегиями и государственными органами, дистанционное повышение квалификации адвокатов, а также интеграцию адвокатуры с цифровыми платформами суда и правоохранительных органов [2, с. 6–8].

Для юридического факультета это означает, что выпускник, приходящий в адвокатуру, должен быть готов понимать правовые основы электронного документооборота и цифровой подписи, ориентироваться в требованиях к защите информации и сохранению адвокатской тайны

в цифровой среде, иметь представление о принципах работы АИС «Адвокатура» и владеть навыками удалённой коммуникации и работы с электронными доказательствами [2, с. 9–10]. При этом важно подчеркнуть, что студенты не имеют и не могут иметь доступа к внутренним информационным системам адвокатуры, поскольку не обладают статусом адвоката и на них не распространяется требование сохранения адвокатской тайны. Речь идёт о формировании правового понимания цифровых инструментов, а не о практическом доступе к закрытым системам.

Формирование этих компетенций невозможно в рамках традиционной лекционно-семинарской системы без участия практикующих адвокатов, которые могут поделиться не только теорией, но и реальными кейсами, проблемами и алгоритмами действий. Именно здесь модель филиала кафедры открывает новые возможности.

Договор о совместной деятельности предусматривает широкий спектр направлений сотрудничества, которые могут быть наполнены цифровым содержанием: совместная деятельность по обеспечению взаимодействия с профессиональной средой, проведение мониторинга требований к профессиональным компетенциям специалистов, обмен опытом практической и научной деятельности, координация учебной работы студентов при подготовке ими курсовых и дипломных работ, основанных на практическом опыте, а также проведение совместных семинаров, конференций и круглых столов [4, с. 1].

Важным элементом партнёрства выступает методический совет Витебской областной коллегии адвокатов. Согласно Положению о методическом совете ВОКА, этот орган создан для оказания методической помощи адвокатам и повышения уровня их профессиональной деятельности [3, с. 1]. В его задачи входят разработка методических рекомендаций по основным направлениям деятельности адвокатуры, организация обсуждения проектов методических пособий, распространение положительного опыта работы адвокатов, а также содействие в организации профессиональной учёбы адвокатов коллегии [3, с. 1–2].

Для юридического факультета методический совет ВОКА является важным партнёром по нескольким причинам: в него входят наиболее опытные адвокаты, пользующиеся авторитетом в профессиональной среде [3, с. 1]; методсовет обобщает наиболее сложные и проблемные вопросы правоприменения, включая те, что связаны с цифровизацией, имеет прямой выход на руководство ВОКА, что позволяет решать организационные вопросы сотрудничества; одной из задач методсовета является распространение положительного опыта работы адвокатов, в том числе через образовательные учреждения [3, с. 1].

При всей значимости партнёрства важно чётко обозначить его границы, обусловленные законодательством и профессиональной этикой. Студенты не имеют и не могут иметь доступа к внутренним информационным системам адвокатуры – АИС «Адвокатура», корпоративному мессенджеру, реестрам

договоров, электронным ордерам. Это связано с тем, что студенты не обладают статусом адвоката и не несут дисциплинарной ответственности, на них не распространяется требование сохранения адвокатской тайны, а доступ посторонних лиц к закрытым системам адвокатуры противоречил бы законодательству.

Образовательная роль в эпоху цифровизации заключается в обеспечении интеграции актуальной адвокатской практики в учебные курсы, включая разработку совместных электронных курсов по цифровой тематике [4, п. 2.3.6]. Практико-ориентирующая роль состоит в том, что студенты получают возможность наблюдать и участвовать в работе адвокатов в цифровой среде на базе Витебской областной коллегии адвокатов, без доступа к закрытым системам, но с пониманием их логики и правовых ограничений [4, п. 2.4.5]. Научно-исследовательская роль проявляется в формировании актуальной повестки для студенческих исследований на основе реальных проблем адвокатуры, с возможностью экспертизы со стороны практикующих адвокатов [4, п. 2.4.6, 2.4.8]. Профориентационная роль заключается в создании «бесшовного перехода» от студенческой скамьи к адвокатской практике, сокращая адаптационный период выпускника. Наконец, имиджевая роль демонстрирует практико-ориентированный характер юридического образования, усиливая привлекательность факультета для абитуриентов.

Договор о совместной деятельности создаёт основу для дальнейшего развития партнёрства [4]. Перспективным направлением представляется разработка и внедрение факультативного курса «Цифровые технологии в адвокатской деятельности», который мог бы читаться совместно преподавателями факультета и адвокатами – членами методического совета коллегии [3]. Также возможно создание электронной библиотеки учебных кейсов на основе обезличенной практики, предоставленной коллегией, для использования в учебном процессе. Ежегодная студенческая научно-практическая конференция по проблемам цифровизации правосудия с участием адвокатов могла бы стать площадкой для апробации студенческих исследований.

Список использованных источников:

1. О цифровом развитии: Указ Президента Респ. Беларусь, 29 нояб. 2023 г., № 381: в ред. Указа от 14.03.2024 // ЭТАЛОН: информ.–поисковая система (дата обращения: 07.04.2026).

2. Концепция цифрового развития (цифровизации) адвокатуры Республики Беларусь: утв. советом Белорус. респ. коллегии адвокатов, 12.06.2023, протокол № 05/06. – URL: <https://brka.by/info/kontseptsiya-tsifrovogo-razvitiya-tsifrovizatsii-advokatury/> (дата обращения: 15.04.2026).

3. Положение о методическом совете Витебской областной коллегии адвокатов: утв. советом Витеб. обл. коллегии адвокатов, 14.01.2025, протокол № 1 // Документ не опубликован / внутр. документ ВОКА (дата обращения: 15.04.2026).

4. О совместной деятельности: договор между учреждением образования «Витебский государственный университет имени П.М. Машерова» и Витебской областной коллегией адвокатов, 24 сент. 2024 г. // Архив юрид. фак. ВГУ имени П.М. Машерова. – 5 с.

ЗАЩИТА АВТОРСКИХ ПРАВ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

Прудникова Т.А.,

*старший преподаватель кафедры юриспруденции
учреждения образования «Могилевский государственный
университет имени А.А. Кулешова»*

Субъективные права, включая авторское право, – это права, которые имеют индивидуальные лица или группы в рамках правовой системы. Однако любое субъективное право имеет реальную ценность только в том случае, если оно может быть защищено от посягательств со стороны третьих лиц. В этом контексте защита прав становится неотъемлемой частью правопорядка и основой для существования правовых норм. Значение защиты субъективных прав Защита субъективных прав – это не просто формальность. Она обеспечивает возможность их обладателям реализовывать свои интересы, защищать свои законные интересы и получать справедливость в случае нарушения. Если право не может быть защищено, то оно теряет свою ценность, а сам обладатель оказывается в уязвимом положении. Таким образом, защита прав – это гарантия стабильности и предсказуемости в обществе.

Законодательство предлагает множество способов защиты субъективных прав, и выбор конкретного способа зависит от характера нарушения, обстоятельств дела и целей, которые ставит перед собой правообладатель. При этом общим правилом является возможность самостоятельного выбора конкретного способа защиты самим правообладателем без обязанности каким-либо образом обосновывать перед судом выбор конкретного способа возмещения причиненного вреда» [1, с. 11]. Такой вывод представляется обоснованным, поскольку он следует из основных начал гражданского оборота: согласно норме п. 1 ст. 8 Гражданского кодекса Республики Беларусь (далее – ГК), граждане и юридические лица по своему усмотрению осуществляют принадлежащие им гражданские права.

Статья 55 Закона Республики Беларусь «Об авторском праве и смежных правах» от 17 мая 2011 г. № 262-З нарушением авторского права признает:

– любые действия, которые без разрешения автора или иного правообладателя позволяют обходить или способствуют обходу любых технических средств, предназначенных для защиты авторского права (за исключением использования произведений для незрячих, слабовидящих и иных лиц с ограниченными способностями воспринимать визуальную информацию);

– устранение или изменение без разрешения автора или иного правообладателя любой электронной информации об управлении правами;

– распространение, ввоз на территорию Республики Беларусь в целях распространения без разрешения автора или иного правообладателя произведений, в отношении которых без разрешения автора или иного правообладателя была устранена или изменена электронная информация об управлении правами.

Меры гражданско-правовой ответственности за нарушение авторского права определены в ст. 11, 152, 989 ГК.

И. Цисик обращает внимание на то, что «неимущественный характер личных прав автора предопределяет и возможные способы их защиты. В частности, при нарушении личных неимущественных прав нельзя требовать от нарушителя возмещения убытков в виде упущенной выгоды или выплаты компенсации. В то же время такой способ защиты как компенсация морального вреда применим только для защиты личных неимущественных прав» [2, с. 32]. Особенностью защиты личных неимущественных прав является то, что в силу ст. 209 ГК на требования, вытекающие из их нарушения, исковая данность не распространяется.

Признание права авторства. Авторское право – это не просто юридическая формальность, а важный инструмент, обеспечивающий защиту творческих трудов. Одним из основных способов защиты личных неимущественных прав является признание права авторства. Это право не только позволяет авторам контролировать использование их произведений, но и защищает их репутацию и имидж.

Зачем необходимо признание права авторства? Необходимость обращения в суд с требованием о признании авторства возникает в различных ситуациях. Часто это происходит, когда: существует сомнение в наличии у лица авторского права; авторское право оспаривается или отрицается другими лицами; имеется спор между несколькими субъектами о принадлежности авторского права. В таких случаях истец, то есть правообладатель, стремится получить официальное подтверждение судом наличия или отсутствия у него авторского права. Это не только укрепляет его правовые позиции, но и дает возможность защитить свои интересы в дальнейшем.

Доказательства авторства. Одним из основных вопросов, возникающих перед истцом, является вопрос доказательства его авторства. Важно предоставить убедительные доказательства, подтверждающие, что именно он является автором произведения. Это могут быть: эскизы и черновики; договоры с издателями или другими заинтересованными сторонами; свидетельские показания. Если авторство будет подтверждено, истец сможет перейти к следующему этапу – защите своих прав.

Восстановление нарушенного положения Другим важным аспектом защиты личных неимущественных прав является восстановление положения, существовавшего до нарушения авторского права. Это может быть актуально в тех случаях, когда права автора были ущемлены, и он стремится восстановить свои права в полном объеме. Например, если произведение

уже обнародовано и стало известно неопределенному кругу лиц, восстановить авторские права в полном объеме может быть крайне сложно. Тем не менее, закон предоставляет возможность требовать устранения последствий нарушения, что может включать: устранение контрафактных экземпляров произведения; исправление неверной информации о авторе.

Публикация о допущенном нарушении. Еще одним способом защиты является требование публикации сведений о допущенном нарушении. Это требование может быть применено как для защиты личных имущественных, так и личных неимущественных прав. Если объект интеллектуальной собственности был введен в гражданский оборот с нарушением прав автора, и контрафактные экземпляры произведения были реализованы, то публикация о факте нарушения может помочь восстановить репутацию автора и информировать общественность о правонарушении.

Компенсация морального вреда. Данный способ защиты заключается в возложении на нарушителя обязанности по выплате обладателю компенсации за причинение физических и нравственных страданий в связи с нарушением его прав. Поскольку по своей правовой природе компенсация морального вреда является мерой ответственности, условием применения данного требования должно быть наличие вины нарушителя. Действующим законодательством право требования компенсации морального вреда предусмотрено ст. 152 ГК, согласно которой, если гражданину причинен моральный вред (физические или нравственные страдания) действиями, нарушающими его личные неимущественные права либо посягающими на принадлежащие гражданину нематериальные блага, а также в иных случаях, предусмотренных законодательством, гражданин вправе требовать от нарушителя денежную компенсацию указанного вреда.

В соответствии со ст. 152 ГК компенсация морального вреда осуществляется в денежной форме. Реализация рассматриваемого способа защиты авторских прав осуществляется в основном в судебном порядке. Однако не исключается и выплата компенсации в добровольном порядке в том случае, если нарушитель авторских прав не желает доводить дело до суда.

Таким образом, признание права авторства и защита личных неимущественных прав – важные аспекты, которые помогают авторам защищать свои творения и репутацию. В условиях современного мира, где интеллектуальная собственность становится все более ценным активом, знание своих прав и способов их защиты становится необходимостью для каждого автора. Правильное применение законных механизмов защиты может сыграть ключевую роль в сохранении авторских прав и восстановлении справедливости в случае их нарушения.

Одной из тенденций в области охраны авторских прав является переход от разрешительного подхода к компенсационному, суть которого состоит в том, что законодатель расширяет возможности использования охраняемых объектов без согласия правообладателя при условии последующей

выплаты ему справедливого вознаграждения [3, с. 62]. В то же время установление изъятий из сферы авторского (смежного) права в формате «без согласия правообладателя, но с выплатой справедливого вознаграждения» порождает проблему реализации права на получение такого вознаграждения, решение которой видится в развитии системы принудительного коллективного управления.

Во избежание любых злоупотреблений исключительным правом со стороны правообладателей в законодательстве об авторском праве и смежных правах должен быть повторен общегражданский принцип недопустимости злоупотребления правом; при этом одним из механизмов реализации данного принципа может выступать. применение норм антимонопольного законодательства в отношении недобросовестных правообладателей [4, с. 29].

Таким образом, защита субъективных прав – важный аспект правовой системы, который обеспечивает возможность их обладателям отстаивать свои интересы. Многообразие способов защиты позволяет каждому выбрать наиболее подходящий вариант в зависимости от конкретной ситуации. Однако важно помнить, что защита прав – это не только индивидуальная задача, но и общая ответственность общества за соблюдение законности и справедливости.

Задача совершенствования специальных мер гражданско-правовой ответственности, применяемых в отношении нарушителей исключительного авторского (смежного) права, требует, в первую очередь, совершенствования правовых норм, посвященных взысканию компенсации вместо возмещения убытков, причиненных нарушением. Применение компенсации как меры гражданско-правовой ответственности за нарушения исключительных прав вызывает ряд теоретических и практических вопросов, к числу которых относятся вопросы о правовой природе компенсации, критериях, которые должны учитываться при определении ее размера, соотношении размера присуждаемой компенсации и размера понесенных правообладателем убытков, возможности взыскания компенсации в отсутствие вины нарушителя и др.

Список использованных источников:

1. Цветков, И. В. Гражданско-правовая защита интеллектуальной собственности: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.03 / И. В. Цветков. – Казань: КазГУ, 2011. – 28 с.
2. Цисик, И. Личные неимущественные права автора и способы их защиты / И. Цисик // Судовы веснік. – 2008. – № 3. – С. 28-34.
3. Калятин, В. О. Законодательство об интеллектуальной собственности XXI века: тенденции развития / В. О. Калятин // Право. Журнал Высшей школы экономики. – 2011. – № 3. – С. 55-65.
4. Пузыревский, С. Антитраст в сфере интеллектуальной собственности: в поисках разумного баланса / С. Пузыревский, Г. Гаджиев [и др.] // Закон. – 2018. – № 2. – С. 18-34.

**ПОНЯТИЕ «АВТОР»
В ЭПОХУ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА:
ДВА ВОЗМОЖНЫХ ВАРИАНТА ТОЛКОВАНИЯ**

Родионов А.Б.,

доцент кафедры гражданского права Института права и национальной безопасности ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина», кандидат юридических наук

Возможность и необходимость применения технологий искусственного интеллекта создают в области авторского права ситуацию нестабильности, для ликвидации которой основные категории этой отрасли права должны быть осмыслены заново. В настоящее время учёные высказывают различные точки зрения относительно того считать или нет произведением результат применения нейросетей при создании картин, текстов и т.п., а также относительно того, кому должно принадлежать исключительное право на такой результат. Некоторые специалисты в области авторского права утверждают, что исключительное право на результат применения нейросетей должно принадлежать пользователям нейросетей, другие ученые полагают, что предпочтительной будет ситуация, в которой исключительное право на эти результаты будет принадлежать тем юридическим лицам, которым принадлежит право на технологии искусственного интеллекта, применяемые при их создании, третья группа учёных придерживается мнения о том, что субъектами прав на результаты применения нейросетей должны быть создатели платформ, на которых они применяются и т.д. До настоящего времени не выработано устойчивого компромисса в понимании того должны ли быть исключительные права на них у кого-либо или стоит установить в отношении них режим, подобный режиму общественного достояния, с момента их возникновения [1, с. 512].

Отвечая на вопрос о том, может ли кто-либо считаться автором тех результатов, которые возникают в случае использования нейросетей, мы должны принять во внимание то, что существуют два конфликтующих представления об авторстве. В европейских странах понятие автора всегда связано с творческим трудом и гениальностью конкретного человека и автором признаётся только физическое лицо, но в США с момента принятия Закона о реформе авторского права 1909 года (эти же положения были повторены в действующем Законе об авторском праве США 1976 года) автором в некоторых случаях признаётся не только физическое лицо, но и корпорация [2]. Юридическое лицо признаётся автором в случае, если произведение создаётся работником по заданию работодателя или кем-либо по договору авторского заказа, а также тогда, когда корпорация организует процесс создания сложных коллективных произведений.

Два ключевых и разных представления о том, кто в принципе может быть признан автором – англо-американское и европейское – несут два принципиально разных решения проблемы того, кто может быть признан автором при получении результата использования нейросетей. В варианте права США, при котором автором может быть признана и корпорация, в принципе возможно широкое признание права на результат применения нейросетей, поскольку вложение творческого усилия в этой системе права приравнено к вложению капитала. Спектр возможных решений в этой парадигме авторского права может быть широким: автором может быть признана как корпорация, создавшая технологии искусственного интеллекта, так и человек, который просто использовал нейросеть. Если финансовые ресурсы, вложенные в создание произведения, в принципе имеют такое же значение, что и гениальность творца, создавшего нечто принципиально новое, то оптимальным может быть признано любое из этих решений, лишь бы оно соответствовало состоянию рынка, определяемому очередной победой разного рода групп предпринимателей в их борьбе за максимальную прибыль. В англо-американской линии эволюции разные варианты авторства возможны – авторство производителей технологий, организаторов процесса их применения, простых потребителей – поскольку категория творчества при создании произведения в утилитаристском подходе, характерном для английского и американского права, всегда отступает на второй план перед категорией практической пользы для лиц, обладающих основным влиянием в рыночной системе распределения благ.

В европейской системе права, где авторское право идеологически связано с поиском и фиксацией гениальности, автором невозможно признать корпорацию, имеющую права на инструменты (технологии генеративных нейросетей) или любого человека, который совершит небольшое усилие по использованию технологий искусственного интеллекта. Следовательно, в этом направлении эволюции авторского права право на результат использования нейросети в принципе может быть признано исключительно за человеком, который не просто использовал нейросеть, но сделал это именно творчески, необычно и неординарно. Охраняемой признаётся, прежде всего, неординарность и отход от такого порядка вещей всегда будет, в конечном счёте, признан ошибочным. К творческому усилию, создающему произведение, в этой линии эволюции авторского права в принципе нельзя приравнять вложение денежных средств в производство или случайное получение результата с помощью такого сложного инструмента как нейросеть. У автора в этой парадигме авторского права есть значительный запас конфликтующих с имущественными неимущественных прав, которые могут быть как-то объяснены и поняты лишь в той системе права, которая отделяет труд, каприз, вложенные технические усилия, финансовые вложения от подлинного творчества, ориентированного в идеале на уважение неповторимости и гениальности.

Двум конфликтующим значениям понятия «автор» соответствуют два конфликтующих представления о том, что такое произведение и в чём, в конечном счёте, заключается его ценность. В континентальном европейском праве установлено, что произведение – это то, что создано творческим усилием человека, однако существует и второе понимание произведения, которое периодически проявляется в судебной практике разных стран, но имеет фундаментальное оправдание в англо-американской ветви эволюции авторского права. Это представление о произведении как о результате вложения финансовых средств [3, с. 24]. Англо-американская линия эволюции права интеллектуальной собственности, учитывающая при определении того, что есть объект права финансовый аспект наряду с творческим усилием, утвердилась с возникновением авторских прав на фотографии, а затем с появлением прав в области смежного права (прав на фонограммы, вещания и т.п.) [4, с. 149]. Однако всё же тренд в понимании произведения как результата творческого усилия никогда не был так поколеблен как во время появления технологий искусственного интеллекта. С их появлением инструмент создания изображений, текстов и т.д. приобрел такую степень совершенства, которая позволила любому человеку ощутить себя художником и писателем. Если результат применения нейросети по своему значению будет приравнен к произведению, то из понимания того, что же собой представляет произведение литературы, искусства и т.д. компонент творчества будет исключён в большей степени, чем это было когда-либо ранее.

Если в доктрине авторского права будет сделан принципиальный выбор в пользу условной англо-американской модели эволюции авторского права и под автором в связи с распространением технологий искусственного интеллекта будут пониматься и физические лица, и корпорации, создающие эти технологии, то мы одновременно должны будем гораздо шире определить произведение, которое в этом случае становится не только воплощением чьего-то своеобразного таланта и творческого усилия, но и результатом вложения финансовых ресурсов. Если же доктрина авторского права и законодательство выберут европейский путь эволюции, в гораздо большей мере ориентированный на поиск оригинальности и на уважение неимущественных прав автора, то произведение заново будет отграничено от квазипроизведений, созданных с помощью нейросетей. В итоге вероятнее всего будет утверждён сложный компромисс, необходимый для признания произведениями тех результатов использования нейросетей, которые будут создаваться с применением очевидного творческого усилия.

С нашей точки зрения предпочтительным является второй, то есть европейский, путь эволюции авторского права. Должно быть сохранено понятие «автор», ориентированное на творчество, что исключает признание автором корпорации, создающие технологии искусственного интеллекта, пользователей нейросетей, применяющих их без творческого вклада и т.д. Между понятием «произведение» и результатом применения нейросетей должна сохраняться очевидная смысловая граница даже в том случае, если она является

результатом нового сложного компромисса, параметры которого вырабатываются в судебной практике разных стран. Эта граница по-прежнему должна определяться исходя исключительно из наличия творческого вклада. Все длительные сроки действия авторских прав, установленные сегодня как на национальном, так и на международном уровне должны относиться только к произведениям, созданным с применением творческого усилия. Результаты применения нейросетей, созданные без творческого усилия пользователя, не должны использоваться и охраняться в режиме произведений. Только в этом случае может быть сохранён весь достигнутый за последние 400 лет потенциал авторского права.

Список использованных источников:

1. Антонян, А.С. Право на результат интеллектуальной деятельности, созданный с применением нейросетей / А.С. Антонян // Скиф. – 2023. – № 6 (82). – С. 512-516.
2. Беллос, Д., Монтегю, А. Кто владеет словом? Авторское право и бесправие / Д. Беллос, А. Монтегю, пер. с англ. – Москва: КоЛибри, 2025. – 400 с.
3. Калятин, В.О. Определение субъекта прав на результаты интеллектуальной деятельности, созданные с использованием искусственного интеллекта и его влияние на развитие гражданского законодательства / В.О. Калятин // Право. Журнал Высшей школы экономики. – 2022. – Т. 15. – С. 24-50.
4. Овсепян, Т.Р. Искусственный интеллект: правообладатель или исполнитель произведения искусства? / Т.Р. Овсепян // Государственная служба и кадры. – 2023. – № 5. – С. 149-153.

ПРОБЛЕМНЫЕ ВОПРОСЫ ОПРЕДЕЛЕНИЯ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ДОРОЖНО-ТРАНСПОРТНЫЕ ПРОИСШЕСТВИЯ С УЧАСТИЕМ БЕСПИЛОТНЫХ АВТОМОБИЛЕЙ

Сухарев А.А.,

*доцент кафедры истории и теории права учреждения образования
«Витебский государственный университет имени П.М. Машерова»,
кандидат педагогических наук, доцент*

Янч В.В.,

*доцент кафедры истории и теории права учреждения образования
«Витебский государственный университет имени П.М. Машерова»,
кандидат философских наук, доцент*

Автономные транспортные технологии знаменуют собой не эволюционное, а революционное изменение в системе передвижения. Их внедрение создаёт разрыв между сложившимися правовыми институтами и новыми фактическими составами, порождая как неопределённость в правоприменении, так и потенциал для позитивной трансформации общественных отношений. Интеграция искусственного интеллекта, мультимодальных сенсорных систем и алгоритмов машинного обучения формирует у транспортного средства способность к перцепции среды и автономному

целестижению в реальном времени – причём по ряду параметров результаты такой деятельности сопоставимы с человеческими или превосходят их.

Спрос на беспилотный транспорт растёт во многих регионах мира. Например, ожидается, что рынок автономных автомобилей в Китае достигнет прогнозируемой выручки в 21521,8 миллиона долларов США к 2030 году, а годовой темп роста на рынке автономных транспортных средств составит 21,5% с 2025 по 2030 год [1]. Эти экономические показатели отражают не просто рост рынка, но и сигнализируют о парадигматическом сдвиге в том, как общество понимает мобильность, ответственность и взаимосвязь между человеческой деятельностью и технологической автоматизацией.

Классификационная шкала, разработанная Международным обществом автомобильных инженеров (SAE) и инкорпорированная в национальные стандарты, дифференцирует шесть уровней автоматизации (L0–L5). Уровни L0–L3 квалифицируются как системы ассистирования водителю, тогда как L4–L5 переходят в режим полностью автономного управления. Каждый последующий уровень изменяет конфигурацию деликтной ответственности, перераспределяя контроль и, соответственно, юридически значимый статус оператора между человеком и автоматизированной системой.

Это порождает сценарии, в которых традиционные институты деликтного права – представительство, халатность (*negligence*) и причинно-следственная связь (*causation*) – демонстрируют свою недостаточность для атрибуции ответственности при дорожно-транспортных происшествиях с участием высокоавтоматизированных транспортных средств.

Ключевая проблема заключается в том, что классическая модель ответственности, привязанная к фигуре владельца источника повышенной опасности, не учитывает ситуацию, когда управленческие решения принимаются не человеком, а программным обеспечением, разработанным третьим лицом. Традиционные правовые доктрины исходят из прямой атрибуции деяния: конкретное лицо связывается с конкретным водительским поведением через установление фактов неосторожности, нарушения ПДД или иных форм виновного поведения, предполагающих осознанный, рефлексивный процесс принятия решений.

Автономные транспортные средства фундаментально изменяют юридическую парадигму ответственности, вводя алгоритмический способ волеобразования. Алгоритм действует не на основе рефлексии и осознанного выбора, а в режиме статистической оптимизации целевой функции. В результате возникает разрыв в причинно-следственной цепочке: между событием вреда (ДТП) и субъектом, потенциально способным нести ответственность, отсутствует прямая связь, опосредованная человеческим волеизъявлением.

Существующие методы установления причинности (*causation in fact* и *proximate causation*) оказываются неприменимыми или, по крайней мере, недостаточными для анализа сложных взаимодействий между:

- запрограммированным поведением системы (*design choices*);

- переменными внешней среды (дорожные условия, погода, действия иных участников);
- системными ограничениями (технические характеристики сенсоров, вычислительная мощность).

Идентификация субъекта ответственности становится особенно проблематичной ввиду эрозии традиционных юридических фигур: понятия «водитель», «оператор», «лицо, управляющее транспортным средством» утрачивают свою определенность в тот момент, когда автоматизированная система принимает на себя функцию управления и навигационного целеполагания. Формируется ситуация нормативного вакуума: правовая система оказывается не готовой ответить на вопрос, кто именно — владелец, разработчик ПО, производитель сенсорного оборудования или оператор удаленного мониторинга — должен нести деликтную ответственность за вред, причиненный действиями автономного транспортного средства.

Возникает множество потенциальных субъектов ответственности, включая владельцев транспортных средств, использующих автоматизированные системы, пассажиров с различными возможностями управления, производителей, разрабатывающих алгоритмические процессы, разработчиков программного обеспечения, создающих операционные параметры, и операторов систем, поддерживающих технологическую инфраструктуру, обеспечивающую функции связи транспортных средств [2].

Неспособность правовой системы установить четкую иерархию ответственности между этими участниками подрывает предсказуемость, необходимую для эффективного функционирования деликтного права, в результате чего жертвы аварий могут сталкиваться с трудностями в определении соответствующих ответчиков, а потенциальные субъекты ответственности — с неопределенностью в отношении уровней риска и требований к страхованию.

В современных условиях традиционные принципы ответственности демонстрируют систематическую неадекватность при рассмотрении эксплуатационных характеристик автономных транспортных средств, которые принципиально отличаются от поведения человека за рулем и процессов принятия решений. Анализ халатности предполагает, что разумные люди могут предвидеть потенциальный вред и соответствующим образом корректировать свое поведение, создавая сдерживающий эффект за счет привлечения к ответственности, что стимулирует осторожное поведение и стратегии снижения рисков. Концепция «разумной осторожности» становится проблематичной применительно к алгоритмическому принятию решений, которое может приводить к статистически оптимальным результатам, но при этом вызывать отдельные аварии, которых водители-люди могли бы избежать благодаря интуитивным реакциям или склонности к избеганию риска, которые алгоритмы не могут воспроизвести [3].

В Республике Беларусь технологии беспилотного управления транспортными средствами привлекают внимание не только потребителей, но и производителей. Например, в 2022 году Минский тракторный завод

представил беспилотный трактор BELARUS-A3523i, в настоящее время БелАЗ тестирует беспилотные грузовики для горнодобывающей промышленности. Готова ли наша страна к вызовам, связанным с новыми технологиями беспилотного вождения? В юридическом аспекте рассматриваемой темы ключевая проблема заключается в статье 948 Гражданского кодекса Республики Беларусь («Ответственность за вред, причиненный деятельностью, создающей повышенную опасность для окружающих»).

Считаем целесообразным дополнить статью 948 Гражданского кодекса Республики Беларусь (далее – ГК) частью в следующей редакции: «В случае причинения вреда транспортным средством, оснащенным автоматизированной системой управления, находящимся в режиме автономного движения (без непосредственного контроля со стороны человека), ответственность перед потерпевшим несет владелец транспортного средства. Однако владелец имеет право регресса к производителю транспортного средства или разработчику программного обеспечения в полном объеме, если будет доказано, что причиной вреда стал дефект автоматизированной системы, сбой программного обеспечения или кибернетическое вмешательство третьих лиц.

Если транспортное средство находилось в режиме автономного движения в рамках экспериментального правового режима или коммерческой эксплуатации без водителя (уровни автоматизации 4–5), ответственность перед потерпевшим несет оператор беспилотного транспортного средства (юридическое лицо, эксплуатирующее парк), если иное не предусмотрено законодательством об экспериментальных правовых режимах». Реализация данного предложения считается целесообразной по следующим основаниям.

1. Сохраняется принцип быстрой компенсации для потерпевшего (иск к владельцу/оператору, у которого есть страховка).

2. Вводится механизм регресса, стимулирующий производителей повышать безопасность ПО.

3. Вводится понятие «оператор» для коммерческих беспилотников (такси, грузоперевозки), где собственником может быть лизинговая компания, а эксплуатантом – сервисная служба.

Также в ГК можно ввести статью 948-1 «Ответственность за вред, причиненный в результате действия искусственного интеллекта в транспортных средствах»: «При причинении вреда в период функционирования автоматизированной системы управления транспортным средством предполагается, что вред возник вследствие недостатков системы, если владелец или производитель не докажут, что система функционировала исправно в соответствии с технической документацией, а причиной ДТП стало противоправное поведение потерпевшего или непреодолимая сила».

Это обеспечит перекладывание бремени доказывания на производителя (как наиболее сильную сторону), обладающего доступом и к логам системы. Наряду с изменениями ГК потребуются изменения Правил дорожного движения, страхового законодательства. Очевидно, все изменения должны происходить синхронно с Российской Федерацией в рамках Союзного государства.

Таким образом, внедрение беспилотных автомобилей неизбежно ведет к трансформации института деликтной ответственности. Традиционная модель, основанная на вине человека-водителя, становится недостаточно эффективной в условиях автономности. Правовой анализ показывает, что наиболее сбалансированным подходом является смешанная модель ответственности: владелец (или оператор) несет ответственность перед потерпевшим для обеспечения быстрой компенсации, однако законодательство должно предоставлять ему широкие возможности для регресса к производителю в случае доказательства технического сбоя.

Республика Беларусь находится на этапе формирования правового поля для новых технологий. Ключевой задачей на ближайшую перспективу является создание прозрачных правил игры, которые, с одной стороны, гарантируют защиту прав граждан на безопасность, а с другой – не будут сдерживать технологический суверенитет и инновационное развитие отрасли. Только комплексный подход, включающий изменения в гражданском, административном и страховом праве, позволит обеспечить безопасную интеграцию беспилотного транспорта в жизнь общества.

Список использованных источников:

1. Размер и перспективы рынка автономных транспортных средств в Китае на 2030 год. – URL: <https://www.grandviewresearch.com/horizon/outlook/autonomous-vehicle-market/china> (дата обращения: 09.04.2026).
2. Atilla Kasap. Autonomous Vehicles: Tracing the Locus of Regulation and Liability 45-67 (Edward Elgar Publishing, 2022). – URL: <https://lawcat.berkeley.edu/record/1247345> (дата обращения: 08.04.2026).
3. Koopman, Philip and Widen, William H. Liability Rules for Automated Vehicles: Definitions & Details (May 10, 2023) / University of Miami Legal Studies Research Paper No. 4444848. – URL: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=4444848 (дата обращения: 04.04.2026).

К ВОПРОСУ О ЗАЩИТЕ НЕМАТЕРИАЛЬНЫХ БЛАГ В ЭПОХУ ЦИФРОВИЗАЦИИ

Сучкова Т.Е.,

доцент кафедры трудового и социального права ФГБОУ ВО «Вятский государственный университет», г. Киров, кандидат юридических наук

Ломоносова Е.С.,

студент 5 курса ФГБОУ ВО «Вятский государственный университет», г. Киров

Стремительное развитие высоких компьютерных технологий, а также активная информатизация привели к формированию цифрового общества и электронной культуры. Повсеместно началась трансформация общественных институтов и социальных отношений, а взаимодействие между людьми постепенно перешло в онлайн-формат. Конечно,

использование интернет-ресурсов, безусловно, во многом упрощает ритм жизни, однако также имеет и негативную сторону, а именно: создает угрозу безопасности интернет-пользователей. Например, как часто в социальных сетях и мессенджерах можно увидеть оскорбления в адрес другого человека или публикацию недостоверно информации, порочащей честь, достоинство и деловую репутацию? Кажется, это происходит повсеместно и с каждым годом укрепляется в своей актуальности. Помимо этого, набирает обороты неправомерное использование изображения гражданина. По данным статистики судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации можно проследить количество поступивших в разные периоды времени дел о защите права на изображение: 2022 – 69 дел, 2023 – 118 дел, 2024 – 173 дел, 1 полугодие 2025 – 67 дел [1]. При этом действующие нормы четко регламентируют порядок использования изображения, но тем не менее динамика судебных дел растет, что порождает парадокс «правила создаются для того, чтобы их нарушать».

Вместе с тем сам текст статьи 152.1 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее, ГК РФ) [2] не лишен юридико-технических недостатков, довольно ограничен и, можно сказать, лишь условно защищает право гражданина на изображение. Так, к примеру, Д.А. Матанцев и Е.Б. Фурсова отмечают, что формулировка п.1 ст. 152.1 ГК РФ недостаточно понятна, поскольку «одновременно» имеется указание на осуществление действий по обнародованию и дальнейшему использованию изображения [3, с. 130]. В свою очередь, Э.П. Гаврилов указывает на внутреннее противоречие положений данного пункта, где установлены случаи использования изображения гражданина, когда его согласие не требуется. Среди них – позирование физического лица за плату, где очевидно, что такой ситуации предшествует выражение позирующим согласия на фиксацию образа [4, с. 22]. Помимо этого, З. В. Вешкурцева замечает, что в законе четко не определена форма согласия на использование изображения, что может привести к неопределенным последствиям, например, когда согласие было дано лишь на словах и может быть изменено в любой момент. Также исследователь отмечает, что не совсем понятно, если предоставить однажды согласие на использование своего изображения, сколько раз это изображение может использоваться [5, с. 107]. Также, в доктрине упоминается проблема отсутствия представления о том, что следует считать «основным объектом использования» [6, с. 26]. И, конечно, еще одним немаловажным моментом является отсутствие самого понятия «изображение» гражданина. Неясность данного положения создает активные дискуссии в научной среде.

Несмотря на то, что приведена лишь часть существующих недостатков в сфере охраны изображения физического лица как нематериального

блага, представляется, что этого вполне достаточно, чтобы говорить о необходимости совершенствования законодательства.

К тому же, появление и развитие искусственного интеллекта, в частности технологии *deepfake*, породило новые угрозы для нематериальных благ, причем не только изображения, но и чести, достоинства, деловой репутации, а также непоименованных нематериальных благ. Стоит заметить, что само название «*deepfake*» происходит от соединения двух слов «*deep learning*» (глубокое изучение) и «*fake*» (подделка). Конечно, такие «поддельные» изображения, видео и голоса могут использоваться в правомерных целях, например, в кино, рекламе продукции или продвижении контента. Однако данное нововведение развязало руки тем, кто стремится заработать на фальсификации изображений и голосов как обычных граждан, так и публичных личностей. Причем, особенно остро стоит вопрос относительно тех благ, которые прямо не закреплены в действующем законодательстве.

Стоит отметить, что в сентябре 2024 года была предпринята попытка законодательного закрепления – голоса человека как нематериального блага посредством направления в Государственную Думу законопроекта N 718834-8 «О внесении изменений в часть первую Гражданского кодекса Российской Федерации»[7], однако она не увенчалась успехом и столкнулась с рядом замечаний по поводу не проработанности проекта, а также в целом отсутствия необходимости закрепления данного блага в законе. Тем не менее, судебная практика относительно голоса человека уже начинает формироваться [8], что все же говорит о необходимости разрешения некоторых вопросов на законодательном уровне.

С точки зрения совершенствования гражданско-правового регулирования представляется целесообразным внести изменения в статью 152.1 ГК РФ: расширив ее нормативное содержание и скорректировав наименование в соответствии с новыми задачами. На базе основной нормы можно разработать наиболее эффективные механизмы защиты различных проявлений индивидуальности – будь то изображение, голос, мимика человека или иные уникальные черты. Это станет важным шагом к защите личности от недобросовестного использования ее персональных характеристик третьими лицами, особенно в условия развития цифровых технологий. Также, помимо законодательного урегулирования данного вопроса решение по поводу своевременного выявления *deepfake*-контента, угрожающего ряду нематериальных благ граждан, видится в разработке приложений и платформ для выявления поддельного аудиовизуального материала. Так, обычные граждане могли бы прибегать к самозащите своих нарушенных прав. Данные программы предоставят возможность людям, не обладающим специальными знаниями и навыками в области определения сгенерированного контента, понять было ли использовано их изображение, голос или видео для воплощения искусственного

интеллекта. К тому же, так, прежде чем связаться с нарушителем через те же социальные сети и мессенджеры, у них будет возможность предоставить подтверждающие факт нарушения материалы.

Список используемых источников:

1. Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации // Данные судебной статистики. – Москва, 2009-2026. – URL: <https://cdep.ru/?id=79> (дата обращения: 05.04.2026).

2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая)» от 30.11.1994 N 51-ФЗ: ред. от 31 июля 2025 г., с изм. от 25 ноября 2025 г.: с изм. и доп., вступ. в силу с 1 авг. 2025 г. // КонсультантПлюс. Россия: справ. правовая система (дата обращения: 07.04.2026).

3. Матанцев, Д.А. Совершенствование содержания права на использование изображения гражданина/ Д.А. Матанцев, Е.Б. Фурсова // Юридическая наука. – 2022. – № 3. – С.129-133. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sovershenstvovanie-soderzhaniya-prava-na-ispolzovanie-izobrazheniya-grazhdanina> (дата обращения: 08.04.2026).

4. Гаврилов, Э. П. Защита внешнего облика и охрана изображения гражданина/ Э.П. Гаврилов // Хозяйство и право. – 2015. – № 10. – С. 13-25. – URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=24793605> (дата обращения: 08.04.2026).

5. Вешкурцева, З.А. Компенсация морального вреда при нарушении личных немущественных прав и при посягательстве на нематериальные блага: дис. ... канд. юрид. Наук: 12.00.03. / З.А. Вешкурцева; Рос. гос. акад. интеллектуал. собственности. – Москва, 2018. – С. 393.

6. Объекты гражданских прав: учебник для вузов / А.О. Иншакова, А.Я. Рыженков, Т.В. Дерюгина, А.В. Копьёв, А.Г. Тарасова; под общ. ред. А.О. Иншакова, А.Я. Рыженков. – Москва: Издательство Юрайт, 2025. – 68 с.

7. Законопроект № 718834-8 «О внесении изменений в часть первую Гражданского кодекса Российской Федерации (об охране голоса)» // Система обеспечения законодательной деятельности. – URL: https://sozd.duma.gov.ru/bill/718834-8#bh_note (дата обращения: 08.04.2026).

8. Решение Савеловского районного суда от 12.04.2024 года по делу № 2-3580/2024 // Портал судов общей юрисдикции города Москвы. – Москва, 2010-2026. – URL: <https://mos-gorsud.ru/rs/savelovskij/services/cases/civil/details/074de3c1-c4d4-11ee-940c-cde78900893a?ysclid=m6p4oo781q10414327> (дата обращения: 08.04.2026).

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВА В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ

Тушкин А.А.,

старший преподаватель кафедры гражданского права и гражданского процесса учреждения образования «Витебский государственный университет имени П.М. Машерова», магистр юридических наук

В настоящее время повсеместно внедряются в производство, предпринимательство, социальную сферу современные цифровые технологии, которые преобразуют привычные нам виды информации в цифровые.

Цифровизация – это перевод информации в электронный вид и внедрение цифровых технологий путём использования Интернета, приложений и т.п. Лидером в этой области является Китай. Процесс активной цифровизации в судах Республики Беларусь начался в 2015 году с разработки и внедрения единой информационной системы судов общей юрисдикции (АИС СОЮ) и создания электронной системы общего и судебного делопроизводства.

В зданиях судов ведётся видео фиксация, что способствует коммуникации посетителей с работниками суда, внедрена система аудио и видео протоколирования судебных заседаний, как средство гарантий объективности и открытости судебного разбирательства.

Ст. 1 КГС Республики Беларусь, который вступил в силу 01 января 2026 года даёт понятие видеоконференцсвязи как способа осуществления процессуальных действий с использованием программно-технических средств передачи аудио и видеoinформации по каналам связи в режиме реального времени [1].

В КГС более четверти статей содержит нормы о применении цифровизации.

В соответствии со ст. 91 ГКС как граждане, так и юридические лица вправе вести в суде свои дела через представителей, которыми могут быть не только работники юридических лиц, общественных объединений, государственных органов, но и адвокаты, близкие родственники и законные представители. В соответствии со ст. 97 КГС полномочия на ведение дела в суде дают представителю право на совершение от имени, представляемого всех процессуальных действий. С введением цифровизации судебной системы и переходом к электронному правосудию, процессуальное представительство несколько трансформировалось.

Доступность и возможность электронного правосудия преодолевает географические барьеры. Представитель может участвовать в судебном заседании дистанционно, защищая интересы доверителя без простоев и направлений в командировку, в течении одного дня вести дела в нескольких судах без физического перемещения. В связи с этими возможностями рынок представительства значительно расширяется, поскольку имеется возможность в приглашении более узкого специалиста из другого географического региона.

Мгновенная подача документов через электронную систему судов повышает оперативность и эффективность не только в работе судов, но и в деятельности представителя. Исключаются проблемы пропуска процессуальных сроков, электронные уведомления о движении дела в суде позволяют быстро реагировать как на действия другой стороны, так и на действия суда.

С введением электронного правосудия и цифровизации появились новые инструменты в работе с доказательствами. Ст. 200 ГКС предусматривает

вопросы представления и использования в суде электронных доказательств. Электронные доказательства с зафиксированной на них текстовой и графической информацией должны сопровождаться изображением записи на бумажном носителе. Что касается информации из компьютерной сети Интернет, то здесь должен быть указан адрес, где такая информация размещена [1].

Существующие чат боты и другие автоматизированные помощники позволяют проверять правильность документов на формальные ошибки. Все эти возможности с применением цифровизации снижают материальные расходы, бумажную волокиту, распечатки документов и их физическое хранение. Вместе с тем появляются некоторые проблемы и риски в деятельности представителя с введением цифровизации в гражданском судопроизводстве.

Любая техника даёт сбои и зависания в работе. У представителя по независящим от него обстоятельствам может отсутствовать Интернет, его навыков для работы с компьютерной системой в конкретном случае может оказаться недостаточно. Например, при загрузке файлов в сеть или на материальный носитель.

Суды при рассмотрении дела не всегда расценивают такие проблемы как уважительные причины, что ведёт к отложению рассмотрения дела в суде. В соответствии со ст. 108 ч. 8 КГС в случае возникновения технически неполадок в работе видеоконференцсвязи суд может, но не должен отложить судебное разбирательство [1].

Цифровизация обесценивает устную часть гражданского процесса. При плохом качестве связи теряются нюансы, интонация, мимика, невербальные сигналы, которые имеют важное значение для убеждения суда представителем при разрешении спора.

На практике возможно и формальное присутствие представителя. Ст. 108 ч. 4 КГС допускает исследование письменных, электронных и вещественных доказательств с использованием систем видеоконференцсвязи а также допрос свидетелей, получение пояснений экспертов и специалистов. Однако, полагаем важным физическое присутствие представителя при обзрении вещественных доказательств, обзрении оригиналов документов, при опросе некоторых свидетелей.

Цифровизация не способствует кибербезопасности и конфиденциальности. Имеется риск утечки данных материалов гражданского дела вследствие нарушения коммерческой или адвокатской тайны. Облачные хранилища взламываются вследствие их незащищённости. Устройство может быть заражено. При этом отсутствуют гарантии, что запись видеоконференцсвязи не будет несанкционированно распространена.

Важным моментом в работе представителя являются взаимоотношения с доверителем. Вследствие психологической нагрузки и личного недоверия доверителя, последний может чувствовать себя брошенным,

если лично не присутствует в судебном заседании. Доверительный контакт с некоторыми лицами трудно установить дистанционно. Представитель, теряя творческую составляющую, превращается в оператора.

Цифровизация процесса представительства безусловное благо при разрешении «стандартных» и не сложных гражданских дел, таких как расторжение брака, признание гражданина недееспособным, взыскание займа и т.п.

Для сложных устно-ориентированных судебных процессов (коммерческие споры, из причинения вреда, неосновательного обогащения т.п.) сохраняется необходимость традиционного представительства, а желательно и личного участия сторон в гражданском процессе.

Сегодняшняя задача в развитии института представительства не просто внедрение технологий, а законодательное закрепление баланса между правом на удалённое участие представителя в гражданском процессе, надлежащей идентификацией, сохранением тайны и равного доступа к правосудию.

Что касается адвокатской деятельности в сфере представительства, то в соответствии со ст. 96 КГС ч. 11 адвокат представляет суду удостоверение адвоката удостоверение адвоката и доверенность или ордер. Последние приобщаются к материалам гражданского дела.

Важным в профессиональном плане для адвоката в качестве представителя участие по делам об интеллектуальной собственности, налоговым спорам, исполнительному производству.

Введение цифровизации сокращает время подготовки адвоката к любому делу. Доступ к аудио и видео записям судебных заседаний, техническим средствам, информационно-правовым системам исключают бумажный документооборот, фиксирование информации традиционными способами.

Сведения об адвокатах Республики Беларусь и юридических консультациях в которых они состоят, имеющих лицензию на право осуществления адвокатской деятельностью, содержатся в реестре адвокатов и юридических консультаций. С помощью Интернета можно пригласить представителя из числа этого реестра по любому делу.

Однако в работе адвоката как представителя имеет место проблема с идентификацией и аутентификацией. Такие проблемы могут возникать вследствие неправомерного доступа к личному кабинету адвоката, кражи пароля, фишинга и совершения действий от его имени.

В соответствии со ст. 238 ч. 6 КГС исковое заявление в суд должно быть подписано представителем истца при наличии у него полномочий на подписание такого заявления и предъявления его в суд. При подаче искового заявления в виде электронного документа оно подписывается электронной цифровой подписью истца или его представителя [1].

На практике нет однозначности и чёткостью с электронной подписью адвоката как представителя, что так же порождает споры.

Адвокат, как представитель вынужден осваивать IT технологии, разбираться в интерфейсах.

Из-за цифровой уязвимости адвоката в том числе как представителя он может быть подвергнут дисциплинарной и даже уголовной ответственности. Ошибки для него грозят взысканием.

В своей деятельности адвокат обязан руководствоваться Законом Республики Беларусь от 30 декабря 2011 г. «Об адвокатуре и адвокатской деятельности в Республике Беларусь» и Правилами профессиональной этики адвоката, утверждёнными Постановлением Министерства юстиции Республики Беларусь от 30 сентября 2021 года, которые регулируют его отношения с представляемым [2, 3].

Важным для адвоката является и гонорарная практика, поскольку его доход зависит от объёма проведённых дел в том числе и в качестве представителя в гражданском процессе. С введением цифровизации адвокаты с регионов всё чаще вытесняют столичных коллег из дел на своей территории. Поэтому деятельность адвоката в условиях цифровизации как представителя в гражданском процессе – это не стратегия, а инструмент в работе. И её использование требует от адвоката внедрения защищённого документооборота, чёткого этического регламента, использование видеоконференцсвязи и мессенджеров, а также правильной тактики, личного и удалённого участия в судебных заседаниях.

Адвокат, который полностью уходит в цифровизацию, рискует потерять доверие клиента и утратить качество защиты. Тот, кто игнорирует цифровизацию, проигрывает в скорости и стоимости оказания услуг. Поэтому вывод здесь может быть таким – разумный баланс с приоритетом сохранения адвокатской тайны, соблюдения адвокатской этики с постоянным контролем над процессом.

Список использованных источников:

1. Кодекс гражданского судопроизводства Республики Беларусь, 11 марта 2024 г., № 359-З // ЭТАЛОН: информ.-поисковая система (дата обращения: 12.04.2026).
2. Об адвокатуре и адвокатской деятельности в Республике Беларусь: Закон Респ. Беларусь, 30 декабря 2011 г., № 334-З // ЭТАЛОН: информ.-поисковая система (дата обращения: 12.04.2026).
3. Об утверждении Правил профессиональной этики адвоката: Постановление Министерства юстиции Респ. Беларусь, 06 февраля 2012 г., № 39 // ЭТАЛОН: информ.-поисковая система (дата обращения: 12.04.2026).

ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ПОТРЕБИТЕЛЕЙ И МАРКЕТПЛЕЙСОВ

Филимонова В.И.,

*преподаватель Филиала БГТУ «Витебский государственный
технологический колледж», старший преподаватель
кафедры истории и теории права учреждения образования «Витебский
государственный университет имени П.М. Машерова»*

Гордеева В.В.,

*студентка 2 курса Филиала БГТУ
«Витебский государственный технологический колледж»*

На сегодняшний день сложно представить жизнь современного человека без приобретения товаров или услуг путём использования интернет – площадок, в том числе маркетплейсов. Они стали неотъемлемой частью нашей повседневности. Данное утверждение определённо подтверждается результатами опроса общественного мнения. Так, в рамках научного исследования был проведён опрос респондентов, по результатам которого 98% опрошенных указали, что осуществляют заказы товаров через маркетплейсы достаточно часто.

Известный факт, что наибольшую популярность интернет-площадки по продаже товаров и услуг приобрели именно во времена пандемии COVID-19, когда во всем мире вводились строгие ограничения, люди стали реже посещать общественные места, закрывались привычные офлайн-магазины. В этих условиях маркетплейсы оказались практически единственным безопасным и доступным способом совершения покупок. Спустя время для многих людей они так и остались главным способом приобретения товаров и услуг. Однако, как выяснилось в результате того же опроса респондентов, более 80% покупателей маркетплейсов (интернет-площадок) сталкивались с приобретением некачественного товара и последующим его возвратом продавцу, однако более 60% опрошенных не знают вовсе или лишь предполагают как с правовой точки зрения грамотно защитить свои права потребителя при такого рода покупке и вернуть (заменить) некачественный товар.

Целью работы являлось исследование и анализ норм законодательства Республики Беларусь в сфере взаимодействия потребителей и маркетплейсов. В рамках реализации данной цели были выполнены следующие задачи:

- 1) изучено законодательство Республики Беларусь в рамках исследуемой темы;
- 2) проведен опрос респондентов по вопросам, имеющим значение для исследования (в опросе приняли участие 50 человек);
- 3) проанализирован алгоритм защиты прав потребителей при взаимодействии с маркетплейсами (в частности, с маркетплейсом Wildberries);

4) выявлены проблемные вопросы правового регулирования защиты прав потребителей при покупках на маркетплейсах, требующие дополнительного анализа.

Актуальность исследуемой темы заключается прежде всего в том, что, при массовой вовлечённости граждан в приобретение товаров и услуг по средствам интернет-площадок, правовые отношения между потребителями и маркетплейсами остаются до конца неурегулированными с законодательной точки зрения, а порой права потребителя не защищены вовсе. Статья 6 Закона «О защите прав потребителей» гласит: «право потребителя на просвещение в области защиты прав обеспечивается информированием государственными органами, общественными объединениями, продавцами, исполнителями и изготовителями о его правах и действиях по их защите (в том числе через СМИ), а также включением вопросов по основам потребительских знаний в учебные программы общего среднего и специального образования» [1]. В рамках реализации вышеназванного права потребителя на информирование в сфере защиты его прав было принято решение исследовать данный вопрос и выявить проблематику его правового регулирования.

Итак, при исследовании темы, прежде всего было выяснено, что в Республике Беларусь нет отдельного нормативного правового акта, регулирующего торговлю через интернет-площадки (маркетплейсы), а значит и нет специальных норм, защищающих права потребителей в данной сфере. К сведению, в РФ в 2025 году такой закон уже принят – это Федеральный Закон «Об отдельных вопросах регулирования платформенной экономики в РФ», который в полной мере вступит в силу осенью нынешнего 2026 года. Проблема заключается в том, что в Республике Беларусь действует значительное число кодексов, законов, постановлений Правительства, постановлений Пленумов Верховного Суда, каждый из которых регулирует отдельно взятый вопрос в данной сфере. Например, срок возврата качественного товара – Закон «О защите прав потребителей», гарантийный срок – Гражданский кодекс, освобождение от уплаты госпошлины при подаче иска в суд – Налоговый кодекс, досудебный порядок урегулирования спора – Постановление Пленума Верховного Суда и т.д. Так, 66% опрошенных респондентов считают, что права потребителя при покупке в обычном магазине, а не на интернет-площадке, защищены в большей степени (есть реальный магазин, продавец, куда можно обратиться, сдать товар и получить деньги, а в противном случае защитить свои права через государственные органы).

Однако, так как нет специального нормативного правового акта в данной сфере, на эти отношения в нашей стране распространяются следующие нормативные правовые акты:

- 1) Гражданский кодекс Республики Беларусь;
- 2) Закон «О защите прав потребителей»;
- 3) Закон «О государственном регулировании торговли и общественного питания»;

4) Закон «О рекламе» и другие.

В соответствии с данными нормативными правовыми актами на покупателей маркетплейсов в большей степени распространяются те же нормы по защите прав потребителей, что и при покупке в обычном магазине.

Первый момент, на который необходимо обратить внимание – это срок возврата товара. В соответствии с гражданским законодательством качественный товар (не понравившийся, не подошедший и др.) потребители имеют право вернуть не позднее 14 дней (эта норма распространяется и на покупки через интернет-площадки) [2]. По правилам пользования торговой площадкой Wildberries (далее Правила) приобретённый качественный товар можно вернуть в любой пункт выдачи, а не только в тот, из которого товар забирали, при этом денежные средства, уплаченные за товар, возвращаются незамедлительно, либо при невозможности - не позднее 7 дней [3]. Необходимо помнить, что по Закону «О защите прав потребителей» есть товар, который не подлежит возврату: нижнее белье, косметика, продукты питания, остатки строительных материалов и др. [1] Некачественный же товар (бракованный) можно вернуть в течение гарантийного срока, а если гарантийный срок не установлен или составляет менее 2 лет, то в течение 2 лет в соответствии с Гражданским кодексом и Законом «О защите прав потребителей». Что касается приобретения на маркетплейсе Wildberries, то некачественный (бракованный) товар можно вернуть только в пункт выдачи, в котором вы его приобрели (в соответствии с Правилами).

При обнаружении брака в товаре у потребителя есть один из нескольких вариантов:

- 1) заменить товар на качественный;
- 2) требовать осуществление бесплатного ремонта;
- 3) вернуть деньги;
- 4) требовать снижения цены.

Второй вопрос для обсуждения: куда обратиться за защитой прав потребителю при возврате бракованного товара, приобретённого на маркетплейсе? Проанализировав Правила пользования площадкой Wildberries и нормы гражданского, административного, налогового законодательства представляется возможным отобразить схему пошагового возврата некачественного товара непосредственно на маркетплейсе Wildberries следующим образом:

«переходим в личный кабинет – «Возврат товара по браку» (приложить фото, видео) - *если продавец отказал в возврате* – направляем претензию (по общему правилу претензия направляется в ту страну, где зарегистрирован продавец, в Республике Беларусь у Wildberries есть официальное юридическое лицо с реальным офисом, адресом нахождения в г. Минске, куда и необходимо направлять претензию: ООО «ИМ-ВБРБ») – *ответ не позднее 7 дней (14 дней, если необходимо проводить экспертизу)* – *ответа нет или отказали в возврате* – обращаемся

в местные исполнительные распределительные органы, общество защиты прав потребителей, юридические консультации (услуги адвокатов), суд.

В местных исполнительных распорядительных органах защитить свои права потребитель имеет право бесплатно; в обществе защиты прав потребителей как на бесплатной основе (получение совершенно бесплатно шаблона претензии), так и платно, но в последующем возможно возместить потраченные суммы за счёт недобросовестного продавца; при обращении в юридические консультации за помощью к адвокату – платно, затем взыскать суммы с продавца; обращение с иском в суд – бесплатно, в соответствии с нормами Налогового кодекса потребители при защите своих прав освобождаются от уплаты госпошлины при подаче иска в суд самостоятельно.

Третий вопрос для обсуждения – это важно: в соответствии с Законом «О защите прав потребителей» и Постановлением Пленума Верховного Суда № 4 от 24.06.2010г. (п.8) отсутствие чека не является препятствием по защите прав потребителя [4]. При доказательстве приобретения товара можно ссылаться на свидетельские показания, переписку, фото, видеодоказательства и другие свидетельства.

Подводя итог всему вышеизложенному, необходимо отметить: рынок так называемой электронной торговли на интернет-площадках, маркетплейсах, в интернет-магазинах в Республике Беларусь не урегулирован специальными нормативными актами, что порой приводит к разночтениям и разному пониманию норм законодательства продавцами и покупателями, более того если они из разных стран – но в Республике Беларусь уже обсуждается принятие отдельного закона, который будет регулировать «электронную торговлю», более того предположительно он будет вынесен на рассмотрение в рамках данного 2026 года. Из важных обсуждаемых нововведений: каждая интернет-площадка должна будет иметь на территории Республики Беларусь реальный офис, юридический адрес, в том числе и для удобства защиты потребителями своих прав. Опрос респондентов по данному вопросу показывает: 86% опрошенных считают, что действительно маркетплейсы должны иметь реальные офисы на территории нашей страны [5].

И в завершении хотелось бы отметить, что в 2025 году в Республике Беларусь было зарегистрировано более 30 000 интернет-магазинов и площадок. За 2025 год МАРТ (министерство антимонопольного регулирования) и органы исполнительной власти рассмотрели более 11000 обращений потребителей, пострадавшим возмещен материальный ущерб более 1,9 млн белорусских рублей [6].

Список использованных источников:

1. О защите прав потребителей: Закон Республики Беларусь, 9 января 2002 г. № 90-З: в ред. Закона Респ. Беларусь от 16 марта 2026 г. № 134-З // ЭТАЛОН: информ.-поисковая система (дата обращения: 01.04.2026 г.).
2. Гражданский кодекс Республики Беларусь: 7 декабря 1998 г. № 218-З: принят Палатой представителей 28 октября 1998 г.: одобрен Советом Республики

19 ноября 1998 г.: в ред. Закона Республики Беларусь от 16 марта 2026 г. № 134-3 // ЭТАЛОН: информ.-поисковая система (дата обращения: 01.04.2026).

3. Оферта торговой площадки Вайлдберриз. – URL: <https://seller.wildberries.ru/terms> (дата обращения: 02.04.2026).

4. О практике применения судами законодательства при рассмотрении дел о защите прав потребителей: Постановление Пленума Верховного Суда Республики Беларусь от 24 июня 2010 г. № 4 // ЭТАЛОН: информ.-поисковая система (дата обращения: 03.04.2026).

5. В Беларуси разрабатывают аналог российского закона о платформенной экономике. – URL: <https://neg.by/novosti/otkrytj/v-belarusi-razrabatyvayut-analog-rossiyskogo-zakona-o-platfornennoy-ekonomike/> (дата обращения: 05.04.2026).

6. МАРТ и местные исполкомы в 2025 году рассмотрели более 11 тыс. обращений по защите прав потребителей. – URL: <https://belta.by/society/view/mart-i-mestnye-ispolkomu-v-2025-godu-rassmotreli-bolee-11-tys-obraschenij-po-zaschite-prav-potrebitelje-769276-2026/> (дата обращения: 05.04.2026).

НАРУШЕНИЕ АВТОРСКИХ ПРАВ В ЦИФРОВОЙ СРЕДЕ

Филимонова А.Г.,

*старший преподаватель кафедры гражданского права и процесса,
соискатель ученой степени кандидата юридических наук,
ФГБОУ ВО «Псковский государственный университет»*

Черниченко Ю.С.,

*ассистент кафедры гражданского права и процесса
ФГБОУ ВО «Псковский государственный университет»*

Стремительное развитие информационно-коммуникационных технологий оказывает непосредственное влияние на правовое регулирование общественных отношений, затрагивая все сферы жизнедеятельности человека, в том числе и достойную защиту авторских прав. В научной среде не умолкают споры на понимание, роль и самостоятельности цифровой сферы, защиты прав и другие аспекты.

В частности, В. В. Комарова определяет цифровую сферу как некое условное понятие, содержание которого находится в прямой зависимости от степени формирования информационно-коммуникационных технологий, одновременно с этим вступающим как дополнительный инструмент обеспечения функционирования органов государственной власти [5]. По мнению А.М. Пушкова «цифровая форма постепенно становится преобладающей при различных вариантах использования большинства видов произведений» [8]. Практически все исследователи придерживаются позиции о бесспорно положительном воздействии цифровизации на благополучную жизнь человека. Так, А.Г. Нуриев обосновывает тезис о том, что цифровая среда выступает своеобразным инструментом формирования упорядоченного информационного пространства, гарантирующего гражданам доступ

к достоверным и защищённым сведениям, необходимым для реализации их законных интересов [7]. Практически аналогичной точки зрения придерживается А.Н. Кукарцева, которая акцентирует внимание на том, что введение цифровых технологий в правовую сферу влечёт за собой повышение транспарентности и доступности правосудия, существенное сокращение процессуальных издержек сторон, а также укрепление защищённости и надёжности функционирующих информационных систем [6].

Между тем, почти все исследователи убеждены в том, что действующая нормативная база, в части защиты авторских прав в цифровой среде, требует существенного пересмотра и доработки: сложившиеся механизмы регулирования общественных отношений в рассматриваемой сфере объективно нуждаются в системном реформировании с учётом стремительного развития информационных технологий. Очевидно, что непрерывное появление новых способов распространения и использования произведений поднимает сложности в определении и применении существующих норм закона, а также выдвигает вопросы о необходимости их изменения или дополнения.

В последнее время увеличиваются случаи нарушения прав граждан в цифровой среде. Об этой проблеме неоднократно говорилось в научной среде. Исследователями отмечается, что в нашей стране особую актуальность имеют различные аспекты, которые связаны с электронной идентификации человека, в связи с чем возникают проблемы сохранности цифровых данных. Особо острыми в цифровой среде являются вопросы нарушения авторских прав. Также отмечается проблема охраны исключительных прав при их использовании в цифровой среде. Существует и другие проблемные аспекты в данной области, которые вызваны в первую очередь несовершенством законодательства. В частности, нормы права не успевают за стремительным развитием информационно-коммуникационных технологий. Между тем, законодателем ведётся колоссальная деятельность в данной области, стратегия государственного развития наглядно показывает, что очень большое внимание уделяется развитию сектора цифровой сферы.

В настоящее время современное правовое регулирование в этой области, направленное на защиту творческих результатов в цифровой форме, представлено следующими актами. Во-первых, Директивой ЕС о авторском праве на едином цифровом рынке [3], основная цель которой — создание справедливых условий для всех участников рынка, обеспечение доступа к творческим материалам и одновременно защита интересов правообладателей. На международном уровне вопросы правового регулирования авторских прав в цифровой среде регулируются такими документами, как Всемирная конвенция об авторском праве [1] и Бернская конвенция [2]. Эти договоренности обеспечивают основу для защиты творческих работ за пределами национальных границ, что крайне важно в эпоху глобализации и интернета. Основные нормы, регулирующие авторские права в цифровой среде в России, — часть четвёртая Гражданского кодекса РФ [4]. За нарушение авторских прав в цифровой среде

предусмотрена гражданско-правовая, административная и уголовная ответственность, которые регламентируются соответствующими правовыми актами.

Помимо законодательства, существенную роль в защите авторских прав в цифровой среде играют технические средства защиты информации, например, DRM (Digital Rights Management) системы. Подобные технологии позволяют контролировать распространение цифрового контента и ограничивать его использование в соответствии с лицензионными соглашениями. Между тем, несмотря на правовое регулирование в этой области, которое направлено на защиту авторских прав в цифровой форме, включая тексты, изображения, музыку и программное обеспечение, а также технические средства защиты информации, вопросы нарушения прав на интеллектуальную собственность в цифровой среде продолжают оставаться актуальными.

Таким образом, современная правовая защита авторских прав в цифровой среде требует от законодателей и программистов совместных усилий для создания действенных, сбалансированных и приспособляемых к стремительно меняющимся условиям норм и инструментов, которые комплексно могут адекватно решать вызовы, поставленные новыми технологиями и глобальной цифровой экономикой, и результативно предотвращать нарушения интеллектуальных прав.

Список использованных источников:

1. Всемирная конвенция об авторском праве (Заключена в г. Женеве 06.09.1952). Авторское право. Бюллетень UNESCO. Изъятия и ограничения авторского права в цифровой среде. – 2003. – № 1. – Т. XXXVII. – С. 77-90 («Статус Всемирной конвенции об авторском праве и дополнительных протоколов 1, 2, 3»).

2. Бернская Конвенция по охране литературных и художественных произведений» от 09.09.1886 (ред. от 28.09.1979) // «Бюллетень международных договоров», № 9, 2003.

3. Директива № 2019/790 Европейского парламента и Совета Европейского Союза «Об авторском праве и смежных правах на Едином цифровом рынке и о внесении изменений в Директивы N 96/9/ЕС и 2001/29/ЕС» [рус., англ.] (Принята в г. Страсбурге 17.04.2019). – URL: Консультант плюс (дата обращения 25.04.2026).

4. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвертая) от 18.12.2006 № 230-ФЗ (ред. от 04.01.2026) // Собрание законодательства РФ. – 25.12.2006, – № 52 (1 ч.). – Ст. 5496.

5. Комарова, В.В. Правовые основы устойчивого развития муниципальных образований // В.В. Комарова // Неволинские чтения-2020: сборник докладов Международной научно-практической конференции, г. Киров, 12 марта 2020 г. / Волго-Вятский институт (филиал) Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). – Киров: Аверс, – 2020. – 459 с.

6. Кукарцева А.Н. О доступности правосудия в условиях цифровой среды // Учение о гражданском процессе: настоящее и будущее: сборник докладов на I Международной научной конференции памяти М.К. Треушникова. Москва, 9 февраля 2022 г. / под ред. В.В. Молчанова. – Москва: Зерцало-М, 2022. – С. 179-183.

7. Нуриев, А.Г. Роль цифровой среды доверия в обеспечении прав граждан и организаций как участников нотариального производства / А.Г. Нуриев // Вестник гражданского процесса. – 2022. – № 6. – С. 260-276.

8. Пушков, А.М. Проблемы охраны авторских прав в цифровой среде / А.М. Пушков // ИС. Авторское право и смежные права. – 2022. – № 1. – С. 38-41.

ВЛИЯНИЕ ЦИФРОВИЗАЦИИ НА УРОВЕНЬ ДОСТИЖЕНИЯ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ ПУБЛИЧНО-ПРАВОВЫХ ОБРАЗОВАНИЙ

Швецова И.В.,

*доцент кафедры финансового, банковского и таможенного права
имени профессора Нины Ивановны Химичевой
ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургская юридическая академия»,
кандидат юридических наук*

Цифровизация – это тот неотвратимый процесс, который требует от государства предельной обоснованности принимаемых в этой области решений [1, с. 34].

Цифровизация экономики России привела к смещению стратегического управления на уровень субъектов Российской Федерации. Реализация пространственного развития экономик регионов невозможна без согласования с общей стратегией социально-экономического развития региона. В связи с этим в разрабатываемых на уровне субъектов РФ стратегиях социально-экономического развития предусмотрены разделы, касающиеся управления пространственным развитием территорий [2, с. 28].

Участники финансового сектора на ранних этапах начали интегрировать инновационные технологии в свою деятельность, при этом особое внимание в этом плане уделили банкам. Отдельным направлением, ориентированным на развитие и применение финансовых технологий, стал финтех (FinTech). Название образовано путём соединения двух слов: «финансовые» (financial) и «технологии» (technology). Под финтехом в широком понимании понимают программные продукты и иные цифровые решения, применяемые для реализации и поддержки банковских и иных финансовых услуг. Основное значение этого явления заключается в трансформации методов функционирования, форматов взаимодействия финансовых организаций с клиентами, регуляторными структурами и другими участниками финансовой сферы [3].

Однако цифровизация – это не только смена технологий. Это глубокое преобразование государственного управления и бизнеса на основе IT-технологий [4]. После принятия Генеральной Ассамблеей ООН Повестки дня в области устойчивого развития до 2030 года международное право получило новую нормативную опору, соединившую принципы международного сотрудничества с целями социально-экономической трансформации [5].

В свою очередь, материальной гарантией реализации социальных прав является достигнутый уровень социально-экономического развития как субъекта Федерации, так и муниципального образования.

Оценка уровня социально-экономического развития муниципальных образований осуществляется в документах стратегического планирования, прежде всего в стратегиях социально-экономического развития, которые

принимаются представительными органами соответствующих муниципальных образований [6]. Формирование и утверждение стратегий обусловлено поиском решений основных социально-экономических вызовов муниципального образования в среднесрочной и долгосрочной перспективе с учётом имеющегося потенциала развития, а также необходимостью приведения существующих социальной, экономической, бюджетной, финансовой и инвестиционной систем в соответствие с утверждаемыми на региональном и федеральном уровнях стратегиями социально-экономического развития. В результате муниципальное образование определяет условия развития социально-экономической сферы жизнедеятельности населения как фундамент для выполнения своих обязательств по защите социальных прав граждан [7].

Цифровые технологии расширяют возможности мониторинга и анализа деятельности публичных учреждений, позволяя оперативно выявлять диспропорции, выявлять избыточные расходы и выявлять риски.

Цифровизация оказывает трансформационное влияние на уровень достижения устойчивого развития публично-правовых образований, выступая как инструмент повышения прозрачности, эффективности и вовлечённости граждан в государственное управление. Внедрение цифровых платформ позволяет оптимизировать процессы взаимодействия между государственными органами и гражданами, сокращая время на обработку обращений, упрощая доступ к государственным услугам и минимизируя бюрократические барьеры. Это напрямую способствует реализации целей устойчивого развития

Список использованных источников:

1. Мельникова, Л.Ю. Цифровизация государственного управления: конституционно-правовые риски / Л.Ю.Мельникова // Конституционное и муниципальное право. – 2026. – № 1. – С. 34-38.
2. Попова, Н.Ф. Основные проблемы и приоритеты пространственного развития РФ / Н.Ф. Попова // Административное право и процесс. – 2020. – № 5. – С. 27-31.
3. Антропцева, И.О. Цифровизация публичного финансового контроля: монография / И.О. Антропцева. – Москва: Статут, 2024. – 182 с.
4. Терещенко, Л.К. Трансформация понятийного аппарата информационного права в условиях цифровизации / Л.К. Терещенко // Журнал российского права. – 2022. – № 12. – С. 98-110.
5. Transforming Our World: the 2030 Agenda for Sustainable Development (A/RES/70/1) // Информационный ресурс. – URL: https://www.un.org/en/development/desa/population/migration/generalassembly/docs/globalcompact/A_RES_70_1_E.pdf (date of access: 13.04.2026); Борисов, А.Н. Российская ассоциация содействия ООН и роль неправительственных организаций в развитии международного права в условиях глобальных / А.Н. Борисов // Международное публичное и частное право. – 2025. – № 4. – С. 9-11.
6. О стратегическом планировании в Российской Федерации: Федеральный закон от 28 июня 2014 г. № 172-ФЗ (в ред. от 13.07.2024 г.) // СЗ РФ. 2014. № 26 (часть I), ст. 3378; 2024. № 29 (Часть III), ст. 4106.
7. Андриченко, Л.В. Роль органов местного самоуправления в обеспечении социальных прав граждан / Л.В. Андриченко // Журнал российского права. – 2025. – № 11. – С. 37-51.

**СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ
ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ
(АВТОРСКОГО ПРАВА),
СВЯЗАННЫЕ С ИСКУССТВЕННЫМ ИНТЕЛЛЕКТОМ**

Шматков И.И.,

*заведующий кафедрой гражданского права и гражданского процесса
учреждения образования «Витебский государственный университет
имени П.М. Машерова», кандидат юридических наук, доцент*

Бельченко Е.А.,

*студент юридического факультета учреждения образования
«Витебский государственный университет имени П.М. Машерова»*

Интенсивное развитие технологий искусственного интеллекта стала значительным вызовом в вопросах интеллектуальной собственности. Создание текстов, музыки, изображений и т.п., которое до недавнего времени считалось прерогативой человека, уже создаёт искусственный интеллект. Это поставило перед учёными-правоведами и законодателя в целом ряд фундаментальных вопросов, которые не находят единого мнения решений этих проблем в рамках классического авторского права.

Актуальность темы обусловлена не только новизной темы искусственного интеллекта как такового, но и в том числе экономическим эффектом. Цель исследования – анализ комплексных правовых аспектов феномена искусственного интеллекта в авторском праве, а также выявление возможного правового регулирования в Республики Беларусь.

Исследование основано на анализе научных публикаций по теме, нормативных правовых актов. В качестве методов использованы общие методы: индукция, дедукция, анализ, синтез, а также частно-научные методы: сравнительно-правовой метод, метод толкования правовых норм, формально-юридический метод и др.

В настоящий момент количество научных публикаций в правовом поле по теме искусственного интеллекта говорит, пожалуй, о том, что данная тема преобладает над любой другой проблематикой, которая относится к теме интеллектуального права. Такое положение дел в этой отрасли права вполне не вызывает удивлений. Законодатель подчёркивает, что архитекторы и дизайнеры регулярно сталкиваются с тем, что их творения искажаются в угоду интересам заказчика, а авторский контроль, гарантированный гражданским кодексом, на практике практически неосуществим. Всё это лишает не только авторов доходов, но и бьёт по их репутации. Ситуация усугубляется тем, что в связи с активным внедрением ИИ, буквально стирающий имена авторов, чьи произведения используются для обучения нейросетей [1].

В Республике Беларусь Гражданский кодекс в статье 980 одним из объектов интеллектуальной собственности выделяет результаты интеллектуаль-

ной деятельности. Под ним подразумевается произведения науки, литературы и искусства [2, с. 477]. Авторское право является неотъемлемой частью области интеллектуальной собственности. Это законное право, предоставленное создателю оригинального произведения, что дает ему исключительные права на его использование и распространение. Как правило, для предоставления авторского права требуется выполнение двух существенных функций. Во-первых, работа должна быть в осязаемой форме, а во-вторых, она должна быть оригинальной. Авторское право осуществляется в основном на литературные, музыкальные и художественные произведения. Поскольку одной из современных областей применимости систем искусственного интеллекта является создание произведений искусства, изучение авторского права в свете искусственного интеллекта становится актуальным [3, с. 155].

Вопрос об определении авторства на результаты работы искусственного интеллекта до сих пор вызывает дискуссии в научном сообществе. Сформировались две основные позиции. Первая группа исследователей выступает за полное непризнание за такими объектами статуса объектов авторского права. Эту позицию отражает, в частности, белорусское законодательство: согласно статье 4 Закона «Об авторском праве и смежных правах», автором может быть исключительно физическое лицо, чьим творческим трудом создано произведение. Однако на конференции «Цифровые технологии и авторское право» в Национальной библиотеке Беларуси специалист отдела больших прав управления авторского и смежных прав Национального центра интеллектуальной собственности Дарья Костюченко поясняла, что если произведение создает пользователь во взаимодействии с искусственным интеллектом, то пользователь будет получать права как основной автор, а разработчики искусственного интеллекта могут претендовать на некоторую долю работы при значимом вкладе в создание произведения. Этот подход регулируется различными лицензионными соглашениями [4]. Из этого пояснения вытекает мнение других исследователей.

Представители второй точки зрения считают более рациональным признание авторства за человеком или организацией, что позволит обеспечить правовую защиту. В рамках данного подхода рассматриваются три возможных субъекта права. Во-первых, это разработчик (программист), создавший нейросеть. Во-вторых, владелец системы – компании или инвесторы, финансирующие разработки в сфере ИИ. В-третьих, пользователь, который непосредственно взаимодействует с программой и генерирует конечный результат. Закрепление авторских прав за системой или её правообладателем видится необходимой мерой, так как это позволит пресекать неправомерное использование сгенерированного контента и эффективно бороться с плагиатом со стороны третьих лиц [5, с. 78].

Однако эта точка зрения, в свою очередь, порождает ещё больше вопросов. Кому именно должны принадлежать эти права из описанных выше субъектов? Если робот осуществляет генерацию различного контента

осуществляет по запросам пользователя, то сама по себе оригинальная идея принадлежит не искусственному интеллекту, а непосредственно человеку, работающему с ним. Если же мы имеем дело с определённым контентом, который был создан роботом в процессе самообучения, то интерес в данном случае имеет сам разработчик.

В Китайской Народной Республике в проекте закона «Закон Китайской Народной Республики об искусственном интеллекте» предлагается в сфере защиты авторских прав для поставщиков услуг введение правила «Безопасной гавани». Если пользователь нарушает авторские права через ИИ-сервис, правообладатель вправе потребовать от провайдера принять меры (например, заблокировать подсказки или учётную запись). В уведомлении нужно указать предварительные доказательства и достоверные данные о себе. Провайдер обязан оперативно предупредить пользователя о рисках. Если меры не приняты вовремя – провайдер несёт солидарную ответственность за ущерб. Также провайдер отвечает солидарно с пользователем, если знал или должен был знать о нарушениях с помощью его сервиса, но не принял необходимых мер [6, с. 53–54].

В июне 2024 года в Европейском Союзе был принят закон, касающийся искусственного интеллекта. Ключевая особенность Закона ЕС об ИИ в части авторского права заключается в том, что основные обязательства возлагаются не на создателей систем искусственного интеллекта, а на поставщиков моделей ИИ общего назначения (GPAI). Согласно статье 53 Закона, эти поставщики обязаны внедрять политику соблюдения авторского права, в частности, отслеживать и соблюдать так называемую оговорку о правах (opt-out), которую правообладатель может сделать в соответствии со статьей 4 Директивы ЕС 2019/790. Смысл этого механизма в том, что Директива разрешает свободное использование произведений для майнинга текста и данных, но правообладатель вправе запретить такое использование, надлежащим образом заявив об отказе, например, машиночитаемым способом для онлайн-контента. Если такой отказ сделан, поставщик модели ИИ обязан получить разрешение правообладателя. Кроме того, поставщики моделей обязаны публиковать подробное резюме об используемом для обучения контенте, перечисляя основные коллекции данных и архивы, чтобы правообладатели могли узнать, использовались ли их произведения. Показательным в этом контексте является немецкое дело, где суд признал обучение ИИ разновидностью майнинга текста и данных и допустил его использование без согласия автора, сославшись на научную некоммерческую цель. Отдельную проблему создаёт экстерриториальный характер Закона об ИИ, который претендует на применение к поставщикам из третьих стран, если результаты работы их ИИ используются в ЕС. Это порождает неопределённость, например, в отношении Японии, где майнинг данных для обучения ИИ допускается без согласия правообладателя: должна ли модель, обученная в Японии, соответствовать требованиям ЕС об opt-out [7, с. 119–123].

Одной из проблем в Республики Беларусь на сегодняшний день является то, что немалое количество цифрового контента в лице литературных произведений, музыке, искусстве, журналистики, компьютерные игры созданы искусственным интеллектом. С точки зрения современного законодательства они свободны от авторских прав, ведь автором может быть только физическое лицо. Из этого выходит, что контент, сгенерированный искусственным интеллектом, никак не защищён, что уже порождает волну неправомерного использования результатов интеллектуальной деятельности, ведь по своей правовой природе объекты авторского права, созданные человеком и искусственным интеллектом, не отличаются. Так как подобный контент не защищён, то любое лицо имеет право использовать, видоизменять, распространять такого рода контент в том числе и в коммерческих интересах, без выплаты авторского права изначальном обладателю такого контента.

На сегодняшний день в законодательстве Республики Беларусь нет необходимой нормативно-правовой базы регулирования искусственного интеллекта. Необходимо внесение изменений или доработка законодательства в части определения автора и авторской работы, поскольку белорусское законодательство не признает искусственный интеллект как самостоятельный субъект права. Итоговый результат любого контента, даже созданный машиной, так или иначе является следствием творческой деятельности человека – разработчика или пользователя.

Список использованных источников:

1. Российский центр оборота прав на результаты творческой деятельности. – URL: <https://xn--h1apes.xn--plai/about/press/v-sovete-federacii-obsudili-slozhnye-voprosy-zashity-prav-arhitektorov-dizajnerov-i-modelerov> (дата обращения: 28.02.2026).
2. Гражданский кодекс Республики Беларусь: 7 дек. 1998 г., № 218-З: принят Палатой представителей 28 окт. 1998 г.: одобр. Советом Респ. 19 нояб. 1998 г.: в ред. Закона Респ. Беларусь от 16.03.2026 // ЭТАЛОН: информ.-поисковая система (дата обращения: 28.02.2026).
3. Сергеев, А.П. Гражданское право: учебник: в 3 т. Т. 3 / Е.Н. Абрамова, Н. Н. Аверченко, Ю.В. Байгушева [и др.]; под ред. А.П. Сергеева. – 2-е изд., перераб. и доп. – Москва: Проспект, 2025. – 752 с.
4. Как распределяются права при создании произведений с помощью ИИ, рассказали в НЦИС // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. – URL: <https://pravo.by/novosti/obshchestvenno-politicheskie-i-v-oblasti-prava/2025/april/88484/> (дата обращения: 27.02.2026).
5. Артений, Л. С. Искусственный интеллект в авторском праве / Л. С. Артений // Юридические науки: сб. ст. / Вестник науки и образования. – 2019. – № 7-1(61). – С. 76-81.
6. Шейкин, А. Г. Правовое регулирование искусственного интеллекта в Китайской Народной Республике: состояние, перспективы, сравнительный анализ законопроектных предложений (часть 2) / А. Г. Шейкин // Пролог: журнал о праве. – 2025. – № 2(46). – С. 43-56.
7. Семенюта, Б. Е. Защита в ЕС объектов авторских прав при создании моделей искусственного интеллекта / Б. Е. Семенюта // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). – 2025. – № 4(128). – С. 117-124.

РАЗДЕЛ 3 АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ КОНСТИТУЦИОННОГО, АДМИНИСТРАТИВНОГО, УГОЛОВНОГО ПРАВА И ПРОЦЕССА, КРИМИНАЛИСТИКИ И КРИМИНОЛОГИИ В СОВРЕМЕННОМ ИНФОРМАЦИОННОМ ОБЩЕСТВЕ

ВЛИЯНИЕ ЦИФРОВОГО РАЗВИТИЯ АДМИНИСТРАТИВНО-ТЕРРИТОРИАЛЬНЫХ ЕДИНИЦ НА УДОВЛЕТВОРЕННОСТЬ НАСЕЛЕНИЯ УСЛОВИЯМИ ПРОЖИВАНИЯ В РЕГИОНЕ

Агиевец С.В.,

заведующий отделом социологии социальной сферы

Института социологии НАН Беларуси,

кандидат юридических наук, доцент

Исследование вопросов цифрового развития административно-территориальных единиц (далее – АТЕ) и совершенствование деятельности органов местного управления с целью достижения приоритета «Сильные регионы», закрепленного в Программе социально-экономического развития Республики Беларусь на 2026–2030 гг. [1], является актуальной задачей, имеющей практическое значение

Цель исследования – выявить взаимообусловленность эффективности деятельности органов местного управления по цифровому развитию АТЕ и удовлетворенности населения условиями проживания в регионе.

Исследование основано на нормативных правовых актах, регламентирующих административно-территориальное устройство и деятельность органов местного управления в Республике Беларусь в сфере цифрового развития. Используются методы: системного анализа, логический, аналитический, формально-юридический, синтеза.

Конституционные основы местного управления закреплены в разделе V Конституции Республики Беларусь [2]. В развитие конституционных норм приняты Закон Республики Беларусь от 5 мая 1998 г. № 154-З «Об административно-территориальном устройстве Республики Беларусь» [3], который регулирует общественные отношения, связанные с решением вопросов образования, объединения и упразднения административно-территориальных единиц, территориальных единиц, являющихся населенными пунктами, районами в городах, их регистрации и учета, установления и изменения

их границ, а также иных вопросов, связанных с административно-территориальным устройством, и Закон Республики Беларусь от 4 января 2010 г. № 108-З «О местном управлении и самоуправлении в Республике Беларусь» [4], который определяет правовые и организационные основы местного управления и самоуправления в Республике Беларусь.

Местное управление – это форма организации и деятельности местных исполнительных и распорядительных органов для решения вопросов местного значения исходя из общегосударственных интересов и интересов граждан [4].

В настоящее время система органов местного управления включает областные, городские, районные, поселковые и сельские исполнительные комитеты и местные администрации районов в городах и состоит из трех территориальных уровней: областного, базового и первичного.

Обеспечение эффективности деятельности органов местного управления, реагирование на стремительно меняющиеся внешние социально-экономические, информационно-коммуникативные и геополитические условия, совершенствование взаимодействия с населением требуют поиска оптимальной модели комфортных условий проживания и закрепления населения в регионах, в том числе с использованием современных цифровых технологий.

Представляется, что вопросы цифровизации приобрели особую значимость в связи с тем, что грамотная управленческая деятельность органов местного управления по эффективному цифровому развитию АТЕ напрямую отражается на уровне социально-экономического развития АТЕ, а также качестве государственных услуг и уровне удовлетворенности населения условиями проживания в регионе. Данное утверждение подтверждается анализом сфер и показателей, которые отражают цифровизацию в управлении АТЕ.

Показатели уровня цифрового развития АТЕ были разработаны и утверждены Постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 21.04.2023 г. № 280 (ред. от 16.02.2026 г.) «О мерах по реализации Указа Президента Республики Беларусь от 7 апреля 2022 г. № 136» [5]. К наиболее значимым сферам, где цифровое развитие определяется формализованными критериями, были отнесены: транспортная система, жилищно-коммунальное хозяйство, культура, экология, образование и здравоохранение. Кроме того, нормативному учету подлежит доля АТЕ, внедривших технологии региональной государственной цифровой платформы «Умный город (регион)», а также количество камер видеонаблюдения в населенном пункте, подключенных к республиканской системе мониторинга общественной безопасности.

Следует отметить, что наиболее детализированными являются критерии цифрового развития сферы управления транспортной системой, к которым относятся: охват населенных пунктов интеллектуальными транспортными системами; доля пассажирских транспортных средств, оснащенных универсальной системой управления транспортными средствами с подключением к системе электронных табло, в общем количестве транспортных средств, выполняющих автомобильные перевозки пассажиров в регулярном сообщении и перевозки пассажиров городским электрическим

транспортом; доля оснащенных электронными табло остановочных пунктов маршрутных транспортных средств в общем количестве остановочных пунктов маршрутных транспортных средств; доля пассажирских транспортных средств, оборудованных автоматизированной системой оплаты и контроля проезда, в общем количестве транспортных средств, выполняющих автомобильные перевозки пассажиров в регулярном сообщении и перевозки пассажиров городским электрическим транспортом; доля парковок, оборудованных системой управления дорожным движением и городским парковочным пространством на основе применения средств интеллектуальных транспортных систем, в общем количестве парковок.

Уровень цифрового развития жилищно-коммунального хозяйства АТЕ оценивается двумя критериями: доля многоквартирных жилых домов, оснащенных автоматизированными интеллектуальными системами управления зданиями, в общем количестве многоквартирных жилых домов, а также доля многоквартирных жилых домов, подключенных к унифицированным системам управления, контроля, учета информации инженерных систем, в общем количестве многоквартирных жилых домов.

К показателям цифровизации сферы культуры отнесены доля объектов культурной инфраструктуры АТЕ, представленных в глобальной компьютерной сети Интернет посредством специализированных сайтов и приложений, в их общем количестве в АТЕ и доля услуг в сфере культуры, оказанных по заказам потребителей с использованием цифровых технологий, в общем количестве оказанных услуг в сфере культуры в АТЕ.

Критериями цифрового развития экологической сферы являются доля населенных пунктов в АТЕ, включенных в республиканскую информационную систему автоматизированного мониторинга окружающей среды, в общем количестве населенных пунктов в АТЕ; наличие в АТЕ автоматизированной системы мониторинга в сфере обращения с твердыми коммунальными отходами и наличие в АТЕ автоматизированной системы дистанционного контроля питьевой воды.

Уровень цифрового развития в сфере образования определяется долей учреждений образования, подключенных к республиканской информационно-образовательной среде и (или) охваченных государственными электронными образовательными сервисами, в общем количестве учреждений образования в АТЕ, а также долей учреждений образования, обеспечивающих дистанционную форму получения образования с применением цифровых технологий, в общем количестве учреждений образования в АТЕ.

В сфере здравоохранения учитываются три показателя при оценке уровня цифрового развития: доля государственных организаций здравоохранения, оказывающих медицинскую помощь в амбулаторных и стационарных условиях, подключенных к централизованной информационной системе здравоохранения и (или) использующих централизованные электронные сервисы, в общем количестве государственных организаций здравоохранения в АТЕ; доля организаций здравоохранения, оказывающих

медицинскую помощь в амбулаторных и стационарных условиях, использующих электронные медицинские карты пациента, в общем количестве организаций здравоохранения в АТЕ; доля организаций здравоохранения, подключенных к электронному сервису заказа талонов, в общем количестве организаций здравоохранения в АТЕ [5].

Сбор, анализ и оценка сведений о выполнении данных показателей осуществляется на основе Положения «О порядке сбора и анализа информации об уровне цифрового развития отраслей экономики и административно-территориальных единиц» и Положения «О порядке расчета значенных показателей уровня цифрового развития отраслей экономики и административно-территориальных единиц», утвержденных Постановлением Министерства связи и информатизации Республики Беларусь от 29.04.2023 № 9 «Об уровне цифрового развития отраслей экономики и административно-территориальных единиц» [6].

Таким образом, к наиболее значимым сферам, где цифровое развитие АТЕ определяется формализованными критериями, относятся: транспортная система, жилищно-коммунальное хозяйство, культура, экология, образование и здравоохранение. Кроме того, нормативному учету подлежит доля АТЕ, внедривших технологии региональной государственной цифровой платформы «Умный город (регион)», а также количество камер видеонаблюдения в населенном пункте, подключенных к республиканской системе мониторинга общественной безопасности.

Анализ сфер и критериев цифрового развития АТЕ показывает, что от уровня цифровизации АТЕ зависит выполнение параметров демографического, экономического, социального развития АТЕ, качество государственных услуг, уровень безопасности, а в конечном итоге, уровень удовлетворенности населения условиями проживания в регионе и его закрепление на местах.

Список использованных источников:

1. Программа социально-экономического развития Республики Беларусь на 2026-2030 годы: утв. решением Всебелорусского народного собрания от 19 дек. 2025 г. № 1 // iLex: информ.-правовая система (дата обращения: 10.04.2026).
2. Конституция Республики Беларусь: с изм. и доп., принятыми на респ. референдумах 24 нояб. 1996 г., 17 окт. 2004 г. и 27 февр. 2022 г. // iLex: информ.-правовая система (дата обращения: 10.04.2026).
3. Об административно-территориальном устройстве Республики Беларусь: Закон Республики Беларусь от 5 мая 1998 г. № 154-З: в ред. 31 дек. 2014 г. № 229-З // iLex: информ.-правовая система (дата обращения: 10.04.2026).
4. О местном управлении и самоуправлении в Республике Беларусь: Закон Республики Беларусь от 4 января 2010 г. № 108-З: в ред. от 16 марта 2026 г. № 134-З // iLex: информ.-правовая система (дата обращения: 10.04.2026).
5. О мерах по реализации Указа Президента Респ. Беларусь от 7 апр. 2022 г. № 136: постановление Совета Министров Респ. Беларусь от 21 апр. 2023 г. № 280: в ред. от 16 февр. 2026 г. № 82 // iLex: информ.-правовая система (дата обращения: 10.04.2026).
6. Об уровне цифрового развития отраслей экономики и административно-территориальных единиц: постановление М-ва связи и информатизации Респ. Беларусь от 29 апр. 2023 г. № 9 // iLex: информ.-правовая система (дата обращения: 10.04.2026).

К ВОПРОСУ О КРИМИНАЛИЗАЦИИ СОЗДАНИЯ И РАСПРОСТРАНЕНИЯ ДЕСТРУКТИВНОГО КОНТЕНТА КРИМИНАЛЬНОГО ХАРАКТЕРА

Аниськина Э.Г.,

*доцент кафедры уголовно-правовых дисциплин Смоленского филиала
Международного юридического института, доцент кафедры математики,
информатики и общегуманитарных наук Смоленского филиала
Финансового университета при Правительстве Российской Федерации,
кандидат юридических наук, доцент*

Современная цифровая эпоха характеризуется повышенным спросом на различные цифровые контенты, под которыми понимается любая распространяемая информация, выраженная в различных формах и созданная или распространяемая в цифровом формате. Цифровые контенты по своему содержанию могут носить нейтральный, общественно-полезный и деструктивный характер. Определение последнего в силу оценочного характера понятия вызывает споры, в частности, ученые предлагают следующую его дефиницию – это вредная информация, размещенная в сети Интернет, обладающая свойствами вирусного распространения и представляющая собой средство противодействия реализации общественно полезных целей и задач государственного управления, определенных в документах стратегического планирования и иных нормативных правовых актах [1, с. 180]. Таким образом, главными конститутивными признаками такой информации являются: 1) ее противодействие реализации социально-полезных целей; 2) вирусный характер (возможность создания информации любым пользователем, которая доступна для неопределённого круга лиц (публичность); трансграничность распространения; слабая модерация) [2, с. 33]. Запрос на деструктивный контент среди населения, в том числе молодежи, достаточно высок, и такой активный спрос создает рост предложений со стороны создателей и распространителей контента. По данным Роскомнадзора в РФ в 2024 году вырос объем деструктивного контента в Интернете [3]. По данным Министерства информации Республики Беларусь, за 10 лет было заблокировано 15 тысяч интернет-ресурсов [4].

Деструктивный контент сам по своему содержанию может быть многообразен: от демонстрации криминальных деяний (например, по данным прессы в одном из прямых эфиров в 2026 г. в России девушку избивали, жгли ей пятки (ст.116 УК РФ) [5], до показа контента с иными некриминальными правонарушениями или аморальными проступками (в 2023 году витебский блогер Алексей Кунис скончался в прямом эфире, где он по заданию зрителей выпил бутылку водки [6]). При этом распространение деструктивного контента может осуществляться как в прямом эфире в виде треш-стримов — под которыми понимают жанр различных трансляций,

где за деньги выполняют задания зрителей, так и в виде демонстрации отложенного (снятого заранее) материала.

В связи с изложенным встала актуальная задача провести анализ потребности криминализации описанных деяний и определить тот возможный круг действий, который требует уголовно-правового реагирования. Теорией уголовного права разработаны криминологические принципы криминализации, к ним, в частности, относятся: относительная распространенность деяния, общественная опасность, уголовно-политическое соответствие и пр. Рассмотрим вышеотмеченные критерии применительно к криминализации создания и распространения деструктивного контента и попытаемся сконструировать в порядке *De lege ferenda* уголовно-правовую норму.

Доказательства относительной распространённости явления были нами приведены выше, добавим лишь, что по данным Роскомнадзора России за все время с момента начала работы по выявлению противоправного контента был ограничен доступ к информации с более чем 4,7 млн сайтов [7]. Что же касается общественной опасности, то на этот критерий обращали внимание как ученые, так и представители государственных органов. В частности, выдвигались следующие аргументы: «деструктивный контент в виде треш-стримов посягает не только на жизнь и здоровье, свободу, честь и достоинства конкретных лиц, но также на общественную безопасность и общественный порядок» [8]; «пропагандируют девиантное поведение, оказывают деструктивное воздействие на несовершеннолетних лиц, что в дальнейшем сказывается на их нравственном развитии и воспитании» [9, с. 157]; «оказывает негативное влияние на неопределенный круг лиц, способствуя росту агрессии и насилия в обществе» [10, с. 263]. Таким образом, вредоносность распространения деструктивного контента не вызывает сомнений, вопрос остается в его степени и характере общественной опасности. Наконец, криминализация публичного распространения такого контента осуществляется в рамках общей уголовно-правовой политики России (см. Доктрину информационной безопасности Российской Федерации, Концепцию информационной безопасности детей в Российской Федерации и пр. [2, с. 4], а также сам Федеральный закон от 08.08.2024 N 218-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации»).

После обоснования необходимости криминализации публичного распространения деструктивного контента, в том числе в сети Интернет, возникает вопрос, каким образом следует закрепить уголовно-правовую норму. Для ответа на этот вопрос следует рассмотреть, как уже существующий национальный опыт России, так и опыт зарубежных стран. Уголовное законодательство государств в части установления ответственности за исследуемые деяния условно можно разделить на три группы. Первая группа объединяет страны, законодательство которых не содержит отдельных уголовно-правовых норм, устанавливающих ответственность за создание и распространение деструктивного контента (в частности, к таким государствам следует отнести

большинство стран СНГ, за исключением Беларуси и некоторых др.). Вторая группа стран – уголовное законодательство которых содержит нормы с описанием признаков преступных деяний, находящихся в определенной взаимосвязи с распространением такого рода информации, но не само распространение. К таким нормам следует отнести ст. 198.1 УК Республики Беларусь «Распространение владельцем интернет-ресурса, не зарегистрированного в качестве сетевого издания, информации, распространение которой запрещено на интернет-ресурсах в соответствии с законодательными актами, совершенное в течение года после наложения административного взыскания за такое же нарушение»; ст. 212 УК Казахстана «Предоставление услуг для размещения интернет-ресурсов, преследующих противоправные цели»; ст. 381 УК Туркмении «Оказание услуг по размещению интернет-ресурсов, преследующих незаконные цели». Как мы видим, в представленных статьях уголовная ответственность установлена не для создателей и демонстраторов контента, а для лиц, предоставляющих для них интернет-ресурсы. Наконец, третья группа стран, в которых законодатели пошли по пути установления ответственности для лиц, демонстрирующих или создающих такие деструктивные контенты. Стоит отметить, что формы изложения норм и их содержание значительно отличаются друг от друга. Так, в РФ Федеральным законом от 08.08.2024 N 218-ФЗ в качестве обстоятельства, отягчающего наказания (п. «т» ч. 1 ст. 63 УК РФ); квалифицирующего признака 9 составов преступлений против жизни, здоровья и свободы человека; а для побоев (ст. 116 УК РФ) – конструктивного признака, было предусмотрено «с публичной демонстрацией, в том числе в средствах массовой информации или информационно-телекоммуникационных сетях (включая сеть «Интернет»)». Заметим, что ранее аналогичное деяние уже было точно закреплено и в других статьях УК (ст. 245 (2017 г.); ст. 258.1 (2017 г.); статья 260.1 (2023 г.)). Таким образом, в России мы наблюдаем либо повышение наказуемости за публичную демонстрацию деструктивного криминального контента в рамках установленных за преступление санкций, либо точечную дифференциацию ответственности за ряд преступлений за счет квалифицирующих или конститутивных признаков. Стоит отметить, что анализ российской научной доктрины показывает, что уже сейчас ученые отмечают возможные проблемы применения таких норм. Если все систематизировать, то к ним относятся: проблемы квалификации действий лиц как соисполнителей в совершении насильственных преступлений, если они только осуществляли трансляцию этих криминальных деяний; вменение данного признака исключительно в режиме реального времени или возможность отложенной трансляции; к какому элементу и признаку состава следует отнести установленный признак; проблемы квалификации преступлений с этими признаками по совокупности со смежными составами. Также возникает вопрос, почему именно в этих преступлениях предусмотрены квалифицирующие признаки, и их нет в таких, как преступления против половой неприкосновенности и половой свободы личности, общественной безопасности.

Не менее интересен опыт стран, которые предусмотрели отдельные нормы за создание и распространение деструктивных контентов. Так, в соответствии с разделом 8 и ст. 130-1 УК Узбекистана установлена ответственность за изготовление или ввоз на территорию Республики Узбекистан с целью распространения, рекламирования, демонстрации, а равно распространение, рекламирование, демонстрация продукции, пропагандирующей культ притеснения, насилия или жестокости (материалов и предметов, не представляющих художественной, научной или культурной ценности, побуждающих к совершению насилия или жестокости), в том числе в средствах массовой информации, сетях телекоммуникаций или всемирной информационной сети Интернет, совершенные после применения административного взыскания за такие же действия. В качестве примера стран дальнего зарубежья приведем законодательство отдельных штатов США, в частности, Закон штата Луизиана RS 14:107.4 «Незаконное размещение информации о преступной деятельности с целью привлечения внимания и получения известности» [11]. Стоит отметить, что субъектом этого преступления являются исключительно главные исполнители и соучастники преступления. Именно им запрещается получать и передавать изображение, прямую трансляцию или видеозапись совершения преступления.

Таким образом, мы видим два возможных законодательных решения проблемы, при этом второй вариант – закрепления в виде отдельной нормы – представляется более удачным, это позволит привлекать к ответственности не только лицо, совершающее параллельно насильственные преступления и трансляцию их, а также лиц, выступающих соучастниками насильственных преступлений и трансляций их, но и лиц, не являющихся соучастниками отмеченных преступлений, но осуществляющих изготовление и распространение деструктивного криминального контента, а именно следует криминализировать изготовление с целью распространения, рекламирования, демонстрации, а равно распространение, рекламирование, демонстрацию информации, содержащей изображение реальных преступных действий.

Список использованных источников:

1. Шуликов, К.А. Деструктивный контент: понятие, административно-правовая характеристика, виды / К.А. Шуликов // Вестник Нижегородского университета имени Н. И. Лобачевского. Право. – 2023. – № 2. – С. 176-182.
2. Шуликов, К. А. Административно-правовые основы противодействия распространению деструктивного контента в сети «Интернет»: дис. ... кандидата юридических наук: 5.1.2. / Шуликов Кирилл Андреевич; – Санкт-Петербург, 2024. – 238 с.
3. В Сети удалили в два раза больше деструктивного контента. – URL: <https://iz.ru/1824956/2025-01-20/v-seti-udalili-v-dva-raza-bolse-destruktivnogo-kontenta> (дата обращения: 07.04.2026).
4. Министерство информации заблокировало доступ более чем к 3150 ресурсам деструктивной направленности в 2024-м. – URL: <https://www.sb.by/articles/v-2024-godu-mininform-zablokirovalo-dostup-k-bolee-chem-3150-resursam-destruktivnoy-napravlenosti.html> (дата обращения: 07.04.2026).

5. В Краснодаре треш-стримеры избивали девушку. Проводится проверка. – URL: <https://93.ru/text/incidents/2026/01/17/76220871/> (дата обращения: 07.04.2026).

6. За «донаты» выпил стакан водки, потом еще и еще... СК прокомментировал гибель витебского блогера в прямом эфире. – URL: <https://newgrodno.by/incidents/sk-prokomentiroval-gibel-vitebskogo-blogera-v-pryamom-efire/> (дата обращения: 07.04.2026).

7. Роскомнадзор ограничил доступ к информации с более чем 4,7 млн сайтов. – URL: <https://tass.ru/obschestvo/26287579> (дата обращения: 07.04.2026).

8. Пояснительная записка «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации (в части усиления ответственности за совершение преступлений с публичной демонстрацией, в том числе в средствах массовой информации или информационно-телекоммуникационных сетях (включая сеть «Интернет»)). – URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/506240-8> (дата обращения: 07.04.2026).

9. Берестовой, А. Н. Уголовно-правовое противодействие общественно опасным проявлениям субкультуры в сети «Интернет» / А.Н. Берестовой // Российский девиантологический журнал. – 2025. – № 5(1). – С. 147-166.

10. Левандовская, М. Г. Условия применения единообразного подхода к конструированию квалифицирующего признака публичной демонстрации совершения преступлений против личности / М.Г. Левандовская // Юридическая наука. – 2024. – № 10. – С. 263-267.

11. Louisiana Laws Revised Statutes Title 14 - Criminal Law §14:107.4. Unlawful posting of criminal activity for notoriety and publicity // Justia US Law. – URL: <https://law.justia.com/codes/louisiana/revised-statutes/title-14/rs-14-107-4/> (дата обращения: 07.04.2026).

К ВОПРОСУ ОБ ОПТИМИЗАЦИИ ДОПОЛНИТЕЛЬНОЙ ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В УЧРЕЖДЕНИЯХ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ

Ачинович Д.М.,

*аспирант кафедры международного экономического права
Белорусского государственного экономического университета*

В современных условиях качество образования и конечный результат в виде подготовленных специалистов для отраслей экономики во многом связан с кадровым потенциалом учреждений образования. Ключевая роль в подготовке квалифицированных кадров принадлежит высшим учебным заведениям и их основному персоналу – профессорско-преподавательскому составу (далее – ППС). Именно к этой категории педагогических работников предъявляются дополнительные требования в соответствии с квалификационными справочниками, и именно на нее обращено повышенное внимание со стороны руководства страны, государственных органов, научного и экспертного сообществ. Кадровый дефицит и расширение практик дополнительной педагогической деятельности порождают задачи административно-правового упорядочения функционирования учреждений высшего образования (далее – УВО), распределения

полномочий между государством, образовательным ведомством и вузом, а также правового контроля за допустимыми формами такой занятости.

Среди ключевых проблем кадрового обеспечения УВО выступают отток наиболее квалифицированных преподавателей, снижение притока молодых специалистов, усложнение кадрового воспроизводства ППС [1] и другие. Преподавателей средней возрастной категории в УВО недостаточно, на это отложили отпечаток 1990-е годы, когда был существенно снижен статус педагога, сокращена заработная плата и многие перспективные молодые ученые и педагогические работники ушли из сферы образования, снизив на настоящий момент представителей среднего поколения преподавателей и ученых в высшей школе [2, с. 1244].

На фоне кадрового дефицита ППС актуальными задачами вуза становятся развитие качественных характеристик преподавателей, повышение уровня укомплектованности ими учебных структурных подразделений, стимулирование педагогов к продолжению образования и научной деятельности, повышение статуса и благосостояния ППС, создание благоприятных условий для осуществления работы его представителями, в том числе предоставление в рамках законодательства возможностей для дополнительной работы, исключение практики наделения преподавателей несвойственными функциями.

Однако реализация данных задач сопряжена с отдельными трудностями и проблемными вопросами, решение которых, в том числе, может предотвратить нарушение работниками требований трудового законодательства и исключить возможные риски коррупционных проявлений.

В настоящее время одной из основных проблем белорусских вузов остается недостаточная укомплектованность должностей ППС. Причем за последние годы его количество снижается быстрее, чем уменьшается количество студентов и магистрантов. Так, за период 2020–2025 гг. численность ППС снизилась на 13,3%, а обучающихся по программам высшего образования – только на 9% [3, 4]. Ухудшение данного показателя объективно усиливает значение административно-правовых инструментов кадрового обеспечения образовательного процесса.

В существующей практике одним из основных решений проблемы нехватки ППС является привлечение преподавателей, помимо основной работы, к выполнению дополнительной педагогической деятельности по вакантным должностям в рамках совместительства. Кроме того, согласно пункту 12 Общих положений единого квалификационного справочника должностей служащих, утвержденных постановлением Министерства труда и социальной защиты Республики Беларусь от 2 января 2012 г. № 1, широко практикуется назначение работников на должности ППС в порядке исключения, когда, например, у них не хватает квалификационных характеристик по образованию, остепененности или стажу работы.

В соответствии с частью первой статьи 343 Трудового кодекса Республики Беларусь под совместительством понимается выполнение работником в свободное от основной работы время оплачиваемой работы у того же (внутреннее совместительство) или у другого (других) нанимателя (нанимателей) (внешнее совместительство) на условиях другого трудового договора.

Следует отметить, что работа по совместительству в УВО должна оцениваться через категории управленческой целесообразности, правовой определенности и контролируемости соответствующих кадровых решений. Важно, чтобы имеющееся в распоряжении педагога время шло также на отдых и восстановление его работоспособности, а не была полностью занята работой на нескольких местах, особенно если одно из них связано с руководством подчиненными.

В частности, известны примеры, когда отдельные представители ППС, работая на целую ставку, принимаются на преподавательские должности на 0,5 ставки на условиях внутреннего совместительства. Дополнительно с ними могут заключаться договора на оказание образовательных услуг и выполнение работ на условиях почасовой оплаты (проведение занятий с иностранными студентами, научное руководство, ведение соискателей, работа в составе государственных экзаменационных комиссий и т.п.). Учебная нагрузка для них только в одном УВО может достигать до 1800 часов в год. Кроме того, представители ППС зачастую оформляются на условиях внешнего совместительства еще в нескольких вузах, что увеличивает их нагрузку примерно еще на 1000 часов. В итоге, с учетом внешнего совместительства, итоговая учебная нагрузка для отдельных преподавателей может достигать 2700–2800 часов в год.

Высока вероятность, что учебную работу в таком объеме работник не в состоянии выполнять физически, так как ему остается совсем мало времени для отдыха и решения личных дел. Ситуацию усложняет также то, что аудиторная нагрузка (проведение лекций, семинарских, практических, лабораторных занятий, прием экзаменов, дифференцированных зачетов, зачетов, кандидатских экзаменов, государственных экзаменов по специальности и т.п.) в одном УВО по времени не должна пересекаться с занятостью в другом вузе. Кроме того, соответствующий наниматель должен контролировать установленный договором режим рабочего времени сотрудника, в том числе внешнего совместителя, вести на него учет явок на работу и ухода с нее.

Не исключается, что именно в интересах сохранения и развития педагогического, научного и кадрового потенциала вуза, исключения возможных нарушений трудового и антикоррупционного законодательства руководителям из числа ППС (ректору, проректорам по основной деятельности, директору филиала и его заместителям по основной деятельности, декану, заместителям декана, заведующему кафедрой) согласно постановлению Министерства образования Республики Беларусь от 2 сентября 2020 г. № 224 «Об особенностях организации и оплаты труда педагогических работни-

ков» (далее – постановление № 224) предоставлена возможность заниматься дополнительной оплачиваемой педагогической деятельностью в рабочее время по основному месту работы.

Фактически, для руководителей из числа ППС постановление № 224 создает специальный благоприятный режим осуществления дополнительной педагогической деятельности по основному месту работы. Однако на практике большинство представителей ППС выбирают именно совместительство, поскольку различие вариантов оплаты и оформления стимулирует смещение управленческой практики в сторону иных форм занятости. В результате нормативно предусмотренный специальный механизм фактически не достигает в полной мере своей регулирующей цели.

В то же время дополнительная работа в форме совместительства должна осуществляться в свободное от основной работы время, и в вузах нет возможности составлять расписание занятий, соблюдая интересы всех преподавателей, оформленных на работу по внутреннему совместительству. В результате возникает управленчески неблагоприятная ситуация, при которой кадровые решения о совместительстве не согласуются с режимом организации учебного процесса и фактическим распределением рабочего времени, и отдельным руководителям из числа ППС приходится проводить аудиторные занятия в свое основное рабочее время (например, с 08.30 до 17.30). Такие обстоятельства свидетельствуют об отдельных недостатках внутренней административной координации и снижают эффективность применения постановления № 224. То есть нормативно предусмотренный специальный механизм фактически не достигает в полной мере своей регулирующей цели.

В целях повышения определенности административной практики и предупреждения коррупционных рисков в УВО целесообразно:

- стремиться к таким кадровым решениям, которые обеспечивают наибольшую прозрачность контроля и управляемость учебной нагрузки;
- не допускать оформления совместительства в случаях, когда оно объективно ведет к пересечению основной и дополнительной работы;
- шире использовать предусмотренные законодательством специальные механизмы дополнительной педагогической деятельности, включая возможности постановления № 224.

На государственном уровне также необходимо предусмотреть дополнительные меры по повышению статуса и благосостояния ППС, повышения его заработной платы, в том числе за счет расширения перечня надбавок и активного привлечения внебюджетных средств. Немаловажным также является стимулирование молодых преподавателей к получению научно-ориентированного образования и защите диссертаций. Для организации перспективной работы высшей школы необходимо стимулирование, ориентированное на долгосрочную мотивацию трудовой деятельности преподавательских коллективов, целесообразно применение перспективной формы стимулирования, т.е. мотивирование преподавателей

на достижение общих целей и высоких конечных экономических показателей деятельности вуза [5, с. 194].

Таким образом, необходимо совершенствовать административно-правовые средства управления дополнительной педагогической деятельностью ППС, включая нормативную определенность, ведомственные разъяснения, внутренний административный контроль и профилактику конфликта интересов. Реализация указанных мер позволит повысить правовую основу управленческих решений в сфере дополнительной педагогической деятельности ППС и минимизировать предпосылки нарушений трудового и антикоррупционного законодательства.

Список использованных источников:

1. Федяева, А. Е. Стимулирование профессорско-преподавательского состава вузов / А. Е. Федяева // Научный электронный архив. – URL: <http://econf.rae.ru/article/5695> (дата обращения: 26.03.2026).

2. Иванов, Е. Д. Развитие кадрового потенциала профессорско-преподавательского состава высших учебных заведений Российской Федерации / Е. Д. Иванов // Экономика труда. – 2023. – Т. 10. – № 8. – С. 1237-1252.

3. Численность обучающихся в учреждениях образования // Официальный сайт Национального статистического комитета Республики Беларусь. – URL: <https://dataportal.belstat.gov.by/osids/indicator-info/10103000002> (дата обращения: 28.03.2026).

4. Численность педагогических работников // Официальный сайт Национального статистического комитета Республики Беларусь. – URL: <https://dataportal.belstat.gov.by/osids/indicator-info/10103000007> (дата обращения: 28.03.2026).

5. Сеничева, Л. В. Профессорско-преподавательский состав высших учебных заведений: мотивация и стимулирование трудовой деятельности / Л. В. Сеничева // Социальная политика и социология. – 2010. – № 5(59). – С. 187-194.

НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИЕ ЖЕРТВЫ КИБЕРПРЕСТУПНОСТИ

Бошукова Е.В.,

*старший преподаватель кафедры уголовного права и уголовного процесса
учреждения образования «Витебский государственный
университет имени П.М. Машерова»*

Козлова К.А.,

*студентка юридического факультета учреждения образования
«Витебский государственный университет имени П.М. Машерова»*

В связи с началом цифровой эпохи и стремительным развитием цифровых технологий, преступность стала меняться также стремительно. Преступники стали использовать современные технологии для осуществления своего противоправного умысла и криминального мотива. Ввиду появления «искусственного интеллекта» (ИИ) и иных высокотехнологичных программ, количество традиционных преступлений, для которых не нужен интернет

(насильственные преступления, кража, хулиганство) стало существенно уменьшаться, при одновременном росте числа преступлений с использованием информационно-коммуникационных технологий, в частности – мошенничества, хищений имущества путем модификации компьютерной информации и преступлений против компьютерной безопасности. Появились новые способы совершения вымогательства с использованием современных компьютерных технологий, что позволяет говорить о новых направлениях вымогательства: «цифровое вымогательство» и «кибершантаж» и др. [1].

Изменение структуры преступности не могло не отразиться на характеристике потерпевших от преступлений, среди которых на первое место вышли в последние годы жертвы мошенничества (Табл.1).

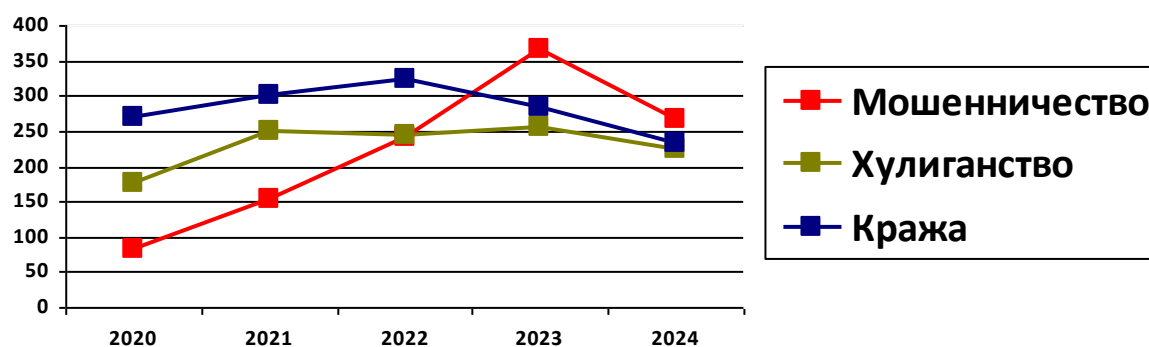
Табл.1 Динамика потерпевших по отдельным видам преступлений (2021–2025 гг.) [2]

Виды преступлений	2021	2022	2023	2024	2025
Убийства (с покушениями)	321	273	251	202	169
Умышленное причинение тяжкого телесного повреждения	723	680	564	568	431
Кража	24 107	24 436	19 602	13 680	10 758
Мошенничество	5 753	11 522	15 437	14 435	12 790

Претерпела изменение и характеристика криминальных жертв несовершеннолетнего возраста, удельный вес которых среди потерпевших от преступлений устойчиво составляет в последние годы порядка 5% (2025 год – 2.452 человека или 5,2 %) [3].

Структура регистрируемых преступлений против несовершеннолетних на территории Республики Беларусь также отражает отмеченную выше тенденцию.

График 1 Динамика преступлений против несовершеннолетних (2020–2024 гг.) [4].

Мошенникам стало проще вводить людей в заблуждение и совершать преступления в отношении, как взрослых людей, так и несовершеннолетних:

подделывают голоса родных и близких потенциальных жертв при помощи специальных программ и просят, например, перевести деньги; взламывают страницы социальных сетей и вводят в заблуждение, используя чужие данные; общаясь с детьми в онлайн играх, предлагают купить что-либо и т.д.

Одним из видов киберпреступлений является социальная инженерия, представляющая собой вид криминального посягательства (кибератаки), который опирается на взаимодействие между людьми и манипулирование ими в нарушение нормальной процедуры безопасности в целях получения доступа к цифровым системам, компьютерным сетям или получения финансовой выгоды [5, с. 34].

Рассмотрим самые распространенные схемы мошенничества, жертвами которых становятся несовершеннолетние. Современные технологии привели к тому, что каждый учащийся школы имеет свою личную именную банковскую карту (карта учащегося, Белкарт от Беларусбанк), баланс, которой родители учащегося пополняют для совершения мелких бытовых сделок (покупка еды в магазине, канцелярских принадлежностей и т.д.). Карта учащегося – современный продукт, совмещающий функции банковской платежной карточки и электронного идентификационного документа, позволяющего подтвердить статус обучающегося. Держателями карточки могут стать учащиеся учреждений общего среднего образования, сотрудничающих с ОАО «АСБ Беларусбанк» по внедрению Карты учащегося.

Карточка оформляется с 6 до 14 лет только в качестве дополнительной (на имя другого лица) к новому или действующему счету законного представителя (родителя, усыновителя, опекуна и др.); с 14 до 18 лет – карточка может быть оформлена как в качестве дополнительной (на имя другого лица) к новому или действующему счету законного представителя (родителя, усыновителя, опекуна и др.), так и к счету самого ребёнка. Таким образом, уже с 6-летнего возраста ребенок де-факто, становится владельцем банковской карты и, одновременно, потенциальной жертвой киберпреступников.

Выбирая себе жертву, мошенники прежде всего руководствуются наличием у нее денежных средств, которыми они могут завладеть. Благодаря современным технологиям, мошенники способны выполнять операции от лица владельца банковских карт без разрешения держателя карты. Мошенники используют несовершеннолетних для получения конфиденциальной информации о личных данных, которая нужна им для совершения преступления.

Несовершеннолетние наиболее подвержены негативному влиянию извне. Иначе говоря, они обладают повышенной степенью виктимности. Поэтому проблема обеспечения информационной безопасности подростков может быть рассмотрена в двух аспектах: во-первых, как риск вовлечения несовершеннолетних в преступные сообщества посредством общения в социальных сетях; во-вторых, как риск совершения преступлений в отношении несовершеннолетних путем получения киберпреступниками персональных данных самих несовершеннолетних или их близких, либо с помощью незаконного использования информационных технологий, либо в результате добровольного сообщения несовершеннолетними этих данных [6, с. 236].

Существенно участились в последнее время преступления, которые в международных правовых актах рассматриваются как акты насилия в отношении женщин и несовершеннолетних, совершаемые в оффлайне с использованием Интернета и кибертехнологий. Кибернасилие включает в себя такие формы насилия как дипфейки (когда с помощью технологий создаются реалистичные изображения, аудио и видео), различные формы онлайн-преследования, слежки в социальных сетях, кража паролей, взлом устройств, установка шпионского ПО, отслеживание по GPS или геолокации; формы психологического насилия, словесные выпады, оскорбления, угрозы убийством, давление, шантаж, раскрытие чьего-либо прежнего имени против их воли с целью причинения вреда и пр. Эти формы насилия применяются в разных юрисдикциях, в которых либо не предусмотрена, либо существенно различается ответственность посредников и исполнителей. Отсюда безнаказанность преступников, в то время как жертвы испытывают беспомощность и отсутствие поддержки на каждом этапе их виктимизации [7, с. 255].

Подводя итоги, следует отметить, что новая цифровая реальность представляет большую опасность не только для взрослого населения, но и для несовершеннолетних. И в это время главная задача – защитить несовершеннолетнего от криминальных угроз, предотвратить его виктимизацию.

В связи с современным технологическим развитием, необходимо усовершенствовать правовые меры по пресечению, предупреждению и профилактике названных в статье посягательств в отношении несовершеннолетних, а также наказанию лиц их совершающих.

Список использованных источников:

1. Лопатина, Т.М. Условно-цифровое вымогательство, или кибершантаж / Т.М. Лопатина // Журнал российского права. – 2015. – № 1. – С. 118-126.
2. Численность лиц, пострадавших от совершенных преступлений / Национальный статистический комитет Республики Беларусь. – URL: <https://dataportal.belstat.gov.by/osids/indicator-info/10108000011> (дата обращения: 02.04.2026).
3. Численность несовершеннолетних, пострадавших в результате совершения преступлений по территории Республики Беларусь / Национальный статистический комитет Республики Беларусь. – URL: https://dataportal.belstat.gov.by/osids/indicator-info/10108000011?thematic_section_code=40 (дата обращения: 04.04.2026).
4. Число зарегистрированных преступлений, совершенных против детей по территории Республики Беларусь / Национальный статистический комитет Республики Беларусь. – URL: <https://dataportal.belstat.gov.by/osids/indicator-info/10108000025> (дата обращения: 03.04.2026).
5. Максименко, Р.О., Звягинцева, П.А. Типовой алгоритм воздействия в социальной инженерии / Р.О. Максименко, П.А. Звягинцева // Интерэкспо Гео-Сибирь. – 2019. – № 2. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tipovoy-algoritm-vozdeystviya-v-sotsialnoy-inzhenerii> (дата обращения: 04.04.2026).
6. Голятина, С.М. Криминалистическое прогнозирование дистанционного мошенничества / С.М. Голятина // Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России. 2024. – № 4 (78). – С. 75-80.
7. Стаценко, В. Г. Криминальная виктимность в Республике Беларусь: особенности и тенденции / В. Г. Стаценко // Право: теория и практика-2023: сборник научных статей: текстовое электронное издание. – Витебск: ВГУ имени П. М. Машерова, 2023. – С. 251-257.

ЦИФРОВИЗАЦИЯ ГОСУДАРСТВЕННОГО ФИНАНСОВОГО КОНТРОЛЯ: ПРАВОВЫЕ ПРЕДЕЛЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ РЕЗУЛЬТАТОВ АВТОМАТИЗИРОВАННОЙ ОБРАБОТКИ ДАННЫХ

Бухмин С.В.,

*доцент кафедры конституционного и административного права
Казанского (Приволжского) федерального университета,
кандидат юридических наук*

Трансформация финансового контроля в условиях цифровизации обусловлена институциональными изменениями в механизме осуществления публичной финансовой деятельности, связанными с внедрением государственных информационных систем и расширением практики автоматизированной обработки данных. Современная система государственного финансового контроля характеризуется переходом от традиционных форм, закрепленных в законодательстве, к осуществлению контрольной деятельности с использованием цифровых технологий. В связи с этим существенное значение приобретает использование информации, сформированной и обработанной в государственных информационных системах, включая налоговые и бюджетные данные, а также сведения о государственных (муниципальных) контрактах, используемые при реализации контрольных полномочий и принятии управленческих решений. В этих условиях результаты автоматизированной обработки информации приобретают самостоятельное значение как элемент информационного обеспечения финансового контроля. Пределы их использования в правоприменительной деятельности определяются требованиями действующего законодательства Российской Федерации и конституционно-правовыми гарантиями защиты прав и законных интересов подконтрольных субъектов.

Прежде всего следует отметить, что результаты автоматизированной обработки информации, как правило, не образуют самостоятельного юридического факта, поскольку они являются производными от обработки исходных данных, осуществляемой с применением информационных технологий. Их юридическая значимость определяется не техническими характеристиками применяемых алгоритмов, а соответствием требованиям законности, компетенции уполномоченного органа, обеспечением защиты информации и возможностью проверки в рамках установленной законом процедуры. В соответствии со статьей 2 Федерального закона от 27.07.2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» информационная система определяется как совокупность содержащейся в базах данных информации и обеспечивающих ее обработку технологий и технических средств, тогда как информационные технологии охватывают процессы и методы поиска, сбора, хранения, обработки и предоставления информации [1]. Следовательно, результаты автоматизированной обработки информации подлежат оценке с точки зрения их соответствия правовому режиму

исходных данных, соблюдения требований законности их получения и использования, а также обеспечения воспроизводимости полученного результата.

В рамках российской финансово-правовой доктрины отдельные правоотношения, складывающиеся в процессе осуществления государственного финансового контроля, рассматриваются как разновидность информационных правоотношений, в пределах которых осуществляется деятельность публичной власти по сбору, обработке и анализу информации, направленная на обеспечение законности финансовой деятельности государства и повышение эффективности функционирования публичных финансов [2–4]. Цифровизация усиливает информационную составляющую финансового контроля, обуславливая его трансформацию в систему, основанную на обработке данных, в которой определяющее значение приобретают требования к качеству информации, ее достоверности и актуальности. Вместе с тем расширение возможностей обработки данных обуславливает возникновение рисков нарушения прав и законных интересов подконтрольных субъектов, связанных с непрозрачностью результатов автоматизированной обработки информации и ограниченной проверяемостью таких результатов. При указанных обстоятельствах правовые пределы использования результатов автоматизированной обработки информации определяются с учетом конституционных гарантий судебной защиты прав и законных интересов подконтрольных субъектов, а также принципов состязательности и равноправия сторон в судебном разбирательстве. Решение органа публичной власти, основанное на результатах автоматизированной обработки информации, должно обеспечивать реализацию права на эффективное оспаривание такого решения, что предполагает раскрытие оснований его принятия и предоставление заинтересованному лицу возможности представить возражения и доказательства.

Особое значение имеет закрепленный в статье 16 Федерального закона от 27.07.2006 г. № 152-ФЗ «О персональных данных» запрет на принятие решений, порождающих юридические последствия для субъекта, исключительно на основании автоматизированной обработки персональных данных, за исключением случаев, прямо предусмотренных федеральным законом или при наличии согласия субъекта [5]. Данная норма формирует общее правовое требование, распространяемое на сферу финансового контроля, согласно которому результаты автоматизированной обработки информации могут использоваться лишь в качестве вспомогательного средства и не могут выступать самостоятельным основанием для принятия юридически значимого решения, принимаемого уполномоченным органом. Таким образом, результаты автоматизированной обработки информации могут использоваться при условии их последующей проверки в рамках установленного законом порядка осуществления контрольных мероприятий, включая исследование исходных данных, анализ документов и документальное оформление результатов. В бюджетном праве указанное требование выражается в необходимости документального оформления результатов проверки или ревизии в виде акта, а также в применении таких методов финансового контроля, как контрольный

мониторинг, осуществляемый с использованием информационных систем в рамках установленной процедуры (статья 267.1 Бюджетного кодекса РФ) [6]. В налоговом праве аналогичный подход реализуется при осуществлении камеральных налоговых проверок, проводимых на основе представленных налогоплательщиком документов и имеющихся у налогового органа сведений, при этом выводы налогового органа должны основываться на доказательствах, подлежащих оценке и рассмотрению в установленном законом порядке с учетом возражений налогоплательщика (статьи 88, 100, 101 Налогового кодекса РФ) [7].

Практика применения государственных информационных систем, в частности АИС «Налог-3», свидетельствует о том, что результаты автоматизированной обработки информации используются преимущественно на стадии выявления налоговых рисков и отбора объектов контроля, тогда как окончательные решения принимаются на основе совокупности доказательств, полученных в рамках контрольных мероприятий. Судебные органы, оценивая такие решения, исходят из необходимости их обоснованности и доказанности, что исключает возможность признания результатов автоматизированной обработки информации достаточным основанием для привлечения к ответственности или применения иных мер публичного воздействия (см. определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 30.10.2025 № 309-ЭС25-6656 по делу № А47-7677/2024). Аналогичным образом функционирует государственная интегрированная информационная система «Электронный бюджет», обеспечивающая формирование единого информационного пространства управления публичными финансами [8]. В данном случае автоматизированная обработка информации выступает технологической основой реализации бюджетных полномочий, при этом ее результаты приобретают юридическое значение лишь при условии их использования в рамках установленного законом порядка осуществления финансового контроля и документального оформления результатов контрольных мероприятий.

С учетом изложенного представляется обоснованным выделение двух уровней допустимости использования результатов автоматизированной обработки информации в рамках финансового контроля. Первый уровень – аналитический – предполагает использование таких результатов для целей выявления рисков, отбора объектов контроля и инициирования контрольных мероприятий. На данном уровне допустимо применение алгоритмических моделей, включая риск-ориентированные подходы, при условии соблюдения требований к защите информации и законности обработки данных. Второй уровень – правоприменительный – связан с принятием решений, порождающих правовые последствия для подконтрольных субъектов. В данном случае результаты автоматизированной обработки информации не могут выступать единственным достаточным основанием принятия решения и подлежат проверке в рамках установленного законом порядка осуществления контрольных мероприятий, включая анализ документов и документальное оформление

их результатов. Необходимо также обеспечить воспроизводимость результатов автоматизированной обработки информации, предполагающую возможность установления состава и источников использованных данных, применённых методов обработки и логики формирования соответствующих выводов.

В целях обеспечения правовой определенности при осуществлении финансового контроля обоснованным представляется нормативное закрепление требований к использованию результатов автоматизированной обработки информации. К числу таких требований следует отнести: обеспечение проверяемости и воспроизводимости результатов автоматизированной обработки информации; разграничение аналитических и правоприменительных функций информационных систем; обеспечение защиты и неизменности данных; установление процедур раскрытия информации, достаточных для реализации права на защиту; а также формирование правовых требований к оценке функционирования государственных информационных систем в рамках совершенствования федеральных стандартов финансового контроля. Реализация указанных мер позволит обеспечить баланс между эффективностью применения цифровых технологий и соблюдением конституционных гарантий, что выступает необходимым условием правомерности трансформации финансового контроля в условиях цифровизации.

Список использованных источников:

1. Об информации, информационных технологиях и о защите информации: Федер. закон Рос. Федерации от 27.07.2006 № 149-ФЗ: в ред. от 29.12.2025 // КонсультантПлюс. Россия: справ. правовая система (дата обращения: 16.04.2026).
2. Булетова, Н.Е. Цифровая трансформация государственного финансового контроля в России / Н. Е. Булетова, Т.А. Золотько, Г.Ш. Гаджигороев // Финансы и кредит. – 2025. – Т. 31, № 6. – С. 77–96. – URL: <https://www.fin-izdat.ru/journal/fc/detail.php?ID=82291> (дата обращения: 15.04.2026).
3. Вандина, О.Г. Цифровизация государственного финансового контроля в Российской Федерации: преимущества и перспективы развития / О.Г. Вандина // Russian Journal of Management. – 2026. – Т. 14, № 1. – С. 67–83. – URL: <https://rusjm.ru/ru/nauka/article/113830/view> (дата обращения: 15.04.2026).
4. Романова, Д. Р. Внедрение цифровых технологий в систему государственного финансового контроля / Д.Р. Романова // Экономика и управление: проблемы, решения. – 2025. – Т. 1, № 6. – С. 218–222. – URL: https://s-lib.com/issues/eiu_2025_06_v1_a25/?ysclid=mo1dhrjtv765954354 (дата обращения: 15.04.2026).
5. О персональных данных: Федер. закон Рос. Федерации от 27.07.2006 № 152-ФЗ: в ред. от 24.06.2025 // КонсультантПлюс. Россия: справ. правовая система (дата обращения: 16.04.2026).
6. Бюджетный кодекс Российской Федерации: принят 31.07.1998 № 145-ФЗ: в ред. от 28.12.2025 // КонсультантПлюс. Россия: справ. правовая система (дата обращения: 16.04.2026).
7. Налоговый кодекс Российской Федерации (часть первая): принят 31.07.1998 № 146-ФЗ: в ред. от 03.12.2025 // КонсультантПлюс. Россия: справ. правовая система (дата обращения: 16.04.2026).
8. Пешкова (Белогорцева), Х. В. «Электронный бюджет» как информационный ресурс в финансовом праве // Журнал юридических исследований. – 2025. – № 4. – С. 109–116. – URL: <https://naukaru.ru/ru/nauka/article/110398/view> (дата обращения: 16.04.2026).

**ШПИОНАЖ: МЕЖДУНАРОДНЫЕ ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ
НОРМАТИВНОГО ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ
УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ
И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПО ПРОТИВОДЕЙСТВИЮ ШПИОНАЖУ**

Волков А.В.,

*старший преподаватель кафедры уголовного права и уголовного процесса
учреждения образования «Витебский государственный
университет имени П.М. Машерова»*

Обух Е.В.,

*студент юридического факультета учреждения образования
«Витебский государственный университет имени П.М. Машерова»*

Шпионаж занимает уникальное положение в системе права. Являясь фактическим инструментом межгосударственных отношений, он прямо не запрещен универсальными международными договорами, однако квалифицируется как тяжкое преступление в национальных законодательствах. Это порождает фундаментальную асимметрию: «нападающая» сторона (государство-инициатор разведки) действует в условиях международно-правовой неопределенности, тогда как «защищающаяся» сторона (государство-объект посягательства) формирует развернутую систему правовых запретов. Цель работы – анализ этой асимметрии на основе источников международного и национального права.

Исследование проведено на основе таких нормативных правовых актов, как: Устав ООН, Уголовный кодекс Республики Беларусь, Закон Республики Беларусь «О государственных секретах», Концепция национальной безопасности Республики Беларусь и др.

Правовой статус «нападающей» стороны. Устав ООН закрепляет принципы, нарушаемые разведывательной деятельностью. Пункт 4 статьи 2 обязывает государства уважать территориальную неприкосновенность друг друга. Пункт 7 статьи 2 устанавливает принцип невмешательства во внутренние дела, согласно которому ООН не имеет права на вмешательство в дела, входящие во внутреннюю компетенцию государства [1].

Несанкционированное проникновение на территорию суверенного государства с целью сбора информации и получение сведений о его внутренних делах нарушают эти принципы. Однако Устав ООН не содержит специальных норм, прямо запрещающих шпионаж, и не создает механизмов ответственности для государства-инициатора. «Нападающая» сторона формально нарушает основополагающие принципы международного права, но остается вне поля прямого международно-правового регулирования.

Правовой статус «защищающейся» стороны по законодательству Республики Беларусь. В отличие от международно-правового вакуума

для «нападающей» стороны, законодательство Республики Беларусь формирует комплексную систему противодействия шпионажу.

1. Предметно-объектная основа: Закон о государственных секретах. Статья 1 Закона определяет государственные секреты как «сведения, отнесенные в установленном порядке к государственным секретам, защищаемые государством». Статья 14 относит к государственной тайне сведения в области политики (стратегия и тактика внешней политики), экономики (мобилизационные мощности, технологии защиты денежных знаков), военной области, области науки и техники, а также сведения о разведывательной, контрразведывательной и оперативно-розыскной деятельности.

Статья 17 Закона вводит градацию степеней секретности: для государственной тайны устанавливаются степени «Особой важности» и «Совершенно секретно», для служебной тайны – степень «Секретно» [2]. Включение сведений в специальные перечни обеспечивает формальную определенность предмета преступления.

2. Субъектно-дифференцированная ответственность: Уголовный кодекс. УК четко дифференцирует ответственность в зависимости от гражданства субъекта. Этот аспект регулируют статьи 356 «Измена государству», 358 «Шпионаж» и 358¹ «Агентурная деятельность». Санкции за совершение этих преступлений являются одними из самых строгих в Уголовном кодексе и могут достигать вплоть до пожизненного заключения и смертной казни [3].

3. Доктринально-стратегическая основа: Концепция национальной безопасности. Концепция определяет национальную безопасность как «состояние защищенности национальных интересов Республики Беларусь от внутренних и внешних угроз» [4]. Разведывательная деятельность иностранных государств прямо отнесена к основным внешним угрозам. Концепция определяет систему обеспечения национальной безопасности и задает стратегические ориентиры для всех государственных органов.

Международно-правовое регулирование шпионажа по Уставу ООН носит декларативный характер. Принципы территориальной неприкосновенности и невмешательства формально нарушаются разведывательной деятельностью, однако Устав не содержит специальных запретов и санкций. Действия «нападающей» стороны остаются вне прямого международно-правового регулирования.

Национальное право «защищающейся» стороны формирует систему обороны, включающую: предметно-объектный уровень (Закон о госсекретах, определяющий защищаемые сведения и степени секретности); уголовно-правовой уровень (Уголовный кодекс с составами измены, шпионажа и агентурной деятельности); доктринально-стратегический уровень (Концепция нацбезопасности, определяющая угрозы).

Таким образом, шпионаж характеризуется фундаментальной асимметрией: на международном уровне – правовой вакуум для "нападающей" стороны, на национальном уровне – всеобъемлющая система запретов для «защищающейся» стороны.

Список использованных источников:

1. Устав Организации Объединенных Наций: подписан 26 июня 1945 г: вступил в силу 24 октября 1945 г. // Организация Объединенных Наций. – URL: <https://www.un.org/ru/about-us/un-charter/full-text> (дата обращения: 01.03.2026).
2. О государственных секретах: Закон Республики Беларусь от 19 июля 2010 г. № 170-З: в ред. Закона Респ. Беларусь от 29 мая 2025 г. № 80-З: // ЭТАЛОН: информ.-поисковая система (дата обращения: 28.03.2026).
3. Уголовный кодекс Республики Беларусь: 9 июля 1999 г., № 275-З: принят Палатой представителей 2 июня 1999 г.: одобр. Советом Респ. 24 июня 1999 г.: в ред. Закона Респ. Беларусь от 20.10.2025 г. // ЭТАЛОН: информ.-поисковая система (дата обращения: 28.03.2026).
4. Концепция национальной безопасности Республики Беларусь: решение Всебел. нар. собр. от 25 апр. 2024 г. № 5 // ЭТАЛОН: информ.-поисковая система (дата обращения: 01.03.2026).
5. Соглашение между Российской Федерацией и Республикой Беларусь о взаимном обеспечении защиты государственной тайны Российской Федерации и государственных секретов Республики Беларусь: подписано 20 января 2003 г.: вступил в силу 25 января 2004 г. / Министерство иностранных дел Российской Федерации. – URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/international_contracts/international_contracts/2_contract/46206/ (дата обращения: 01.03.2026).

**ПРИМЕНЕНИЕ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА
В СУДАХ РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН:
ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ПРАКТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ
ЦИФРОВИЗАЦИИ**

Гаджиев А.А.,

*доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин
Российского экономического университета имени Г.В. Плеханова,
кандидат юридических наук*

В условиях стремительной цифровизации общественных отношений в судебную систему Республики Казахстан активно внедряют современные информационные технологии, включая искусственный интеллект (далее по тексту – ИИ).

Казахстан занимает лидирующие позиции среди государств постсоветского пространства по уровню цифровизации правосудия, последовательно переходя от модели электронного правосудия к концепции цифрового правосудия, предполагающей глубокую автоматизацию судебных процедур, повышение их прозрачности и доступности.

Искусственный интеллект активно применяется в судебной системе Казахстана в определенных ключевых направлениях. Во-первых, в процессе анализа судебной практики и прогнозирование исходов дел. Во-вторых, в процессе распределения судебных дел между судьями соответствующего суда и обработки административных споров. В-третьих, используются инструменты цифровой аналитики для поиска и обработки судебных актов. При этом ИИ применяется в подготовке проектов судебных решений и процессуальных документов.

Правовое регулирование отношений, связанных с использованием ИИ, осуществляется на основе Закона Республики Казахстан «Об искусственном интеллекте» (далее по тексту – Закон «Об искусственном интеллекте»).

Данный нормативный акт закрепляет основные принципы государственного регулирования общественных отношений в сфере искусственного интеллекта. Особое значение имеет принцип ответственности и подконтрольности (статья 8), согласно которому все субъекты, занимающиеся созданием, эксплуатацией систем искусственного интеллекта, несут ответственность за деятельность систем искусственного интеллекта, а также за результаты деятельности систем искусственного интеллекта, исходя из их роли, на всех этапах жизненного цикла системы искусственного интеллекта.

Однако формулировка «исходя из их роли» вызывает ряд теоретических и практических вопросов. В частности, остается дискуссионным вопрос определения степени ответственности разработчиков систем ИИ в условиях отсутствия универсальных механизмов защиты от киберугроз. Также затруднения возникают при установлении причинно-следственной связи между действиями конкретных субъектов и неблагоприятными последствиями, вызванными функционированием ИИ.

Безусловно, определенные технические решения позволяют установить субъекта, действия которого послужили причиной наступления неблагоприятных последствий. Однако это не всегда представляется возможным.

Значимым для судопроизводства является выделенное в статье 8 Закона «Об искусственном интеллекте» ответственность субъектов, эксплуатирующих системы ИИ. В данном контексте, ответственность за деятельность и за последствия деятельности ИИ исходя из роли субъектов, возлагается на судей или иных уполномоченных сотрудников суда, которые эксплуатируют ИИ.

Таким образом, использование искусственного интеллекта в судебной системе Казахстана находится на стадии активного развития. Применение ИИ способствует:

- *ускорению судебных процессов;*
- *повышению качества принимаемых решений;*
- *снижению коррупции;*
- *снижению нагрузки на судей и расширению доступа граждан к правосудию.*

Несмотря на преимущества, использование ИИ связано с рядом рисков, включая возможные алгоритмические ошибки, недостаточную прозрачность решений, а также вопросы юридической ответственности и потенциальной дискриминации.

Полагаем, что наиболее перспективным направлением применения в судебном процессе систем ИИ является допустимость их применения для содействия и упрощения деятельности суда в ходе рассмотрения и принятия решения, однако не в целях замены судьи. Данный подход повышает эффективность суда без сокращения его кадрового состава и ограничивает идеи последующего делегирования полномочий судьи системам ИИ. При этом отсутствие устоявшейся правоприменительной практики в части привлечения к ответственности лиц за деятельность и за последствия такой деятельности ИИ повышает привлекательность подхода ограниченного применения ИИ в ходе судопроизводства.

Список использованных источников:

1. Конституция Республики Казахстан. - URL: <https://adilet.zan.kz> (дата обращения 19.04.2026).

2. Сактаганова И. С., Мицкая Е.В., Сактаганова А.Б. Применение искусственного интеллекта при отправлении правосудия: перспективы и вызовы / И.С.Сактаганова [и др.]. - URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/primenenie-iskusstvennogo-intellekta-pri-otpravlenii-pravosudiya-perspektivy-i-vyzovy> (дата обращения 19.04.2026).

3. Турецкий, Н.Н. О Законе Республики Казахстан «Об искусственном интеллекте» / Н.Н.Турецкий // Вестник Института законодательства и правовой информации Республики Казахстан. Научно-правовой журнал. - 2025. № 80(4). - С. 398-407.

4. Судьям Казахстана помогает искусственный интеллект. - URL: <https://sud.gov.kz/rus/massmedia/sudyam-kazahstana-pomogaet-iskusstvennyy-intellekt-pravoru-23022023-g> (дата обращения 19.04.2026).

5. Официальный сайт Верховного суда Республики Казахстан. – URL: <https://sud.gov.kz/rus/massmedia/sudyam-kazahstana-pomogaet-iskusstvennyy-intellekt-pravoru-23022023-g> (дата обращения 19.04.2026).

6. МАСА: уникальный опыт Астаны в применении ИИ привлек внимание мировой судебной системы. - URL: <https://sud.kz/rus/news/maca-unikalnyy-opyt-astany-v-primenenii-ii-privlek-vnimanie-mirovoy-sudebnoy-sistemy> (дата обращения 19.04.2026).

ПРАВО НА ДОСТУП В ИНТЕРНЕТ: МЕСТО В СИСТЕМЕ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА

Гурина М.В.,

*старший преподаватель кафедры конституционного
и административного права Академии управления
при Президенте Республики Беларусь*

Интернет стал неотъемлемой частью нашей жизни. Его повсеместное распространение и использование является одним из самых значимых явлений и определяющих факторов развития современного информационного общества. В этой связи в научной юридической литературе

достаточно распространенным стало мнение о необходимости включения права на доступ в интернет в каталог важнейших прав человека. Дискуссионным также является вопрос о том, в какой категории должно быть отнесено это право.

Считается, что начало научной дискуссии о возможности выделения в каталоге прав человека такого права как право на доступ в интернет и его месте в системе этих прав было положено в 2011 году докладом Специального докладчика ООН по вопросу о поощрении и защите права свободу мнений и их свободное выражение Франка Ла Рю (далее – Доклад 2011 г.), в котором впервые доступ в интернет рассматривался в разрезе реализации основных прав человека. В последующем вопрос о праве на доступ в интернет неоднократно становился как предметом научного дискурса, так и межгосударственного обсуждения, преимущественно в рамках международных организаций.

В настоящее время дискуссия разворачивается главным образом вокруг двух вопросов. Первый из них состоит в том, является ли право на доступ в интернет собственно правом, либо же его следует рассматривать лишь как способ (средство, форму) реализации других прав. В случае признания права на доступ в интернет правом, возникает второй вопрос, суть которого заключается в том, является ли это право самостоятельным правом или составной частью, т.е. производным правом другого права, и если да, то какого.

Что касается первого вопроса, то следует отметить, что как в упомянутом выше Докладе 2011 г., так и в аналогичном докладе Специального докладчика ООН 2023 г. доступ в интернет не указывается в качестве права. В частности, в Докладе 2011 г. отмечается: «Интернет, значительно расширяя возможности людей осуществлять свое право на свободу мнений и их свободное выражение, способствует также реализации других прав, экономическому, социальному и политическому развитию, а также развитию человечества в целом» [1, с. 145]. В связи с этим право на интернет должно рассматриваться скорее как способ или форма реализации других прав (права на информацию, права на получение образования, права на труд и др.).

Тем не менее, к настоящему времени большинство исследователей, как отечественных, так и зарубежных, сходятся во мнении, что право на доступ в интернет следует считать правом, а не формой (способом) реализации различных прав. С учетом темпов развития информационного общества и значимой роли Интернета в этих процессах, такой подход представляется оправданным. Достаточно подробно определено содержание этого права с присущими только ему конкретными правомочиями, большинство из которых сводятся к двум основным категориям: доступу к интернет-инфраструктуре (т.н. «право на вход») и доступу к контенту, создаваемому или распространяемому в Интернете (т.н. «право

на коммуникацию») [1, с. 149]. Что касается вопроса, является ли это право самостоятельным или производным, то следует подчеркнуть, что обычно это право обсуждается в разрезе необходимости обеспечения права на получение информации и свободы слова. Кроме этого, высказывается также мнение, что право на доступ в интернет в настоящее время может быть отнесено к категории основных прав человека. В качестве косвенного подтверждения такой точки зрения и возрастания значимости самого права может служить тот факт, что ряд государств уже закрепили данное право на конституционном уровне (например, ст. 6 Конституции Мексики, ст. 33 Конституции Узбекистана и др.). Тем не менее, такая позиция не в полной мере оправдана и пока преждевременна [2, с. 197], поскольку право на доступ в интернет не отвечает важнейшим признакам основных (фундаментальных) прав человека, таким как универсальность (в силу существующего значительного цифрового разрыва между государствами, различного понимания содержания права на доступ в интернет) [1, с. 151], естественное происхождение (право на доступ в интернет не носит имманентный характер), неотъемлемость и др.

По нашему мнению, оба подхода имеют право на существование. Право на доступ в интернет может рассматриваться и как форма реализации других прав, и как самостоятельное право. Но выделяя право на доступ в интернет в качестве самостоятельного права, речь должна идти об этом праве не только в разрезе права на информацию, но и с позиции закрепленного в Международном пакте об экономических, социальных и культурных правах 1966 г. права каждого человека на пользование результатами научного прогресса и их практического применения, т.е. права на «присоединение к инфраструктуре Интернета посредством доступа к услугам провайдера по доступной стоимости» [1, с. 149]. Такое содержание права на доступ в интернет соответствует современным подходам к этому вопросу как на национальном, так и на международном уровне, где с целью недопущения дискриминации и «цифрового разрыва» делается акцент на необходимости создания условий для повышения уровня технической грамотности, сокращения имущественных ограничений, препятствующих доступу в интернет.

Список использованных источников:

1. Мочалов, А.Н. Право на доступ в интернет: юридическое содержание и механизм реализации / А.Н. Мочалов, Н.Е. Колобаева, С.Э. Несмеянова // Антиномии. – 2021. – Т. 21, вып. 3. – С. 135-163. – URL:<https://cyberleninka.ru/article/n/pravo-na-dostup-v-internet-yuridicheskoe-soderzhanie-i-mehanizm-realizatsii> (дата обращения: 13.04.2026).
2. Середа, Р. А. Право на доступ к сети интернет как субъективное право человека: аспекты признания и закрепления / Р. А. Середа // Право и цифровые технологии: электрон. сб. ст. Междунар. науч.-практ. конф., Новополоцк, 24 нояб. 2023 г. / Полоц. гос. ун-т им. Евфросинии Полоцкой; редкол.: И. В. Шахновская, П. В. Соловьев. – Новополоцк, 2024. – С. 195-202.

КРИМИНАЛИСТИЧЕСКАЯ ИДЕНТИФИКАЦИЯ ПРИЗНАКОВ ВЕРБАЛЬНОГО ПРАВОНАРУШЕНИЯ: ПРОБЛЕМЫ И ПУТИ ИХ НИВЕЛИРОВАНИЯ

Лавицкий А.А.,

*заведующий кафедрой правоведения и социально-гуманитарных дисциплин
Витебского филиала «Международный университет “МИТСО”»,
кандидат филологических наук, доцент*

В последнее десятилетие в отечественной правоприменительной практике особую значимость приобрели вербальные правонарушения – законодательно идентифицируемые противоправные деяния, которые реализуются в речевой деятельности и обнаруживаются в ее содержании (в тексте). Такие правонарушения не формализованы как отдельный классификационный вид, однако их актуальность для следствия и судебного процесса не вызывает сомнений. Так, если ранее вербальные правонарушения, как правило, ассоциировались с оскорблением, клеветой и угрозой, то сегодня, как показывает криминалистическая практика, «языковой след» чаще всего имеют преступления против мира, безопасности человечества, государства и порядка осуществления власти и управления. В первую очередь речь идет о действиях, правовая квалификация которых определяется такими понятиями, как *призыв, разжигание вражды / розни, дискредитация государства* и др. Также наблюдается интерес к изучению вербальных правонарушений в рамках гражданского судопроизводства по делам, сопряженным с защитой чести, достоинства и деловой репутации. В доминирующем количестве случаев такой противоправный контент имеет цифровую форму и распространяется посредством технологических средств предоставления удаленного доступа. В этой связи актуализируется цель настоящего исследования – аналитически изучить отдельные проблемные аспекты криминалистической идентификации признаков вербальных правонарушений и представить пути их нивелирования.

В отличие от начала 2000-х годов, когда специалисты отмечали, что «<...> исследования в области лингвистической экспертизы сразу выявили то, что теоретическая лингвистика не готова решать конкретные исследовательские задачи» [4, с. 15], современная криминалистика смогла преодолеть критические научно-методические вызовы и прочно закрепиться в системе судебно-экспертных исследований. Несмотря на это, в отечественной лингво-экспертологии остается еще ряд нерешенных проблем, имеющих системный характер. Функционально их можно систематизировать на 1) *организационно-тактические*, 2) *терминологические*, 3) *методологические*.

1. *Организационно-тактические проблемы* обусловлены отдельными процессуальными аспектами назначения и производства экспертизы текста и касаются всех видов специальных криминалистических исследований.

Дело в том, что в национальной правовой системе законодательно закреплено два лингвокриминалистических института: 1) институт судебной лингвистической экспертизы и 2) институт лингвистической экспертизы. Формально об этом свидетельствуют ст. 230 и 231 УПК. Первый относится в лицензируемым видам деятельности и регулируется Законом Республики Беларусь «О судебно-экспертной деятельности» (в редакции от 17 июля 2023 г. № 300-3). Субъектами института лингвистической экспертизы являются лица, не имеющие специальной криминалистической квалификации, но обладающие знаниями в науке, технике, искусстве, ремесле и иных сферах деятельности. В следственной и судебной практике понятия экспертизы и судебной экспертизы используются как синонимичные: при назначении экспертного исследования диспозиции норм УПК (ст. 226), ПИК_оАП (ст. 11.12.) и КГС (ст. 218) не дифференцируют рассматриваемые понятия.

Такая легитимизация лингвокриминалистической практики имеет отдельные недостатки. Во-первых, при сравнении нормативно-правовых актов очевидно отсутствие корреляции между понятиями *судебный эксперт* и *эксперт* (хотя формально оба лица отличаются только тем, что первый имеет специальное разрешение на проведение специальных исследований): согласно Закону «О судебно-экспертной деятельности» судебный эксперт – это лицо, которое «проводит судебную экспертизу объективно в пределах своей компетенции, всесторонне и в полном объеме с применением допустимых и достоверных методов» (п. 1 ст. 9); в соответствии с УПК (ст. 61) и ПИК_оАП (ст. 4.7.) эксперт – это не заинтересованное в исходе уголовного дела (административного правонарушения) лицо, обладающее специальными знаниями в науке, технике, искусстве, ремесле и иных сферах деятельности, которому поручено проведение экспертизы. Разумеется, что фактически оба понятия юридически должны трактоваться идентично с тем лишь отличием, что судебный эксперт имеет лицензию или работает в организации, имеющей специальное разрешение.

Во-вторых, белорусское административное и уголовное законодательство зачастую не ограничивает процессуальные формы деятельности судебного эксперта и эксперта от работы специалиста (в соответствии со ст. 62 УПК, ст. 4.8. ПИК_оАП специалистом является «не заинтересованное в исходе уголовного дела лицо, обладающее специальными знаниями в науке, технике, искусстве, ремесле и иных сферах деятельности, вызванное органом, ведущим уголовный процесс, для участия и оказания содействия в производстве следственных и других процессуальных действий»). Только в ст. 88 КГС указывается, что формой участия специалиста в судебном процессе является *консультация*.

2. *Терминологические проблемы* лингвоэкспертной деятельности обусловлены спецификой правового дискурса в части необходимости использовать в профессиональной коммуникации легальных дефиниций – определения понятий, зафиксированных в нормативных правовых актах.

Однако в национальном праве далеко не все понятия, имеющие концептуальную значимость для специального исследования конфликтогенного текста, зафиксированы на законодательном уровне или имеют негодные трактовки. В качестве примера приведем такую категорию, как *дискредитация*, квалифицирующую состав преступлений, предусмотренных ст. 369¹ УК Беларуси (Дискредитация Республики Беларусь). В содержании указанной уголовной статьи, а также в эталонном определении, размещенном на национальном правовом Интернет-портале (pravo.by), имеется дефиниция, где дискредитация понимается через причастие *дискредитирующий*: «распространение заведомо ложных сведений <...>, дискредитирующих Республику Беларусь <...>».

Обращаясь к экспертной практике по делам, сопряженным с совершением преступления, предусмотренного ст. 369¹ УК Беларуси, приведем пример вопроса, поставленного на разрешение эксперту: *Имеется ли в представленных видеозаписях сведения, <...>, негативно характеризующие политическое, экономическое и международное положение Республики Беларусь <...>?* Сравним с вопросом, на который обычно требуется ответить эксперту в рамках установления признаков распространения ложной информации: *Содержится ли в представленной публикации информация, негативно характеризующая личность <X>, или сведения о нарушении им закона?* Обе формулировки синонимизируют понятия дискредитации и клеветы, хотя, очевидно, что это не так. Общелингвистическое определение глагола *порочить* можно представить, как ‘распространить предосудительные сведения о ком-, чем-л., выставлять в неблагоприятном свете, чернить, позорить’. *Дискредитацию* же следует понимать, как ‘подорвать доверие и умалить авторитет’, то есть указать, что кто-то или что-то не справляется со своими задачами, с решением возложенных на него обязанностей, не пользуется уважением и авторитетом: *Райисполкомы давно не могут решить проблемы своих регионов с подготовкой к посевной и игнорируют все решения Правительства*. Клевета же – понятие более широкое (можно даже согласиться с тем, что дискредитация – это частный случай опорочивания, то есть клеветы). Лингвистическими маркерами клеветы являются любые атрибутивные конструкции с негативной семантикой: *Райисполкомы врут, рапортуя о готовности своих регионов к посевной*.

Решение проблем терминологического характера в сфере лингвоэкспертной деятельности видится в юридикации понятий, не получивших законодательно зафиксированных трактовок, а также в нивелировании неточностей в уже нормативно закрепленных определениях.

3. *Методические проблемы* криминалистической идентификации признаков вербальных правонарушений чаще всего актуализируют в приезде прикладного статуса лингвоэкспертной деятельности. Чаще всего субъектов правового процесса занимают вопросы методов и методик специального исследования конфликтогенного текста, источников интерпретаций

его содержания. Все это чаще всего является предметом рассмотрения при попытках признания результатов экспертного исследования никчемными.

Современные исследователи практически единодушны во мнении о том, что «реальная практика лингвистической экспертизы показывает чрезвычайно богатую палитру методов и отчасти связанных с ними методик, которые используют в своих исследованиях лингвисты-эксперты» [1, с. 119]. При этом консервативно настроенные ученые говорят о «чрезмерном расширении» методологического инструментария судебной лингвистической экспертологии, утверждая, что здесь «царит явный количественный и качественный хаос» [2, с. 120]. Отсутствуют единые нормативные требования, а также общие научно-методические подходы ученых к выбору словарей – важнейшему источнику интерпретации семантического значения отдельных языковых единиц и всего конфликтного текста. Предпринимаемые специалистами попытки нормализации вопросов уточнения перечня лексикографических источников пока не дают требуемого результата, в первую очередь из-за отсутствия обоснованной системы критериев оценки годности словаря для лингвоэкспертной практики. Такое положение дел привело к появлению такого понятия, как ангажированная экспертиза.

Также наблюдается недостаток в методиках специального исследования конфликтного текста. Так, в «Реестр методических материалов в сфере судебно-экспертной деятельности» внесено только 6 комплексных методик, из которых 2 подготовлены в России. Особенно остро потребность в исследовательских методиках наблюдается в отношении поликодовых текстов. Чаще всего это негативно сказывается на правоприменительной практике. Так, на одном из совещаний межведомственной рабочей группы по взаимодействию представители МВД отмечали, что из-за отсутствия утвержденных экспертных методик только в 10% случаев ведомство возбуждало уголовные дела, сопряженные с совершением преступлений экстремистской направленности. В это же время по результатам экспертиз, порученных внеэкспертным организациям, этот показатель составлял около 70%. Таким образом, очевидной является необходимость интенсификации научно-исследовательской и научно-методической деятельности в сфере расширения методологического обеспечения лингвоэкспертной работы.

Таким образом, современная лингвистическая экспертология, несмотря на свой статус официально оформленной подотрасли лингвоправовых исследований, сталкивается с различными проблемами организационно-тактического, терминологического и методологического характера. Первые связаны с нерешенными вопросами нормативно-правового статуса и процессуальными формами работы судебного эксперта, эксперта, специалиста. Терминологические вопросы обусловлены необходимостью юридизации отдельных понятий, в также нормализации

трактовок отдельных категорий, имеющих концептуальное значение для квалификации состава правонарушения. На методологическом уровне проблемными в лингвокриминалистической деятельности являются нехватка экспертных методик, отсутствие унифицированных подходов к перечню лексикографических источников и методов проведения специального исследования конфликтного текста.

Список использованных источников:

1. Бринев, К.И. Теоретическая лингвистика и судебная лингвистическая экспертиза: монография / К.И. Бринев; под ред. Н.Д. Голева. – Барнаул: АлтГПА, 2009. – 252 с.
2. Кукушкина, О. В. Методы анализа, применяемые в судебной лингвистической экспертизе / О.В. Кукушкина // Теория и практика судебной экспертизы. – 2016. – № 1 (41). – С 118-126.

**ПРОЦЕССУАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ ПРЕДЪЯВЛЕНИЯ
ДЛЯ ОПОЗНАНИЯ В РЕЖИМЕ ВИДЕОКОНФЕРЕНЦСВЯЗИ.
КРИТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ
СТ. 189.1 УПК РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**

Мельник С.Л.,

*заведующий кафедрой организации судебной и прокурорской деятельности
ФГБОУ ВО «Смоленский государственный университет»,
кандидат юридических наук, доцент*

Цифровая трансформация уголовного судопроизводства является закономерным этапом развития правовой системы в условиях глобальной информатизации. Принятие Федерального закона от 30.12.2021 № 501-ФЗ, дополнившего Уголовно-процессуальный кодекс РФ статьей 189.1, ознаменовало переход от исключительного использования видеоконференцсвязи (ВКС) в судебных стадиях к её активному внедрению в досудебное производство.

Несмотря на очевидные преимущества дистанционного формата - оптимизацию временных затрат, экономию бюджетных средств и возможность проведения следственных действий с участниками, находящимися в разных регионах, - практика реализации данных норм сталкивается с серьезными вызовами. Наиболее дискуссионным представляется проведение дистанционного предъявления для опознания. Данное следственное действие по своей природе опирается на непосредственность чувственного восприятия и психологические механизмы узнавания, которые в цифровой среде подвергаются существенным искажениям.

Актуальность темы исследования обусловлена необходимостью поиска баланса между технологическим прогрессом и сохранением фундаментальных процессуальных гарантий достоверности

доказательственной базы и безопасности участников процесса. Целью настоящей статьи является критический анализ правовых лакун ст. 189.1 УПК РФ и выработка предложений по совершенствованию тактики дистанционного опознания.

Введение указанного Федерального закона стало ответом законодателя на требования цифровизации и потребности в оптимизации сроков следствия. Однако, как отмечает Л.А. Воскобитова [1, с. 23], внедрение цифровых технологий в уголовный процесс не должно нарушать фундаментальные гарантии прав участников. Применительно к предъявлению для опознания дистанционный формат создает, на наш взгляд, ряд правовых коллизий.

Первая проблема связана с обеспечением безопасности опознающего. Согласно ч. 8 ст. 193 УПК РФ, опознание может проводиться в условиях, исключающих визуальное наблюдение опознающего опознаваемым, то есть осуществляться с использованием физического барьера (стекло с односторонней прозрачностью). В то же время ч. 4 ст. 189.1 УПК РФ императивно требует применения видеозаписи, то есть физическая среда заменяется цифровой. В случае, когда опознающий находится в одном следственном органе, а опознаваемый - в другом, видеопоток с изображением лица и голосом опознающего неизбежно проходит через каналы связи, то есть возможен риск перехвата изображения; отображается на мониторах технического персонала (системных администраторов, специалистов) в обоих ведомствах; сохраняется на материальном носителе как приложение к протоколу.

Как справедливо отмечали Е.П. Гришина [2, с. 111] и ряд других процессуалистов, в такой модели «процессуальная тайна» перестает быть абсолютной. Существует риск «технической деанонимизации», когда подозреваемый или его защитник могут получить доступ к метаданным файла или к записям с камер наблюдения в коридорах того здания, где находится скрытый свидетель.

Кроме того, современное программное обеспечение позволяет восстановить измененный простым эквалайзером голос до оригинала. Если следствие использует примитивные средства искажения, анонимность становится фикцией. Опознаваемый может идентифицировать опознающего не только по лицу, но и по деталям интерьера кабинета, одежде или специфическим жестам, которые попадают в кадр при видеоконференцсвязи.

Проблема обеспечения конфиденциальности при дистанционном опознании усугубляется участием в следственном действии технических специалистов. Как отмечает О.А. Зайцев [3, с. 223], государственная защита участников процесса в условиях цифровой трансформации требует минимизации круга лиц, имеющих доступ к трансляции. Появление в цепочке передачи данных «гражданских» ИТ-специалистов, системных

администраторов или операторов связи, не являющихся субъектами расследования и не несущих процессуальной ответственности за разглашение данных о личности, создает реальную угрозу деанонимизации защищаемых лиц.

Полагаем, целесообразным нормативно закрепить возможность «цифрового маскирования» (изменения голоса и внешности) в режиме реального времени при осуществлении трансляции при предъявлении для опознания и дополнить ст. 189.1 частью 4.1. следующего содержания: «В случае проведения следственных действий, предусмотренных ч. 8 статьи 193 настоящего Кодекса, с использованием систем видеоконференцсвязи, технические средства должны обеспечивать гарантированное изменение внешности и голоса опознающего в режиме реального времени. Видеозапись в данном случае приобщается к материалам уголовного дела исключительно в измененном (замаскированном) виде, а оригинал записи хранится в условиях, исключающих доступ к нему участников со стороны защиты, по правилам хранения данных о личности защищаемого лица (ч. 9 ст. 166 УПК РФ)».

С тактической точки зрения, при проведении дистанционного опознания, «техническому» следователю (по месту нахождения опознающего) необходимо обеспечить нейтральный фон (хромакей или однотонная стена) и отсутствие в кадре предметов, позволяющих локализовать место проведения следственного действия.

Вторая проблема – актический барьер «цифрового искажения». Если опознание по внешности (статике) через видеоконференцсвязь еще можно признать адекватным, то опознание по динамическим признакам (функциональным особенностям) в цифровой среде сталкивается с серьезными преградами.

В традиционной криминалистике (работы Р.С. Белкина) [4, с. 172] функциональные признаки - походка, жестикауляция, мимика, привычные позы - считаются наиболее устойчивыми и трудно поддающимися маскировке. В отличие от элементов внешности, которые можно изменить (грим, пластика), динамический стереотип человека формируется годами и проявляется подсознательно. Автор подчеркивал, что динамические признаки являются наиболее устойчивыми элементами криминалистической характеристики человека, однако их восприятие требует непрерывности и полноты визуального контакта.

Для полноценного восприятия функциональных признаков необходима передача движения в режиме «реального времени» с высокой степенью детализации. На практике могут возникнуть проблемы, связанные с низкой частотой кадров (FPS), это превращает плавное движение (походку) в набор прерывистых статичных образов. При задержках сигнала «выпадают» именно те мелкие нюансы моторики (хромота, специфический разворот стопы, подергивание плеча), по которым свидетель

узнает преступника. При недостаточном канале связи алгоритмы сжатия видео (кодеки) жертвуют детализацией движущихся объектов. В результате вместо четкого жеста опознающий видит размытое «пятно», что делает опознание по мимике или мелкой моторике рук практически невозможным. Стандартные камеры видеоконференцсвязи – систем часто имеют широкоугольные линзы, которые искажают пропорции тела и траекторию движения (эффект «рыбьего глаза»). Это меняет восприятие роста, длины шага и осанки, о чем в своих трудах предупреждали специалисты в области судебной фотографии и видеозаписи. И наконец, в условиях следственных кабинетов камеры часто закреплены статично и под определенным углом (обычно сверху вниз). Для опознания по походке требуется фронтальный и профильный обзор на дистанции не менее 5-7 метров, что технически неосуществимо в большинстве помещений органов внутренних дел, оборудованных видеоконференцсвязью.

Считаем, решить эту проблему можно путем дополнения ч. 4 ст. 189.1 следующим положением: «В протоколе следственного действия в обязательном порядке указываются: наименование программного и аппаратного обеспечения связи, разрешение видеопотока, наличие или отсутствие технических помех, прерываний связи и десинхронизации звука и изображения. В случае заявления участниками жалоб на качество связи, данные жалобы подлежат обязательному занесению в протокол».

Подводя итог проведенному анализу, следует констатировать, что текущая редакция ст. 189.1 УПК РФ носит рамочный характер и не учитывает специфику предъявления для опознания как сложного познавательного процесса. Переход от физического контакта к цифровому опосредованию создает две критические группы рисков: процессуальные (угроза деанонимизации защищаемых лиц) и тактические (искажение функциональных признаков объекта из-за технических артефактов). Поэтому полагаем, что необходимо внести дополнения в ст.189.1, а именно:

часть 4. ст. 189.1 следующим положением: «В протоколе следственного действия в обязательном порядке указываются: наименование программного и аппаратного обеспечения связи, разрешение видеопотока, наличие или отсутствие технических помех, прерываний связи и десинхронизации звука и изображения. В случае заявления участниками жалоб на качество связи, данные жалобы подлежат обязательному занесению в протокол»

частью 4.1. следующего содержания: «В случае проведения следственных действий, предусмотренных ч. 8 статьи 193 настоящего Кодекса, с использованием систем видеоконференцсвязи, технические средства должны обеспечивать гарантированное изменение внешности и голоса опознающего в режиме реального времени. Видеозапись в данном случае приобщается к материалам уголовного дела исключительно в измененном (замаскированном) виде, а оригинал записи хранится в условиях,

исключающих доступ к нему участников со стороны защиты, по правилам хранения данных о личности защищаемого лица (ч. 9 ст. 166 УПК РФ).

Цифровизация не должна превращаться в формализацию процесса в ущерб установлению истины. Только при условии жесткой регламентации технических параметров и внедрения дополнительных гарантий безопасности дистанционное опознание сможет стать полноценным и достоверным инструментом современного правосудия.

Список использованных источников:

1. Воскобитова, Л.А. Уголовное судопроизводство: трансформация теоретических представлений и регулирования в условиях цифровизации / Л.А.Воскобитова. – Москва.: Норма, 2022. – 288с.
2. Гришина, Е.П. Использование систем видеоконференцсвязи в уголовном судопроизводстве: современные реалии и перспективы развития / Е.П. Гришина // Вестник Казанского юридического института МВД России. – 2022. – № 1 (47). – С. 110-116.
3. Зайцев, О.А. Цифровизация уголовного судопроизводства и государственная защита участников процесса / О.А. Зайцев // Проблемы экономики и юридической практики. – 2021. – Т. 17. – № 4. – С. 222-227.
4. Белкин, Р. С. Курс криминалистики: в 3 т. Т. 3: Криминалистические средства, приемы и рекомендации / Р.С. Белкин. – Москва: Юристъ, 1997. – 480 с.

ПОНУЖДЕНИЕ К ДЕЙСТВИЯМ СЕКСУАЛЬНОГО ХАРАКТЕРА В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ: ОСОБЕННОСТИ СОСТАВА ПРЕСТУПЛЕНИЯ

Ментюкова М.А.,

доцент кафедры уголовно-правовых дисциплин Института права и национальной безопасности ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина», кандидат юридических наук, доцент

Чернышов А.Ф.,

студент Института права и национальной безопасности ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина»

Возрастающая распространённость преступлений против половой неприкосновенности и половой свободы личности в информационно-телекоммуникационных сетях, включая интернет и мессенджеры, придаёт особую актуальность вопросам их квалификации, в том числе квалификации понуждения к действиям сексуального характера с использованием цифровых технологий. Согласно данным Генеральной прокуратуры России [1], за последние 14 лет число подобных деяний увеличилось на 44 %, причём более половины случаев связаны с участием лиц, состоящих в той или иной форме знакомства с потерпевшими, в т.ч. виртуального. Высокая степень латентности таких преступлений в онлайн-среде осложняет их выявление и пресечение, что не только наносит непосредственный ущерб жертвам, но и подрывает

общественное доверие к институтам власти и правоохранительной системе в целом. В этой связи совершенствование механизмов расследования и противодействия преступлениям указанной категории в цифровой среде становится насущной задачей, требующей углублённого анализа причин и условий их совершения, а также выработки эффективных мер противодействия.

В современной уголовно-правовой доктрине преступления против половой неприкосновенности и половой свободы личности рассматриваются как посягательства на два взаимосвязанных объекта уголовно-правовой охраны, что предопределяет специфику соответствующих составов преступлений. При систематизации преступлений сексуального характера широкое распространение получила классификация, базирующаяся на дифференциации по видовому объекту преступного посягательства. В рамках данной схемы особый интерес представляет предложенная А.В. Корнеевой категоризация деяний в сфере половых отношений, согласно которой они подразделяются «против половой свободы личности (ст. 131–133 УК РФ) и половой неприкосновенности, нравственного и физического здоровья несовершеннолетних (ст. 134–135 УК РФ)» [2, с. 87-88]. Данная типология представляется обоснованной и в существенной степени коррелирует с концептуальными основаниями, легшими в основу структурирования главы 18 УК РФ.

Обратим внимание на то, что в рамках главы 18 УК РФ [3] понуждение к действиям сексуального характера (ст. 133 УК РФ) классифицируется как ненасильственное преступление против половой свободы личности, что предопределяет специфику его юридической квалификации в условиях использования ИТКС. В частности, при установлении состава деяния акцент смещается с физического воздействия на способы психологического давления и манипуляции в цифровой среде, в число которых могут входить: шантаж интимными фото/видео с угрозой их распространения в сети; угрозы через мессенджеры, соцсети, игровые платформы; использование фейковых аккаунтов или ботов для давления; вымогательство под угрозой публикации персональных данных (доксинг).

Подобная нормативная конструкция требует анализа данного состава преступления с учётом специфики онлайн-взаимодействий, а также характера виртуальных взаимоотношений между виновным и потерпевшим, поскольку от корректной оценки средств воздействия и наличия зависимых отношений напрямую зависит отграничение ст. 133 УК РФ от смежных составов, в том числе насильственных преступлений сексуального характера.

Квалификация понуждения к действиям сексуального характера в информационно-телекоммуникационных сетях характеризуется рядом особенностей, определяющих специфику данного состава преступления. Основной объект уголовно-правовой охраны в рамках данной нормы – половая свобода либо половая неприкосновенность личности, что прямо закреплено в положениях статьи. Вместе с тем анализ диспозиции ч. 1 ст. 133 УК РФ показывает, что преступление может затрагивать и факультативные объекты,

такие как деловая репутация лица либо его имущественные права, в т.ч. в цифровой среде (например, угроза уничтожения цифровых активов).

Круг потерпевших дифференцирован в зависимости от части статьи. Так, в рамках ч. 1 ими могут выступать исключительно совершеннолетние лица любого пола, тогда как ч. 2 и ч. 3 предусматривают защиту несовершеннолетних, что отражает повышенную степень общественной опасности посягательств в отношении уязвимых категорий граждан в онлайн-пространстве. Особого внимания при квалификации заслуживает вопрос адресата угроз, используемых в качестве средства понуждения. Как отмечается в правовой доктрине, «при понуждении того или иного лица к действиям сексуального характера угрозы в качестве адресата могут иметь как само лицо, которое понуждают к данным действиям, так и близкие ему лица, но способы самого преступного деяния могут быть обращены только к принуждаемому (потерпевшему) лицу» [4, с. 71].

В рамках данной нормы объективная сторона преступления раскрывается через совокупность действий побудительного характера, направленных на склонение потерпевшего (потерпевшей) к совершению полового сношения, мужеложства, лесбиянства либо иных действий сексуального характера посредством информационно-телекоммуникационных сетей. Ключевым элементом, формирующим состав правонарушения, выступает наличие воздействия на волю потерпевшего лица, которое реализуется посредством угроз либо иного давления в цифровой среде – как непосредственно жертве, так и её близким. Существенно, что юридическая оценка деяния не зависит от фактического достижения преступником поставленной цели. Так, преступление признаётся оконченным в момент осуществления самого понуждения, то есть с того момента, когда виновный предпринял целенаправленные действия в сети, оказывающие давление на потерпевшего с целью склонить его к совершению соответствующих действий сексуального характера. При этом фиксация доказательств (скриншоты, логи переписки) приобретает особое значение.

Законодательство устанавливает общий возрастной порог привлечения к уголовной ответственности – 16 лет, при этом пол субъекта не имеет значения: им может выступать как мужчина, так и женщина. Характерной чертой квалификации по п. «б» ч. 3 ст. 133 УК РФ выступает вариативность признаков субъекта, которая непосредственно обусловлена содержанием объективной стороны преступления. В случаях, когда понуждение реализуется посредством шантажа либо угроз в сети, субъект преступления носит общий характер – им признаётся любое вменяемое физическое лицо, достигшее 16-летнего возраста. При этом специфика способа совершения преступления может обуславливать наличие специального субъекта, например, лица, контролирующего платформу или имеющего доступ к персональным данным пользователей.

С криминологической точки зрения типичный портрет субъекта рассматриваемого преступления весьма своеобразен. По мнению И.В. Дубакиной, как правило, это лица мужского пола в возрасте 17–25 лет, обладающие относительно высоким уровнем образования и навыками работы с компью-

терными технологиями [5, с. 166]. Примечательно, что данные лица зачастую ранее не имели судимостей и не имеют явных психических отклонений, однако демонстрируют высокий уровень владения социальными сетями и могут обладать навыками взлома электронных систем.

При анализе особенностей квалификации понуждения к действиям сексуального характера значение приобретает исследование субъективной стороны преступления, которая характеризуется исключительно прямым умыслом. Данное положение означает, что виновное лицо в полной мере осознаёт общественно опасный характер своих действий в цифровой среде, а именно оно понимает, что посредством давления, угроз либо шантажа в сети целенаправленно принуждает потерпевшего к совершению действий сексуального характера, и предвидит наступление соответствующих последствий для половой свободы и неприкосновенности личности.

Сознательный характер деяния проявляется в том, что субъект не просто допускает возможность оказания воздействия на волю жертвы в онлайн-формате, но изначально выстраивает своё поведение как систему целенаправленных действий в сети, рассчитанных на преодоление сопротивления потерпевшего. Мотивационная составляющая при этом может варьироваться, однако доминирующим побуждением выступает стремление получить сексуальное удовлетворение либо обеспечить его получение иным способом через склонение жертвы к половому сношению, мужеложству, лесбиянству или иным действиям сексуального характера посредством информационно-телекоммуникационных сетей.

Таким образом, для квалификации деяния по п. «б» ч. 3 ст. 133 УК РФ важно установить не просто факт понуждения в информационно-телекоммуникационной сети, но и чёткое осознание виновным сути совершаемых действий, их направленности на нарушение половой свободы потерпевшего в цифровой среде, а также его целенаправленное желание добиться желаемого результата путём оказания давления. Отсутствие прямого умысла либо его подмена иными формами вины исключает возможность привлечения к ответственности по указанной статье.

Список использованных источников:

1. Показатели преступности России. Динамика // Портал правовой статистики. – URL: http://crimestat.ru/offenses_chart (дата обращения: 06.04.2026).
2. Уголовное право Российской Федерации. Особенная часть: учебник / под ред. А. И. Рарога. – М.: Юристъ, 2001. – 559 с.
3. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 29.12.2025) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1996. – № 25. – Ст. 2954.
4. Конорезов Н. А. Проблемы интерпретации объективных признаков состава понуждения к действиям сексуального характера / Н.А. Конорезов // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. – 2021. – № 11-2. – С. 70-75.
5. Дубакина, И. В. Особенности криминалистической характеристики понуждений к действиям сексуального характера, совершенных в сети Интернет в отношении несовершеннолетних потерпевших / И. В. Дубакина // Расследование преступлений: проблемы и пути их решения. – 2021. – № 1(31). – С. 165-169.

О НЕКОТОРЫХ ВОПРОСАХ НЕДОПУСТИМОСТИ РАСОВОЙ ДИСКРИМИНАЦИИ В СФЕРЕ ОКАЗАНИЯ ЮРИДИЧЕСКОЙ ПОМОЩИ

Михайлова Я.А.,

*преподаватель кафедры уголовного права и уголовного процесса
учреждения образования «Витебский государственный
университет имени П.М. Машерова»*

Захилько Д.Д.,

*студентка юридического факультета учреждения образования
«Витебский государственный университет имени П.М. Машерова»*

В современном обществе равенство является фундаментальным правом каждого человека. Одним из ключевых аспектов данного понятия является недопустимость расовой дискриминации, особенно в такой важной сфере, как оказание юридической помощи.

Понятие расовой дискриминации закреплено в Международной конвенции «О ликвидации всех форм расовой дискриминации» 1965 года: «Расовая дискриминация» означает любое различие, исключение, ограничение или предпочтение, основанное на признаках расы, цвета кожи, родового, национального или этнического происхождения, имеющие целью или следствием уничтожение или умаление признания, использования или осуществления на равных началах прав человека и основных свобод в политической, экономической, социальной, культурной или любых других областях общественной жизни [1, ст. 1]. В правовом отношении неприемлемость расовой дискриминации была утверждена в качестве фундаментального основания новой системы международного права путем закрепления в Уставе ООН и ЮНЕСКО [2, с. 15]. В 1963 году ООН была принята Декларация о ликвидации всех форм расовой дискриминации, в которой четко определено, что всякая теория расового различия или превосходства в научном отношении ложна, в моральном отношении предосудительна, в социальном отношении несправедлива и опасна, и ничто не позволяет оправдывать расовую дискриминацию ни в теории, ни на практике [3]. Дискриминация в юридической науке трактуется как любое неблагоприятное различие в обращении или ограничение прав человека, основанное на признаках, не связанных с его личными качествами и деятельностью, но обусловленное приписанной социальной группе.

Правовая сфера является фундаментом для функционирования современного общества, а оказание юридической помощи гражданам – важнейшим инструментом в ее социальной реализации.

Однако указанная сфера также может быть подвержена распространению в ней расовой дискриминации.

В сфере оказания юридической помощи расовая дискриминация может проявляться в следующем:

- в отказе в предоставлении юридической помощи;
- в предвзятом отношении и стереотипизации лиц;
- в нарушении процессуальных прав.

Дискриминация негативно влияет на ментальное состояние пострадавших от нее, вызывает чувство отчуждения, снижает доверие к правосудию, правовой системе и государству в целом.

В юридической сфере это особенно критично, поскольку лица, подвергшиеся дискриминации, зачастую теряют мотивацию и возможность эффективно защищать свои права. Проблема усугубляется тем, что стереотипы и предвзятые суждения работников юридической сферы могут неосознанно влиять на качество предоставления услуг.

Конституция Республики Беларусь гарантирует равенство всех граждан перед законом. Республика Беларусь является участником международных конвенций, направленных на ликвидацию расовой дискриминации.

На сегодняшний момент на территории Республики Беларусь пресекаются идеи о расовом превосходстве или ненависти, любое подстрекательство к дискриминации или насилию.

Юридическая помощь в Республике Беларусь доступна всем лицам вне зависимости от национальности, расы, пола, возраста и других признаков, а отступление от указанного принципа в некоторых случаях может повлечь за собой уголовную ответственность.

20–21 августа 2013 года делегация Беларуси во главе с заместителем Министра иностранных дел Валентином Рыбаковым приняла участие в 83-м заседании Комитета по ликвидации расовой дискриминации в рамках рассмотрения Комитетом объединенного, 18-го и 19-го доклада Республики Беларусь о выполнении положений Международной конвенции о ликвидации всех форм расовой дискриминации [4].

В ходе состоявшейся дискуссии члены Комитета высоко оценили достигнутый прогресс в сфере недопущения расовой дискриминации со времени представления предыдущего доклада в 2004 году. В частности, было отмечено, что в Беларуси отсутствует дискриминация по признакам расы, цвета кожи, вероисповедания, национального происхождения.

Несмотря на то, что в Республике Беларусь отсутствует расовая дискриминация в сфере оказания юридической помощи, полагаем необходимым выделить основные меры, которые могут быть направлены на предупреждение расовой дискриминации в сфере оказания юридической помощи, к таким мерам могут относиться следующие:

- Образование и повышение осведомленности: важно внедрять образовательные программы в обучение юристов, направленные на устранение предвзятости и стереотипов.

- Доступ к информации: обеспечение доступа к информации о правах и юридических процессах для представителей расовых меньшинств.

- Мониторинг и оценка: необходимо осуществлять регулярный мониторинг и оценку работы юридических учреждений на предмет наличия расовой дискриминации.

На основании проведенного исследования можно сделать вывод о том, что в Республике Беларусь отсутствует проблема расовой дискриминации в сфере оказания юридической помощи. Этот результат достигнут благодаря многолетней работе нашего государства, направленной на ликвидацию расовой дискриминации. Однако, по нашему мнению, в современных условиях нестабильности внешнего мира, превентивные меры необходимы для поддержания уже достигнутого уровня оказания юридической помощи всем нуждающимся.

Список использованных источников:

1. Международная конвенция о ликвидации всех форм расовой дискриминации. Принята резолюцией 2106 (XX) Генеральной Ассамблеи от 21 декабря 1965 года. – URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/raceconv.shtml (дата обращения: 13.04.2026).

2. Сальников, Е.В. Раса как юридический феномен. / Е.В. Сальников // Философия права. – 2021. – № 2. – С. 14-21.

3. Декларация Организации Объединенных Наций о ликвидации всех форм расовой дискриминации. Принята резолюцией 1904 (XVIII) Генеральной Ассамблеи ООН от 20 ноября 1963 года. – URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/r18_1904.shtml (дата обращения: 13.04.2026).

4. Официальный сайт Министерство иностранных дел Республики Беларусь. – URL: https://mfa.gov.by/press/news_mfa/f1e425642fa27f3b.html (дата обращения: 13.04.2026).

ВИРТУАЛЬНОЕ ИМУЩЕСТВО КАК ПРЕДМЕТ ХИЩЕНИЯ: ПРОБЛЕМЫ КВАЛИФИКАЦИИ

Морозов А.В.,

*начальник отдела цифрового развития предварительного следствия
управления Следственного комитета Республики Беларусь
по Могилевской области*

Стремительное развитие технологий и внедрение цифровой экономики в жизнь граждан Республики Беларусь создали разрыв между реальными отношениями и их регулированием. Пользователи покупают за фиатные деньги игровые предметы и валюту, обладающие признаками товара, но законодательство оперирует категориями эпохи материального производства. В связи с этим возникает необходимость осмысления природы цифровых активов в контексте преступлений против собственности.

Анализ гражданского законодательства показывает его важную роль для уголовной охраны. Глава 6 Гражданского кодекса Республики Беларусь определяет собственность через категорию «вещь» [1], подразумевающую физические характеристики. Материалистическая парадигма устарела и не отвечает вызовам современности, где ценность определяется информационной природой и спросом.

В доктрине уголовного права традиционно выделяются три обязательных признака имущества как предмета преступления: физический признак, предполагающий материальность предмета; экономический признак, выражающий наличие стоимости; юридический признак, означающий нахождение в собственности другого лица [2].

Виртуальные объекты, такие как игровые танки, формально выпадают из категории «имущество», будучи лишенными вещной субстанции. Однако практика сталкивается с заявлениями о хищении таких активов. Игнорирование экономической ценности цифровых объектов из-за отсутствия формы является формализмом, оставляющим экономические отношения без защиты.

Правоохранители вынуждены искать способы квалификации в действующем поле. В стране сложилась практика применения статьи 212 Уголовного кодекса Республики Беларусь за хищение путем модификации информации. Такая квалификация является вынужденной мерой, позволяющей защитить потерпевших в условиях законодательного вакуума [3].

А.В. Ходасевич справедливо отмечает: «универсальное определение понятия «имущество» в белорусском законодательстве отсутствует: его содержание и объем отличаются в зависимости от конкретной отрасли права» [4]. Это отражает корень проблемы в межотраслевой рассогласованности.

Законодатель, закрепляя в примечании к главе 24 УК понятие хищения, не раскрывает предмет применительно к нематериальным благам. В этом видится риск нарушения законности, так как расширительное толкование по аналогии недопустимо.

Интересен опыт России, где суды признали цифровые активы имуществом до принятия законов. Арбитражные суды стали включать криптовалюту в конкурсную массу, применяя критерии экономической ценности. Этот опыт демонстрирует возможность гибкого толкования гражданского законодательства судами.

Согласно исследованию В.Г. Пономарева среди «93 экспертов, 80 % респондентов поддерживают отказ от физического признака как обязательного для предмета хищения» [5]. Высокий процент поддержки среди практиков свидетельствует о необходимости легализации цифрового имущества в уголовном праве.

Ученые предлагают рассматривать цифровые активы как приобретение права на имущество. Тот же опрос показал: «52 % экспертов считают термин «приобретение права» адекватным для цифровых активов, а 56 % - термин «обращение» применимым к цифровой валюте» [6, с. 69].

А.В. Шеслер формулирует жесткую позицию: «составы хищений ограничить противоправным завладением чужим имуществом в виде вещи и ввести в действующий УК РФ в главу 21 составы «цифровых» имущественных преступлений» [7, с. 188]. Введение отдельных составов потребует кардинальной перестройки системы.

Стоит учесть опыт Казахстана, где «статья 188-1 УК РК прямо предусматривает ответственность за хищение виртуального имущества» [8]. Конкретизация в законе снимает вопросы квалификации и исключает рискованные аналогии.

В Беларуси также назрела необходимость изменений. Отсутствие определения цифровых активов в ГК создает неопределенность. Без корректировки гражданского законодательства изменения в УК будут косметическими.

В.В. Хилота подчеркивает: «виртуальное игровое имущество не может рассматриваться исключительно как средство развлечения, если приобретается усилиями пользователя и имеет реальный денежный эквивалент» [9, с. 113].

Проблема носит комплексный характер. Решение должно быть системным. Для устранения пробелов необходимо: – внести изменения в гражданское законодательство, закрепив статус активов; – скорректировать уголовное законодательство в части предмета хищения.

Отсутствие регулирования влечет невозможность легального оборота активов и препятствует их изъятию в рамках процесса. Сохранение ситуации способствует росту теневой экономики и увеличению латентной киберпреступности.

Способом устранения пробела является новая норма. Предлагается дополнить ГК статьей: «Статья 128-1. Цифровые права. Цифровыми правами признаются названные в таком качестве в законе обязательственные и иные права, содержание и условия осуществления которых определяются в соответствии с правилами информационной системы, отвечающей установленным законом признакам».

Введение понятия цифровых прав позволит разграничить их с вещами и безналичными деньгами, что критически важно для правоприменения. Такая градация необходима для квалификации, так как механизм посягательства на цифровые права отличается от кражи материальных предметов.

Я.О. Кучина верно подмечает: «понятие имущества как предмета хищения не может быть идентично понятию имущества, которое

дано в ст. 128 ГК РФ» [10, с. 118]. Уголовный закон имеет специфические задачи.

Необходимо преодолеть инерцию мышления, связывающую имущество с материей. Экономическая ценность и возможность распоряжения являются достаточными основаниями для охраны.

Таким образом, квалификация хищений виртуальных активов по статье 212 УК базируется на аналогии, что противоречит принципам определенности, но остается единственным механизмом защиты. Для эффективного противодействия киберпреступности требуется комплексная реформа, включающая введение в Гражданский кодекс категории «цифровые права» и уточнение признаков предмета хищения.

Список использованных источников:

1. Гражданский кодекс Республики Беларусь, 7 декабря 1998 года № 218-З: в ред. Закона Респ. Беларусь от 16 марта 2026 г. № 134-З // ЭТАЛОН: информ.-поисковая система (дата обращения: 21.02.2026).
2. Долгиева, М. М. Цифровой объект преступления / М.М. Долгиева. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tsifrovoy-obekt-prestupleniya> (дата обращения: 21.02.2026).
3. Уголовный кодекс Республики Беларусь, 9 июля 1999 года № 275-З: в ред. Закона Респ. Беларусь от 20 октября 2025 г. № 101-З // ЭТАЛОН: информ.-поисковая система (дата обращения: 21.02.2026).
4. Ходасевич, А. В. Электронные деньги как предмет преступного посягательства по делам о хищениях имущества путем модификации компьютерной информации / А.В. Ходасевич. – URL: https://elib.institutemvd.by/jspui/bitstream/MVD_NAM/7210/1/hodasevich.pdf (дата обращения: 21.02.2026).
5. Пономарев, В.Г. «Цифровое имущество» в контексте преступлений против собственности: проблемы и перспективы / В.Г. Пономарев. – URL: <http://publishing-vak.ru/file/archive-law-2020-11/25-ponomarev.pdf>. (дата обращения: 21.02.2026).
6. Карабанова, Е. Н. Понятие объекта преступления в современном уголовном праве / Е. Н. Карабанова // Журнал российского права. – 2018. – № 6. – С. 69-77.
7. Шеслер, А.В. Виртуальные объекты как предмет противоправного корыстного завладения / А.В. Шеслер // Вестник Томского государственного университета. – 2023. – № 491. – С. 188–196.
8. Уголовный кодекс Республики Казахстан от 9 июля 1999 г. № 275-З. – URL: <https://zakon.uchet.kz/rus/history/K1400000226/31.08.2025> (дата обращения: 21.02.2026).
9. Хилюта, В. В. Преступления против оборота объектов гражданских прав: концептуально-теоретические основы моделирования: дис. ... д-ра юрид. наук / В.В.Хилюта. - Минск, 2021. – 595 с.
10. Кучина, Я. О. Оборот криптовалюты как объект преступления и доктринальные ошибки его восприятия / Я. О. Кучина // Актуальные проблемы российского права. – 2020. – № 4. – С. 118-127.

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ И ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ РАЗРАБОТКИ ВЕДОМСТВЕННОЙ ИНСТРУКЦИИ ПО ПРИМЕНЕНИЮ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В ОРГАНАХ ПРОКУРАТУРЫ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

Мороз Н.В.,

*старший преподаватель кафедры гражданского права и гражданского
процесса учреждения образования «Витебский государственный
университет имени П.М. Машерова»*

Голенков Д.В.,

*студент юридического факультета учреждения образования
«Витебский государственный университет имени П.М. Машерова»*

Современный этап цифровой трансформации государственных институтов Республики Беларусь характеризуется активным внедрением технологий искусственного интеллекта (далее – ИИ) в сферу обеспечения законности и правопорядка. Прокуратура как ключевой элемент надзорной системы государства также вовлечена в этот процесс, что актуализирует проблему нормативно-правового регулирования использования ИИ в ее повседневной деятельности. В настоящее время отсутствие специализированного ведомственного акта, регламентирующего единые подходы к применению систем ИИ, создает риски неединообразной практики, снижения эффективности надзора и потенциальных нарушений прав граждан.

Целью настоящего исследования является обоснование необходимости и разработка методологических и правовых подходов к созданию ведомственной инструкции, которая бы определила организационные, процедурные и этические рамки использования технологий ИИ в деятельности органов прокуратуры Республики Беларусь.

В юридической науке и правоприменительной практике последних лет активно дискутируется вопрос о пределах внедрения ИИ в работу государственных органов. ИИ может стать мощным инструментом для автоматизации рутинных процессов, анализа больших объемов данных, выявления латентных нарушений и прогнозирования преступности [1, с. 47; 2, с. 573]. В Китайской Народной Республике с 2016 года применяется система Smart Court, анализирующая доказательства и выявляющая нарушения процессуальных сроков, а также функционирует «роботизированный прокурор», формирующий обвинительное заключение на основе анализа тысяч аналогичных дел [3, с. 141–144]. Вместе с тем применение ИИ в прокурорской деятельности сопряжено с рядом рисков: возможной алгоритмической предвзятостью, непрозрачностью принимаемых решений и угрозой информационной безопасности. Для прокуратуры Беларуси, где ключевым принципом является точное и единообразное исполнение нормативных правовых актов, такие риски требуют особого внимания и жесткой регламентации.

Методологическую основу разработки ведомственной инструкции должен составить системный подход, сочетающий в себе несколько ключевых принципов. Во-первых, принцип законности, означающий, что все внедряемые ИИ-решения не должны противоречить действующему законодательству, включая Закон Республики Беларусь от 17 июля 2018 г. № 130-З «О нормативных правовых актах», Закон Республики Беларусь от 10 ноября 2008 г. № 455-З «Об информации, информатизации и защите информации» и Закон Республики Беларусь от 8 мая 2007 г. № 220-З «О прокуратуре Республики Беларусь». Во-вторых, принцип целесообразности, предполагающий, что ИИ применяется лишь в тех сферах прокурорской деятельности, где это объективно повышает эффективность и не подменяет собой исключительную компетенцию прокурора в принятии юридически значимых решений. В-третьих, принцип безопасности, требующий обеспечения защиты конфиденциальных данных, в том числе составляющих служебную информацию ограниченного распространения, и государственных секретов, с которыми работают прокуроры. В-четвертых, принцип «последнее слово за человеком», согласно которому окончательное решение всегда остается за прокурором, а ИИ играет роль вспомогательного аналитического инструмента. В-пятых, принцип объяснимости, предполагающий, что алгоритмические выводы должны быть интерпретируемы и поддаваться логическому контролю со стороны должностного лица [4, с. 100–102].

Правовое регулирование должно четко определить сферы допустимого использования ИИ в органах прокуратуры. Исходя из мирового опыта и специфики национальной правовой системы, предлагается выделить три основные группы задач. Первая – аналитическая поддержка, включающая автоматизированный анализ обращений граждан, систематизацию и поиск информации в больших массивах ведомственных документов, а также мониторинг законодательства для выявления коллизий и пробелов. Вторая – вспомогательная, направленная на подготовку проектов процессуальных документов (обвинительных заключений, представлений, протестов) по типовым категориям дел, что позволит освободить прокуроров от рутинной работы [3, с. 141]. Третья – прогностическая, связанная с выявлением латентных правонарушений в экономической и социальной сферах путем анализа статистических данных, а также с прогнозированием тенденций преступности на определенной территории. При этом категорически запрещается полная передача ИИ полномочий по принятию решений о мере пресечения, квалификации преступления или поддержании государственного обвинения в суде, поскольку это сопряжено с непосредственной реализацией властных полномочий и требует индивидуального правосознания.

На наш взгляд, структура разрабатываемой инструкции должна включать несколько обязательных разделов. Первый раздел «Общие положения» должен определить терминологию (система ИИ, алгоритм, результаты работы ИИ), цели и принципы внедрения технологий. Второй раздел «Порядок

использования систем ИИ» должен детально описать процедуры работы с конкретными программными продуктами (например, системой автоматизированного анализа обращений), права и обязанности сотрудников при работе с ними, а также требования к фиксации результатов использования ИИ в служебных документах. Третий раздел «Требования к информационной безопасности» должен установить правила обработки персональных данных, порядок эксплуатации ИИ-систем в закрытом контуре (без доступа к сети Интернет) и меры по предотвращению утечек информации. Четвертый раздел «Заключительные положения» должен регламентировать порядок обучения прокурорских работников работе с новыми инструментами и ответственность за нарушение установленных правил. В форме приложения целесообразно предусмотреть порядок сертификации ИИ-решений, допускаемых к использованию в органах прокуратуры, с созданием соответствующего реестра.

Важнейшим аспектом является решение проблемы юридической силы результатов работы ИИ. В инструкции необходимо закрепить положение, согласно которому данные, полученные с использованием систем ИИ (например, отчет об аномалиях в финансовых потоках или выделенные противоречия в показаниях), носят ориентировочный (рекомендательный) характер. Они не могут служить прямым доказательством по делу, но выступают в качестве основания для проведения прокурором целенаправленной проверки или для формулирования запроса в другие контролирующие органы. Такая правовая конструкция позволяет использовать вычислительные возможности ИИ для повышения качества надзора, не подменяя при этом установленную процессуальным законодательством процедуру собирания и оценки доказательств. Представляется обоснованным подход, что ответственность за принятое на основе анализа данных ИИ решение в полном объеме несет должностное лицо прокуратуры, проводившее проверку.

Не менее значимым является вопрос кадрового и методологического обеспечения. Разработка инструкции должна сопровождаться созданием системы непрерывного повышения квалификации прокурорских работников в сфере цифровых компетенций. Внедрение ИИ требует от прокуроров не только знания закона, но и понимания базовых принципов работы алгоритмов, их ограничений и «слепых зон». В противном случае велик риск либо некритичного восприятия «машинных» подсказок, либо, напротив, отказа от использования технологий из-за недостатка доверия к ним. Методические рекомендации, прилагаемые к инструкции, должны содержать практические примеры (кейсы), демонстрирующие корректные и некорректные способы взаимодействия с ИИ-системами в различных надзорных ситуациях.

Разработка ведомственной инструкции – это не просто формальность, а реальная необходимость. Сегодня прокуроры уже сталкиваются с необходимостью обрабатывать огромные массивы информации, и без помощи ИИ делать это быстро и качественно становится все сложнее. Предложенная инструкция, если ее примут, позволит систематизировать эту работу, убрать

правовую неопределенность и дать прокурорам четкие ориентиры: что можно делать с помощью ИИ, а что – категорически нельзя. Важно, что в центре этой системы остается человек – прокурор, который несет ответственность за каждое решение. ИИ лишь помогает ему, но не заменяет.

Кроме того, принятие такой инструкции даст толчок к развитию отечественных ИИ-решений для нужд прокуратуры. Появление четких требований со стороны ведомства простимулирует белорусских разработчиков создавать собственные, безопасные продукты. Как показывает анализ современного состояния LegalTech в Беларуси, внедрение ИИ в юридическую деятельность сдерживается отсутствием системного регулирования, и принятие ведомственной инструкции способно преодолеть этот барьер [5, с. 431]. Также это станет хорошей базой для дальнейшего развития – в будущем могут появиться и более продвинутые системы, но их внедрение уже будет опираться на продуманную правовую основу.

Таким образом, разработка и принятие ведомственной инструкции – это первый, но самый важный шаг к созданию «цифровой прокуратуры». Предложенный подход, основанный на принципах законности, безопасности и приоритета человеческого решения, позволяет не только использовать современные технологии, но и сохранить главное – доверие граждан к правосудию. Без такого документа любые попытки внедрить ИИ будут хаотичными и рискованными. С ним появляется возможность выстроить продуманную, эффективную и безопасную систему, где технологии работают на людей, а не против них.

Список использованных источников:

1. Чурикова, А. Ю. Применение искусственного интеллекта и индикаторов риска для противодействия киберпреступности / А. Ю. Чурикова // Российский следователь. – 2024. – № 5. – С. 47-51.
2. Афанасьев, А. Ю. Искусственный интеллект в уголовном процессе / А. Ю. Афанасьев // Юридическая техника. – 2021. – № 15. – С. 571-574.
3. Еремеев, Д. В. Перспективы использования искусственного интеллекта в уголовном судопроизводстве / Д. В. Еремеев // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Юридические науки. – 2022. – Т. 8 (74). – № 1. – С. 141-148. – URL: <https://science.cfuv.ru/wp-content/uploads/2023/02/141-148.pdf> (дата обращения: 10.04.2026).
4. Пащенко, И. Ю. Искусственный интеллект и смежные технологии: о понятии, информационной природе и публично-правовых аспектах / И. Ю. Пащенко // Юридический вестник Кубанского государственного университета. – 2022. – № 2 (14). – С. 99-105. – URL: [https://juridvestnik.kubsu.ru/userfiles/2\(14\)_2022.pdf](https://juridvestnik.kubsu.ru/userfiles/2(14)_2022.pdf) (дата обращения: 12.04.2026).
5. Голенков, Д. В. Особенности применения искусственного интеллекта в юридической деятельности в Беларуси и за рубежом / Д. В. Голенков; науч. рук. Н. В. Мороз. – Текст: электронный // Репозиторий ВГУ имени П. М. Машерова. – URL: <https://rep.vsu.by/handle/123456789/48603> (дата обращения: 13.04.2026). – Электрон. версия ст. из: XIX Машеровские чтения: материалы международной научно-практической конференции студентов, аспирантов и молодых ученых, Витебск, 24 октября 2025 г.: в 2 т.: [текстовое электронное издание]. – Витебск: ВГУ имени П. М. Машерова, 2025. – Т. 1. – С. 430-432.

ВИКТИМОЛОГИЧЕСКАЯ ПРОФИЛАКТИКА ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СОВЕРШАЕМЫХ В ИНФОРМАЦИОННО-ТЕЛЕКОММУНИКАЦИОННОЙ СРЕДЕ

Муллахметова Н.Е.,

*доцент кафедры организации судебной и прокурорской деятельности
ФГБОУ ВО «Смоленский государственный университет»,
кандидат юридических наук, доцент*

Компьютеризация и цифровизация всех сфер жизни современного общества несет не только несомненные преимущества в плане упрощения рутинных процессов, удобства передачи, хранения и обработки больших массивов данных, но и угрозы имущественной, информационной безопасности граждан и организаций, что требует консолидированных усилий правоохранительных органов и государства в целом. С каждым годом становится все больше новых способов совершения киберпреступлений, атак на информационные ресурсы, преступность перемещается в виртуальную среду. Вред, причиняемый такими посягательствами, огромен, он исчисляется миллиардами рублей. Так, по данным МВД РФ в 2025 году зарегистрировано более 675 тысяч преступлений, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных технологий или в сфере компьютерной информации, хотя это на 11,8% меньше, чем в 2024 году. Более половины таких преступлений относятся к категории тяжких и особо тяжких, почти две трети (63,5%) совершены путем кражи или мошенничества, а почти каждое шестое – с целью незаконного производства, сбыта или пересылки наркотических средств [1].

Большую тревогу вызывает также проблема защиты персональных данных граждан, которые очень востребованы в криминальном мире, поскольку они облегчают совершение преступлений, прежде всего, кибермошенничества.

При совершении таких преступных посягательств широко используются методы социальной инженерии, т.е. преступникам уже не надо выходить на улицы, подкарауливать своих жертв в темном переулке, а нужно просто подобрать «ключик» к психике конкретного человека, убедив его выполнить определенную последовательность действий, приводящих к получению доступа злоумышленников к персональным данным для дальнейшего списания денежных средств. Преступники выигрывают на человеческих слабостях, воздействуют на эмоциональную сферу людей, создают ощущение срочности выполнения их указаний, убеждая жертв, что промедление может привести к потере денежных средств или к тяжким последствиям для их близких. Информация, которая интересует таких «социальных инженеров», – это личные идентификационные данные (номер паспорта, СНИЛС), пароли для входа на портал Госуслуг и все, что позволит в дальнейшем получить доступ к финансовым ресурсам. К числу факторов, влияющих на значительный рост числа

киберпреступлений, можно отнести также цифровое неравенство – ситуацию, при которой часть населения владеет современными технологиями в цифровой сфере на высоком уровне, а у других отсутствует даже элементарная компьютерная грамотность [2, с. 542]. К группе риска при совершении преступлений в цифровой среде относятся несовершеннолетние, пожилые граждане, а также те, кто не имеет даже элементарных навыков использования современных компьютерных технологий и легко поддаются влиянию злоумышленников. Большую опасность сегодня представляют дипфейки – использование образа человека, его голоса для введения в заблуждение собеседника и получения доступа к персональным данным.

Противодействие киберпреступности не будет эффективным без реализации комплекса мер виктимологической профилактики, под которой понимается «включенная в систему предупреждения преступлений подсистема общесоциальных и специально-криминологических мер, направленных на снижение индивидуальной и массовой виктимности посредством устранения негативных предрасположений, активизации возможностей потенциальных жертв преступлений и обеспечения их безопасности» [3, с. 241]. Преступления в сфере информационно-телекоммуникационных технологий легче предотвратить, чем раскрыть и довести до суда с достаточной доказательственной базой. Виктимологическая профилактика входит в общую систему профилактики преступлений, воздействуя преимущественно на потенциальную жертву, снижая уровень ее уязвимости, способствуя повышению предусмотрительности, критичности. Сегодня на страницах юридических изданий появляются публикации, в которых говорится о возникновении нового направления в рамках отечественной виктимологии – кибервиктимологии, которая изучает социально-демографические характеристики жертв преступлений в информационно-телекоммуникационной сфере, разрабатывает в отношении них меры превентивного характера [4, с. 27].

Жмуров Д.В. рассматривает уровни общей виктимологической профилактики, которые относит также к преступлениям в информационно-телекоммуникационной сфере: 1) легальный (разработка виктимологического законодательства); 2) академический (проведение виктимологических исследований); 3) институциональный (государственное управление в сфере виктимологической профилактики, проведение обучающих тренингов, виктимологический мониторинг); 4) технический (создание и внедрение перспективных разработок по защите персональных данных, блокированию нежелательных звонков); 5) идеологический (повышение уровня правовой культуры потенциальных жертв, реализация мер, направленных на осознание важности роли жертвы в контроле над преступностью) [5, с. 136–140].

Проведение широкомасштабной информационной работы с населением, включающей правовую пропаганду, разъяснение правил безопасности при атаках телефонных мошенников, относится к мерам девиктимизации, но эти меры, к сожалению, не устраняют криминальные угрозы полностью, поскольку злоумышленники постоянно совершенствуют способы обмана.

Поэтому наиболее эффективным средством противодействия киберпреступлениям является разработка правовых механизмов, направленных на блокирование поступающих от мошенников звонков, а также затрудняющих их быстрый доступ к финансовым средствам в случае получения персональных данных человека, на применение дополнительных мер безопасности со стороны банковских организаций при выдаче кредитов, переводе больших сумм со счетов клиентов. Это требует создания соответствующей нормативной базы.

Так, действенной мерой предупреждения кибермошенничества можно считать принятие Федерального закона от 26.02.2024 № 31-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О кредитных историях» и Федеральный закон «О потребительском кредите (займе)», в соответствии с которым гражданин вправе бесплатно любое количество раз подать заявления во все квалифицированные бюро кредитных историй через МФЦ или с использованием Единого портала Госуслуг о внесении в свою кредитную историю сведений о запрете (либо снятии запрета) на заключение с ним договоров потребительского займа (кредита) (за исключением отдельных видов кредитов). Миллионы россиян уже воспользовались этим механизмом.

Еще одним значимым шагом в совершенствовании мер предупреждения мошенничества стало принятие Федерального закона от 13 февраля 2025 г. № 9-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации», в соответствии с которым предусмотрено введение так называемого «периода охлаждения», т.е. ограничения по времени выдачи кредитов на сумму более 50 тысяч рублей (за некоторыми исключениями). Это позволит предотвратить необдуманные и поспешные решения и действия потенциальных жертв мошенников. Кроме того, повышается и ответственность банков: в случае нарушения ими норм, направленных на недопущение мошеннических операций, кредиторы не смогут требовать исполнения заемщиком обязательств или уступать право требования долга.

Кроме того, в прошлом году был принят Федеральный закон от 1 апреля 2025 года № 41 «О создании государственной информационной системы противодействия правонарушению, совершаемому с использованием информационных и коммуникационных технологий, и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» [6], который предусматривает следующие меры:

1) возможность онлайн-обмена информацией между государственными органами, цифровыми платформами и банковскими организациями, что позволит оперативно выявлять подозрительную активность, блокировать потенциально опасные действия и уведомлять правоохранительные органы о возможных посягательствах;

2) введение обязательной проверки идентификационных данных пользователей услугами связи, а также маркировки звонков;

3) запрет на передачу SIM-карт третьим лицам;

4) установление запрета для государственных служащих, сотрудников государственных органов, банковских работников, операторов

связи и некоторых иных категорий лиц использовать мессенджеры для общения с гражданами;

5) процедуры выявления случаев и попыток выдачи наличных денежных средств из банкоматов без добровольного согласия клиента и др.

На борьбу с мошенничеством в информационно-телекоммуникационной среде направлено также принятие Федерального закона от 24 июня 2025 года № 176 о внесении изменений в ст. 187 УК РФ об ответственности за действия лиц, которые под влиянием злоумышленников или за денежное вознаграждение оформляют или передают свои банковские карты, электронные кошельки мошенникам для использования их в преступных схемах.

В условиях нехватки сотрудников в органах внутренних дел своевременно раскрывать и расследовать огромное количество преступлений, совершаемых в виртуальном пространстве, просто невозможно. Поэтому меры виктимологической профилактики, включающие постоянную информационно-просветительскую деятельность правоохранительных органов, разъяснение населению новых криминальных схем в интернет-пространстве, разработка правовых механизмов, направленных на предотвращение контактов преступников и потенциальных жертв, в том числе блокировка звонков с номеров из «черного списка», введение самозапрета на оформление кредитов без непосредственного участия клиента, а также повышение цифровой грамотности населения должны помочь в борьбе с посягательствами. Но такие меры могут быть эффективными только при добросовестности кредитных организаций и соблюдении ими всех мер по недопущению мошеннических действий. Основой для реализации названных мер предупреждения преступлений должен стать виктимологический мониторинг, предполагающий постоянное наблюдение за процессами виктимизации, в том числе связанной с киберпреступностью, оценку всех значимых показателей виктимности в данной сфере, уровень правовой и социальной защиты жертв посягательств.

Список использованных источников:

1. Состояние преступности в России за январь-декабрь 2025 года // Официальный сайт Министерства внутренних дел РФ. – URL: [file:///C:/Users/Nati/Downloads/Sbornik_dlya_UOS%20\(8\).pdf](file:///C:/Users/Nati/Downloads/Sbornik_dlya_UOS%20(8).pdf) (дата обращения: 28.03.2026)
2. Пинкевич, Т.В. Цифровое неравенство как фактор преступности / Т.В.Пинкевич // Виктимология. – 2024. – Т. 11. – № 4. – С. 538-545.
3. Ривман, Д.В. Криминальная виктимология / Д.В. Ривман. – СПб.: Питер, 2002. – 304 с.
4. Кабанов, П.А. Жертвы киберкраж как объект современной российской кибервиктимологии: криминологический анализ статистических показателей криминальной виктимности 2021–2022 гг. / П.А. Кабанов // Виктимология. – 2024. – Т. 11. – № 1. – С. 25-42.
5. Жмуров, Д.В. Общая виктимологическая профилактика киберпреступности / Д.В.Жмуров // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. – 2022. – № 4 (60). – С. 135-142.
6. Российская газета. – 2025. – 4 апреля.

ОБЪЕКТИВНЫЕ И СУБЪЕКТИВНЫЕ ВИКТИМОГЕННЫЕ ФАКТОРЫ КИБЕРМОШЕННИЧЕСТВ

Пожарная О.В.,

*старший преподаватель кафедры теории и истории государства и права
учреждения образования «Брестский государственный университет
имени А.С. Пушкина»*

Стремительная цифровизация белорусского общества влечет за собой активное внедрение цифровых технологий во все сферы жизнедеятельности человека. Однако такая трансформация обуславливает не только позитивные изменения (упрощение коммуникации, развитие гибких форм работы и образования, расширение сферы услуг), но и ряд негативных аспектов, одним из которых является появление и последующий лавинообразный рост киберпреступности, под которой традиционно понимается совокупность деяний, совершенных с использованием информационно-коммуникационных технологий или направленных на объекты информационной инфраструктуры.

Первое киберпреступление в Республике Беларусь было зафиксировано в 2002 году. И если в 2006 году таких преступлений было 334, то в 2016 году их число возросло до 2471, а в 2019 г. – до 10539. Наибольшее количество киберпреступлений в Республике Беларусь было зафиксировано в 2020 г. – 25560 случаев, что составляло более четверти от всех зарегистрированных уголовно наказуемых деяний. В последующие годы наблюдалось определенное сокращение числа совершаемых киберпреступлений, однако их доля в общей структуре преступности по-прежнему высока, что не может не вызывать тревоги [1].

Если опираться на данные статистики, то можно отметить, что около 90% всех киберпреступлений составляют кибермошенничества, которые обычно квалифицируются по статьям 209 и 212 Уголовного Кодекса Республики Беларусь (мошенничество и хищение имущества путем модификации компьютерной информации). Эта разновидность киберпреступлений была распространена всегда и в настоящее время остается серьезной угрозой кибербезопасности граждан. Так, только за первый квартал 2026 года сотрудники правоохранительных органов зарегистрировали более 2,5 тыс. фактов кибермошенничества [2].

Представляется, что такой высокий процент кибермошенничеств в структуре виртуальных преступлений обусловлен рядом виктимогенных факторов, под которыми в научной литературе понимается совокупность обстоятельств, повышающих вероятность того, что индивид станет жертвой преступления. Эти факторы могут быть как объективными (характеризовать явления внешней среды), так и субъективными (касаться социально-психологических особенностей личности).

К объективным виктимогенными факторам кибермошенничеств стоит отнести следующие:

- интенсификация эксплуатации информационных технологий, проявляющаяся как в увеличении числа их пользователей (абонентов сотовой связи и сети Интернет, держателей банковских платежных карт и пр.), так и в повсеместном внедрении различных цифровых продуктов, рынок которых динамично развивается;

- рост популярности социальных сетей, мессенджеров, сервисов по определению геолокации, предполагающих размещение в открытом доступе информации личного характера и сведений о местонахождении пользователей;

- быстрая адаптация преступников к технологическим, социальным и экономическим изменениям, которая обуславливает постоянное появление новых уникальных схем кибермошенничеств, для борьбы с которыми еще не разработаны защитные механизмы. Один из примеров такого быстрого реагирования – использование кибермошенниками инструментов социальной инженерии, а также возможностей искусственного интеллекта для создания реалистичных изображений, голоса и видео с целью подделки личности.

К субъективным виктимогенными факторам кибермошенничеств можно отнести:

- интеллектуальные особенности жертв, которые во многом обуславливают низкий уровень цифровой грамотности и цифровой гигиены таких пользователей. С этой точки зрения в особую зону риска попадают как люди преклонных лет, которые не могут или не хотят вникать в тонкости эксплуатации цифрового пространства, так и подростки ввиду присущей им чрезмерной уверенности в собственных знаниях. Кроме того, представители обеих этих категорий в силу своего возраста характеризуются слабым критическим мышлением и способностью прогнозировать последствия (у пожилых людей эти навыки уже ослаблены, а у детей еще до конца не сформированы);

- эмоциональные особенности жертв. Излишняя доверчивость, тревожность, слабая стрессоустойчивость, импульсивность, чувство одиночества, азартность – эти и другие подобные характеристики индивидов дают кибермошенникам (которые зачастую обладают полученной из сети Интернет информацией о своей потенциальной жертве) широкие возможности для манипулирования;

- поведенческие особенности жертвы, связанные со спецификой ее образа жизни (работа, хобби), ценностными ориентациями, жизненными устремлениями и т.д. Так, ожидаемо повышен уровень виктимности у лиц, которые увлечены онлайн-играми и виртуальными тотализаторами, активно ведут соцсети с размещением в них личной информации, участвуют в сомнительных онлайн-схемах заработка, заказывают товары и услуги

по подозрительно низким ценам, из любопытства переходят по «кликабельным» ссылкам и пр.

Таким образом, мы можем констатировать, что виктимогенные факторы кибермошенничеств достаточно разнообразны и во многом обусловлены спецификой посягательств в сфере информационно-коммуникационных технологий. Их комплексное и систематическое изучение необходимо для разработки и последующей реализации эффективных мер как общей, так и индивидуальной виктимологической профилактики, призванной обеспечить информационную безопасность пользователей.

Список использованных источников:

1. Современная киберпреступность // Управление по противодействию киберпреступности криминальной милиции УВД Витебского облисполкома. – URL: <https://www.beshenkovichi.vitebsk-region.gov.by/upload/files/30-07-25-5.pdf> (дата обращения: 18.04.2026)
2. Более 2500 кибермошенничеств выявлено в Беларуси за три месяца: МВД раскрыло новые схемы // Белновости. – URL: <https://www.belnovosti.by/proisshestiya/bolee-2500-kibermoshennichestv-vyyavleno-v-belarusi-za-tri-mesyaca-mvd-raskrylo> (дата обращения: 18.04.2026)

ТАКТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ПРОВЕДЕНИЯ ОСМОТРА МЕСТА ПРОИСШЕСТВИЯ ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ И РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Путова Н.В.,

*старший преподаватель кафедры уголовного права
и уголовного процесса учреждения образования*

«Витебский государственный университет имени П.М. Машерова»

Ловинская У.И.,

студентка юридического факультета учреждения образования

«Витебский государственный университет имени П.М. Машерова»

Осмотр места происшествия является одним из наиболее сложных и ответственных следственных действий, от качества проведения которого во многом зависит успех всего дальнейшего расследования. Как справедливо отмечают исследователи, информация, полученная при производстве тщательного и правильного осмотра, в дальнейшем является поводом для выдвижения следователем версий совершенного преступления и определяет направление расследования.

В уголовно-процессуальном законодательстве Республики Беларусь осмотру места происшествия посвящены статьи 203 – 204 Уголовно-процессуального кодекса Республики Беларусь (далее – УПК) [1]. Нормы права закрепляют основания, порядок проведения и процессуальное

оформление данного следственного действия. Однако практика правоприменения выявляет ряд проблемных аспектов, требующих научного осмысления и выработки рекомендаций по совершенствованию как законодательства, так и тактических приемов осмотра.

Цель настоящей работы – на основе анализа уголовно-процессуального законодательства и правоприменительной практики выявить особенности тактики осмотра места происшествия в Республике Беларусь и предложить пути повышения эффективности данного следственного действия.

В соответствии со ст. 203 УПК Республики Беларусь, основанием для проведения осмотра места происшествия, трупы, местности, помещения, жилища и иного законного владения, предметов, документов является наличие достаточных данных полагать, что в ходе этих следственных действий могут быть обнаружены следы преступления и иные материальные объекты, выяснены другие обстоятельства, имеющие значение для уголовного дела [1].

Статья 204 УПК регламентирует порядок проведения осмотра, который осуществляется на месте производства следственного действия. Законодатель предусматривает возможность изъятия объектов, если для осмотра требуется продолжительное время или осмотр на месте обнаружения следов затруднен. Изъятые объекты подлежат упаковке, опечатыванию и заверению подписями участников осмотра [1].

Особого внимания заслуживает ч. 3¹ ст. 204 УПК, введенная для регулирования осмотра компьютерной информации [1]. Данная норма предусматривает возможность копирования (фиксации) компьютерной информации в отображаемой форме, в том числе создание образа носителя, при невозможности или нецелесообразности изъятия объекта. Это положение является своевременным ответом на вызовы цифровой эпохи и расширяет доказательственную базу по уголовным делам.

В криминалистической литературе традиционно выделяются два метода осмотра места происшествия: субъективный (осмотр по узлам, по направлению предполагаемого движения преступника) и объективный (сплошной осмотр всей территории). Объективный метод, в свою очередь, реализуется тремя способами: концентрическим (от периферии к центру), эксцентрическим (от центра к периферии) и фронтальным (от границы к границе, по полосам) [2, с. 201].

Выбор конкретного метода и способа осмотра зависит от следственной ситуации, времени года, метеоусловий и особенностей местности. Так, исследования показывают, что в зимний период наиболее целесообразно применение субъективного метода, поскольку снежный покров позволяет достаточно точно определить путь следования преступника. В летний период, когда маршрут передвижения не столь очевиден, эффективнее применять объективный метод [2, с. 202].

Качество осмотра места происшествия напрямую зависит от привлечения квалифицированных специалистов. Согласно ст. 204 УПК,

следователь вправе привлечь к участию-в осмотре подозреваемого, обвиняемого, потерпевшего, свидетеля, а также специалиста [1]. Анализ практики расследования уголовных дел о незаконной охоте в Республике Беларусь показывает, что к проведению осмотра места происшествия привлекались: оперуполномоченный – в 90,7% случаев, эксперт-криминалист – в 82,4%, участковый – в 41,7%, кинолог со служебной собакой – в 23,1%, госинспектор охраны животного и растительного мира – в 62,9%, охотовед – в 12,9% и ветеринар – в 6,4% случаев [2, с. 204].

Особое значение участие специалиста приобретает при производстве осмотра трупа и эксгумации. Часть 1 ст. 205 УПК устанавливает, что наружный осмотр трупа на месте его обнаружения проводят следователь, как правило, с участием врача - специалиста в области судебной медицины [1]. Формулировка «как правило» оставляет следователю возможность действовать без специалиста, что, по мнению исследователей, является серьезным недостатком. Следователь, не обладая глубокими медицинскими познаниями, может не зафиксировать важные доказательства, имеющие значение для дела, что впоследствии может привести к их утрате [3, с. 235].

В связи с этим представляется обоснованным предложение о внесении изменений в ч. 1 ст. 205 УПК в части закрепления обязательного участия специалиста в области судебной медицины при осмотре трупа и эксгумации, поскольку выявление и описание обстоятельств, требующих специальных медицинских знаний, не может быть качественно осуществлено следователем самостоятельно.

Одним из дискуссионных вопросов белорусского уголовного процесса является обязательное участие понятых при осмотре места происшествия. В отличие от российского законодательства, которое в соответствии со ст. 170 УПК РФ допускает проведение осмотра без участия понятых с применением технических средств фиксации, УПК Республики Беларусь такой возможности не предоставляет [4].

Данное обстоятельство создает серьезные организационные трудности, особенно при расследовании преступлений, совершенных в труднодоступной местности (например, незаконная охота). Поиск незаинтересованных лиц, особенно в лесистой или заболоченной местности, требует значительных временных затрат и нередко затруднен объективными причинами [2, с. 204].

Опрос следователей, проведенный белорусскими исследователями, показал, что 73% респондентов поддерживают идею внесения изменений в УПК, позволяющих использование технических средств фиксации хода и результатов следственного действия без привлечения понятых [2, с. 204]. Современные средства видеофиксации позволяют максимально четко и объективно зафиксировать ход осмотра, что делает участие понятых в определенных ситуациях избыточным.

Представляется, что позиция законодателя Российской Федерации, предоставившего следователю альтернативу (понятые либо технические

средства), является более прогрессивной и соответствующей современным реалиям. Внедрение аналогичного подхода в уголовно-процессуальное законодательство Республики Беларусь позволило бы повысить оперативность проведения осмотров без ущерба для их полноты и объективности.

Специфика расследуемого преступления накладывает отпечаток на тактику осмотра места происшествия. Исследование практики расследования незаконной охоты в Республике Беларусь выявило следующие виды осмотра места происшествия: осмотр на месте обнаружения туши добытого животного (44,4% случаев), осмотр при непосредственном задержании браконьеров в лесу (34,3% случаев), осмотр при задержании автомашины с тушей либо частями туши добытого животного (21,3% случаев) [2, с. 201].

При осмотре транспортного средства, в котором находится, туша животного либо ее части, необходимо тщательно исследовать не только место хранения мяса, но и весь автомобиль. Важно извлечь тушу и осмотреть все имеющиеся полости, выемки и коврики с целью обнаружения орудий охоты, пятен крови, шерсти животных и других следов. С этой же цели подлежит детальному осмотру салон автомобиля [2, с. 203].

Важное доказательственное значение может иметь информация на запоминающих устройствах, изъятых у фигурантов дела (средства мобильной связи, видеорегистраторы). Данные этой категории выясняются с целью сбора косвенных доказательств наличия умысла на участие в незаконной охоте, установления возможных соучастников, местонахождения орудий преступления и добытого преступным путем.

В качестве дополнительных способов фиксации хода и результатов осмотра целесообразно использовать фотосъемку, видеозапись, составлять необходимые планы и схемы. При обнаружении на месте происшествия огнестрельного оружия в протоколе осмотра необходимо отразить: вид оружия (с указанием модели, системы и калибра), его отличительные признаки (маркировочные обозначения, номера и цвет составных элементов), состояние (заряженное или разряженное, собранное или разобранное), следы применения (наличие биологических следов, запах сгоревшего пороха) [2, с. 203].

Сравнительный анализ практики проведения осмотров места происшествия в России и Беларуси демонстрирует существенные различия. Российские исследователи отмечают, что в 27,2% случаев осмотр места происшествия по делам о незаконной охоте не проводился вообще, а качество осмотра в половине случаев, когда он производился, не могло быть высоким [2, с. 204].

В противоположность этому, в Республике Беларусь при расследовании дел данной категории осмотр места происшествия проводился в 100% случаев. Продолжительность осмотра в 58,1% составляла от 2 до 4 часов, только в 33,6% была меньше 2 часов, а в 8,1% превышала 4 часа. По мнению исследователей, указанное обстоятельство обусловлено более высокими требованиями к качеству расследования со стороны правоохранительных органов Республики Беларусь [2, с. 204].

Вместе с тем в правоприменительной практике допускаются и ошибки. К числу наиболее частых нарушений при производстве осмотра относятся: составление протоколов с нарушениями требований уголовно-процессуального законодательства; несвоевременное производство осмотра; неполное, не всестороннее и необъективное отражение хода и результатов в протоколах. Данные ошибки отрицательно влияют на уровень раскрываемости преступлений и могут служить основанием для признания доказательств недействительными [3, с. 234].

Проведенное исследование позволяет сформулировать следующие выводы и предложения: осмотр места происшествия является важнейшим следственным действием, эффективность которого зависит от правильного выбора тактических приемов, качественного процессуального оформления и привлечения необходимых специалистов. Учет и выполнение криминалистических рекомендаций при проведении осмотра позволяет проводить данное следственное действие максимально эффективно; анализ правоприменительной практики Республики Беларусь свидетельствует о высоких требованиях к качеству расследования, что выражается в 100%-ной частоте проведения осмотров по делам о незаконной охоте и значительной их продолжительности; представляется обоснованным внесение изменений в уголовно-процессуальное законодательство Республики Беларусь по двум направлениям: закрепление обязательного участия специалиста в области судебной медицины при осмотре трупа и эксгумации (ч. 1 ст. 205 УПК), предоставление следователю альтернативы привлечения понятых путем использования технических средств фиксации хода и результатов осмотра места происшествия; дальнейшие научные исследования в данной области должны быть направлены на разработку частных методик осмотра места происшествия при расследовании отдельных видов преступлений с учетом особенностей цифровизации и появления новых видов следов (компьютерная информация) [1].

Список использованных источников:

1. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь: 16 июля 1999 г. № 295-3: принят Палатой представителей 24 июня 1999 г.: одобр. Советом Респ. 30 июня 1999 г.: в ред. Закона Респ. Беларусь от 17 февраля 2025 г. № 61-3 // ЭТАЛОН: информ.-поисковая система (дата обращения: 10.04.2026).
2. Мальцев, Д. И. Особенности проведения осмотра места происшествия по делам о незаконной охоте (на примере Республики Беларусь) / Д. И. Мальцев // Вестник Московского университета МВД России. – 2025. – № 7. – С. 200-204.
3. Егоров, Ю. А. Актуальные вопросы производства осмотра места происшествия и эксгумации в уголовном судопроизводстве Республики Беларусь / Ю. А. Егоров, И. И. Сахончик // EUROPEAN RESEARCH: сборник статей XVIII Международной научно-практической конференции, Пенза, 07 декабря 2018 года / Ответственный редактор Г.Ю. Гуляев. – Пенза: МЦНС «Наука и Просвещение», 2018. – С. 233-235.
4. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ: принят Государственной Думой 22 ноября 2001 г.: одобр. Советом Федерации 5 декабря 2001 г.: в ред. Федерального Закона Российской Федерации от 20 марта 2026 г. № 39-ФЗ // СПС КонсультантПлюс (дата обращения: 10.04.2026).

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ СОВРЕМЕННЫХ ИНФОРМАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ ДЛЯ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ЗАЩИТЫ ПРАВ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

Раемская Е.Д.,

*преподаватель кафедры уголовного права и уголовного процесса
учреждения образования «Витебский государственный
университет имени П.М. Машерова»*

Унукович Ж.Ю.,

*преподаватель кафедры уголовного права и уголовного процесса
учреждения образования «Витебский государственный
университет имени П.М. Машерова»*

Необходимость в повышенной охране детей и детства признаётся всем мировым сообществом. Дети – это, пожалуй, одна из самых незащищённых групп населения во всём мире. Согласно данным ООН, на сегодняшний момент 100 млн детей проживают вне семьи.

Политика Республики Беларусь, направленная на защиту прав детей-сирот, детей, оставшихся без попечения родителей и лиц из их числа, в Республике Беларусь является последовательной и многовекторной, ознаменована закреплением правовых форм защиты детей как на конституционном, так и на отраслевом законодательном уровне.

Актуальность данной темы обусловлена повсеместной цифровизацией правовых институтов государства и общества, в том числе института охраны детства в Республике Беларусь, развитием современных информационных технологий и их внедрением в работу государственных органов и общественных организаций.

В Республике Беларусь на конституционном уровне закреплены основные права и свободы семьи. Так, брак, семья, материнство, отцовство и детство находятся под защитой государства. Согласно ст. 32 Конституции, «ребёнок не должен подвергаться жестокому обращению или унижению, привлекаться к работам, которые могут нанести вред его физическому, умственному или нравственному развитию». Важно также отметить, что отделение ребёнка от семьи против воли родителей или иных лиц, их заменяющих, возможно на основании решения суда, и только в том случае, если родители (лица, их заменяющие) не выполняли свои обязанности [1].

Как отмечается в Программе социально-экономического развития Республики Беларусь на 2026–2030 годы, ключевая концепция нового пятилетия – сформировать самодостаточное и конкурентоспособное государство, в центре внимания которого – человек. Цель Программы – переход к новому качеству жизни каждого белоруса. Беларусь должна стать страной с развитой цифровой индустрией и технологической структурой, собственными прорывными технологиями. Одним из приоритетов на 2026–2030 годы определена национальная демографическая безопасность – сохранение

населения, укрепление здоровья нации и поддержка семьи. Политика Республики Беларусь в ближайшую пятилетку будет направлена на развитие мер социально-экономической поддержки семьи, формирование позитивного образа семьи и семейных отношений, ответственного родительства, а также на разработку информационной стратегии формирования у населения системы семейных ценностей [2]. На наш взгляд, достижение поставленных задач будет способствовать, в том числе, и снижению числа детей-сирот, детей, оставленных без попечения родителей, что в полной мере реализует право детей на семью и семейное воспитание.

Важно отметить в контексте исследования, что Республика Беларусь – IT страна. В республике создана эффективная инфраструктура электронного правительства, организовано взаимодействие субъектов информационных отношений с 70 информационными ресурсами (системами). В рейтинге ООН по уровню развития электронного правительства Беларусь вошла в группу стран с высоким уровнем развития (77-е место среди 193 стран) [2]. В рейтинге Международного союза электросвязи ICT Development Index, дающем оценку развития ИКТ, Беларусь занимает 52-е место (по состоянию на 2024 год). Отметим, что на долю ИКТ приходится 4,7% ВВП Беларуси (январь-октябрь 2024 г.). Беларусь входит в число мировых лидеров по экспорту IT-услуг на душу населения [3].

Отметим, что в сфере образования ведётся работа по формированию единого информационного пространства, предусматривающего широкое использование электронных средств обучения. Так, 13 февраля 2026 года было принято Постановление Совета Министров Республики Беларусь № 77 «О государственных автоматизированных информационных системах в сфере образования». Данное Постановление утверждает Положение о государственной автоматизированной информационной системе «Информационное ядро Республиканской информационно-образовательной среды» (далее – ГАИС ИЯ РИОС). Отмечается, что ГАИС ИЯ РИОС состоит из банков данных, в том числе из «Республиканского банка данных детей-сирот, детей, оставшихся без попечения родителей». ГАИС ИЯ РИОС предназначена для:

- осуществления обработки персональных данных, а также поиска, получения, передачи, сбора, обработки, накопления, хранения, распространения и (или) предоставления иной информации о субъектах образовательных отношений;
- формирования отчетности;
- информационного взаимодействия с иными информационными системами (ресурсами) в соответствии с законодательством об информации, информатизации и защите информации;
- осуществления иных функций в соответствии с актами законодательства [4].

Также для обеспечения защиты прав несовершеннолетних в Республике Беларусь применяются информационные банки данных, обеспечивающие

полный и объективный сбор информации о ребёнке для защиты его прав и законных интересов.

Например, Постановлением Министерства образования Республики Беларусь от 28 октября 2025 г. № 184 «О республиканских банках данных и порядке ведения Реестра иностранных организаций по международному усыновлению (удочерению)» утверждены такие положения и инструкция, как:

- Положение о порядке формирования республиканского банка данных детей-сирот, детей, оставшихся без попечения родителей, и пользования им;
- Положение о порядке формирования республиканского банка данных об усыновлении (удочерении) детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, и пользования им;
- Инструкция о порядке ведения Реестра иностранных организаций по международному усыновлению (удочерению) и перечне сведений, подлежащих включению в него.

Одними из целей создания Республиканского банка данных детей-сирот, детей, оставшихся без попечения родителей, и пользования им, являются:

- обеспечения централизованного учета, накопления и систематизации документированной информации о детях-сиротах, детях, оставшихся без попечения родителей, а также лицах из числа детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, которым предоставлено (ранее было предоставлено) государственное обеспечение;
- получения информации, необходимой для обеспечения гарантий по социальной защите детей-сирот, детей, оставшихся без попечения родителей, а также лиц из числа детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, в том числе планирования финансовых средств из республиканского и (или) местных бюджетов на строительство жилых помещений социального пользования, установления брони для приема на работу;
- государственной поддержки детей-сирот, детей, оставшихся без попечения родителей, а также лиц из числа детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей [5].

В заключении отметим, что на современном этапе развития общества государственные органы и организации всё чаще используют в своей деятельности и для взаимодействия с гражданами информационные технологии и Интернет-ресурсы. Также важно обратить внимание на то, что информационные ресурсы применяются в Республике Беларусь в том числе и для защиты прав и законных интересов несовершеннолетних детей:

- ведение и использование систематизированных банков данных детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, в целях сбора полной и объективной информации о данной категории несовершеннолетних;
- создание и функционирование Веб-сайтов в сети Интернет государственных органов, обеспечивающих защиту прав и законных интересов несовершеннолетних. Так, на портале Dadomu.by размещается информация

о детях-сиротах и детях, оставшихся без попечения родителей, для поиска замещающих семей со всей страны.

Исходя из вышеизложенного, можно сделать вывод о том, что информационные ресурсы используются многими государственными органами и гражданами, благодаря чему многие дети приобретают замещающую семью из разных регионов не только Республики Беларусь, но и всего мира.

Список использованных источников:

1 Конституция Республики Беларусь: с изм. и доп., принятыми на респ. референдумах 24 нояб. 1996 г., 17 окт. 2004 г. и 27 февр. 2022 г. – Мн.: Нац. центр законодательства и правовой информ. Респ. Беларусь, 2025. – 77 с.

2 Об утверждении Программы социально-экономического развития Республики Беларусь на 2026-2030 годы: Решение Всебелорусского народного собрания от 19 декабря 2025 г. № 1 // ЭТАЛОН: информ.-поисковая система (дата обращения: 14.04.2026).

3 ИТ в Беларуси // BELARUS.BY – официальный сайт Республики Беларусь. – URL: <https://www.belarus.by/ru/business/doing-business/it-belarus> (дата обращения: 14.04.2026).

4 О государственных автоматизированных информационных системах в сфере образования: постановление Совета Министров Респ. Беларусь от 13 февраля 2026 г. № 77 // ЭТАЛОН: информ.-поисковая система (дата обращения: 14.04.2026).

5 О республиканских банках данных и порядке ведения Реестра иностранных организаций по международному усыновлению (удочерению): Постановление Министерства образования Республики Беларусь от 28 октября 2025 г. № 184// ЭТАЛОН: информ.-поисковая система (дата обращения: 14.04.2026).

ЖЕНСКАЯ КИБЕРПРЕСТУПНОСТЬ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ: ПРОБЛЕМЫ КВАЛИФИКАЦИИ И ИСПОЛНЕНИЯ НАКАЗАНИЯ

Реут О.В.,

*старший преподаватель кафедры уголовного права и уголовного процесса
учреждения образования «Витебский государственный
университет имени П.М. Машерова»*

Терешкова В.Д.,

*студентка юридического факультета учреждения образования
«Витебский государственный университет имени П.М. Машерова»*

Традиционная криминология рассматривала женщину преимущественно сквозь призму виктимологии – как объект преступного посягательства, нуждающийся в особой защите государства. Однако цифровая трансформация общественных отношений и распространение дистанционных мошеннических схем вносят существенные коррективы в данный подход. Статистические данные правоохранительных органов Республики Беларусь за 2024–2025 годы свидетельствуют о формировании нового криминологического феномена: женщины все чаще выступают не случайными участницами, а активными организаторами и техническими исполнителями сложных

киберпреступлений и транснациональных онлайн-мошеннических схем. При этом уголовно-исполнительная система демонстрирует неготовность к адекватному реагированию на данный вызов, особенно в контексте гуманистических новаций законодательства, ограничивающих применение лишения свободы в отношении женщин. Настоящая статья посвящена криминологическому анализу участия женщин в киберпреступности на примере резонансного дела «пинского колл-центра», а также выявлению проблем квалификации и исполнения наказания в отношении данной категории осужденных.

Наиболее показательным примером, опровергающим тезис о второстепенной роли женщины в иерархии киберпреступного мира, является уголовное дело, расследованное Следственным комитетом Республики Беларусь в отношении четырех жительниц г. Пинска. В январе 2020 года указанные лица зарегистрировали фиктивное юридическое лицо (интернет-магазин «Товары для дома»), арендовали помещение в центре города, оборудовали его как колл-центр и трудоустроили более ста сотрудниц. На протяжении трех лет под видом розыгрыша компьютерной техники злоумышленницы убеждали граждан оплатить наложенный платеж, отправляя взамен предметы, не имеющие материальной ценности. Установлено более 49 тысяч потерпевших, совокупная сумма похищенного превысила 2 миллиона рублей. Одна из организаторов заключена под стражу [1]. Данное деяние, учитывая размер ущерба и организованный характер группы, подпадает под признаки части 4 статьи 209 Уголовного кодекса Республики Беларусь, санкция которой предусматривает наказание в виде лишения свободы на срок от трех до двенадцати лет со штрафом [2]. Пинский пример разрушает стереотип о бытовой или второстепенной природе женской преступности, демонстрируя способность женщин к созданию и управлению сложными преступными структурами.

Наряду с прямым организаторством распространенной формой участия женщин в киберпреступности является предоставление собственного жилья и телекоммуникационного оборудования для функционирования мошеннических сетей. В 2025 году сотрудниками отдела по противодействию киберпреступности Заводского РУВД г. Минска выявлены четыре местные жительницы, которые, откликнувшись на вакансию в мессенджере, установили в своих квартирах сим-боксы и сим-банки. Формально им было сообщено о необходимости «усиления сигнала сотовой связи». Фактически через указанные устройства мошенники ежедневно осуществляли свыше тысячи звонков с целью обмана граждан. Женщины стали «коммуникационными хабами» преступной инфраструктуры [3]. Данный пример актуализирует проблему доказывания субъективной стороны соучастия, поскольку квалификация по статье 209 Уголовного кодекса Республики Беларусь требует установления прямого умысла, что на практике сопряжено со значительными трудностями.

Белорусские случаи сопоставимы с общемировыми тенденциями. Согласно исследованию «Women In Russian-Speaking Cybercrime»

(Analyst1 & SANS), женщины в русскоязычном киберпреступном пространстве занимают позиции от технических специалистов до лидеров организованных групп, а геополитические изменения после 2022 года усилили их роль [4]. По данным Главного управления по противодействию киберпреступности Министерства внутренних дел Республики Беларусь, наиболее распространенными способами онлайн-мошенничества являются звонки от имени должностных лиц (28,2%) и фиктивные продажи в социальных сетях (27,6%) [5]. В схемах второго типа женщины традиционно выступают в роли «продавцов»-исполнителей.

Деяния женщин-организаторов и исполнителей киберпреступлений квалифицируются по нормам главы 24 «Преступления против собственности» и главы 31 «Преступления против компьютерной безопасности» Уголовного кодекса Республики Беларусь [2]. Однако именно здесь возникает ключевое противоречие, составляющее основную проблему настоящего исследования. С одной стороны, часть 4 статьи 209 Уголовного кодекса Республики Беларусь относится к категории тяжких преступлений и устанавливает безальтернативную санкцию в виде лишения свободы [2]. С другой стороны, Закон Республики Беларусь от 17 февраля 2025 года № 61-З «Об изменении кодексов по вопросам уголовной ответственности» дополнил статью 57 Уголовного кодекса Республики Беларусь частью 1, согласно которой женщинам, воспитывающим детей в возрасте до четырнадцати лет, а также иным уязвимым категориям лиц, впервые совершившим преступление, не представляющее большой общественной опасности, или менее тяжкое преступление, лишение свободы не назначается [6]. Часть 1 статьи 57 Уголовного кодекса Республики Беларусь устанавливает исчерпывающий перечень исключений (преступления экстремистской направленности, сопряженные с насилием, совершенные в отношении собственных детей и др.), не включающий в себя мошенничество, предусмотренное частью 4 статьи 209 Уголовного кодекса Республики Беларусь [6].

Формальное толкование части 1 статьи 57 Уголовного кодекса Республики Беларусь не позволяет применить ее к лицу, совершившему тяжкое преступление, предусмотренное частью 4 статьи 209 Уголовного кодекса Республики Беларусь. Однако если деяние женщины-организатора киберпреступной схемы по результатам судебного разбирательства будет квалифицировано как менее тяжкое преступление, то в силу прямого указания части 1 статьи 57 Уголовного кодекса Республики Беларусь назначение наказания в виде лишения свободы становится невозможным. Именно в этом случае возникает ключевое противоречие: в соответствии со статьей 48¹ Уголовно-исполнительного кодекса Республики Беларусь, регламентирующей порядок отбывания ограничения свободы без направления в исправительное учреждение открытого типа, осужденный обязан использовать электронный браслет и находиться по месту жительства в установленное время. Однако указанная норма не содержит ограничений на доступ к сети Интернет, мессенджерам и социальным сетям [7]. Статья 81 Уголовного кодекса

Республики Беларусь, регламентирующая профилактическое наблюдение, также не предусматривает цифровых ограничений: в силу части 3 указанной статьи суд может обязать лицо лишь поступить на работу (учебу) либо пройти принудительное лечение, но не ограничивать доступ к информационно-телекоммуникационной сети [2]. Таким образом, гуманистическая норма, направленная на защиту социально уязвимых категорий осужденных, вступает в противоречие с принципом эффективности наказания, поскольку осужденная сохраняет доступ к основному инструменту совершения киберпреступлений — сети Интернет, что создает высокие риски рецидива.

Проведенный анализ позволяет сформулировать следующие выводы: женщина в современной киберпреступности выступает активным, а в ряде случаев доминирующим субъектом, способным к созданию и управлению сложными преступными структурами, а гуманистические нормы Закона Республики Беларусь от 17 февраля 2025 года № 61-З «Об изменении кодексов по вопросам уголовной ответственности» при их применении к женщинам, осужденным за киберпреступления, вступают в противоречие с принципом эффективности наказания, поскольку осужденная, отбывая наказание без изоляции от общества, сохраняет доступ к сети Интернет — орудию совершения преступления, что детерминирует высокую вероятность рецидива.

В целях устранения выявленных противоречий представляется целесообразным: дополнить статью 48¹ Уголовно-исполнительного кодекса Республики Беларусь обязанностью для лиц, осужденных за киберпреступления, в случае назначения наказания, не связанного с изоляцией от общества, использовать только один зарегистрированный в контролирующем органе абонентский номер и одно устройство с установленным программным обеспечением, фиксирующим активность в мессенджерах и социальных сетях; дополнить статью 81 Уголовного кодекса Республики Беларусь аналогичным положением в рамках профилактического наблюдения.

Список использованных источников:

1. Четыре жительницы Пинска организовали колл-центр и обманули более 49 тысяч человек // ОНТ. – 2024. – 25 нояб. – URL: <https://ont.by/ru/accidents-ru/view/chetyre-zhitelnicy-pinska-organizovali-koll-centr-i-obmanuli-bolee-49-tysyach-chelovek-276628-2024> (дата обращения: 14.04.2026).

2. Уголовный кодекс Республики Беларусь: 9 июля 1999 г. № 275-З: принят Палатой представителей 2 июня 1999 г.: одобрен Советом Респ. 24 июня 1999 г.: в ред. Закона Респ. Беларусь от 20 октября 2025 г. № 101-З // ЭТАЛОН: информ.-поисковая система (дата обращения: 14.04.2026).

3. Поставили дома специальное оборудование. Четыре минчанки задержаны за помощь телефонным аферистам // БелТА. – 2025. – 24 февр. – URL: <https://belta.by/society/view/postavili-doma-spetsialnoe-oborudovanie-chetyre-minchanki-zaderzhany-zapomosch-telefonnym-afelistam-751672-2025/> (дата обращения: 15.04.2026).

4. Sentsova, A., Lychak, M., O'Connor, S., Thomas, W. Women In Russian-Speaking Cybercrime: Mythical Creatures or Significant Members of Underground? // SANS Institute. – [S.l.], 2024. – URL: <https://www.sans.org/blog/women-russian-cybercrime-mythical-creatures-significant-members-underground> (дата обращения: 15.04.2026).

5. МВД: более 2,5 тыс. кибермошенничеств было зарегистрировано с начала 2026 года // pravo.by: Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. – 2026. – 13 апр. – URL: <https://pravo.by/novosti/obshchestvenno-politicheskie-i-v-oblasti-prava/2026/april/93071/> (дата обращения: 15.04.2026).

6. Об изменении кодексов по вопросам уголовной ответственности: Закон Респ. Беларусь от 17 февр. 2025 г. № 61-3 // ЭТАЛОН: информ.-поисковая система (дата обращения: 15.04.2026).

7. Уголовно-исполнительный кодекс Республики Беларусь: 11 янв. 2000 г. № 365-3: принят Палатой представителей 14 дек. 1999 г.: одобр. Советом Респ. 22 дек. 1999 г.: в ред. Закона Респ. Беларусь от 20 окт. 2025 г. № 101-3 // ЭТАЛОН: информ.-поисковая система (дата обращения: 16.04.2026).

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ТЕХНОЛОГИЙ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В АДВОКАТСКОЙ ПРАКТИКЕ

Сафонов А.И.,

*старший преподаватель кафедры уголовного права и уголовного процесса
учреждения образования «Витебский государственный
университет имени П.М. Машерова»*

Ястреб Д.С.,

*старший преподаватель кафедры уголовного права и уголовного процесса
учреждения образования «Витебский государственный
университет имени П.М. Машерова»*

Ястреб А.Д.,

*студентка юридического факультета учреждения образования
«Витебский государственный университет имени П.М. Машерова»*

Стремительное развитие технологий искусственного интеллекта (далее - ИИ) с одной стороны создает большие возможности для повышения эффективности и результативности юридической деятельности, с другой стороны, требует адаптации всех юридических профессий, даже самых консервативных, к новым цифровым реалиям. Профессия адвоката не является исключением.

В соответствии со ст. 26 Закона Республики Беларусь «Об адвокатуре и адвокатской деятельности в Республике Беларусь» (далее – Закон), адвокаты дают консультации и разъяснения по юридическим вопросам, составляют заявления, жалобы и другие документы правового характера, представляют интересы клиентов в судах, участвуют в досудебном производстве и суде по уголовным делам в качестве защитника, а также представителя потерпевших, гражданских истцов, гражданских ответчиков, участвуют в административном процессе в качестве защитника, представителя потерпевшего, иных физических или юридических лиц, являющихся участниками административного процесса, проводят правовую оценку документов и деятельности, ведут правовую работу по обеспечению

хозяйственно, по вопросам привлечения инвестиций в Республику Беларусь, оказывают иные виды юридической помощи [1].

Адвокат на практике сталкивается с выполнением множества рутинных задач, оказывая юридическую помощь в соответствии с Законом. Технологии ИИ позволяют адвокату автоматизировать подготовку, анализ документов правового характера, выявить ключевые факты и аргументы в них, анализировать судебную практику и прогнозировать исход дела, генерировать идеи для выработки стратегии защиты (представления интересов) своего клиента.

Так, например, ИИ-помощник для юристов и юридических фирм (<https://lawgpt.ru/>) позволяет осуществлять поиск сильных и слабых аргументаций сторон по делу, анализировать законодательство и судебную практику, ситуации и выработать позицию в суде, генерировать документы, анализировать большое количество документов и многое другое [2].

Использование ИИ в адвокатской практике связано с рядом вызовов и угроз.

Формулирование промпта (запроса) может быть связано с разглашением адвокатской тайны, персональных данных клиентов. В нейросеть не должны попадать документы, содержащие эти данные. Однако, нормативного регулирования указанной проблемы в данный момент не существует.

Полагаем, соответствующие изменения должны появиться в законах Республики Беларусь «Об адвокатуре и адвокатской деятельности в Республике Беларусь», «О защите персональных данных», Правилах профессиональной этики адвоката [3].

ИИ может галлюцинировать, делать ссылки на несуществующие нормативные правовые акты и статьи, утратившее силу законодательство. Понимание этой проблемы, проверка результатов генерации, позволит адвокату избежать негативных последствий, связанных с несоответствием законодательству ИИ-результатов.

Выполнение большинства профессиональных задач требует от адвоката высокого эмоционального интеллекта, которым не обладает ИИ. Высокий эмоциональный интеллект позволяет адвокату считывать и анализировать эмоции, настроение, чувства других людей, выбирать оптимальные приемы взаимодействия, прогнозировать поведение сторон, понимать природу конфликта и предупреждать его, выбирать эффективную стратегию защиты прав и интересов клиента.

Обсуждаемой проблемой использования ИИ в различных областях, является замена специалистов роботами и нейросетями.

В соответствии со ст. 7 Закона Республики Беларусь «Об адвокатуре и адвокатской деятельности», адвокатом в Республике Беларусь может быть физическое лицо, являющееся гражданином Республики Беларусь, имеющее высшее юридическое образование, прошедшее в установленных Законом случаях стажировку и сдавшее квалификационный экзамен, получившее лицензию на осуществление адвокатской деятельности и являющееся членом территориальной коллегии адвокатов.

Законодательством Республики Беларусь к адвокатам предъявляются достаточно жесткие требования и замена адвоката искусственным интеллектом (роботом, человекоподобным роботом) невозможна.

Кроме того, вызывают сомнения правомерность и этичность использования терминов ИИ-адвокат, робот-адвокат и аналогичных других.

В 2023 году впервые в истории планировалось выступление робота-адвоката DoNotPay в США. Однако, сопротивление юридического сообщества не позволило этим планам осуществиться. Роботу-адвокату DoNotPay не суждено было выиграть дело в суде, так как он даже не был туда допущен. Не менее значимым результатом этой истории является осознание законодательных и этических проблем использования ИИ в правосудии и адвокатской практике.

Таким образом, ИИ является мощным инструментом повышения эффективности адвокатской деятельности при условии соблюдения этических норм. Очевидно, что в ближайшее время ИИ будет интегрирован в повседневную адвокатскую практику, помогая автоматизировать рутинные задачи и поддерживать принятие решений. Полагаем необходимым включение положений об использовании ИИ в адвокатской деятельности в Правила профессиональной этики адвоката.

Список использованных источников:

1. Об адвокатуре и адвокатской деятельности в Республике Беларусь: Закон Респ. Беларусь от 30 дек. 2011 г. № 334-З//Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. – URL: <https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=W22238791> (дата обращения: 01.04.2026).

2. ИИ помощник для юристов и юридических фирм. – URL: <https://lawgpt.ru/> (дата обращения: 05.04.2026).

3. Правила профессиональной этики адвоката: Постановление Министерства юстиции Республики Беларусь от 30 сент. 2021 № 180// Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. – URL: <https://pravo.by/document/?guid=12551&p0=W22137239> (дата обращения: 01.04.2026).

ФАКТОРЫ РОСТА ЖЕНСКОЙ ПРЕСТУПНОСТИ В РОССИИ НА ФОНЕ ЦИФРОВИЗАЦИИ ОБЩЕСТВА

Селезнёв А.В.,

доцент кафедры «Уголовное право и прикладная информатика в юриспруденции» Тамбовского государственного технического университета, кандидат технических наук, доцент

Стрельникова А.А.,

студент кафедры «Уголовное право и прикладная информатика в юриспруденции» Тамбовского государственного технического университета

По данным ГИАЦ МВД России, доля женщин среди лиц, совершивших преступления с использованием информационно-телекоммуникационных технологий, выросла с 18,7% в 2022 году до 27,3% в 2025 году. Речь идет

не просто о количественном росте. Меняется сама природа женской преступности – она становится технологичнее, организованнее, менее привязанной к физическому присутствию.

Классические исследования женской преступности в России традиционно фиксировали преобладание корыстных преступлений, совершаемых в условиях бытовой среды или на рабочем месте. Кражи в магазинах, присвоение денежных средств на работе, мошенничество в сфере социальных выплат – типичный портрет женской преступности 2010-х годов, как его описывает Малетина в одной из своих работ [1, с. 138]. Цифровизация экономики и повседневности радикально изменила эту картину.

Сейчас женщины всё активнее участвуют в дистанционных формах мошенничества: телефонное мошенничество под видом сотрудников банков и госструктур, создание фиктивных интернет-магазинов, участие в схемах «дропперства» (обналичивание похищенных средств через личные счета), работа операторами в колл-центрах мошеннических групп. По оценкам Воробьевой, изучавшей психологические аспекты киберпреступности, для женщин дистанционный характер правонарушения психологически легче – отсутствие прямого контакта с жертвой снижает моральный барьер [2, с. 64].

Первый и наиболее очевидный фактор – экономическая нестабильность 2022–2025 годов. Санкционное давление, инфляция, сокращение рабочих мест в ряде отраслей создали ситуацию, когда значительная часть женщин оказалась в положении экономической уязвимости. По данным Росстата, реальные располагаемые доходы населения в 2022 году сократились на 1,2%, в 2023 – стабилизировались, но не восстановились до уровня 2021 года.

Женщины в России традиционно занимают менее защищенные позиции на рынке труда. Они чаще работают в сферах услуг, образования, торговли – отраслях, которые первыми испытали удар в период экономической турбулентности. Одновременно на женщинах по-прежнему лежит основная нагрузка по обеспечению семьи и воспитанию детей.

В таких условиях предложения «легкого заработка» в интернете становятся привлекательными. Как отмечает Сысоева в исследовании экономических факторов женской преступности, многие женщины втягиваются в противоправную деятельность через видимость законной подработки – размещение объявлений, работа «менеджером по продажам» в онлайн-компаниях, оформление заказов [3, с. 188]. Лишь позднее выясняется, что за этой деятельностью стоит мошенническая схема.

Цифровизация финансовых сервисов – второй важнейший фактор. К 2025 году более 80% операций с банковскими картами в России проводится онлайн. Массовый переход на дистанционное банковское обслуживание в период пандемии 2020–2021 годов создал благоприятную среду для развития финансового мошенничества. Женщины, как правило более активные пользователи социальных сетей и мессенджеров, чаще становятся как жертвами, так и – парадоксально – участницами мошеннических схем.

Схема работает примерно так. Женщина, испытывающая финансовые трудности, откликается на объявление о подработке. Ей предлагают «помочь людям получить деньги, которые не могут снять со счета» – якобы из-за блокировок или технических проблем. За каждую операцию обещают 5–10% комиссии. Фактически речь идет о выводе похищенных мошенниками средств: деньги переводятся на карту женщины-посредника, она снимает их наличными и передает курьеру, оставляя себе процент. Юридически это пособничество мошенничеству, но многие участницы не осознают противоправность своих действий – либо не хотят осознавать. Практика, однако, демонстрирует иное. По материалам более десятка уголовных дел за 2023–2025 годы, значительная часть женщин-«дропперов» прекрасно понимала суть схемы, но сознательно шла на риск ради заработка.

Необходимо отметить, что женщины втягиваются в киберпреступность иначе, чем мужчины. Если для мужчин характерен более самостоятельный поиск способов заработка в теневом секторе цифровой экономики, то женщины чаще рекрутируются через социальные связи.

Типичный сценарий выглядит так: знакомая, подруга, коллега предлагает «простую подработку в интернете». Доверие к источнику информации снижает критичность восприятия. По данным МВД России, до 40% женщин, привлеченных к ответственности за участие в мошеннических схемах, были вовлечены через личные контакты – подруг, родственников, знакомых по интернет-форумам и группам «мам в декрете» [4].

Гендерная социализация также играет роль. Согласно исследованиям Кунц, женщины в России чаще, чем мужчины, склонны доверять авторитетным фигурам и следовать указаниям «сверху» [5, с. 15]. Это эксплуатируется организаторами преступных групп: женщинам-исполнителям дается четкая инструкция, создается иллюзия легальности («мы работаем с банками», «это официальная компания»), минимизируется ощущение личной ответственности.

Еще один аспект – изменение гендерных ролей и самовосприятия женщин. Современные женщины в России более образованны, технологически грамотны и экономически активны, чем поколение их матерей. Они не склонны пассивно ждать помощи, стремятся самостоятельно решать финансовые проблемы. В условиях ограниченных легальных возможностей это стремление к самостоятельности может реализоваться в противоправных формах.

Молодые женщины 18–30 лет, напротив, активнее вовлекаются в сложные многоступенчатые схемы: работают операторами в колл-центрах (обзванивают потенциальных жертв), администраторами фиктивных интернет-магазинов, курьерами по сбору денег и банковских карт. По оценкам Коцюева, до 30% операторов в мошеннических колл-центрах, выявленных в 2023–2025 годах, составляют женщины [6, с. 152].

Для понимания мотивации важно обратиться к исследованию Филипповой, которая выделяет три профиля цифровых преступниц:

1) «вынужденная» (действует из острой нужды, рационализирует вину); 2) «наивная соучастница» (низкая правовая грамотность, доверие к псевдо-легальным атрибутам); 3) «активная участница» (осознанный выбор ради дохода, часто молодые женщины с потребительскими установками). Первые два типа чаще выступают исполнителями, а вот третий – организаторами или активными звеньями [7].

Противодействие росту женской преступности в цифровой среде требует комплексного подхода, сочетающего социально-экономические меры, правовое просвещение и технологические решения.

Комплексная профилактика женской преступности должна включать систему мероприятий, охватывающую проблему со всех сторон. Это и социально-экономическая поддержка (переобучение, помощь матерям), и таргетированное правовое просвещение в женских сообществах и соцсетях. Среди «общих» стратегий имеют место быть совершенствование банковских алгоритмов (блокировка подозрительных паттернов транзакций) и информирование клиентов, а также модерация контента в мессенджерах. Не менее важно разделение ответственности: реабилитация для «дропперов» по неосторожности и строгое наказание для организаторов.

Подводя итоги, рост женской цифровой преступности обусловлен сочетанием экономической уязвимости женщин, низкого порога входа в киберпреступность и эффективного рекрутинга через соцсети. Противодействие требует не только репрессивных мер, но и системной профилактики: экономического обеспечения, правового просвещения и технологического контроля со стороны банков и платформ.

Список использованных источников:

1. Малетина, М.А. Женская преступность: криминологическая характеристика и особенности детерминации / М.А. Малетина // Вестник Уральского юридического института МВД России. – 2021. – № 4 (32). – С. 137-140.
2. Воробьева, К.В. Некоторые детерминирующие факторы женской рецидивной преступности / К.В. Воробьева // Международный научный вестник. – 2023. – № 4. – С. 63-65.
3. Сысоева, А.С. Женская преступность в сфере экономики: современное состояние, динамика, предупреждение / А.С. Сысоева // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. – 2023. – № 4 (64). – С. 185-190.
4. Министерство внутренних дел Российской Федерации: официальный сайт / МВД РФ. – Москва, 2026. – URL: <https://мвд.рф/reports/> (дата обращения: 09.04.2026).
5. Кунц, Е.В. Женская преступность как отдельный вид общей преступности / Е.В. Кунц // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. – 2024. – № 1. – С. 14-16.
6. Коцоев, К.А. К вопросу о криминологических показателях и прогнозе женской преступности в современном обществе / К.А. Коцоев // Закон. Право. Государство. – 2025. – № 3 (47). – С. 152-153.
7. Филиппова, Е.О. Предупреждение женской преступности / Е.О. Филиппова // Охрана и защита прав граждан и юридических лиц в эпоху цифровизации: материалы Всероссийской научно-практической конференции, посвященной 30-летию юбилею юридического факультета Оренбургского государственного университета – Оренбург: Оренбургский государственный университет, 2025. – С. 644-648.

ТЕРРИТОРИАЛЬНЫЙ МОНИТОРИНГ ПРЕСТУПНОСТИ И ЦИФРОВЫЕ ТЕХНОЛОГИИ

Стаценко В.Г.,

*доцент кафедры уголовного права и уголовного процесса
учреждения образования «Витебский государственный университет
имени П.М. Машерова», кандидат исторических наук, доцент*

Преступность – и как свойство общества воспроизводить множество общественно-опасных деяний, и в статистическом ее выражении, как в целом, так и в различных видах и формах преступного поведения, – распределяется в пространстве (территориально) неравномерно. Это проявляется и на глобальном уровне, и на региональном, и внутригосударственном.

Уже в 19 веке исследователи пытались выяснить территориальное распределение преступности и определить, коррелирует это распределение с конкретными социальными условиями. Работы А. Кетле, А.М. Герри, А.У. Роусона и других исследователей 19 века заложили основы методологии исследования социальных и географических детерминант преступности в их взаимосвязи и взаимообусловленности, определившей уже в 20 веке появление и развитие самостоятельного научного направления на стыке криминологии и социально-экономической географии, получившей название «география преступности» или «геокриминология». В рамках данного направления исследуются «пространственно-временное распределение уголовно наказуемых деяний (по уровню, структуре, динамике), связанное со спецификой различных регионов мира, разных стран или административно-территориальных единиц одной страны, с численностью, структурой и расселением населения на изучаемых территориях, со своеобразными формами организации жизни людей, условиями их труда, быта, отдыха, культуры, национальных традиций и иных особенностей» [1, с. 24] .

Очевидно, что территориальные особенности преступности и детерминанты, их определяющие, следует рассматривать как элемент общего криминогенного комплекса, проявляющиеся в качестве территориальных (региональных) особенностей системных характеристик преступности в целом.

При рассмотрении особенностей географии преступности в Республике Беларусь, необходимо учитывать особенности пограничного между Западом и Востоком геополитического положения Беларуси, создающего возможность использования территории страны в качестве транзитного пути при транспортировке наркотиков, оружия, незаконных мигрантов, прозрачность восточной границы республики и т.п. По данным The Organized Crime Index Республика Беларусь, в силу ее географического

положения, оказывается вовлеченной почти во все виды трансграничной преступной деятельности, характерной для стран Центральной и Восточной Европы [2]. Можно предположить, в связи с этим, наличие определенной корреляции особенностей преступности регионов страны и их географического расположения. Организованная преступность, например, может использовать приграничные регионы Беларуси для организации наркотрафика и транзита контрафактной продукции [2].

Проанализируем, исходя из указанной методологической парадигмы, некоторые статистические данные, характеризующие территориальное распределение преступлений в Республике Беларусь.

Из-за разницы в численности населения областей и города Минска, наиболее репрезентативным – для сравнительного анализа региональной преступности – следует считать показатель уровня преступности (число преступлений в расчете на 100 тыс. населения).

Таблица 1 – Динамика уровня зарегистрированных преступлений в Республике Беларусь и в регионах (2015–2025 гг.) [3]

	2015	2020	2021	2022	2023	2024	2025
Республика Беларусь	1.025	1.018	943	960	930	802	706
Брестская область	930	838	814	827	798	672	591
Витебская область	958	955	853	821	821	758	691
Гомельская область	1.045	1.196	1.095	1.082	996	873	695
Гродненская область	924	991	927	932	856	732	683
г. Минск	1.032	1.028	929	1.022	1.027	885	774
Минская область	1.194	1.057	965	987	945	796	727
Могилевская область	1.053	1.033	1.016	986	995	840	740

Приведенные данные свидетельствуют, в частности, о сохранении, в целом, региональной разницы в уровне преступности на протяжении ряда лет. Следует обратить внимание также на резкое отличие показателей уровня преступности последних двух лет, которое требует более тщательного анализа.

Без понимания степени влияния региональных особенностей различных сфер жизни населения (половозрастной, конфессиональный состав населения, инфраструктура, особенности социально-экономические характеристик, уровень занятости, миграционные процессы, уровень жизни, девиантные проявления – пьянство, алкоголизм, наркомания, и прочие социальные характеристики) на криминогенные процессы и состояние преступности, исследование и разработка мер предупреждения криминальных процессов невозможна.

Данные, приведенные, в таблицах 2 и 3, позволяют, пусть и ограниченно, проиллюстрировать указанную связь.

Таблица 2 – Соотношение удельного веса малообеспеченности населения и уровня преступности по стране и регионам по состоянию на 2024 год [3, 4]

	Удельный вес малообеспеченности населения (в процентах от общей численности населения)	Уровень преступности (на 100 тысяч населения) на 2024 год
Республика Беларусь	3,5	804
Брестская область	5	670
Витебская область	4,6	750
Гомельская область	5,1	870
Гродненская область	2,5	730
г. Минск	1,1	885
Минская область	2,6	795
Могилевская область	5,2	835

Как видно из таблицы, прослеживается прямая зависимость уровня преступности и удельного веса малообеспеченности на региональном уровне, что особенно заметно при сопоставлении данных Витебской, Гомельской и Могилевской областей. Исключением здесь являются показатели г. Минска, что объясняется особенностями мегаполиса и столичного города.

Попытаемся далее, сопоставляя ряд социально-демографических данных и показатель уровня преступности двух областей – Брестской, с одним из наименьших показателей уровня преступности в стране, и Гомельской, в течение ряда лет занимающей верхние места в стране по этому показателю, выявить региональные факторы, которые можно рассматривать в качестве детерминант, оказывающих влияние на указанные криминальные различия.

Таблица 3 – Статистические показатели Брестской и Гомельской областей (на 2024 год) [3, 4]

	Брестская область	Гомельская область
Численность населения	1.308.569	1.338.617
Число жителей на 1 кв.км (плотность населения)	40	33
Удельный вес городского населения	72,5	78
Удельный вес мужчин в общей численности населения	46,4	46,2
Удельный вес населения в трудоспособном возрасте	56,8	58

Денежные доходы населения в расчете на душу населения в месяц	1.184,2	1.168,6
Общий объем потребления алкоголя на душу населения в литрах (2023 год)	11,3	11,0
Уровень преступности	670	870

Анализ приведенных в данной таблице сведений приводит к следующим выводам:

- чем выше плотность населения в регионе, тем ниже преступность; это может быть объяснено большим сосредоточием сил и средств правоохранительных органов в регионах, имеющих большую плотность населения и разницей в размерах этих территорий;
- увеличение удельного веса городского населения в структуре населения региона влечет увеличение уровня преступности;
- существует корреляция между удельным весом трудоспособного населения региона и уровнем преступности, поскольку, в целом, трудоспособный и преобладающий криминогенный возраст совпадают;
- криминогенное значение имеет уровень жизни;
- показатель потребления алкоголя, вопреки общепринятому мнению, связи с уровнем преступности не показывает.

В современных условиях особое значение приобретают цифровые методики анализа региональных особенностей преступности и их фиксации. В качестве примера можно привести методику Crime Mapping – картографирование преступности с применением специального программного обеспечения. Подобные методики позволяют с большей эффективностью выявлять детерминанты преступности на локальном уровне, и, впоследствии, вырабатывать определенную стратегию по их нейтрализации. Как отмечают специалисты, цифровое картографирование преступности создает возможности визуализации преступности и служит ценным инструментом в разработке и реализации стратегий борьбы с преступностью [5, с. 136].

Современная информационно-аналитическая сфера деятельности правоохранительных органов включает применение цифровых криминологических инструментов в рамках программ предупреждения преступности, математических методов ее анализа, составления профилей и т.д. Их совокупность в основном применима для криминологического анализа и прогнозирования, однако она пока не имеет новейшей, соответствующей задачам противодействия преступности цифрового мира теоретической основы, которая только еще формируется на базе современного направления в рамках науки о преступности – т.н. «цифровой криминологии» [6].

Проведенное исследование показывает необходимость дальнейшей разработки геокриминальных методов исследований на основе цифровых технологий в изучении преступности, позволяющих выявить взаимосвязи между региональными условиями, уровнем, характером и закономерностями изменения преступности и использовать их результаты в практической правоприменительной деятельности.

Список использованных источников:

1. Лунеев, В.В. География организованной преступности и коррупции в России (1997-1999 гг.) / В.В. Лунеев // Государство и право. – 2000. – № 11. – С. 23-34.
2. The Organized Crime Index 2025. – URL: <https://ocindex.net/country/belarus> (дата обращения 31.03.2026).
3. Национальный статистический комитет Республики Беларусь. Интерактивная информационно-аналитическая система распространения официальной статистической информации. – URL: <https://dataportal.belstat.gov.by/osids/rubric-info/10620> (дата обращения: 29.03.2026)..
4. Социальное положение и уровень жизни населения Республики Беларусь. Статистический сборник. – Минск, 2025. – С. 64.
5. Батоев, В.Б. О картировании преступности и предиктивной аналитике в оперативно-розыскной деятельности / В.Б. Батоев // Правопорядок: история, теория, практика. – 2023. - № 2 (37) – С. 134-139.
6. Серебренникова, А.В. Криминологические проблемы цифрового мира (цифровая криминология) / А.В. Серебренникова // Всероссийский криминологический журнал. – 2020. – Т. 14, № 3. – С. 423-430. – URL: <https://cj.bgu.ru/reader/article.aspx?id=23897> (дата обращения: 05.04.2026).

**УЧАСТИЕ В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
«НЕЖЕЛАТЕЛЬНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ»
С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ СЕТИ ИНТЕРНЕТ:
ПРОБЛЕМЫ ОБЪЕКТИВНОЙ СТОРОНЫ**

Суховеева И.И.,

*аспирант кафедры уголовного права и криминологии
Ярославского государственного университета имени П.Г. Демидова*

Современный мир невозможно представить без цифровых технологий, однако их использование возможно не только для улучшения качества жизни населения, но и в противоправных целях. Особенно доступным плацдармом для совершения преступлений являются социальные сети. Возможность скрыться под вымышленным именем и находиться на многокилометровом расстоянии от жертвы делают Всемирную Паутину как нельзя привлекательной для преступных махинаций. В то же время оказаться на скамье подсудимых могут не только уже привычные для нас лица, обвиняемые в мошенничестве, но и люди,

которые без должной ответственности подходят к ведению личных страничек или сообществ. Зачастую именно репост определенной публикации или размещение собственного поста может закончиться возбуждением уголовного дела.

Уголовный закон охраняет общественные отношения в сфере безопасности государства путем установления ответственности за участие в деятельности различных сообществ (экстремистской или террористической организации, банде и т.д.). Статья 284.1 УК РФ предусматривает запрет на участие в деятельности международной или иностранной организации, признанной нежелательной на территории Российской Федерации [1].

Для рассмотрения объективной стороны состава преступления стоит обратиться к понятию «участие». К сожалению, ВС РФ не дает разъяснений касательно деятельности нежелательной организации, но толкует участие в похожей структуре - террористическом сообществе и террористической организации. Поскольку наше исследование посвящено участию как элементу объективной стороны преступления, мы обратимся к источникам, которые регулируют не только участие в деятельности нежелательных организаций, но и в других аналогичных структурах. Так, в соответствии с Постановлением Пленума ВС РФ от 09.02.2016 №1, в п. 22.5 говорится, что «под участием в террористическом сообществе надлежит понимать вхождение лица в состав такого сообщества.., а также выполнение лицом функциональных обязанностей по обеспечению деятельности такого сообщества (снабжение информацией, ведение документации и т.п.)». При этом «участие считается оконченным с момента вхождения в состав такого сообщества с намерением участвовать в осуществлении террористической деятельности либо в подготовке или совершении одного либо нескольких преступлений, предусмотренных статьями 205.1, 205.2, 206, 208, 211, 220, 221, 277, 278, 279, 360 и 361 УК РФ, либо иных преступлений в целях пропаганды, оправдания и поддержки терроризма» [2].

С одной стороны, для признания лица участником организации необходимо, чтобы оно являлось его членом. С другой стороны, деятельность в целях пропаганды терроризма также является участием без обязательного признака членства в организации. Хотя аналогия уголовного закона недопустима, мы проведем сравнительный анализ между участием в террористической и нежелательной организациях.

Распространение информации часто является самостоятельным составом преступления (ч. 3 ст. 137, ч. 1 ст. 185.3, ч. 1 ст. 205.2 в соответствии с примечанием 1.1, ст. 207.1, 207.2, 207.3 УК РФ) либо способом его совершения (ч. 1 ст. 110.2 УК РФ). Особенно важно рассмотреть градацию уголовной ответственности за преступления террористического

характера. Фактически отличие между участием в деятельности террористической организации и организации, чья деятельность признана нежелательной на территории РФ заключается только в целях их деятельности и признании одной организации террористической, другой – нежелательной.

Стоит отметить, что УК РФ предусматривает ответственность за участие в террористическом сообществе или организации, и в то же время выделяет самостоятельный состав – пропаганду терроризма.

Касательно применения норм ст. 284.1 УК РФ судебная практика идет по пути признания распространения информации элементом участия в деятельности организации. Например, ФИО2 был осужден по ч. 1 ст. 284.1 УК РФ за размещение на своей странице в социальной сети видеороликов, которые имели отношение к деятельности организации христиан веры евангельской (пятидесятников) «Новое поколение», а также фотографий с их символикой [3].

Поскольку ответственность по ст. 284.1 УК РФ наступает чаще всего по части второй, а в составе преступления указывается на административную преюдицию, мы изучили решения судов по административным делам.

Решением Московского городского суда ООО «Юнипейдж» признано виновным в совершении административного правонарушения, предусмотренного ст. 20.33 КоАП РФ за участие в деятельности нежелательных организаций «Бард колледж» и «Центрально-Европейский университет» путем сопровождения лиц в поступлении на программы высшего и среднего образования в вышеуказанные заведения, в том числе путем подготовки документов, их редакцию и организацию всего процесса поступления [4]. Постановлением судьи Советского районного суда г. Томска ФИО1 признана виновной за аналогичное деяние, поскольку в период времени с 2021 года по 18.11.2023, находясь в помещении, принимала участие в мероприятиях, организованных гражданином Российской Федерации Ч. под видом осуществления деятельности путем проведения совместных практик с иными последователями, пропаганды и распространения тематической печатной продукции, в действительности направленных на реализацию проектов программ иностранных неправительственных организаций, признанных нежелательными на территории России [5].

Постановлением судьи Центрального районного суда г. Хабаровска КГБУК «Хабаровская краевая детская библиотека имени Н.Д. Наволочкина признано виновным в совершении административного правонарушения, предусмотренного ст. 20.33 КоАП РФ за размещение на официальном сайте изображения книги «Особо охраняемые природные территории Хабаровского края», изданной при поддержке Департамента

Росприроднадзора по Дальневосточному федеральному округу и Всемирного фонда дикой природы (WWF), признанного нежелательной организацией [6].

В приведенных примерах отчетливо видна разница между общественной опасностью деятельного участия в нежелательной организации и, по всей видимости, ошибочным размещением книги на сайте детской библиотеки.

Необходимо обратиться к теоретическому аспекту понимания термина «участие». А.А. Кондрашев под ним подразумевает выполнение поручений, финансирование или иное снабжение организации, прохождение обучения, и в то же время указывает, что фактически под этим термином понимают размещение постов о нежелательной организации в сети Интернет [7].

М.В. Сипки под участием понимает умышленные действия, направленные на достижение целей организации, включая беседы, вербовку, непосредственное участие в мероприятиях [8].

Можно сделать вывод, что распространение информации о иностранной или международной организации, чья деятельность признана нежелательной, является составляющей участия в ее деятельности. Однако такой вывод был бы ошибочен, поскольку, если мы обратимся к аналогичной норме, регулирующей ответственность за участие в террористической деятельности, то увидим специальную статью 205.2 УК РФ, запрещающую пропаганду терроризма, под которой понимается распространение материалов, направленных на формирование идеологии терроризма [9].

Таким образом, следует разграничивать участие в деятельности организации и распространении информации о ней. Думается, что последнее является менее общественно опасным деянием и заслуживает более мягкого наказания.

В соответствии с п. 1 ст. 2 Федерального закона от 07.04.2025 N 72-ФЗ, «не допускается распространение рекламы на информационных ресурсах иностранной или международной организации, деятельность которой признана нежелательной на территории Российской Федерации» [10].

Таким образом, существует только диспозиция, но санкции за деяние нет, поскольку распространение рекламы не во всех случаях является участием в деятельности нежелательной организации. Для того, чтобы норма начала работать, необходимо установить конкретное наказание. Введение нового состава позволило бы конкретнее квалифицировать случаи распространения информации не по ч. 1 ст. 284.1 УК РФ, а в соответствии с особенностями объективной стороны.

Учитывая изученную судебную практику, а также принцип дифференциации ответственности, мы пришли к выводу, что между размещением материалов в социальных сетях или на сайтах и, например, участием в собраниях нежелательных организаций существует большой разрыв в общественной опасности действий, поскольку зачастую, размещая тот или иной пост, лицо даже не знает о включении организации в список нежелательных на территории РФ.

В связи с этим ст. 284.1 УК РФ следует дополнить частью 1.1, которую необходимо изложить следующим образом: «Распространение информации о деятельности иностранной или международной организации, чья деятельность признана нежелательной на территории Российской Федерации, в том числе с использованием информационно-телекоммуникационных сетей, включая сеть Интернет, наказывается...».

Список использованных источников:

1. Уголовный Кодекс Российской Федерации: 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ: принят Гос. Думой 24 мая 1996 г.: одобр. Советом Федерации 05 июня 1996 г.: с изм. и доп. вступ. в силу с 20 фев. 2026 г. // КонсультантПлюс. Россия: справ. правовая система (дата обращения: 06.04.2026).

2. О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях террористической направленности: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 09.02.2012 № 1 (ред. от 03.11.2016) // КонсультантПлюс. Россия: справ. правовая система (дата обращения: 06.04.2026).

3. Апелляционное постановление №22-1555/2024 от 14.04.2024 г. – URL: <https://sudact.ru/regular/doc/Hf7zydjlTalc> (дата обращения: 06.04.2026).

4. Решение №7-11910/2025 от 08.09.2025 по делу № 05-0031/2025 – URL: <https://sudact.ru/regular/doc/IJldOmnVSyZ9> (дата обращения: 06.04.2026).

5. Решение № 77-69/2025 от 17.07.2025 г. по делу № 77-69/2025. – URL: <https://sudact.ru/regular/doc/sJqNowobzFom> (дата обращения: 06.04.2026).

6. Решение № 12-219/2025 от 18.09.2025 г. по делу № 12-219/2025 – URL: <https://sudact.ru/regular/doc/8a2LCrCNmtWP> (дата обращения: 06.04.2026).

7. Кондрашев, А.А. Институт «нежелательных организаций» в России: неустраняемые дефекты законодательного нормирования / А.А. Кондрашев // Журнал Сибирского федерального университета. Гуманитарные науки. – 2024. – С. 1198.

8. Сипки, М.В. Организация деятельности террористической организации и участие в деятельности такой организации (ст. 205.5 УК РФ) / М.В. Сипки // Актуальные проблемы российского права. – 2017. – № 3. – С. 177.

9. Обзор судебной практики ВС РФ №1 (2020), утв. Президиумом ВС РФ 10.06.2020), п.60 // КонсультантПлюс. Россия: справ. правовая система (дата обращения: 06.04.2026).

10. О внесении изменений в статью 12 Федерального закона «О противодействии экстремистской деятельности» и Федеральный закон «О рекламе»: Федер. закон от 07 апр. 2025 г. № 72-ФЗ // КонсультантПлюс. Россия: справ. правовая система (дата обращения: 06.04.2026).

КРИМИНОЛОГИЧЕСКИЕ РИСКИ ПРИМЕНЕНИЯ ТЕХНОЛОГИЙ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА: ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ И ПУТИ МИНИМИЗАЦИИ

Яковчик Д.В.,

*преподаватель кафедры общеюридических и уголовно-правовых дисциплин
факультета повышения квалификации и переподготовки кадров
учреждения образования «Могилевский институт Министерства
внутренних дел Республики Беларусь», магистр юридических наук*

Стремительное развитие технологий искусственного интеллекта (ИИ) и их интеграция во все сферы общественной жизни объективно влекут за собой не только позитивные экономические и социальные трансформации, но и порождают новые, ранее неизвестные криминальные угрозы. На современном этапе искусственный интеллект перестает быть исключительно инструментом научно-технического прогресса; он все активнее эксплуатируется криминальным сообществом, трансформируя традиционные формы преступной деятельности и создавая почву для возникновения качественно новых видов общественно опасных деяний [1; 2]. Данное обстоятельство позволяет рассматривать ИИ не просто как технологический феномен, а как значимый криминогенный фактор, влияющий на состояние, структуру и динамику современной преступности.

Понятие искусственного интеллекта, несмотря на его широкое употребление в научной и нормативной лексике, до настоящего времени не получило единого легального закрепления. Вместе с тем отметим, что под данным понятием можно понимать область информатики, которая занимается разработкой интеллектуальных компьютерных систем, то есть систем, обладающих возможностями, которые традиционно связываются с человеческим разумом, – понимание языка, обучение, способность рассуждать, решать проблемы и т.д. [3, с. 19]. Все технологии искусственного интеллекта можно разделить на две большие группы: модели машинного обучения (использует результаты обучения на наборах данных для создания моделей, способных выполнять сложные задачи) и генеративные модели (уже имеющие базу данных / доступ к Интернету для решения задач) [4, с. 213].

В зарубежной и отечественной криминологической науке предпринимаются попытки систематизации угроз, связанных с криминальным использованием ИИ. Наиболее авторитетной и методологически обоснованной представляется трехэлементная классификация, предложенная К. Хейвордом и М. Маасом, которая выделяет преступления, совершаемые с использованием ИИ (crimes with AI), преступления против систем

ИИ (crimes against AI) и преступления, совершаемые самим ИИ (crimes by AI) [5, p. 214–217]. Данная типология позволяет охватить все ключевые аспекты взаимодействия технологий ИИ с преступностью и служит теоретическим фундаментом для дальнейшего криминологического анализа.

Crimes with AI (преступления с ИИ). В рамках данной категории искусственный интеллект рассматривается как высокотехнологичное орудие совершения общественно опасных деяний, значительно расширяющее арсенал средств преступника. Наибольшую тревогу в этом контексте вызывает стремительное распространение дипфейк-технологий (deepfake) – синтетический мультимедийный контент, созданный с помощью технологий искусственного интеллекта для неосознаваемой аудиторией подмены на итоговом видео / аудио биометрических или аудиальных характеристик реального человека на иные, фейковые [6, с. 32]. ИИ существенно усиливают возможности мошенников по созданию персонализированных атак и автоматизированных схем социальной инженерии. Масштаб угрозы подтверждается также и сотрудниками правоохранительных органов – количество схем и случаев использования дипфейков увеличивается постоянно [7].

Помимо дипфейков, технологии ИИ активно используются для автоматизации фишинговых атак (генерация персонализированных сообщений с помощью языковых моделей), создания вредоносного программного обеспечения без глубоких познаний в программировании, синтезирования фейковой информации, а также для посягательств посредством автоматизированных автономных систем и ботов. Отличительной особенностью преступлений данной категории является их масштабируемость: ИИ позволяет преступнику одновременно атаковать тысячи потенциальных жертв, что качественно отличает современную цифровую преступность от традиционных форм.

Crimes against AI (преступления против ИИ). Вторую группу криминологических рисков образуют посягательства на сами системы искусственного интеллекта, выступающие в качестве объекта преступных действий. Как отмечают Р. Дремлюга и А. Коробеев, система ИИ представляет собой исполняемый программный код или коэффициенты модели, которые при вводе определенных данных приводят к получению результата; как и любая иная компьютерная информация, система ИИ может стать объектом преступных посягательств [8]. Особую опасность в этом контексте представляют так называемые «сопоставительные атаки» (adversarial attacks) – действия, при которых злоумышленник, зная особенности разработки и функционирования системы ИИ, намеренно подает на ее вход данные, приводящие к некорректной работе алгоритма. К данной категории также относится «отравление данных»

(data poisoning) – внесение искаженной информации в обучающие выборки на этапе разработки модели, что приводит к системным сбоям в ее последующем функционировании. Исследователи подчеркивают, что подобные методы вмешательства могут не содержать формальных признаков составов преступлений, предусмотренных действующим российским уголовным законодательством, однако обладают высокой степенью общественной опасности, достаточной для их криминализации.

Crimes by AI (преступления, совершаемые ИИ). Третья, наиболее дискуссионная категория, связана с потенциальной возможностью совершения преступления автономной системой искусственного интеллекта без непосредственного участия человека. Ключевая проблема заключается в том, что технологии ИИ способны к самообучению и самостоятельным действиям без прямого вмешательства и контроля со стороны человека [9]. В этой связи в научной литературе активно обсуждается вопрос о возможности признания искусственного интеллекта и роботов субъектами уголовной ответственности в контексте их когнитивных способностей и автономии [10; 11].

Таким образом, проведенный анализ демонстрирует, что искусственный интеллект представляет собой комплексный криминогенный фактор, воздействие которого на преступность проявляется в трех взаимосвязанных направлениях. Данная классификация создает теоретическую основу для дальнейшего исследования механизма влияния ИИ на преступное поведение и виктимность, а также для разработки адекватных мер уголовно-правового и криминологического реагирования.

Закономерным и практически значимым продолжением является поиск адекватных и эффективных мер противодействия этим угрозам. Масштаб и специфика преступлений, сопряженных с использованием ИИ, диктуют необходимость формирования комплексной системы реагирования. Как показывает анализ текущей ситуации, изолированных, разрозненных действий в этой сфере недостаточно. Эффективная стратегия должна объединять три ключевых направления: совершенствование правовой базы, внедрение передовых технологических решений и развитие международной кооперации.

Совершенствование уголовного законодательства является краеугольным камнем противодействия преступности в цифровую эпоху. Ключевым вектором этого совершенствования должен стать сам факт признания применения технологий искусственного интеллекта обстоятельством, отягчающим наказание. Образцом для совершенствования может стать опыт Российской Федерации, где предлагается считать дипфейки отягчающим обстоятельством [12].

Уголовно-правовое реагирование, при всей его значимости, не способно в полной мере решить проблему противодействия

преступности, связанной с ИИ, без комплексной системы криминологической профилактики. В целях предупреждения преступлений, связанных с использованием искусственного интеллекта, необходимо проанализировать криминологические риски его развития и выработать систему мер криминологического предупреждения. Принципиально важным компонентом профилактической деятельности является повышение цифровой и финансовой грамотности населения. С виктимологической точки зрения, эффективная профилактика преступлений, связанных с ИИ, невозможна без учета специфики механизмов виктимизации в цифровой среде. Представляется, что данное направление нуждается в дальнейшей теоретической разработке и практической реализации в рамках государственной политики противодействия киберпреступности.

Специфика преступлений, совершаемых с использованием ИИ, обуславливает необходимость применения адекватных технологических средств противодействия. Ключевыми направлениями технологического противодействия могут выступать развитие антифрод-систем, внедрение механизмов многоуровневой аутентификации, а также интеграция обучающих материалов в популярные онлайн-платформы.

Помимо этого, трансграничный характер преступлений, совершаемых с использованием технологий искусственного интеллекта, обуславливает необходимость развития международного сотрудничества в данной сфере. Таким образом, искусственный интеллект, будучи продуктом технологического прогресса, одновременно порождает принципиально новые криминологические вызовы, адекватный ответ на которые требует консолидации усилий законодателя, правоприменителя, научного сообщества и институтов гражданского общества. Дальнейшие исследования в данной области должны быть направлены на углубленное изучение механизмов виктимизации в цифровой среде, разработку методик криминологического прогнозирования развития угроз, связанных с ИИ, а также на формирование научно обоснованных рекомендаций по минимизации криминогенного потенциала технологий искусственного интеллекта.

Список использованных источников:

1. Мошенники используют ИИ. Более 3 тыс. киберпреступлений зарегистрировано в Беларуси с начала года // news.by. – URL: <https://news.by/news/obshchestvo/mosheniki-ispolzuyut-ii-bolee-3-tys-kiberprestupleniy-zaregistrirvano-v-belarusi-s-nachala-goda> (дата обращения: 11.04.2026).

2. В 2026 году удельный вес киберпреступлений в структуре преступности составляет почти 40 процентов // SB.BY. Беларусь сегодня. – URL: <https://www.sb.by/articles/v-2026-godu-udelnyy-ves-kiberprestupleniy-v-strukture-prestupnosti-sostavlyayet-pochti-40-protsentov.html> (дата обращения: 11.04.2026).

3. Вислова, А. Д. Современные тенденции развития искусственного интеллекта / А. Д. Вислова // Известия Кабардино-Балкарского научного центра РАН. – 2020. – №. 2 (94). – С. 14-30.

4. Яковчик, Д. В. Методологические аспекты применения генеративного искусственного интеллекта для психологического портретирования / Д. В. Яковчик // Актуальные вопросы социогуманитарного знания в правоохранительной деятельности: материалы Междунар. науч.-практ. конф. (20 нояб. 2025 г.) / Краснодар. ун-т МВД России; редкол.: Г. А. Гюрджян (пред.) [и др.]. – Краснодар, 2025. – С. 210-216.

5. Hayward, K. J., Artificial intelligence and crime: A primer for criminologists / K. J. Hayward, M. M. Maas // Crime, Media, Culture. – 2021. – Т. 17. – №. 2. – С. 209-233.

6. Воронин, И. А. Дипфейки: современное понимание, подходы к определению, характеристики, проблемы и перспективы / И. А. Воронин, Д. П. Гавра // Российская школа связей с общественностью. – 2024. – №. 33. – С. 28-47.

7. Фишинг, дипфейки и «Антикино»: СК о самых распространенных видах мошенничества // БелТА – URL: <https://belta.by/society/view/fishing-dipfejki-i-antikino-sk-o-samyh-rasprostranennyh-vidah-moshennichestva-741623-2025/> (дата обращения: 11.04.2026).

8. Дремлюга, Р. И. Преступные посягательства на системы искусственного интеллекта: уголовно-правовая характеристика / Р. И. Дремлюга, А. И. Коробеев // Всероссийский криминологический журнал. – 2023. – Т. 17. – №. 1. – С. 5-12.

9. Садикова, М. А. Самообучение искусственного интеллекта. базовые принципы работы искусственного интеллект на простом примере / М.А. Садикова, Н.К. Авазова // Al-Farg'oni avlodlari. – 2023. – Т. 1. – №. 4. – С. 246-250.

10. Мосечкин, И. Н. Искусственный интеллект и уголовная ответственность: проблемы становления нового вида субъекта преступления / И. Н. Мосечкин // Вестник Санкт-Петербургского университета. Право. – 2019. – Т. 10. – №. 3. – С. 461-476.

11. Карташов, И. И. Искусственный интеллект как субъект уголовной ответственности: настоящее и перспективы / И. И. Карташов, И. И. Карташов // Право: история и современность. – 2021. – №. 2(15). – С. 68-78.

12. Дипфейк может стать отягчающим обстоятельством // Ceur.ru. – URL: https://ceur.ru/news/zakony_sudy/dipfejk-mozhet-stat-otyagchayushhim-obstoyatelstvom/ (дата обращения: 11.04.2026).

Научное издание

ПРАВО В ЦИФРОВУЮ ЭПОХУ

Материалы Международной научно-практической конференции

Витебск, 21–22 мая 2026 года

Технический редактор

Г.В. Разбоева

Компьютерный дизайн

А.В. Васехо

Подписано в печать 13.05.2026. Формат 60x84 ¹/₁₆. Бумага офсетная.

Усл. печ. л. 14,82. Уч.-изд. л. 16,72. Тираж 71 экз. Заказ 48.

Издатель и полиграфическое исполнение — учреждение образования

«Витебский государственный университет имени П.М. Машерова».

Свидетельство о государственной регистрации в качестве издателя,

изготовителя, распространителя печатных изданий

№ 1/255 от 31.03.2014.

Отпечатано на ризографе учреждения образования

«Витебский государственный университет имени П.М. Машерова».

210038, г. Витебск, Московский проспект, 33.